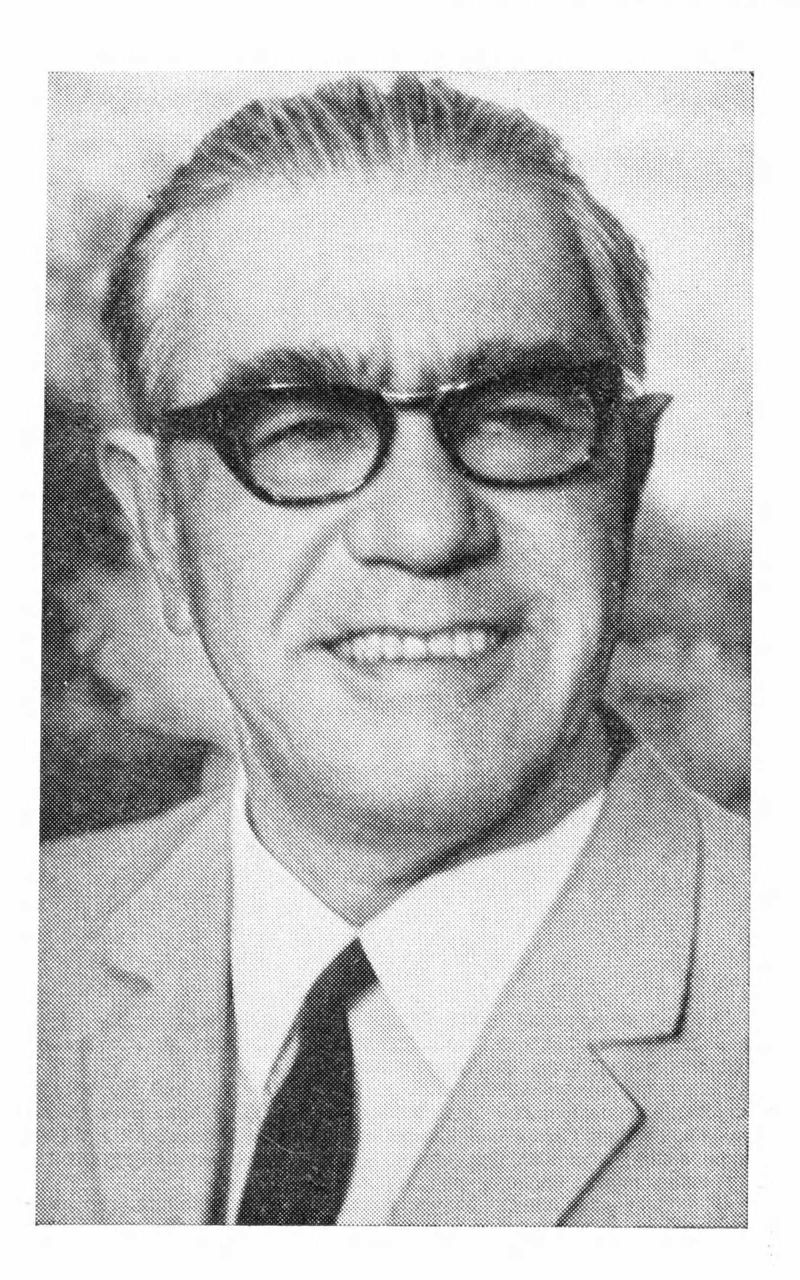

Джалол Икрами
ПОВЕРЖЕННЫЙ

Эта книга — третья часть трилогии; первые две книги — «Дочь огня» и «Двенадцать ворот Бухары» — выходили в «Советском писателе» и приобрели широкую известность.

Действие романа происходит в 1921 году в молодой Бухарской республике, раздираемой жестокой классовой борьбой. Против революции, против Советской власти выступают сбежавший в Афганистан эмир, турецкий полководец Энвер-паша; активизируются и внутренние враги: басмачи, националисты.

В острых коллизиях автор раскрывает характеры героев — Асо, Фирузы и других, знакомых читателю по первым двум книгам.

Джалол Икрами

ПОВЕРЖЕННЫЙ

Роман

Авторизованный перевод с таджикского
В. Смирновой и Л. Бать

Советский писатель
Москва 1975

С (Тадж) 2
И 42

Джалол Икрами

ПОВЕРЖЕННЫЙ

М., «Советский писатель», 1975, 312 стр. План выпуска 1975 г. № 199. Художник *Э. Б. Аронов*. Редактор *Г. Л. Левинсон*. Худож. редактор *Д. С. Мухин*. Техн. редактор *Ф. Г. Шапиро*. Корректор *Б. Ш. Котт*. Сдано в набор 14/I 1975 г. Подписано к печати 27/III 1975 г. Бумага 84×108 1/32 № 1. Печ. л. 9 3/4 (16,38). Уч.-изд. л. 17,44. Тираж 30 000 экз. Заказ № 45. Цена 70 коп. Издательство «Советский писатель», Москва Г-69, ул. Воровского, 11. Тульская типография «Союзполиграфпрома» при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Тула, проспект им. В. И. Ленина, 109.

И $\frac{70303-163}{083(02)-75}$ 199—75

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Революционная Бухара была в трауре.

Шумно и многолюдно было в тот день на кривых, извилистых улицах города. К алым полотнищам флагов, висевших у ворот, над дверями домов, на порталах зданий, были прикреплены черные ленты. Впервые красное знамя Бухарской революции было омрачено траурной чернотой.

А вокруг царила яркая, радостная весна. Солнце щедро разбрасывало по городу золото своих лучей, ласковый ветер приносил с полей свежие запахи расцветающей зелени. Плодовые деревья оделись в разноцветные благоухающие платья. Теперь можно было без страха выходить за город, отправляться в загородные сады: разбойничья шайка Асада Махсума исчезла, с городской окраины была отогнана далеко в горы. Бухарцы могли вздохнуть свободно, радоваться и веселиться.

Но из Кагана пришла печальная весть: там в больнице скончался от раны, от пули Асада Махсума, Саид Пахлавон. И стар и млад в Бухаре знали это имя. Рассказы о мужестве его, о геройских его делах, когда он тайно был

послан в отряд Асада Махсума, были у всех на устах. Уже знали о том, как был спасен им Казим-заде, как ударом кулака он сразил Наима Переца, ближайшего слугу Асада. Рассказывали, как Саид Пахлавон спасал от расстрела многих невинно арестованных людей, как он давал палачам холостые патроны, а тех, кого вели на расстрел, учил при звуках выстрела падать на землю. Затем он сам ходил среди «расстрелянных», тоже стрелял вхолостую и уходил, уводя с собой солдат. А после их ухода «мертвецы» вскакивали и убегали прочь. Асад знал, что Саид Пахлавон был силач — мог ударом кулака убить человека, и побаивался его... И теперь, после всех подвигов Саида Пахлавона, весть об его смерти не могла не опечалить народ. Газета «Бухара ахбори» («Бухарские известия») посвятила ему целую страницу, в центре ее был напечатан его портрет (увеличили его фото с общего снимка асадовского отряда). Ласково, с любовью глядели на всех с газетной страницы его умные проницательные глаза, губы слегка улыбались. Он словно извинялся, что ушел из жизни так рано, в этот весенний день, когда столько было вокруг работы, которую он переложил на тех, кто остался жив. Усы и борода его были с проседью, но, видно, он еще был крепок и полон сил. Под портретом в черной рамке была подпись: «Саид Пахлавон, отдавший свою жизнь за свободу и независимость народа Бухары».

Газета сообщала, что похороны Саида Пахлавона состоятся в одиннадцать часов, что на вокзале Старой Бухары состоится траурный митинг. Узнав об этом, с раннего утра к вокзалу потянулись толпы людей — старых и молодых, таджиков, узбеков, русских. Шли группами, несли в руках флаги, но барабаны не били, и люди молчали.

За вокзалом Бухары была вымощенная камнем площадь — сюда и направляли людей милиционеры. А на перроне собрались члены правительства и главы разных организаций. Присутствие Файзуллы Ходжаева, Мухиддинова, Окчурина и других придавало особую торжественность митингу. Алые знамена были приспущены, и траурные ленты свисали с них. В стороне на скамейке сидели плача жена и дочери Саида Пахлавона.

Ровно в одиннадцать часов послышался издали протяжный гудок паровоза, и медленно, плавно подошел к перрону паровоз с одним только вагоном. На паровозе на

красно-черном полотнище был укреплен в черной рамке портрет Саида Пахлавона, украшенный цветами. Траурный поезд подошел к зданию вокзала. Открылась дверь вагона, и Хайдаркул, Казим-заде, Асо и Насимджан вынесли на руках гроб, обернутый красной и черной тканью. За гробом из вагона вышли Мирак, зять и друзья Саида Пахлавона. Члены правительства подошли к вагону и окружили гроб. Файзулла Ходжаев и Окчурин вместе с другими взяли гроб на свои плечи и понесли. Военный оркестр играл траурный марш, громко плакали женщины. «Родненький мой! Отец мой!» — причитал Мирак. Невольно навернулись слезы и на глаза Файзуллы Ходжаева, не могли удержать их Асо и Насимджан. Хайдаркул не плакал, шел, крепко сжав губы, хмурый, суровый. Гроб пронесли через помещение вокзала и вынесли на площадь. Там приготовлен был широкий стол, покрытый красной материей. Гроб поставили на него. Музыка смолкла. На минуту наступила тишина, и на площади, где собралось почти две тысячи людей, слышались только всхлипывания и причитания Мирака. Скорбное молчание нависло над площадью.

Но вот Файзулла Ходжаев открыл траурный митинг, посвященный «нашему верному товарищу, погибшему за правое дело, Саиду Пахлавону».

Сняв шапку с головы, вышел вперед Хайдаркул и, словно обращаясь к покойному, стал говорить. Голос его звучал хрипло, как у старика, бесконечно устало:

— Брат мой, мой богатырь, герой наш, дорогой Саид! — сказал он.— Разве мог я подумать, что я, старый, убитый горем человек, старший твой брат, останусь жив, а ты раньше меня закроешь глаза?

При этих словах Мирак, его мать и другие женщины зарыдали.

— Кто мог подумать, что такой богатырь упадет на землю, сраженный безжалостной пулей врага,— и это в такое горячее время, когда все кругом кипит! Никто не думал. Ты один это знал! Ты спасал других, товарищей своих, загородив их своей грудью! Ты сам бросался наперерез врагам, чтобы другие получили свободу, ты пал жертвой за других! Твоя смерть должна быть для нас уроком. Смерть Саида Пахлавона требует, чтобы мы шире открывали глаза, чтобы мы научились распознавать врагов, отличать врага от друга. Довольно, хватит! Нерешитель-

ность, слабоволие, ложное добродушие принесет только гибель нашему революционному делу! Нужно быть беспощадными к врагам революции. Мы должны ответить кровью за кровь, смертью за смерть!

Хайдаркул очень разволновался. У гроба лучшего своего товарища он высказал всю боль и обиду своего сердца и призвал народ к бдительности, непримиримости к врагам революции.

После него со слезами говорил Казим-заде, рассказал, как он был спасен Саидом, низко поклонился гробу своего спасителя и поклялся отомстить за него.

Файзулла Ходжаев объявил митинг закрытым и сказал, что похороны состоятся на холме Шахидон, за воротами Углон.

Гроб подняли, снесли вниз и по военному обычаю установили на орудийный лафет, который везла четверка лошадей, украшенных черными и красными лентами. За гробом шли Мирак и все родные, потом члены правительства, Хайдаркул, Асо, Насимджан, Казим-заде. За ними — военный оркестр. Оркестр играл траурный марш. Следом тянулись люди. Все шли без шапок, печально опустив головы.

Среди тех, кто шел за гробом Саида, были и Низомиддин и председатель Чека Аминов. Шли молча, исподлобья поглядывая на народ. Оба они считали себя виноватыми, ответственными за происшедшее — с той только разницей, что председатель Чека скорбел о тяжелой утрате, которую понесла революция, а Низомиддин видел в этом поражение своих единомышленников и грозящую им неудачу.

Толпы народа стояли на улицах города, люди смотрели на похоронную процессию, даже взобравшись на балаханы и на крыши домов. У хауза Девонбеги Низомиддин увидел в толпе Окилова, одного из своих приспешников, делавшего ему какие-то знаки. «Вот негодяй!» — в сердцах пробормотал Низомиддин и, отвернувшись от него, обратился к председателю Чека:

— Ваши люди, конечно, будут охранять руководителей на кладбище... Я еще с вечера распорядился, чтобы здесь дежурили милиционеры. Вокруг кладбища будет двойная охрана...

— Правильно сделали! — сухо отвечал председатель Чека.

Такой ответ показался Низомиддину неприличным, недостойным его особы. Ведь как-никак он — назир внутренних дел, Низомиддин-эфенди! Почему же этот человек говорит с ним так неучтиво? Может быть, уже открыты его сношения с Асадом Махсумом? В этом не было бы ничего удивительного. Кто знает, может, какой-нибудь трус, испугавшись разгрома отряда Асада Махсума, выдал его? Поведение председателя Чека подозрительно. И, как назло, этот болван Окилов делал ему какие-то знаки. Дай бог, чтобы председатель Чека или кто другой не заметили этого...

Низомиддин совсем расстроился. Каждое слово, каждый взгляд — все вызывало в нем настороженность, подозрение. Он сомневался в каждом человеке, всех боялся. Горькая выпала ему доля. Он завидовал Асаду Махсуму: тот смог открыто выразить свой протест и уйти; никому не льстит, никого не боится, не лжет, не притворяется: дерется, убивает, сражается, отступает и вновь наступает... А он...

— Товарищ Низомиддинов! — голос зовущего отрезвил его. К нему подходил Окчурин. Низомиддин обернулся к нему с подобострастной улыбкой, сказал:

— Слушаю вас.

— Вы должны выступить с речью у могилы,— сказал Окчурин.— Скажите о бдительности, о необходимости дать отпор врагам революции.

— Хорошо, хорошо,— с готовностью отвечал Низомиддин.— Я постараюсь.

Окчурин отошел от него. Низомиддин немного успокоился, оглянулся по сторонам и вновь зашагал важно и степенно. Он понял, что тайна его еще не раскрыта, что ему верят, раз дают такое важное поручение — слово на похоронах Саида Пахлавона. Но что он должен сказать? Сначала, конечно, о самом Саиде: сожаления, восхваления, о его геройстве, об убийстве... Потом, может быть, об Асаде? Нет, нет! О нем не надо упоминать... Лучше сразу перейти к вопросу о бдительности, о делах Назирата внутренних дел, о самозащите и самопожертвовании... Прощай, дорогой друг! Спи спокойно, а мы продолжим твое дело, отомстим за тебя... и так далее... и тому подобное.

На кладбище собралось множество народу. Для выступающих там было сооружено возвышение. Все столпились вокруг свежевырытой могилы. Митинг открыл Мирзо Аб-

дулкадыр Мухиддинов и предоставил первое слово Низомиддину. Низомиддин поднялся на возвышение.

— Товарищи, уважаемые братья! — сказал он и на минуту замолк. Взгляд его упал на Гуломджана Махсума, который стоял неподалеку и смотрел на него выжидающе. Увидев его, Низомиддин сразу позабыл все, что приготовился сказать. Чтобы прервать неприятную паузу, он стал говорить первое, что пришло на язык: — Бог возвестил нам, что всякий, кто погибнет в борьбе за правду, станет шахидом. А станет шахидом, место ему будет в раю. В раю место Саиду Пахлавону. Спи спокойно, дорогой друг, любимый наш товарищ! Мы продолжим то дело, которое не доделал ты...

Тут он услышал, как Окчурин сзади тихо ему подсказывал:

— О бдительности, о бдительности...

Низомиддин наконец взял себя в руки и сказал:

— Товарищи! Саид Пахлавон пал жертвой революционной борьбы. Революция требует бдительности, классовой бдительности. Хотя эмир Алимхан изгнан из священной Бухары, но у нас еще немало его сторонников. Они могут поднять свои головы и выступить против народа, против революционного правительства. Если мы не будем бдительными, они могут вырвать власть из наших рук, восстановить прежние порядки. Поэтому нужно быть всегда бдительными...

Он долго говорил еще что-то, о чем — потом и сам не помнил. За ним дали слово казию. Это был новый судья, назначенный революционным правительством, но так как он раньше жил в Стамбуле, в Арабистане и Коран читал на арабский манер, то он и в выступлениях своих всегда приводил слова пророка и примеры из религиозных книг. И сейчас он, возглашая стихи из Корана, доказывал, что Саид Пахлавон стал шахидом, и благословлял его.

Затем тело покойного вынули из гроба и опустили в могильную нишу. Снова громко зарыдали Мирак и все родные Саида Пахлавона. А когда могилу засыпали землей и остался только невысокий холмик над последним пристанищем человека, снова послышался голос казия, читавшего стихи из Корана. Он читал нараспев, жалобно, чтобы сердца присутствующих исполнились печали и сожаления. Все опустились на землю и сказали «аминь».

Этим закончился погребальный обряд. Люди стали

расходиться. Файзулла Ходжаев, Окчурин, Мухиддинов и другие высокие лица уехали в своих фаэтонах. А к председателю Чека, стоявшему поодаль и следившему, как расходится народ с кладбища, подошел Хайдаркул.

— Ваш начальник захотел выступить, а что он тут наговорил? — спросил он.

— Он почему-то растерялся вдруг,— сказал председатель.— Мне кажется, он кого-то увидел и осекся. Конечно, это неспроста... Приходите вечером — разговор есть.

— Хорошо,— отвечал Хайдаркул и отошел от него.

Асо обнимал за плечи Мирака и старался его успокоить. Хайдаркул усадил их обоих в свой фаэтон, и они поехали в город. Мирак был теперь для него единственной живой памятью о старом друге.

2

Улица перед воротами дома Саида Пахлавона была полита водой и подметена. У входа, прижав руки к груди, стояли родственники покойного и друзья и приглашали на поминки.

Во дворе и в мехманхане были приготовлены места для гостей, расстелены достарханы, расставлены подносы с лепешками и сладостями. И в комнате и во дворе сидели муллы и читали главы из Корана — для каждого, пришедшего на поминки. Квартальный имам, очень скромный, непритязательный человек, сидел во дворе и, во весь голос восхваляя Саида Пахлавона, просил для него милосердия у бога. В перерыве, когда поток поминальщиков немного уменьшился, из комнаты вышел важный имам квартала Поя Остона. Сходив по нужде и совершив омовение, он подошел к скромному имаму, присел возле него и сказал:

— Я слышу, вы от всего сердца читаете Коран и молитесь о покойном.

— Что ж нам теперь остается делать — только это мы и можем! — ответил скромный мулла.

— Конечно, теперь мы только это и делаем,— сказал важный мулла и добавил тихим голосом: — Но хотел бы я знать: покойный, перед тем как отдать богу душу, обратился ли к нему, сказал ли хоть слово? Ведь он умер на руках у русских, в больнице Кагана...

— Как бы там ни было, но он погиб, защищая право-

верных от пуль мстителей. У меня нет сомнений в том, что он стал шахидом.

— Шахидом считается тот, кто погиб во имя ислама, в борьбе за веру, а не тот, кто...

— Путь ислама — путь к правде. И кто падет жертвой в пути к правде, становится шахидом, в этом нет сомнений, домулло!

— Но, говоря о правде, какую правду вы имеете в виду? — спросил важный мулла.

Не успел скромный мулла и рта раскрыть, как вошли с улицы Хайдаркул, Асо и Насимджан, ведя под руки плачущего Мирака, который все твердил: «Отец мой родненький!» Мирак вошел во внутренний двор, а остальные сели на суфе. Скромный мулла и для них прочел стих из Корана, все подняли руки и сказали «аминь». Тогда мулла, который знал Хайдаркула, обратился к нему:

— Господин Хайдаркул, а на кладбище читали Коран или нет?

Хайдаркул тотчас понял смысл его вопроса.

— Да,— отвечал он,— казий Саид читал, как положено, Коран, и мы похоронили Саида Пахлавона по всем мусульманским законам и правилам. Саид Пахлавон был верным мусульманином.

— Говорят, что он скончался в больнице в Кагане... Кто-нибудь из его близких был с ним рядом, когда душа покидала его тело?

— Да, я был там, Казим-заде был, родные Саида. А что, если мусульманин умрет в больнице, это разве не разрешается религией?

— Конечно, нет,— ответил скромный мулла.— Покойный был верным мусульманином, но лучше, конечно, если в последние минуты жизни рядом находятся свои люди.

Хайдаркул ничего не сказал на это и задумался. А скромный мулла кинул многозначительный взгляд на важного муллу. Тот, чувствуя, что камешки могут посыпаться на его голову, сидел тихо и помалкивал. Но внезапно в беседу вмешался Асо:

— Верующим он был или неверующим, теперь уж все равно — он ушел из жизни. Теперь от наших разговоров он не станет ни мусульманином, ни кафиром. А если бы я был на вашем месте, почтенный, я бы дал совет всему вашему клану не пререкаться с революционным правительством. Убийством одного или двух большевиков враги не

добьются своей цели. Напротив, большевики за каждую каплю безвинно пролитой крови своих товарищей оторвут головы десяти предателям.

— Вы верно говорите, сын мой Асо,— сказал скромный имам.— Но представители нашего клана почти все богобоязненные люди, никто из них не выступит против правительства... День и ночь мы молимся за долголетие младобухарцев.

Хайдаркул, которому вопросы имама напомнили, что большинство населения Бухары все еще находится под влиянием религии, услышав слова Асо и ответ имама, улыбнулся про себя и сказал:

— Кто выступает против правительства, тот выступает против бога и пророка.

— Боже упаси! — сказали оба имама.

— Это так,— сказал Хайдаркул,— но ведь такие люди могут и в мечеть не ходить и не услышать слова своего имама. Однако Асо прав: если вы будете давать правильные советы вашему клану, они дойдут до слуха многих людей, а это небесполезно.

— Мы день и ночь молимся за наше справедливое государство! — заискивающе проговорил важный мулла и встал с места, так как в ворота вошла большая группа людей, пришедших на поминки.

Когда вновь прибывшие расселись — кто в комнате, кто во дворе — и стали слушать чтение Корана, стоявший у ворот Насимджан подал Хайдаркулу знак, подзывая его. Хайдаркул приблизился к Насимджану.

— Что случилось? — спросил он.

— Вас и брата Асо вызывают в Чека. Экстренный совет,— сказал Насимджан.

Хайдаркул кивнул и, обратившись к родственникам покойного, принимавшим гостей, сказал:

— Придется нам с Асо уйти... Если освободимся от дел, вечером придем непременно. А вы последите за Мираком — уж очень он переживает потерю отца...

* * *

Мирак в самом деле очень сильно переживал свое горе. Сидя в комнатке за кухней, забившись в угол, он то рыдал, повторяя без конца «Отец мой родненький», то сидел неподвижно, уставясь в одну точку, подавленный и мрач-

ный. Что бы ни говорили ему мать, сестры, Фируза, Оим Шо и другие женщины, как ни старались утешить его, он не слышал их слов, не понимал ничего. Перед его глазами неотступно стоял любимый, светлый образ отца. Никогда не видел Мирак в его глазах гнева и ярости, никогда не слышал от него грубого слова, ругани. Никогда не подымалась на Мирака мощная рука его отца. Пока был с ним отец, Мирак чувствовал себя сильным и спокойным; вместе с отцом он, казалось, мог гору своротить. Отец был его разумом, силой, его гордостью и надеждой. Был отец — и Мирак мог делать все, что хотел: беспечно играл с товарищами, учился в школе или не учился, ходил на вечерний базар, сев в поезд, ехал в Каган, немного помогал матери по дому, никогда не думал о хлебе и пище... А теперь точно руки оторвались у него, он разом всего лишился, остался сиротой, одиноким. Теперь на его голову упали все заботы о семье. Теперь нельзя уже быть беспечным, надо работать, трудиться, думать о жизни, соображать, что к чему. За какие-нибудь два-три дня Мирак повзрослел на несколько лет.

Мать Мирака была не из той породы покорных домашних женщин, которые жили по пословице «Дашь — поем, ударишь — умру». Она с малолетства привыкла к бедности и труду, никогда не падала духом, не теряла надежды, была готова ко всему, даже к роковому слову «смерть». Она словно предчувствовала ее, потому что потеряла покой с того самого дня, когда Саид Пахлавон пошел на службу к Асаду Махсуму. Как она уговаривала мужа не принимать этого назначения, говорила, что работа с Асадом — игра с тигром, свирепым и коварным. Ах, если бы Саид прислушался к ее словам! Но он всегда старался только успокоить ее. И вот теперь он пожертвовал собой и оставил их одинокими.

— Дай бог, чтобы Мирак уберегся от дурного глаза. Ведь характером он весь в отца,— говорила она Фирузе.— Отец и сын были похожи друг на друга, потому он так и страдает теперь. Покойный не мог спокойно работать, если день один не видел сына. И Мирак был так привязан к отцу.

— Мирак должен учиться,— сказала Фируза.— Он уже умеет читать и писать, учиться теперь легче стало. Пройдет немного времени — и он станет грамотным, будет учителем.

— Он говорит: не буду учиться,— сказала мать Мирака.— Говорит, если я буду учиться, как мы будем жить, кто будет кормить и оберегать вас? Говорит...

— Ну,— сказала Фируза,— государство вас не оставит, не даст вам голодать.

— Все во власти бога,— сказала старушка,— дал душу, даст и пропитание. Да и правду сказать, что он может делать, какую работу могут выполнять его сиротские руки?

— Буду водоносом! — сказал Мирак, выходя на двор и услышав слова матери.— Буду воду носить по домам.

Женщины обернулись и посмотрели на него. Он уже не плакал, стоял, гордо подняв голову, хотя и с красными, опухшими от слез глазами.

— Полно, ты кувшина с водой принести домой не можешь, куда тебе поднять и носить целый бурдюк?! — сказала мать с упреком.

— Смогу... если нужно будет, все смогу! — настойчиво говорил Мирак.— Ведь был же водоносом Асо с малых лет, и мой друг Абдулладжан тоже носит воду. И я буду. Теперь нет отца, чтобы...— Слезы опять навернулись на глаза Мирака.

Старушка и Фируза тоже приложили платочки к глазам. Мирак прошел мимо них и вышел за ворота, повторяя жалобно: «О, отец мой родненький!»

Но в эти дни в Бухаре не он один оплакивал отца,— многие семьи лишились своих кормильцев — мужей, отцов, сыновей и братьев.

Хотя в недолгой войне двадцатого года революция разгромила войска эмира и его приближенных и уничтожила навсегда эмират, сопротивление враждебных революции сил не закончилось, все время шла борьба, и казалось, только теперь разгоралось ее пламя. Народ, едва почувствовавший себя свободным, едва ощутивший блага, которые несла ему революция, делал только первые шаги к новой жизни. А те, кто прежде его угнетали, не могли смириться с этим и в смертельном ужасе, чуя свой бесславный конец, все же пытались сопротивляться изо всех сил.

В Бухаре была весна, она чувствовалась во всем и повсюду... Порою черные тучи еще пытались закрыть небо, начинали дуть резкие холодные ветры, заставлявшие вспомнить прошедшую зиму, пытавшиеся сломать молодые саженцы и расцветающие цветы... Но яркое весеннее солнце не лишало людей тепла и весенней прелести.

3

Фируза сидела в своем кабинете, держа в руках газету с портретом Саида Пахлавона, и думала о том, как поворачивается жизнь, что сулит будущее. Вот она, Фируза, избавилась от нищеты и бесправия, стала человеком, сидит в этом кабинете, руководит порученным ей делом, а что творится вокруг? Всюду борьба, тайная и явная, обман, кровь, убийства! Ну, а если бы не было этого? Эмир сидел бы на своем троне, его правители эксплуатировали бы трудовой народ, делали бы с ним все, что хотели, грабили, били, насильничали, убивали, топтали бы ногами... А люди покорно повиновались бы своей судьбе, молчали? Нет, человек не может всегда терпеть гнет и унижение. Он поднял голову, разрушил трон, сбросил корону, прогнал своих угнетателей, пошел по новому пути — к иной, лучшей жизни. Ради этого, ради свободы он готов отдать жизнь, смерть он предпочел рабству и унижению. Вот как Саид Пахлавон,— он погиб, потому что хотел вырвать с корнем ядовитую ветвь. Молодое поколение пусть не забудет об этом!

Шел уже четвертый час, в клубе девушки кончали последний урок, женщины стегали одеяла, шили, вязали. На кухне повара готовили обед. Все были заняты своим делом. Фируза была спокойна за свой клуб. В тот день и в тот час у нее не было никакой срочной работы, или, может быть, сердце не лежало к обычному делу. Она была печальна, глаза еще хранили следы долгих слез. Портрет Саида Пахлавона был перед нею, он словно говорил ей: «Ну, вот, дочка, я и выполнил свой долг. Как ни старался преградить путь врагам и уберечься от опасности, ничего не вышло. Враг перехитрил нас. Кажется, недавно я пешком приходил из Кагана в Бухару и видел тебя у ворот Мазара, а теперь вот ушел в могилу...»

«Ваша могила будет дорогим памятником для трудового народа Бухары — местом паломничества»,— прошептала Фируза и вспомнила о Мираке. Мирак — способный, умница, с чистым, как у отца, сердцем мальчик... Его нужно отдать учиться, воспитать... Государство должно усыновить сына Саида Пахлавона, оставшегося без кормильца. Семье дадут пенсию, Мирак не будет водоносом...

Фируза думала о том, как это устроить, когда дверь отворилась и вошла заплаканная Хамрохон. Паранджа и

чашмбанд висели у нее на руке, платок сполз на плечи, волосы растрепались, и вся она была какая-то жалкая, расстроенная.

— Ну, ну, ну, что еще случилось? — спросила Фируза, зная, что Хамрохон, наверное, поссорилась с Насимджаном и пришла к ней пожаловаться.— Опять Насимджан обидел?

Хамрохон плача бросилась на диван.

— Я теперь поняла, что Зулейка ради красоты Юсуфа могла пренебречь своей девственностью! — вспоминала Хамрохон стихи Хафиза.— Я сброшу паранджу и чашмбанд и босиком, с непокрытой головой побегу за Насимджаном.

— Зачем же? Напротив, не бросайте паранджу и чашмбанд — он не будет знать, что это вы бежите за ним. Так будет лучше.

— Смеетесь? Ну что ж, смейтесь! Верно сказал поэт:

О, голубь из храма Хирама, ты не знаешь,
Как бьется сердце у птицы, которой связали лапки!

Фируза удивилась. До чего эта женщина, умная и образованная, знающая и любящая поэзию, занята только собой, потеряла разум, вся отдалась глупой ревности!

— Если вы думаете, что связанная птичка — это вы,— сказала Фируза,— то поверьте мне: никто вас не связывал, вы сама опутали себя глупой ревностью. Мало вам счастия, которое у вас есть...

— Ни у кого другого этого нет! — грубо возразила Хамрохон.— Никто не мог бы вынести такого!

— Неправда!

— Я же говорю, что вы — голубь из храма Хирама.

— Ну, так что же случилось?

— Мало ему было, что он уходил на целый день до вечера, так теперь и по ночам пропадает. Спрашиваю у него — не говорит, где был. Чувствую, что он охладевает ко мне... Может, нашел себе какую-то моложе и лучше меня! Сейчас так много желающих выйти замуж! Вон у вас в клубе их полным-полно.

— Ну и ну! Вот уж и женщины моего клуба стали причиной вашей ревности. Боюсь, как бы вы и ко мне не стали ревновать!

— А почему бы и нет? — сказала серьезно Хамрохон.— Разве воробей в саду отвернется от сладкого плода?

Вы — сладкий плод, а чем же мой Насимджан хуже воробья?

— Постыдитесь! — отвечала Фируза, тоже став серьезной.— Если ваш Насимджан и станет таким воробьем, то не каждый сладкий плод окажется ему по зубам. Подумайте хорошенько, Хамрохон! Если у вас и дальше так пойдет, то, право, Насимджан плюнет на все и уйдет от вас — вы сама будете причиной своего несчастья. Вы сама бьете тешой по своим ногам.

От этих слов Фирузы Хамрохон словно опомнилась, вытерла глаза и задумалась.

— Верно вы говорите, Фируза! — проговорила она наконец устало.— Ваши слова справедливы. Но что мне делать? Я схожу с ума...

— Вы просто голову потеряли! — с упреком сказала Фируза.— Человек должен уметь отвязаться от пустых, ненужных мыслей, тут никакой лекарь не поможет. Подумайте хорошенько: ведь ваш муж не единственный, кто день и ночь занят сейчас ответственной работой. Асо мой иногда исчезает на несколько суток. Такая у них работа, время ведь сейчас неспокойное. Контрреволюция то и дело подымает голову. Если наши не будут бдительными, могут быть тяжелые последствия. Мы все пропадем тогда.

— Это я знаю.

— Почему же тогда вы...

— Я же сказала, что в последнее время я всем своим нутром чувствую, что Насимджан охладел ко мне. Что мне бояться того, что будет! Я и раньше все это знала. Ведь Насимджан моложе меня. А юность, хотите этого или нет, берет свое. Да, да, ревность моя бесплодна! И моя тоска ни к чему, вы верно говорите!

Тут Фируза почувствовала какую-то правду в словах Хамрохон. Она задумалась. Ей стало жаль эту женщину, которая после многих несчастий и болей бед ухватила за подол свое счастье и теперь боялась его потерять, боялась, что его вырвут у нее. Что ж, счастье, которое пришло так поздно и после таких препятствий, особенно дорого, и человек не хочет отдать его. В какой-то мере у Хамрохон есть основания тревожиться.

Фируза укоряла себя, что, не поняв как следует Хамрохон, бранила ее. Надо было разобраться во всем, понять это страдающее сердце и каким-то советом или теплым

словом успокоить ее тревоги, а не читать ей наставления, как учительница.

— Постойте-ка,— сказала Фируза, желая поправить свою ошибку.— С чего вы взяли, что он охладел к вам? Изменилось его обращение с вами? В чем дело?

— В капризах,—ответила Хамрохон и, помолчав, пояснила: — Когда мы поженились, он расхваливал все, что бы я ни сварила, а теперь всем недоволен, все, что я подаю, ему не нравится. Раньше он хвалил мою красоту, не мог насытиться поцелуями, а теперь не только не хвалит меня, а часто стыдит, придирается то к одежде, то к моей усьме-сурьме, говорит: зачем это все? Я обижаюсь, а он утешает меня нехотя. Рано утром уходит и позже всех возвращается домой. Я понимаю все... я надоела ему, он хочет молоденькую жену.

— Нет, Насимджан не легкомысленный юноша, я знаю его,— решительно возразила Фируза.— Если бы он был таким, он не женился бы на вас, жил бы холостяком. Вы никогда не надоедите ему, напрасно вы огорчаетесь! Посмотрите на себя внимательно в зеркало: вы красивее и стройнее тысячи молоденьких девушек. Но Насимджан не только в вашу красоту влюблен, он любит Хамрохон...

— Вашими устами бы да мед пить!

— Я правду говорю.

— Но как же тогда объяснить его поведение?

— Есть причина, почему он так поздно возвращается домой... это дело политическое...

— Какая причина? — допрашивала Хамрохон.

Фируза не могла сразу ответить, так как сама не знала точно, в чем дело, но она чувствовала, что в эти дни в городе было неспокойно и у Чека было особенно много работы. Но как это объяснить Хамрохон? А ей хотелось ее убедить и немного успокоить.

— Из Москвы пришло сообщение,— придумала она наконец,— что в Бухаре зашевелились контрреволюционеры... будто эмир тайно ввел в город своих головорезов... И пока их не переловят, нашим мужчинам покоя не будет.

— Почему же он сам мне не сказал об этом?

— Нельзя! Люди из Чека не имеют права говорить кому-нибудь о своих делах.

— Даже женам своим?

— Да, даже женам!

— Интересно! — только и могла сказать Хамрохон, по-

том вскочила с места и промолвила: — Ну, до свиданья, теперь я пойду, может, он уже вернулся.

— Успокойтесь, перестаньте горевать и печалиться,— сказала Фируза, провожая ее.

— Постараюсь! — ответила Хамрохон и ушла.

Фируза наконец просмотрела до конца раскрытую газету, положила ее на край стола и только хотела выйти из кабинета, как в дверь постучали.

— Пожалуйста, входите! — сказала Фируза.

Из коридора, низко кланяясь, вошел мужчина средних лет, бедно одетый, по приглашению Фирузы взял стул и сел за стол напротив нее. Фируза по привычке чуть пониже на лоб и глаза опустила платок, но мужчина и не глядел на нее. Глаза его, покрасневшие, как у больного, были опущены, глядели в пол. На нем был китель и старые военные шаровары, поверх них — заношенный легкий халат из черного сатина, на ногах обтрепанные пыльные сапоги. Фируза никогда раньше не видела этого мужчину и удивилась, как он смог без разрешения пройти мимо милиционера, дежурившего у клуба. Зачем он пришел сюда? К ней с жалобами, требованиями, с заявлениями, с просьбами о помощи приходили сюда только женщины. Интересно, что ему нужно?..

Фируза нарушила молчание.

— Чем я могу быть вам полезна?

— Я слышал, что здесь принимаются жалобы, что вы облегчаете страдания, подаете руку помощи упавшим... Что вы, услышав жалобы нуждающихся, спасаете их... Вот я и решился прийти к вам...

— Я слушаю вас.

— Я сарайбон[1], работаю у Базара Нав. Напротив мечети Атолик, у дороги, есть небольшой сарай, стойло для ослов, вот там я работаю... А мой двор находится в квартале Чорхарос, по соседству с домом назира... Низомиддина-эфенди.

Мужчина поднял голову и посмотрел на Фирузу, как будто спрашивая, знает ли она, кто это. Фируза поняла и сказала:

— Знаю, это назир внутренних дел.

— Да, да,— подтвердил мужчина и опять опустил глаза.— Сам я раньше был сапожником в Кермине. Славился

[1] Сарайбон — сторож караван-сарая.

своим мастерством. Потом поссорился с одним начальником эмирских войск и перебрался в Самарканд. В Самарканде я присоединился к революционерам и с оружием в руках воевал с эмиром. На войне был ранен пулей в ногу, покалечили мне и руку. Заниматься своим ремеслом я уже больше не мог. Но правительство помогло мне, привезли сюда мою жену и дочь, дали мне бесплатное жилье и поручили работать сарайбоном...

Он замолчал. Фируза никак не могла понять, какое отношение она имеет к его приключениям, но терпеливо ждала, играя карандашом, который был у нее в руках.

— Зовут меня Бакоджан, сапожник Бакоджан... У меня была жена, родила мне дочь, назвали ее Халимой. Жена умерла. Мне было трудно одному воспитывать дочь. Я снова женился. Халима росла на руках мачехи. Сейчас Халиме восемнадцать лет, пора уж замуж выдавать... И женихи уж появились... Но тут беда пала на мою голову, я совсем растерялся и вот пришел к вам...

— А что же случилось? — нетерпеливо спросила Фаруза.

— Сейчас я вам все объясню,— отвечал не спеша Бакоджан,— сейчас все расскажу по порядку. Вы должны мне помочь, больше некому. Так вот что я хотел сказать... Вторую мою жену зовут Зухра, Зухрабону... красивая, ловкая, проворная женщина... А дочь моя Халима — вся в меня, тихая, очень смирная, молчаливая и ласковая. С тех пор, как Зухрабону приехала в Бухару, она прислуживает во дворе Низомиддина-эфенди. Ему, конечно, до нее нет дела, но просто она там нужна, потому что некому позаботиться, чтоб вода была в доме, огонь развести. Поэтому Зухрабону туда ходит и выполняет домашние работы. Иногда вместе с ней ходит и Халима, если нужно помочь в стряпне. Конечно, от этой работы у назира и нам польза. Даже скопили кое-что, чтобы сыграть свадьбу — выдать замуж Халиму по-хорошему, как заведено. Но случилась большая неприятность...

Он опять замолк. Фируза поняла, что Бакоджану трудно сказать о случившемся, потому он так и тянет, у него язык не поворачивается...

Фируза была права. Бакоджан еще помолчал, задумавшись, наконец сказал:

— Беда в том, что два дня назад жена мне призналась, что Халима беременна. Я сначала даже не понял. Как

это беременна, как она могла забеременеть, если она даже не замужем? Зухра заплакала и сказала, что ничего не знает, но какой-то бессовестный мужчина посягнул на честь нашей дочери... Кровь бросилась мне в голову, в глазах потемнело. Потому что я больше всего на свете люблю свою дочь, готов всем пожертвовать для нее. Кажется, если бы в то время попался мне тот бессовестный насильник, я бы вот этими руками разорвал его на части. Но жена мне сказала, что Халима не говорит, кто этот мужчина. Хоть убейте, говорит, не скажу. Тут мы с Зухрой стали думать да гадать. Ведь дочь день и ночь была с мачехой, не разлучалась с ней,— как же могло случиться такое? Жена сказала, что это, наверное, случилось в женском клубе или около него. Потому что Халима несколько раз говорила, что уходит в клуб, и пропадала по нескольку часов. Зухра хотела пожаловаться Низомиддину-эфенди, чтобы он принял какие-то меры, но я не позволил ей. И вот я, даже не сказав жене, пришел сюда. Неужели это здесь произошло? Разве здесь есть мужчины?

Фируза даже растерялась, не нашлась сразу, что ответить. Чего только не выдумывали про клуб враги, но она не могла себе даже представить, что до такой степени может дойти клевета.

— Да вы понимаете, что говорите?! В нашем клубе даже ноги вашей дочери не было. Если бы она посещала наш клуб, такого несчастья не случилось бы с вами.

— Вы простите меня, я — темный, безграмотный человек, но сердце у меня чистое... Может быть, вы не знаете, ведь не каждый человек, кто приходит сюда, является к вам, ведь клуб — большое помещение, тут несколько дворов, много комнат...

— Я знаю всех, кто посещает наш клуб. Их немного — тех, кто приходит с улицы, всего двадцать пять — тридцать женщин. Среди них никогда не было ни вашей жены, ни вашей дочери. Вам надо расспросить вашу дочь. Кроме нее самой, никто вам не поможет в этом деле.

— Она ничего не говорит. Ругали ее, стращали и по-хорошему говорили — напрасно!

— Очевидно, ваша дочь не хочет предъявлять претензии к тому мужчине.

— Но я хочу.

— Но раз ваша дочь не хочет, никакой суд не возьмется за это дело. Вместо того чтобы, слушая наших врагов,

возводить такой поклеп на клуб, лучше бы заставили говорить девушку.

— Да разве я говорю что-нибудь против женского клуба, против государственного клуба? Я пришел сюда только узнать, посоветоваться. И хорошо сделал, что пришел. Понял, что все врут, когда болтают про клуб бог знает что. Теперь я знаю, что мне делать. Ну, будьте здоровы!

Он встал и быстро вышел.

Фируза снова осталась одна. Она была так потрясена, что даже не вышла вслед, чтобы спросить стражника у дверей, почему и как он пропустил к ней Баконджана. Может, он знает его? Или жену его и дочь?

По всему видно, что Баконджан говорил правду. Его дочь обесчестили и, видя, как потрясло его несчастье, натравили его на женский клуб. Ясно, что это происки врагов.

Но неужели они так глупы, что хотели просто очернить репутацию клуба. Пустая затея! Кто поверит в то, что женщина пошла в клуб и потеряла здесь свою честь? Может, Баконджан и в самом деле искал помощи? Ведь он в таком подавленном состоянии. Изнасиловали и бросили единственную любимую дочь. Что делать? Кто может помочь ему? Чем может помочь Фируза? Вызвать к себе дочь, самой поговорить с ней? Сообщить в милицию, обратиться к юристам? Но согласится ли с этим Баконджан? И оставлять это дело нельзя. Во-первых, все-таки кто-то пытается приписать это женскому клубу, во-вторых, этот бедняк пришел к ней, Фирузе, за помощью...

Нет, она не могла успокоиться, она должна расследовать все. Баконджан и его семья не должны страдать, когда у нас революция и справедливое правительство и могучая партия коммунистов. Жалоба его должна быть услышана... Фируза пойдет в Центральный Комитет, в женский отдел, посоветуется там, поговорит с Асо... Не такая уж это трудная задача, ее смогут разрешить соответствующие организации...

Размышления Фирузы прервал телефонный звонок. Она взяла трубку. Звонил Асо из своего учреждения.

— Как дела? Кто-нибудь — мужчина или женщина — приходил с жалобой?

— Да,— сказала удивленная Фируза,— приходил мужчина. А вы откуда знаете?

— Мне позвонили... Я сейчас приеду в клуб...

Асо положил трубку. Фируза еще больше удивилась. Кто мог позвонить Асо? Почему он сейчас придет в клуб? Все эти загадки встревожили ее. Она встала, чтобы пойти расспросить про Баконджана у дежурного милиционера. Но во дворе она встретила Хамрохон и Насимджана — веселых, радостных.

— Дорогая моя сестрица! — сказала Хамрохон.— Вот мы опять к вам пришли, мешаем вам работать...

— Пожалуйста, пожалуйста, добро пожаловать! — отвечала Фируза, снова возвращаясь с ними в свой кабинет.

— На этот раз я заставил Хамрохон прийти к вам, чтобы вас успокоить...

— А я и не беспокоюсь,— только и смогла сказать Фируза.

— Нет,— сказала Хамрохон.— Мы уже вам надоели. Не мы, а я. Я, конечно, зря вас тревожила... Но что мне было делать? Вы, только вы одна знаете все наши секреты и тайны, вы — наш лучший советчик! Куда же мне было идти, как не к вам? Но, слава богу, ваши советы и наставления, а потом и сам Насимджан открыли мне глаза...

— Да они у вас и так были открыты!

— Нет, я иногда бываю слепа... или, вернее, меня хотели ослепить... Но теперь все в порядке.

— Значит, мир, да?

— Мир!

— Тьфу, тьфу, чтоб не сглазить!

— Да, да, чтоб не сглазить! — сказал Насимджан.— На нас иногда так таращат глаза, что не приведи бог! Особенно в последние дни...

— Удивительно! — сказала Фируза.— Неужели покушаются и на ваши семейные отношения?

— Да, и на наши семейные отношения! — отвечал Насимджан.— Я был вынужден рассказать Хамрохон кое о чем. В Бухаре неспокойно... Мы напали на след врагов и стараемся их обезвредить...

— Вы, наверное, их знаете, поэтому нетрудно их арестовать? — спросила Хамрохон.

— Знаем, но не всех...— сказал Насимджан.— И ведь их надо схватить за делом, иметь доказательства, иначе нельзя.

— Неужели они собираются покушаться и на вас? — спросила Хамрохон.

— Видимо, так, в их списках есть и мое имя. Не зря же кто-то неизвестный звонит к нам домой и подстрекает вас.

— Как? — спросила Фируза.— Звонят по телефону?

— Да,— призналась Хамрохон.— Раза три-четыре звонил какой-то мужчина и говорил, что Насимджан влюбился в одну русскую женщину и мешает ей выйти замуж за возлюбленного... Сначала я не поверила ему. Тогда он сказал: идите к Чека и, поднявшись на цыпочки, посмотрите в окно, на ней такое-то платье, зовут ее Нина Сергеевна... Ну, я однажды случайно там была, заглянула в окно и увидела Насимджана рядом с той женщиной, они что-то говорили, смеялись... Проклятая ревность зашевелилась во мне, я едва удержалась, чтобы не войти... В тот же день опять позвонил тот мужчина и сказал, что я струсила, не могла остановить мужа. Теперь,— сказал он,— мы сами его прикончим. Прощайтесь с вашим мужем, в течение двух дней мы его разлучим с вами.

— Неужели? Так и сказал? — спросила Фируза, охваченная страхом.

— А, пустяки! — сказал спокойно Насимджан.— Все это одни угрозы, запугивания, хитрости и ложь! Но, конечно, нельзя быть равнодушным к этим уловкам врага. Нужно быть бдительным и действовать! Теперь, я надеюсь, Хамрохон не будет мешать нашей работе, а поможет мне.

— Помочь вашей работе я, увы, вряд ли сумею, а вот мешать не буду!

— Ревновать, не верить?

— Не буду, сказала, не буду! — засмеялась Хамрохон.

— Молодец! — сказала Фируза, хотя в это время мысли ее были заняты мужем, который почему-то позвонил и захотел прийти сюда.

Нет ли и тут каких-нибудь вражеских козней? Асо тоже может быть в списке, куда внесли имя Насимджана... Значит, положение все осложняется?.. Нет, нельзя поддаваться панике, нужно быть спокойной... особенно при Насимджане и Хамрохон! Нужно их поздравить с примирением и проводить.

— Я больше не буду ревновать! — говорила Хамрохон.— Никто и ничто не разлучит меня с Насимджаном, а его со мной. Теперь я твердо верю в это. Но мне надоело сидеть одной дома. Я хочу пойти на службу туда, где работает Насимджан... Как вы посоветуете?

— Очень хорошо,— машинально отвечала Фируза. Но потом, подумав, добавила: — А почему именно туда, где работает Насимджан? Мне кажется, работа в таком учреждении женщине не подходит. Если вы хотите работать, то ведь дела всюду много. Например, в нашем клубе, в артели, которая только организуется...

— Нет,— сказала упрямо Хамрохон.— Мне нравится их учреждение. Хочу одеваться, как мужчина, и носить револьвер на поясе.

— И я бы рада сжечь паранджи и освободить от них всех наших женщин,— сказала, улыбаясь, Фируза.— Но нельзя так сразу. Наши руководители говорят, что еще рано.

— Да, рановато,— согласился Насимджан.

— Это вы — член партии, большой человек, руководитель целой организации, а я кто? Я хочу быть настоящим помощником, постоянным спутником Насимджана, всегда хочу быть с ним рядом. Насимджан научил меня обращаться с револьвером. Скоро я буду ходить всегда с пистолетом в кармане.

Фируза и Насимджан от души смеялись над этими словами Хамрохон. Она тоже смеялась, но все-таки твердила, что ее слова не шутка. И хотя Насимджан и Фируза не принимали всерьез ее, она в самом деле говорила правду.

Она вовсе не была отсталой женщиной. Ежедневно читала газеты, новые книги, переводные романы с других языков на персидский и тюркский. Она находила их в книжном шкафу Насимджана. Сейчас она пришла к твердому решению: она первая в Бухаре должна сбросить паранджу и чашмбанд, выйти на улицу открытой — назло всем врагам свободы. Ни партия, ни правительство не будут против этого,— наоборот, они скажут ей спасибо, что она подала пример другим. До этого дня она мучилась ревностью, не понимала, что происходит, прислушивалась к звонкам незнакомого мужчины, не зная, что это — интриги врагов, которым хотелось поссорить ее с Насимджаном. Теперь, после того как он объяснил ей все, у нее словно глаза открылись на мир — жизнь показалась ей светлой, прекрасной; она помирилась с мужем, была оживленна, радостна, в хорошем, деятельном настроении, она вновь мечтала и надеялась...

— Ну, до свиданья, будьте здоровы, сестрица Фиру-

за! — сказал Насимджан, вставая.— Мы теперь пойдем, поговорим, посоветуемся. В самом деле, будет лучше, если Хамрохон поступит на службу в какое-нибудь учреждение. Как решим, придем к вам — сказать.

— Конечно, надо еще подумать, посоветоваться,— сказала Хамрохон,— но я хочу быть вместе с Насимджаном...

— Хорошо, хорошо,— сказала Фируза,— поговорите еще, обсудите все хорошенько.

В это время раздался стук в дверь и вошел Асо.

— Ого-го, все в сборе! — сказал он улыбаясь.— Здравствуйте, здравствуйте!

— Именно вас и не хватало,— сказала Фируза, вставая и освобождая ему место.

Асо поздоровался с Насимджаном и Хамрохон и сел на освободившийся стул.

— Как говорится, свято место пусто не бывает: один уходит, другой приходит,— засмеялся Насимджан.— Мы уже собрались уходить, как вы пришли.

— Да, пора, пойдемте! — сказала Хамрохон, поправляя платок на голове.— Не будем мешать...

— Нет, нет, что вы! — сказал Асо.— Вы не только не помешаете, а, напротив, может быть, поможете решить некоторые загадки.

— Садитесь, садитесь! — сказала Фируза, у которой тревожно было на сердце.— Послушаем, какие вести он принес.

— Новостей сегодня много,— сказал Асо и обратился к Насимджану: — Вы когда ушли из Чека?

— Наверное, с час назад,— отвечал Насимджан.— А что случилось?

— Ничего... Видно, Хамрохон заждалась вас?

— Мы с Хамрохон решили теперь никогда не разлучаться... Она хочет поступить к нам на работу.

— Очень хорошо,— сказал Асо серьезно.— В первые дни революции Фируза была вместе со мной, когда я стоял на страже у городских ворот, и очень помогала мне.

Фируза встала с места, вышла в коридор, посмотрела во двор и, вернувшись, взглянула на Асо.

— Скажите же, кто вам звонил? И что сказал?

— Удивительно! — проговорила Хамрохон.— Оказывается, и вам звонят неизвестные люди?

Асо расстегнул пуговицу на воротнике своей гимнастерки и с улыбкой оглянул всех.

— Звонки раздаются у нас каждый день. Но сегодняшний звонок удивил меня...

Насимджан, спокойно слушавший Асо, теперь вдруг, сняв очки, стал усердно протирать стекла.

— Неизвестный сказал, что какой-то сапожник Бакоджан предъявляет иск к женскому клубу и что будто бы...

— Да, да,— прервала мужа Фируза,— сапожник Бакоджан действительно приходил сюда...— И она рассказала о подозрениях Бакоджана.

— Мужчина по телефону мне сказал угрожающе, что если не будут приняты меры по жалобе Бакоджана, то руководители женского клуба ответят своей головой. Кровь за кровь!

Асо помолчал.

— Я потому и пришел, чтобы лично у вас узнать подробности. Эти люди в самом деле посещали клуб?

— Я видела нынче только самого Бакоджана. Ни жена его, ни дочь не бывали у нас ни разу. И никто их не знает.

— А кто такой сам Бакоджан? Чем занимается? — спросил Насимджан.

— Он работает сарайбоном в Базаре Нав,— отвечала Фируза.— А живет в квартале Чорхарос, рядом с Низомиддином-эфенди.

— Все ясно! — сказал Насим.— Все это провокации самого господина назира. Жена Бакоджана прислуживает во дворе назира. И дочь тоже...

— Вот-вот, никаких сомнений быть не может, это его козни! — сказал опять Насимджан.

— Но это нужно еще доказать,— сказал Асо.— Низомиддин не такой уж наивный человек.

— В этом деле может помочь только сама девушка, ключ от загадки у нее в руках,— сказала Фируза.— Но Бакоджан сказал, что девушка не хочет раскрыть тайну.

Асо сказал уже с облегчением:

— Я очень волновался, не зная, в чем дело. Теперь вопрос ясен. Вы, Фирузаджан, будьте спокойны, никакие беды не коснутся вас и вашего клуба. Все эти загадки скоро разрешатся.

— Низомиддина надо снять с работы и арестовать! — резко сказала Хамрохон.

Все засмеялись.

— Почему смеетесь? — спросила она серьезно.— Меньше мусора — чище на земле, говорят...

— Это верно,— сказал Асо,— меньше мусора — чище на земле. Но мы должны еще доказать, что Низомиддин — мусор. Потому что есть люди, которые считают Низомиддина мощным карагачем в саду государства.

— Вот, чтобы добыть доказательства, мы и работаем день и ночь,— сказал Насимджан.

* * *

Посетители Фирузы вышли и отправились по своим делам. А Фируза, выйдя во внутренний двор, обошла все комнаты, проведала женщин и девушек, дала необходимые указания учительницам. Вернувшись в кабинет, она уже повязала платок и собиралась накинуть паранджу, чтобы идти домой, но вошла уборщица и сказала:

— Фирузаджан! Там пришли женщины-узбечки и туркменки, хотят видеть вас.

— Пусть войдут,— сказала Фируза и вновь села на свое место.

«Что это за узбечки и туркменки, откуда они? — подумала она.— Значит, слух о нашем клубе дошел и до тех мест, где они живут! А раз они пришли, значит, им нужна помощь...»

Дверь открылась, и в комнату вошли пять жительниц степей — все в красных и белых просторных платьях, с марлевыми, ситцевыми и шерстяными платками на головах. Вошли, поздоровались.

Фируза встала им навстречу. Трое из них были узбечки, две — туркменки (это было видно по их одежде). Фируза усадила их на диван и на стулья, сама села за свой стол и глядела на пришедших с улыбкой. Одна из туркменок была совсем юной, видимо, только что вышла замуж, все узбечки были примерно одного, среднего возраста.

— Добро пожаловать! — приветствовала их весело Фируза.— Чем могу вам служить?

Гостьи переглянулись и ничего не сказали, потом старшая из туркменок решилась.

— Мы пришли из Чарджоу,— заговорила она наполовину по-узбекски, наполовину по-туркменски.— Все мы — бедняки, крестьяне из кишлака Равот-Калья... Сегодня

ровно десять дней, как наших мужей увели,— сказали, что на собрание, и до сих пор о них ни слуху ни духу.

— А из нашего кишлака забрали тридцать человек,— сказала одна из узбечек.— Сказали, что в Новом Чарджоу будет собрание, посадили на телеги и увезли...

— Куда увезли? Зачем? — удивилась Фируза.

— В армию, в Бухару,— ответила узбечка.

— Вы видели их?

— Один солдат нам показал помещение, где они содержатся. Мы пошли туда, но стражники нас и близко не подпустили. Так мы их и не видели.

— Мы уж два дня здесь бродим, умученные,— сказала туркменка.— Никто не хочет нас выслушать. Мы сидели в Регистане у Арка и плакали. Тогда какой-то милиционер пожалел нас, привел сюда и сказал, что если и здесь нам не помогут, то уж никто нам не сможет...

— Помогите нам, отун! — сказала другая женщина.— Освободите наших несчастных мужей, ведь они ни в чем не виноваты... Они все — крестьяне, бедняки. Крестьянам и при эмире было тяжко, значит, и в революцию тоже... Где же справедливость?

Женщина говорила правду: справедливости не было. Фируза не знала, что и сказать, как помочь, она была растеряна, сбита с толку, услышав эту историю. Ей надо было позвонить в разные места, чтобы выяснить, в чем дело и чем можно помочь беднякам.

Пока Фируза занята поисками, мы коротко расскажем читателю, что же произошло.

Правительство Бухарской республики приняло решение создать свою армию, мобилизовав местное население. Была проведена подготовительная работа, на места были разосланы инструкции и правила, по постановлению съезда было организовано военное министерство, где работало много всяких уполномоченных. В Бухаре, в Регистане было устроено собрание, аксакалы чуть не силой приводили сюда со всех кварталов юношей призывного возраста. Перед собравшимися выступали члены правительства Мухиддинов, Аминов, Окчурин, они объясняли и доказывали, что государство без армии не может существовать. Особенно теперь, когда контрреволюция собирает силы против республики, нужно вооружаться, нужна армия.

Они старались пробудить в людях патриотические чувства, говорили, что красный воин Бухарской республики —

не то, что солдат эмира. Он будет защитником народа, сильным и справедливым. Каждого, кто будет принят в ряды этой армии, государство обеспечит одеждой, пищей, жильем, оружием, кроме того ежемесячно ему будут выплачивать известную сумму. Вступление в ряды Красной Армии будет добровольным, но вначале бойцы будут набираться по жеребьевке. Тогда же внизу, у деревянного моста в Арк, были установлены вращающиеся стеклянные сундучки, где лежали свернутые в трубочки бумажки-жребии. Милиционеры и представители военного ведомства выстроили юношей в ряд, они, подходя, по очереди запускали руки в стеклянный сундучок и, вынув свою бумажку, относили ее специальной комиссии, которая сидела тут же за столом. Те, у кого на бумажке было написано красными чернилами, что он подлежит призыву, отходили в одну сторону, а те, у кого листки были чистыми,— в другую. Так в тот день было принято в армию человек пятьдесят. Их отпустили по домам, приказав через два дня явиться в военное управление.

Так было в Бухаре. Но в других местах жеребьевка не была проведена, и каждый руководитель набирал воинов, как ему заблагорассудилось, и отсылал их в Бухару. В Чарджоу ретивые администраторы отправились по кишлакам, ничего не разъяснив, согнали крестьян, погрузили их в вагоны и отправили в Бухару. Среди таких мобилизованных были и юноши, и пожилые люди, и совсем старики. Были даже больные, которые еле двигались. Этих «бойцов» в Бухаре не смогли принять как следует — у военного министерства, которое только начинало работать, не было еще ни казарм, ни денег. Не было ни обмундирования, ни вооружения, ни места для учений, не было еще ни командиров, ни преподавателей. Шли еще споры о том, быть ли войскам Бухарской республики отдельными, самостоятельными, или стать частью Красной Армии и подчиняться единому командованию. Были люди, которые боялись: если мы дадим в руки местного населения оружие и научим пользоваться им, не обратят ли они это оружие против нас, против новой власти?

Тем не менее военный комиссариат был создан, хотя, пока не раскачались другие ведомства, работа его еще не наладилась как следует. А на местах, по пословице «Заставь дурака богу молиться, он лоб расшибет», некоторые начальники переусердствовали. И вот почти пятьдесят

первых попавшихся человек из Чарджоу были привезены в Бухару и содержались, как заключенные, в одном из бывших эмирских дворов — без пищи, без воды, без постели для сна. Милиционеры, охранявшие их, иногда приносили им воды и немного хлеба. И не было никого, кто поинтересовался бы их положением, вступился за них.

Фируза так и не смогла ничего узнать об их участи. Тогда она позвонила военному комиссару — самому Файзулле Ходжаеву.

— Я Фируза из женского клуба. Сегодня к нам с жалобой пришли пять женщин из Чарджоу, бедные крестьянки. Они рассказали, что из окружных кишлаков пригнали в Бухару обманом много людей, совсем не подлежавших мобилизации. Вот уже десять дней, как их жены, дети, родные не имеют от них никаких вестей, беспокоятся, плачут... Разве так должна у нас проходить мобилизация?.. Хорошо, я приведу к вам этих женщин — поговорите с ними сами. Хорошо, я сейчас!

Фируза положила трубку и обратилась к ожидавшим женщинам:

— Вставайте, сейчас пойдем к Файзулле Ходжаеву. Вы, конечно, слышали о нем? Он — глава Бухарской республики и военный комиссар. Ваших мужей привезли сюда, чтобы принять в армию. Это дело в руках комиссара.

— Ох, дай нам бог удачи! — сказала туркменка. Остальные сказали «аминь», встали и вышли из клуба.

4

Два больших «европейских» окна освещали эту красивую комнату (одиннадцать балок в потолке). На обитом кожею диване с наслаждением раскинулся Низомиддин, вытянув на ковре, устилавшем пол, свои босые ноги. Поверх белого нижнего белья был накинут только легкий каршинский халат из алачи, голова была не покрыта, и на пальцах ног еле держались мягкие, без каблука науши. Рядом с ним сидела Зухрабону, жена сапожника Баководжана, и стригла Низомиддину ногти на руках. Хотя и не первой молодости, она все еще была красива и привлекательна: у нее были черные томные глаза, тонкие брови, сходившиеся, извиваясь, как змеи, на переносице, овальное лицо, вьющиеся черные волосы. Руки ее работали проворно, а с языка так и сыпались слова:

— Если я подам на вас в суд, вас непременно повесят. Мало вам было одной меня, так вы еще сбили с пути единственную мою дочь, соблазнили золотым кольцом и серьгами с алмазом. Вы добились своего, а что теперь мне делать? Хоть бы посоветовались со мной сначала!

— А что бы ты мне посоветовала? — лениво сказал Низомиддин.

— Я бы вас кастрировала! Правда, кастрировала бы, чтобы никому от вас не было вреда! Говорите: я комиссар, я холостяк, я богат — как будто это дает право лезть ко всякой понравившейся женщине.

— О-о! Потише! — воскликнул Низомиддин, отдергивая руку от ножниц.— Ты что, с ума сошла!

— Что, больно? Глаза кровью налились! А вот других вы не жалеете! Единственную несчастную дочь мою...

— Почему она твоя?

— Я ее вырастила! Моя дочь! Что мне теперь делать? Как перенести этот позор? Ищите теперь выход из положения!

— Я же сказал: надо найти доктора! Сколько надо будет — я заплачу.

— Халима не хочет, боится.

— Скажи, пусть не боится. Доктор легко это сделает, она даже и не заметит.

— Хорошо, это мы сделаем, выкинуть ребенка — дело простое, я и сама с этим справлюсь. А дальше что? Потом?

— А что может быть потом? Потом она будет ученая, будет знать, что делает. Выйдет замуж и успокоится.

— Пусть тебя жалят, мне-то что? — женщина покачала головой с сожалением.— Какой же мужчина возьмет ее теперь замуж?

— Найдем кого-нибудь... Не беспокойся,— сказал Низомиддин, вставая с дивана и глядя на часы, висевшие на стене. Стрелки подвигались к одиннадцати.— Жаль, что скоро вернется с работы твой муж, да и мне пора уходить, а то...

— Что «а то»? — спросила она, притворяясь непонимающей.

— А то... закрыл бы я дверь на крючок... У-ух, ты сама лучше тысячи девушек! А я, глупец, иногда забываю об этом. Ладно, иди домой, ужина мне не готовь, я вернусь поздно.

— Когда вернетесь?

— Поздно... Завтра приходи!

Женщина ничего не сказала и вышла, опустив голову. Низомиддин быстро снял халат, надел белую рубашку, к накрахмаленному воротнику прикрепил черный галстук-бабочку, надел бледно-голубой суконный костюм, очки, шапку на голову и вышел из дома...

* * *

Однажды в середине апреля, в полдень, к медресе Калобод подъехал пароконный фаэтон. Из него вышел Низомиддин-эфенди. Он был в синих очках, в руке держал легкую трость. На нем тот же бледно-голубой костюм, на ногах блестящие хромовые сапоги. Он отпустил кучера, а сам поднялся на площадку перед медресе. Здесь было безлюдно, только какой-то ученик медресе сидел в тени портала и читал книгу. Низомиддин повернулся и с высоты площадки оглядел улицу. Прохожие были редки. Напротив медресе находился хауз квартала Калобод, где водоносы набирали воду, двое или трое их сидели на берегу под большим тутовником и разговаривали.

Низомиддин внимательно оглядел сидевших у хауза. «Кажется, здесь нет людей из Чека?.. Кто может знать, что я в пятницу, в полдень, приду сюда? А если и есть здесь тот, кто меня знает, какое ему дело до меня? Я — комиссар внутренних дел, у меня есть своя цель. Надо спросить что-нибудь у этого студента медресе».

Низомиддин подошел к студенту, читавшему книгу.

— Братец, вы живете в этом медресе?

Тот поднял голову и ответил:

— Да, в этом медресе.

— А где можно найти мутавалли? [1]

— Не знаю, наверное, он у себя дома.

— А где его дом?

— За медресе, идите вон в ту улицу, там вам покажут.

Низомиддину понравился ответ: ведь он сам должен был идти в ту улицу, значит, у него есть свидетель, что он искал дом мутавалли.

— В медресе много сейчас учеников?

— Нет, нас осталось всего пятеро — из Куляба... Потеплеет — и мы тоже уйдем.

---

[1] **Мутавалли** — руководитель медресе.

— Куда?

— К себе, в родные места.

«И будете там все басмачами»,— подумал Низомиддин и вошел в медресе.

Медресе Калобод — одна из самых больших и древних медресе Бухары. Площадка перед входом метра на три выше улицы и выложена гранитными и мраморными плитками. Высокий портал украшен росписью, кельи здесь больше и выше, чем в других медресе. Раньше не каждому удавалось занять келью и учиться в этой медресе. Кельи сдавались за очень большие деньги, и без больших затрат или без высокого знакомства трудно было сюда попасть. Но сейчас большинство келий пустовали. Низомиддин вошел во двор медресе, огляделся, постоял немного и вернулся.

Снаружи под порталом все еще сидел студент с книгой. Сказав ему, что идет к мутавалли, Низомиддин повернул направо и спустился по ступенькам на улицу позади медресе. Здесь несколько мальчишек играли в альчики. Низомиддин прошел мимо и, дойдя до конца улицы, оглянулся — проверить, не следят ли за ним. Никого не было видно. Он быстро свернул в переулок и вздохнул с облегчением. Конспирация — дело трудное, опасное, этим должны заниматься опытные люди. А если ты неопытен и неловок, то знай, что опасность тебя подстерегает на каждом шагу. Вот как сейчас.

Всякий знает, что для тайных собраний самое подходящее время — ночь. Хотя ночью и противник бдительней, но под черным покровом ночи легче укрыться. Созывать же тайное совещание днем — совсем нехорошо. «Кто знает, почему сидит на площадке медресе этот студент? Ведь читать можно и в келье. Значит, он сидит здесь не бесцельно? И почему мальчишки играют в альчики именно здесь? Обычно родители не пускают в это время детей на улицу... Хорошо, что в переулке никого нет. Сейчас пройду еще немного, и должны продавать суммалак...» [1]

Продавцы суммалака на улицах Бухары — дело обычное. Этот продавец, казалось, устал — сидел на суфе возле чьих-то ворот и дремал. Но из-под полузакрытых век он внимательно оглядывал улицу, и отсутствие покупателей

---

[1] Суммалак — похлебка из пшеничного солода, традиционное весеннее блюдо.

было, видно, ему на руку. Наверно, он сидел так уже давно, и это ему надоело. Он потянулся, зевнул и встал с места.

В это время из-за поворота показался Низомиддин. Завидев его, продавец суммалака поднял на голову таз со своим товаром и ждал, когда тот приблизится.

— Хороший суммалак! — тихо сказал продавец.— Пожалуйста!

— У вас есть каса? — спросил Низомиддин.

— Сейчас найдем,— сказал продавец и пошел вперед.

Низомиддин улыбнулся и последовал за ним. «Неплохой фокус, но только на безлюдной улице. А если б тут были какие-то люди? Разве такой высокий начальник, как я, пошел бы за продавцом суммалака? Нужна мне чашка суммалака! Нет, все это — от неопытности, от незнания. Надо быть умнее, надо учитывать все случайности...»

Через несколько минут они свернули в тупичок. Продавец суммалака тонким голосом прокричал: «Суммалак, суммалак, хороший суммалак!», пропустил Низомиддина вперед и повернул обратно. Низомиддин дошел до конца тупика, подошел к двухстворчатым воротам. За воротами кто-то кашлянул, ворота открылись. За ними стоял плотный безбородый мужчина в длинном камзоле, с высоким колпаком на голове.

— Здравствуйте, назир-эфенди,— сказал он с улыбкой.— Пожалуйте!

— Салом! — отвечал Низомиддин и, быстро войдя в ворота, дал знак запереть их.— А вы все еще неосторожны, хоть и зовут вас Хушьер — бдительный. Почему вы так громко говорите: назир-эфенди? Разве вы не знаете, что и у стен есть уши?

— На улице нет никого, назир-эфенди.

— Почем вы знаете?

— Продавец суммалака иначе не подал бы голоса. А раз он закричал...

— За каждыми воротами может стоять человек и следить изнутри.

— Нет, наши соседи все свои люди.

— Во всяком случае, надо быть очень осторожными, на улице объясняться только знаками. Ну, ну, идите вперед!

Безбородый пошел вперед и через длинный крытый

проход, где было темно, вывел Низомиддина на дворик, вымощенный кирпичом.

— Что за человек продавец суммалака? — спросил Низомиддин.

— Это опытный и преданный человек. Сейчас он придет сюда, оставит свой тазик и будет сторожить у ворот.

— Но и вы тоже будьте бдительны! — предупредил Низомиддин.

— Хорошо,— сказал безбородый и повел его дальше.

Они прошли небольшой дворик, где было всего два дома, и пошли по дорожке во внутренний двор. Дорожка вывела их на большой двор, где было две суфы. Тут была кухня, где суетились женщины, и внизу в доме тоже видны были женщины. Безбородый, шедший впереди и показывавший дорогу Низомиддину, громко кашлянул, давая знак женщинам скрыться. Но женщины, очевидно, привыкли к приходу мужчин и продолжали заниматься своим делом, не обращая внимания на вошедших. Любопытный Низомиддин не мог издали разглядеть лица женщин, хотя у него был на них зоркий взгляд. Следуя за безбородым, он подошел к большому дому, стоявшему на возвышении.

В прихожей Низомиддина встретил высокий щеголеватый мужчина, хозяин дома Гуломджан Махсум. Он был в длинном чесучовом камзоле, в накинутом поверх халате из каршинской алачи, на ногах хромовые сапоги, на голове небольшая белая чалма. Из-под черных бровей на Низомиддина глянули ласково и в то же время испуганно почему-то покрасневшие, будто налитые кровью глаза. Красиво подстриженные черные усы и борода очень шли к его смуглому лицу, и вообще в нем можно было угадать любителя хорошо пожить.

— Пожалуйте, пожалуйте! — сказал он Низомиддину.— Добро пожаловать! Входите. Мы вас ждем.

— Разве уже все пришли? — спросил Низомиддин, здороваясь.

— Да,— отвечал Гуломджан,— все уже собрались.

— Домодходжа?

— И домодходжа...

— Значит, я опоздал?

— Ничего...

Они вошли в комнату. Это был один из лучших в Бухаре домов, под тринадцатью балками, построенный в классическом стиле, украшенный лепкой и росписью. На по-

стройке этого дома трудились лучшие зодчие и мастера Бухары, отдали ему весь свой талант и свое мастерство. Каждая потолочная балка, каждая поперечная доска были расписаны и разукрашены на тысячу ладов. Цвет дерева не был изменен, само дерево давало разные оттенки, которые были использованы мастерами очень искусно. Для украшения применялась и позолота, но со вкусом, чтобы подчеркнуть богатство росписи, чтобы радовать человеческий глаз. Вся передняя стена комнаты была покрыта вделанными в нее полками и полочками, окрашенными в разные цвета, расписанными решетчатыми узорами. На каждой такой полке и полочке стояли подобранные в цвет пиалы, чашки, чайники, вазы для цветов и всякие безделушки. Стены были украшены позолотой, как обложки старинных книг, а нижняя их часть выкрашена в зеленый цвет. Три высоких окна были тоже как в древних дворцах, со вставленными в них разноцветными стеклами — зелеными, голубыми, желтыми. Пол был покрыт громадным пестрым ковром «кизиласк», вокруг него по стенам расстелены одеяла и курпачи — из сатина, шелка и бархата. Посреди комнаты стоял резной чинаровый невысокий столик — хонтахта.

Низомиддин и Гуломджан вошли в комнату. Там было уже три человека. Впереди на почетном месте сидел средних лет мужчина в чалме, повязанной в виде репы. Всем своим видом он напоминал вельможу при дворе эмира. Это и был зять эмира — Абдурахманхан. Он не был арестован и свободно расхаживал по улицам революционной Бухары, так как числился сторонником джадидов, примыкал к их правому крылу. Поэтому сейчас он и сидел на почетном месте в доме Гулома Махсума, одного из представителей этого правого крыла. Двое других находившихся в комнате были некий близкий к иностранному посольству человек и один из друзей хозяина.

Низомиддин тепло поздоровался со всеми, его стали расспрашивать. Но прежде чем сесть, он приказал, чтобы опустили плотные шелковые занавеси на окнах.

— Так делают беседу неслышной! — сказал Низомиддин смеясь.

— Браво, браво! — поддержал его Гуломджан.— Беседу нужно вести за занавесом.

— Мы в политике слабы,— сказал Абдурахманхан,—

мы простые, наивные, тонкостей не знаем, сидим спокойно, подняв занавески...

— Нет, домодходжа,— возразил Низомиддин.— У вас еще нет опыта. На вашу голову еще не обрушилась беда — и не дай бог, чтоб случилось...

— Эх, эфенди, что вы говорите! — сказал, вздыхая, домодходжа.— Какая еще беда может на меня обрушиться? Если пропало все имущество, все мое богатство, и власть, и государство, и мое достоинство и авторитет, что же еще может случиться со мной! Утрата всего этого разве не огромное несчастье? Ладно, оставим эти разговоры, лучше послушаем вас. Какие новости вы нам принесли?

После того как Асад Махсум сбежал и были поколеблены основы тайного контрреволюционного общества, Низомиддин очень изменился. Теперь он сомневался в каждом, всех подозревал, избегал, стал очень осторожным. Он был перепуган. Иногда, задумавшись, он говорил себе: «Эй, глупец, простофиля, зачем тебе надо было присоединяться к этой интриге, подвергать опасности свою жизнь, взваливать на себя заботы и тревоги?! Что, у тебя нет авторитета и высокой должности? Не хватает тебе денег, богатства? Что ты играешь с огнем? Все это нужно Асаду Махсуму, он поджигатель войны, он — смелый и дерзкий человек, для него жизнь не в жизнь без всех этих смут и волнений. А тебе что надо?» Он говорил себе это и тут же упрекал, его мучила совесть. Поразмыслив немного, он убеждал себя, что, если бы не эта смута, не высокие друзья, не было бы у него ни власти, ни богатства. Если бы он не включился в работу провокационной группы, то сейчас был бы — самое большее — районным начальником милиции. Да и то неизвестно, может быть, просто рядовым милиционером — и все. И ведь вначале, в первые дни ему казались такими близкими их надежды и мечты... Ладно, и сейчас ведь еще не все потеряно. Пока друзья — за него, никакие несчастья его не коснутся. Только нужно быть очень осторожным, нужно хорошо обдумать каждый шаг. Асад Махсум, Ибрагимбек и другие — те, что находятся вне Бухары, вся эта группа, могут за какой-нибудь месяц разбить большевиков, уничтожить всех главарей. А затем, бог даст, и в новом правительстве он получит еще более высокий пост и достигнет вершины власти. Сейчас нужно сделать так, чтобы группа Гуломджана и домодходжи начала смело действовать. Задача Низомиддина в том, чтобы подталки-

вать их, торопить, науськивать даже друг на друга. Ведь выигрывает тот, кто столкнет двух противников, а сам выхватит жирный кусок, лежащий между ними.

— Есть свежие и радостные новости! — сказал он, привлекая всеобщее внимание.— Я узнал из верного источника, что некоторые иностранные государства протягивают нам руку помощи...

— Это известно,— сказал Мухаммед Вали, тот, кто был близок к одному иностранному посольству.— Наше государство протянет руку помощи Бухаре, чтобы изгнать отсюда русских.

— Это хорошо,— сказал Низомиддин,— но другая, более действенная помощь придет к нам со стороны крупнейших государств Европы. Англия и Турция не хотят, чтобы Бухара была в руках большевиков и русских. Решено, что Энвер-паша прибудет в Бухару и возглавит битву бухарского народа за веру...

— Энвер-паша? Что Энвер-паша? — раздались восклицания присутствующих.

— Какой это Энвер-паша? — спросил зять эмира.

Низомиддину стало смешно. Зять эмира не знает, кто такой Энвер-паша! Конечно, такие, как он, прежде ничего не знали, кроме грубых развлечений, наслаждений и барской лени. Они были равнодушны ко всему, что происходило в мире, для них не имело значения, какая страна с какой воюет, где происходят революции, какой народ сверг своего царя. Они не желали знать ничего, что происходило даже за воротами Бухары. Какой Энвер-паша? — спрашивает он. Как будто их несколько Энвер-пашей! Энвер-паша — герой мировой войны, победитель на полях сражений, великий полководец Турции и Германии!..

— Энвер-паша — зять супруги халифа, наместника ислама, полководец Турции,— приняв ученый вид, стал пояснять Низомиддин.— В мировой войне он был первым героем. Я видел его портрет в газете «Тарчимон». В глазах его горит огонь, лицо сияет, как солнце. Если бог даст и Энвер-паша прибудет в Бухару, это будет большое дело.

— А что в том толку? — спросил домодходжа, удивив Низомиддина.— Прибытие одного Энвера не поможет нашему делу. Вот если бы он привел с собой войско с пушками и снарядами, с пулеметами и аэропланами.

— Будет и все, о чем вы говорите, будет! — сказал самоуверенно Низомиддин.— Разрешите мне закончить мое

сообщение. Раз я сказал: бог даст, разрешите мне сказать, что он даст!..

— Пожалуйста, пожалуйста!

Низомиддин и сам еще не был хорошо осведомлен, где сейчас находится Энвер-паша, по какой дороге он придет в Бухару и что будет в ней делать, но здесь надо было хорошо использовать слухи.

— В народе говорят, что, пока дитя не заплачет, мать не даст ему груди. Великие иностранные державы тогда окажут нам действенную помощь, когда мы будем готовы принять ее. Энвер-паша, прибыв сюда, обратится к народу, подымет его на священную войну,— вот тогда и начнут поступать пушки, и пулеметы, и винтовки, вот тогда, перейдя границу, подойдут отважные афганские, турецкие и английские воины в распоряжение великого полководца Энвер-паши и начнется большая война.

— Кто вам сказал об этом? — спросил Абдурахманхан.

— Эти сведения поступили из Берлина...

— Да, это было бы хорошо! — сказал Абдурахманхан, вдруг обнаружив решительность и ум.— Если, конечно, эти сообщения верны. Однако революция в Бухаре и несчастья, какие она принесла на мою голову, сделали меня недоверчивым ко всяким слухам. Сейчас я рассуждаю так: не надейся на бога, а держись хоть за куст! Конкретная сила сейчас — мы сами. Ваши милиционеры, которыми командуют, в основном, тюркские старшины, отряд молодежи, наши сторонники — вот наша сила, вот это наши люди! Сейчас мы можем опереться только на них, надо вести работу только с ними. А если будет так, как вы говорите, что ж, прекрасно!

Низомиддин теперь увидел перед собой совсем другого человека,— он имел превратное представление об Абдурахманхане. Это был умный, решительный и храбрый политик. Низомиддин невольно сравнил Абдурахманхана и Асада Махсума. Тот был тоже смелым, дерзким и энергичным, но ему не хватало ума, дальновидности, он не любил раздумывать. В нем жило одно чувство — честолюбие, желание быть первым, никому не покоряться. А Абдурахманхан не такой — не верит каждому, верит лишь себе, знает, в чем его сила, что ему нужно. Нет, Низомиддин должен повнимательнее приглядеться к этому человеку, ближе связаться с ним.

— Ваши слова полны мудрости,— сказал Низомид-

дин.— Сейчас наша задача не в том, чтобы ждать Энвер-пашу, но в деятельной подготовке к его приходу.

Хозяин дома, Гуломджан, до сих пор молчавший и из вежливости предоставлявший высказываться гостям, кашлянул и сказал:

— Мы сегодня и собрались для того, чтобы, посоветовавшись, перейти к действенным мерам. Во времена эмира джадиды шли мирным путем, теперь мы должны действовать по-другому. Теперь мало собираться каждый день, советоваться, рассуждать и расходиться по домам; сейчас каждый из нас должен получить конкретное задание и, выйдя отсюда, приступить к его исполнению. А следующее наше собрание должно быть через три дня, в среду вечером.

— Конечно, конечно,— сказал Абдурахманхан: он был здесь старшим и вновь взял нить разговора в свои руки.— Мы пока услышали только одно сообщение. Я думаю, что господин Низомиддин скажет нам еще что-нибудь. Послушаем его, а потом наметим, какие меры надо принимать. Как вы думаете, господин Низомиддин?

— Хорошо,— ответил Низомиддин.— Другое сообщение, которое я хотел сделать вам, касается съезда объединенной партии Бухары. Вы, наверное, слышали об этом, но не знаете о разговорах, которые велись на съезде. А знать об этом нужно, особенно нашей группе! Съезд состоялся в конце февраля. На съезде коммунисты и младобухарцы разделились на три группы: левые, правые и середняки...

— Это было ясно сразу,— бросил реплику Гуломджан.

— Удивительно здесь то,— сказал Низомиддин,— что такой человек, как Окчурин, вошел в группу левых, он ведь один из главных сторонников Наджиба Хусаинова.

— А это кто такой? — спросил Абдурахманхан.

— Наджиб Хусаинов был сначала секретарем объединенной партии Бухары. Потом его отстранили от работы, он обиделся и уехал в Москву. А недавно он прислал из Москвы письма своим единомышленникам — Окчурину, Килич-заде, Шайххасану Алиеву и другим. В этих письмах он приказывал им создать свой подпольный центральный комитет и начать борьбу с правительством. Это означает, что левая группа, в сущности, думает то же, что и правая, то есть наша группа, но они, выдавая себя за красных, ведут работу тайно. На съезде от имени младо-

бухарцев выступил Килич-заде, обрушился с критикой даже на самого Куйбышева за то, что он поддерживает Файзуллу Ходжаева.

— Разве Куйбышев поддерживает Файзуллу? — спросил Абдурахманхан.

— Да, он везде решительно поддерживает Файзуллу. И Москва любит Файзуллу. Поэтому вся власть в правительстве — в руках Файзуллы. Левые, выступая против него, действуют нам на пользу. Но Окчурин, чтобы показать, что он — красный, выступил на съезде против правых за то, что они вызвали из Ташкента Мунаввара Кори, главу узбекских националистов...

— Неужели? — взволнованно спросил Гуломджан.— Он так и сказал?

— Да, он так и сказал: главу националистов Ташкента.

— А что сказали другие?

— Так как основной спор шел с левыми, то особенно много говорить о Мунавваре Кори не стали. Но это, конечно, не значит, что им не займется Чека, раз уж сказали, что он здесь...

— А сам Мунаввар Кори знает об этом? — спросил Абдурахманхан.

— Конечно. Он-то и просил меня сообщить вам об этом. Надо скорее действовать.

— Да, нужно как можно скорее приступить к делу! — сказал Абдурахманхан, поддерживая Низомиддина.— Мне кажется, с этого мы и должны начать — убрать руководителей правительства...

— Это будет сигналом для эмира Алимхана и иностранных правительств! — сказал Мухаммед Вали.

Низомиддин резко повернулся и посмотрел на Гуломджана. Тот подмигнул ему, словно говоря: «Не беспокойтесь!» Да, Низомиддин и слышать не хотел имени эмира Алимхана. Еще бы! Не для того они борются с большевиками, подвергая свою жизнь опасности, чтобы вернулся его величество, а для того, чтобы взять власть в свои руки, создать независимое национальное государство, у них высшая идея — создание союза тюркских народов, ислама! Эмир Алимхан к этой идее не имеет никакого отношения. Вряд ли и зять эмира, если говорить честно, хочет, чтоб вернулся его тесть, он жаждет сам занять его место на троне. Но пусть каждый думает себе, что хочет, а сейчас,

в данный момент, надо использовать всех, все средства, а потом найдется выход из любого положения!

— Прежде всего надо убрать Файзуллу Ходжаева,— предложил Абдурахманхан.— Это я беру на себя.

— Когда? — спросил Низомиддин и, не дождавшись ответа, сказал:— Отдельные единичные убийства не произведут большого впечатления. Но если, например, в течение двух-трех дней убьют одного-другого-третьего из руководства, то можно вызвать панику в народе.

— Это будет замечательно, но кого же надо убирать в первую очередь? — спросил Мухаммед Вали.

— Есть список,— сказал Гуломджан.— Мне кажется, русских не надо трогать. Если мы уберем кого-то из них, например Куйбышева,— это все равно, что палкой ковырнуть в улье. Русские сразу подымутся и нападут на наши следы. Русских надо вычеркнуть из списка, оставить только местных большевиков. И первыми в списке надо поставить имена Хайдаркула, Карима и Асо.

— И Фирузу и Насимджана! — сказал Низомиддин.

— С этим предложением все согласны! — сказал домодходжа.— Кто же возьмет на себя Хайдаркула, Карима и Асо?

— Карима и Асо уничтожу я,— сказал Мухаммед Вали.

— Хайдаркула — я! — сказал Гуломджан.

— Тогда и Фирузу пусть возьмет на себя Мухаммед Вали,— сказал Низомиддин,— Асо и Фируза — муж и жена, можно их уничтожить даже дома.

— Ладно,— сказал Мухаммед Вали.

— Насимджана и председателя Чека я беру на себя! — сказал Низомиддин.

— Этих двоих убрать очень трудно, тем сильнее будет впечатление.

— С сегодняшнего дня приступаем к делу,— сказал домодходжа.— Даст бог, в ближайшие два дня я выполню свою задачу.

— Нет,— сказал Низомиддин.— Я знаю, как много ненависти и злобы у господина Абдурахманхана, но торопиться все же не следует. Не нужно смотреть на это ответственное и важное задание, как на дело простое и легкое. Надо хорошенько приготовиться, обдумать все, а в следующий вторник на собрании каждый предложит свой

план и только с согласия всех приступит к его выполнению.

— Верная мысль! — сказал Гуломджан.

Остальные одобрили предложение Низомиддина, зять эмира, стиснув зубы, тоже вынужден был согласиться.

5

Новый базар находился между Регистаном и хаузом Девонбеги, недалеко от медресе Турсунджана и мечети Атолик. На базаре было несколько крытых рядов, десяток галантерейных и бакалейных лавок, лавки со сладостями и другие. Каждое утро на площадке перед мечетью Атолик, откуда начиналась широкая мощенная камнем улица, собирался базарчик, где шла торговля молоком и сметаной. Очевидно, для этого молочного базара позади мечети был устроен небольшой караван-сарай, где крестьяне, привозившие на базар молоко, оставляли своих лошадей.

В этом караван-сарае и работал Баконджан-сапожник. Над воротами караван-сарая, который был крытым, были надстроены две комнатки, а во дворе был поставлен высокий деревянный кат, на котором была расстелена старая черная кошма, лежали грязная курпача и подушка. На этом кате обычно сидел Бакоджан, свесив ноги, и вел свои дела с приезжими. Работа его продолжалась с раннего утра до полудня, потом караван-сарай пустел, только иногда какой-нибудь приезжий приводил свою лошадь или осла.

В тот вечер в караван-сарае не было никого, и Бакоджан сидел одиноко на кате, положив подушку на колени и опершись на нее локтями, поглаживал свою бороду и думал. Глаза его были устремлены в одну точку, и перед ним проходили видения его прошлой жизни.

День клонился к вечеру, все меньше становилось прохожих на улицах, и ничто не мешало его воспоминаниям, только сверчки однообразно скрипели под стеной, но он уже привык к их трескотне. Когда вокруг наступала тишина, эта трескотня становилась еще громче, и эти однообразные звуки даже помогали Бакоджану вспоминать.

Все вокруг напоминало ему о недавнем — и этот караван-сарай, и эти большие ворота, эта мощенная камнем улица и площадка перед мечетью Атолик. Кажется, только вчера он прибежал сюда — сапожник Бакоджан с пятизарядной винтовкой в руках, с патронной лентой на поясе,

с буденновкой на голове, прибежал сюда, к Новому Базару, вместе с другими красными бойцами. Войска эмира потерпели поражение и оставили город, но кое-кто из солдат остался пограбить, они затевали перестрелку и мешали продвижению наших войск. Несколько таких разбойников здесь, около Нового Базара, оказали сильное сопротивление. Бакоджан хорошо помнил, как вместе с другими бойцами поднялся на площадку мечети Атолик и хотел напасть на врагов с тыла. Но в эту минуту со стороны Регистана появились несколько всадников — конные воины эмира — и открыли стрельбу.

Бакоджан с товарищами заскочили в этот караван-сарай и, проломив кое-где стену, выходившую на Регистан, сквозь отверстия стали стрелять в воинов эмира. Двое всадников были сбиты, другие ускакали к Регистану. Тут подоспели наши бойцы, очистили от врагов Новый Базар и бросились на штурм Регистана. Бакоджан и его товарищи тоже вышли из своего убежища и побежали туда. От Нового Базара до Регистана не близко, но Бакоджан не заметил этого расстояния — такая жаркая была тогда битва.

В Регистане завязалась жестокая борьба с воинами эмира, укрывшимися в Арке. Воины эмира занимали хорошие позиции, стреляя из Арка сверху. А красным бойцам внизу мешали огонь и дым — горели лавки, ларьки, дождь пуль сыпался на них сверху. Сражение затягивалось. Но вдруг раздался громкий крик «Ура!» и красные, не обращая внимания на пули, летевшие сверху, побежали к деревянному помосту, ведшему в Арк. Побежал и Бакоджан, изо всех сил крича «Ур-ра». Он уже добежал до помоста, но взобраться на него не смог. Что-то сильно ударило его в колено, и он упал. Другая пуля ранила его в руку, и он потерял сознание... Открыв глаза, он увидел, что лежит в мечети Поянда, на коленях у своего товарища, и тот, разорвав его рубашку, перевязывает ему раны.

— Ну, Бако,— сказал русский товарищ, перевязав его.— Ничего, будешь жив.

— Дай бог, чтобы я стал здоров! — отвечал Бакоджан.— Дай бог, чтобы, после всех страданий и лишений, я встал бы на ноги и смог наслаждаться благами свободы, которую мы завоевали в сражениях.

Жизнь порой бывает коварна: жаждущий в пустыне видит берег чистой реки, но только приблизится, чтобы на-

питься,— вода исчезает; больной человек томится всю ночь, ждет рассвета — и умирает, не дождавшись солнца; садовник заботливо выращивает цветы — и уходит в землю раньше, чем его сад зацветет... Почему так бывает? Баходжан всю жизнь трудился честно, никогда не присваивал чужого, не нападал ни на кого, а почему-то его обманули, обидели, оклеветали, заставили бежать из родных мест... Тогда он восстал против тех, кто мешал ему жить,— и верно поступил, так и надо было сделать! Надо было силой отобрать у насильников и тиранов право и власть. И вот Баходжан с помощью товарищей, со всей Красной Армией победил, изгнал эмира. Неужели теперь он умрет, не испытав счастья свободы?! Нет, Иван сказал, что он выздоровеет. Он, Баходжан, должен выздороветь! Непременно!

Баходжана положили в госпиталь, стали лечить.

Он выздоровел, встал на ноги. Выйдя из госпиталя, свободно разгуливал по улицам Бухары. Как было хорошо, как радостен был тот осенний день! Солнце еще светило ярко, но лучи его были не жаркими, легкий ветерок шевелил алые знамена на воротах, на балконах, в порталах домов. На улицах уже не видно было эмирских солдат и чиновников, навстречу шла веселая жизнерадостная молодежь Бухары.

Баходжан шел к Куйбышеву, он знал его. И в Самарканде и в Кагане не раз Куйбышев говорил с ним, первый сообщил ему о победе революции. Конечно, Куйбышев не забыл его и постарается ему помочь.

Так и вышло на самом деле. Этот большой человек, представитель революционной России, посланный в Бухару Лениным, принял Баходжана в своем кабинете, усадил на мягкий стул и стал расспрашивать. Выслушав его историю, он распорядился, чтобы от его имени была написана бумага новому революционному правительству Бухары с просьбой помочь Баходжану, принять все меры, чтобы он мог жить теперь спокойно. И вот бухарское правительство приказало привезти из Кермине его жену и дочь, предоставило ему один из конфискованных домов, снабдило его всем необходимым в хозяйстве, велело выдать ему единовременное пособие — сто рублей и подыскать для него какую-нибудь работу полегче...

Разные люди бывают на свете: хорошие и плохие, заносчивые, надменные и простые, нечестные люди и справедливые, честные... Вот Куйбышев — спасибо ему — не

забыл его, помог, понял, что он пролил свою кровь за революцию. Другой бы на его месте, какой-нибудь бессовестный и чванный человек, во-первых, не допустил бы его к себе в кабинет, сказал бы, что у него нет времени беседовать с первым попавшимся просителем; во-вторых, даже если бы и принял его, то сказал бы: «Я тебя не помню — ведь тысячи людей воевали в Красной Армии, разве можно всех запомнить?», ну а в лучшем случае великодушно пожертвовал бы несколько рублей — и все!

Дворик, который ему дали, был небольшой, но удобный и красивый, в нем было все необходимое. Приехали его жена и дочь. Хозяйство наладилось. И он впервые за всю жизнь испытал настоящее семейное счастье и благополучие. Ни от кого он не зависел, никому ничего не был должен. Халима, его ласковая дочь, и жена Зухрабону ухаживали за ним, готовили ему вкусную пищу. Вскоре Бакоджан совсем оправился, только хромал немного да правая рука у него не действовала как следует.

О сапожном ремесле теперь нечего было и думать. Он не мог держать инструмент, резать кожу. Так что же делать? Ведь он еще не стар и не беспомощен. Надо найти работу по силам, чтобы зарабатывать хотя бы немного. Не может мужчина сидеть на шее жены и дочери. Хотя Зухрабону выполняла домашнюю работу у Низомиддина-эфенди и приносила домой еду с его стола, но довольствоваться этим и сидеть сложа руки ему не позволяло мужское самолюбие.

Он пошел в отдел социального обеспечения и попросил работы. И вот ему дали эту работу — смотрителя караван-сарая. Каждый месяц ему платили сто таньга. И достаточно! Работа легкая, но все-таки работа. Каждое утро он встает по гудку бани, приходит в караван-сарай, зажигает светильник и широко распахивает ворота.

Начинают приходить постояльцы. Некоторые приносят ему чашку сметаны или молока, другие простоквашу, курут, а летом фрукты, привязывают своих лошадей и ослов и уходят торговать. Бакоджан вешал на огонь закопченный чайник, заваривал крепкий зеленый чай и завтракал с кем-нибудь из приезжих. Потом он принимался за работу, подметал под навесом, приводил все в порядок и, забравшись на кат, сидел и глядел на улицу.

Иногда неплохо побыть одному с бессловесными животными. Некоторые лошади и ослы во много раз лучше

иных людей. Они носят на себе тяжелый груз да еще самого хозяина в придачу, довольствуются часто горстью ячменя и щепоткой сена, часами стоят под навесом, ждут хозяина, а когда он приходит, подают голос, приветствуют его тихим ржаньем и легким топотом. А то какие-нибудь два ослика сойдутся вместе и что-то говорят-говорят на своем языке. Может быть, они жалуются друг другу, что тяжелая кладь натерла спину или от долгой дороги болят ноги и под лопаткой. И они осторожно касаются зубами больных мест, чтобы хоть чуть-чуть помочь друг другу. А лошадь стоит и дремлет и не гонит горлинку, которая сидит на ее спине и выдергивает волоски, чтобы унести в свое гнездо. «Ладно,— думает лошадь,— вырывай, устраивай мягкую и теплую постель для своих птенцов, а волосы у меня опять вырастут...»

Иногда с хозяином приходит собака с обрубленным хвостом. По приказу хозяина ложится где-нибудь в углу или под катом и спит, положив голову на лапы. Все, чем угостит ее Бакоджан — хлеб, кость, остатки молока, она съедает тотчас, глядя на него ласковыми благодарными глазами. Да, собаки не забывают доброту человека, приняв хлеб из его рук, служат ему как могут. Чем может собака отплатить человеку? Тем, что сторожит, охраняет его, защищает, бережет его покой. Большое это дело — охранять, защищать. Вот и сам Бакоджан охраняет государственное имущество... А у него самого нет ни сторожа, ни защитника... Даже собаки нет. А он так нуждается сейчас в защитнике. Если бы была у него надежная защита, разве попал бы он в такое положение? Не затянула бы его жизнь в водоворот, из которого не выбраться. Все эти люди, что ходят вокруг тебя, только прикидываются друзьями... Очень трудно найти правдивого, отзывчивого и по-настоящему преданного человека!

Баходжан не забыл, да, наверное, и никогда не забудет одного такого человека. Сапожная мастерская Бакоджана выходила на улицу. У сапожника Бакоджана был только один подмастерье. Рано утром он приходил в мастерскую, открывал двери, подметал, убирал и садился за работу. Позавтракав, и Бакоджан выходил из дома и приступал к работе. До полудня он усердно работал, не подымая головы, и никто не мешал ему. Но когда спадала жара, к нему один за другим сходились друзья, любители весело и беззаботно провести время, начиналась болтовня, и работать

было уже трудно. Не мог работать и подмастерье: все время только и слышалось: «принеси воды», «завари чай», «сбегай за горячими лепешками», «принеси виноград», «дыню принеси», «сходи за сладостями»... И хоть были у Бакоджана золотые руки, никогда не жил он в полном довольстве. Всегда он был в долгу у бакалейщика, у лепешечника.

Среди тех, кто его посещал, был один бедный молодой мулла, он приходил, когда веселых друзей не было, и беседы его были всегда интересны. А познакомились они так: однажды Бакоджан пришел на базар, чтобы купить Коран,— друзья посоветовали ему поставить на полочке в мастерской Коран, говорили, что это принесет ему удачу. На базаре он увидел в руках у этого муллы разные книги и спросил, нет ли у него Корана. Мулла спросил, кто будет читать Коран — он сам или его сын. Мастер удивился такому вопросу: какое ему дело, кто будет читать Коран? Он хотел ответить резко и отойти, но, взглянув в добрые глаза муллы, сказал ему правду:

— На полочку в мастерской хочу поставить, чтобы приносил удачу.

— А-а, вы мастер-сапожник,— сказал, улыбаясь, мулла.— Я вас знаю. Если не ошибаюсь, вы — уста Бакоджан?

— Да, я сапожник Бакоджан. Откуда вы меня знаете?

— Искусного мастера все знают,— сказал добродушно Мухаммед Мурад.— Вот вам на память этот красивый расписанный Коран. Берите!

— А сколько он стоит?

— Я же сказал: вам на память! — ответил мулла.— Не надо денег, берите так. Если он будет стоять у вас в мастерской и приносить вам удачу, это будет для меня дороже золота.

Мастер взял Коран и в ответ пригласил муллу к себе в мастерскую на чашку чая.

Мулла долго не приходил. Наконец он вошел в мастерскую со своим сыном.

— Я болел, не мог прийти,— сказал он.— Сегодня сын меня вытащил на улицу погулять... Вот мы и зашли к вам.

Бакоджан обрадовался гостям, приветствовал их, угостил чаем с горячими лепешками и миндальной халвой. Во время разговора он нечаянно увидел, что на ногах сына муллы надеты только рваные калоши, видимо, другой обу-

ви у него не было. Бакоджан вскочил с места, достал с полки красивые хромовые сапожки и отдал их мальчику.

— Возьми, сынок, это тебе подарок от меня! — сказал он, довольный, что не остался в долгу у муллы.

Увидев это, подмастерье удивленно заморгал глазами и хотел что-то сказать, но строгий взгляд Бакоджана заставил его промолчать. Когда же гости ушли, подмастерье не выдержал и сказал:

— Уста, ведь эти сапожки сшиты по заказу караулбеги!

— Ничего, сынок, караулбеги подождет денька два-три, ведь он не ходит босым!

А караулбеги скоро пришел, чтобы взять заказанные сапожки.

— Как же так, три дня прошло, а сапожки не готовы, что за безобразие!

— Они были готовы, — отвечал мастер, — но... кожа оказалась недоброкачественной, как стал натягивать на колодку, порвалась... Ничего, через два дня получите свои сапожки, теперь я сам схожу в лавку, куплю для вас отличную хромовую кожу.

Караулбеги, хоть и злился, но пришлось ему подождать. С тех пор и началась дружба Бакоджана с муллой Мухаммедом Мурадом. Всякий его приход был радостью для мастера, беседы его были всегда содержательны, мулла пересказывал ему знаменитые книги, читал стихи. Однажды они заговорили о дружбе и товариществе. Мулла сказал:

— Шейх Саади Шерози говорил:

Ты можешь в один день узнать мужчину
И оценить его ум.
Но душу его — не обольщайся! —
Ты не узнаешь и в годы.

Да, очень трудно узнать человека! Особенно такому, как вы, доброму и доверчивому, готовому всякого назвать другом и товарищем. А ведь среди тех, кого вы считаете друзьями, есть и такие, у кого на языке сахар и мед, но самый страшный яд лучше, чем этот мед и сахар! Я вижу, что вас окружают именно такие люди. Отойдите от них! Они дружат с вами только ради вашего угощенья...

Бакоджан выслушал — и тотчас забыл эти слова. Опять приходили «друзья», опять были шум и веселье в

мастерской. Однажды его увели на чью-то свадьбу. Он вернулся поздно, пьяный. Войдя к себе, он услышал плач ребенка и стоны больной жены и только тогда вспомнил, что оставил их без присмотра, одних...

Да, он, конечно, был виноват в том, что жена его умерла так рано. Он так ее мучил, слабую, беспомощную, больную женщину, был к ней так безжалостен. Приходил пьяным, бил ее, ни разу не позвал к ней врача, когда она заболела, был занят всегда только собой и своими друзьями. Наконец она навсегда закрыла глаза, оставив сиротой десятилетнюю дочь. После похорон Бакоджан оказался весь в долгах и совсем растерялся. В те тяжелые дни друзья отвернулись от него, ни один не пришел даже его проведать. Потом Бакоджан сам заболел, мастерскую пришлось закрыть, но друзья и тут не помогли ему. Только один мулла Мухаммед Мурад — дай бог ему здоровья! — не оставил его. Он давал ему лекарства, стал лечить его, взял к себе домой его маленькую дочь. С его помощью Бакоджан поправился. Он был молод и любил работать. Выздоровев, он стал трудиться день и ночь и благодаря своему мастерству за год выплатил все долги и мог снова ходить с поднятой головой.

— Вам нужно жениться,— сказал ему однажды мулла Мухаммед.— Вам нужна хозяйка и воспитательница вашей дочери. Только будьте осмотрительны! Не женитесь на сварливой и неуживчивой женщине, чтобы потом не раскаиваться. Лучше уж быть одному, чем иметь плохую жену.

Бакоджан решил последовать этому совету. Но это была не простая задача. Ведь жена — это не лошадь, не корова, которую можно выбрать на базаре. А у сватов совести нет. Могут привести любую ведьму, расхвалив ее, как пери. И Бакоджан старался быть осторожным, расспрашивал и выслушивал разных людей.

Зухрабону в первое время очень понравилась ему. Она была привлекательна, трудолюбива, уживчива, ласкова в обращении, окружила его заботой, и он вначале был совсем счастлив. Позже выяснилось, что у Зухры есть свои слабости, в ней не было скромности и стыда, и она не всегда поступала так, как нравилось мужу. А потом, изучив характер Бакоджана, она стала управлять им, как хотела, порой грубо разговаривала с ним. Но к девочке она была добра, любила ее, как родную дочь, и заботилась о ней, ста-

ралась воспитать ее лучше. Вот за это Баkоджан прощал ей многое, и жизнь как-то шла... Если бы не тот караулбеги!

На этот раз караулбеги заказал сапоги для самого себя и почему-то повадился каждый день приходить в мастерскую, сидел подолгу и разговаривал. И как-то сказал, что знает Зухрабону, что она приходится родственницей жены его дяди...

Баkоджану он скоро надоел, и сапоги были готовы через несколько дней. Однако, когда надо было расплачиваться, возник спор между ними о цене сапог. Раньше Баkоджан уступил бы заказчику, но в это время он нуждался в деньгах, каждая таньга была на учете. А караулбеги торговался, желая заплатить вдвое дешевле, чем стоили сапоги. В спор вмешались друзья Баkоджана. Тогда караулбеги с издевкой бросил сапожнику требуемую плату и сказал со смехом:

— Ну, что ж, бери, хоть сапоги и не стоят столько, да уж ладно,— я в долгу перед Зухрабону.

При этих словах у Баkоджана потемнело в глазах. Грубость караулбеги ударила его прямо в сердце. Лучше бы караулбеги ударил его острым кинжалом, лучше бы повесил его, сжег его дом, имущество... но при людях, при этих болтунах и насмешниках так оскорбить его, бросить тень на его жену, так прямо сказать о своих отношениях с ней, конечно выдуманных... О, этого стерпеть он не мог!

Он не помнил, как схватил караулбеги за шиворот, как ударил его в грудь острым сапожным ножом, которым резал кожу... Когда он пришел в себя, вокруг никого не было, все разбежались, а караулбеги лежал на полу в луже крови...

И тут рядом с ним очутился мулла Мухаммед Мурад.

— Плохо дело! — сказал он.— Теперь вам остается одно — бежать. Бегите сейчас же, прямо в Самарканд, к русским. За женой и дочкой я присмотрю.

Мулла Мухаммед вывел его через заднюю калитку, повел по улочкам и переулкам на окраину, нашел где-то коня, посадил Баkоджана и отправил в дальний трудный путь...

Где-то сейчас этот святой человек? Где же он, кто смог бы и теперь помочь Баkоджану, успокоить его, унять его боль?..

Баkоджан глубоко вздохнул, поднял голову, оглянулся

вокруг. Был уже вечер, солнце клонилось к закату. Теперь можно было запереть караван-сарай и идти домой. Он встал, убрал навоз под навесом, подмел двор, но, проходя мимо ката, где он сидел перед тем, увидел сверток, лежавший на краю. В свертке был шелковый платок с кистями — его привез из Самарканда для Халимы человек, который хотел на ней жениться. Бакоджану и думать не хотелось о Халиме, о скандале, который мог разразиться из-за ее беременности. Но этот сверток!

Бакоджан взял платок, засунул его за пазуху, запер на замок ворота караван-сарая и пошел по дороге к хаузу Девонбеги. Сверток будто колол его в сердце, напоминал: «Будь осторожен! Будь разумен! Ты и твоя дочь обесчещены, опозорены, опозорены, опозорены!»

Нынче пришел сват от жениха, упрекал, что затягивают с ответом, хотя уже получили подарки. «Нехорошо, ведь человек с надеждой глядит на ваш дом, нечестно сбивать его с толку уклончивыми ответами: завтра, завтра. У каждого свои дела, не каждый может ждать. Если вы согласны, так скажите «да», чтобы человек мог готовиться к свадьбе, если же «нет», то так прямо и скажите, чтобы человек начинал сватовство в другой семье...»

Бакоджан извинялся, выдумывал какие-то причины задержки, попросил еще неделю отсрочки. И вот через неделю ему нужно дать окончательный ответ, дать свое отцовское благословение на брак. Но Халима беременна, потеряла девичью честь, опозорила отца и мать, и теперь жизнь для него в тягость. Конечно, если поразмыслить, виновата не одна Халима. Кто знает, может быть, кто-то запугал ее, а потом обманул и бросил? Халима наивна и доверчива, видно, она поверила какому-то бессовестному человеку... А теперь боится и не хочет назвать имя этого насильника,— видно, так ее запугали, что она лучше умрет, чем назовет его имя. Бывают же такие негодяи!

Когда-то, когда Бакоджан еще сапожничал в Кермине, он никому не хотел зла. Даже если с ним поступали несправедливо, обижали его, он считал, что бог видит все, бог покарает злого и воздаст добром хорошему человеку. Но потом он понял, что нужно восставать против насильников, и даже взял оружие в руки. С тех пор он изменился. Он научился отвечать насилием на насилие, обидой на обиду. Как можно бедным молчать, когда тираны их угне-

тают? Почему, когда ударят тебя по щеке, ты должен подставить другую?

Нет, на удар надо отвечать ударом: кулаком — если ударили ладонью, пинком — на удар кулака, револьвером и винтовкой — на палку и кнут! Когда нет у тебя защитника, даже собаки нет, охраняющей твой покой, ты должен сам уметь себя защитить. Ты должен всегда держать оружие наготове, не то сядут тебе на шею и уздечку засунут в рот. Ух, если бы только дознаться, кто опозорил его дочь! Кто бы он ни был, Баководжан заставил бы его кровью заплатить за свой позор.

Баководжан шел мимо мечети, откуда выходили люди после вечерней молитвы. Некоторые здоровались с ним, но мало кто знал его — он был чужаком в этом квартале, и люди смотрели на него равнодушно. Ни с кем из них Баководжан не водился, только жена его, которая прислуживала в доме Низомиддина-эфенди, познакомилась благодаря этому с некоторыми соседками. А он, он только кланяется этим людям и проходит мимо.

Баководжан заторопился, подходя к своему дому, отпер ворота и вошел. Халима лежала на полу и, держась за живот, плакала.

— Что с тобой? — спросил, подойдя к ней, Баководжан и погладил ее по голове.

— Ничего...— с трудом вымолвила Халима и еще горше заплакала.

— Что ты держишься за живот? Болит? Ты что-нибудь сделала с собой? Говори!

— Нет,— отвечала Халима,— мать ударила ногой...

— Ах, чтоб ее нога сломалась! — сказал Баководжан.— Ничего, пройдет. Ты ляг поудобней, лицом вниз, вот так. Видно, глупая твоя мать хотела как-то помочь тебе: ударила, чтобы кровь пошла... Так недолго и покалечить... Вот дура, покарай ее бог! Все от ее глупости...

Халима молчала, лежала, закрыв лицо руками. Баководжан вынул из-за пазухи сверток и, развернув шелковый платок с кистями, накинул его Халиме на плечи.

— Вот жених тебе прислал из Самарканда подарок.

— Не нужно мне! — сказала Халима и, сорвав с плеч платок, швырнула его на пол.

Отец даже обиделся: что за неучтивость? Раньше Халима не была такой, никогда не перечила отцу, не грубила. Что с ней случилось? Может быть, она сама во всем

виновата? Неужели тихоня Халима сама согласилась на бесстыдный поступок? Неужели она готова без отцовского благословения, без свадьбы уйти с каким-то безбожником? Нет, в это трудно поверить. Верно, ее обманули, оттого она теперь так безутешна. Но кто же этот негодяй?

— Постой, что ты делаешь? — сказал сердито Баконджан.— Если ты швыряешь подарок жениха, то чего же ты хочешь?

Халима ничего не ответила и опять заплакала.

— Значит, ты жалеешь того негодяя? Скажи, кто он? Не бойся! Если он подходящий человек, мы вас обвенчаем, как полагается.

Халима молчала. Баконджан повысил голос, строго допрашивал ее. Она все молчала и плакала. В это время вошла ее мачеха Зухрабону и сказала:

— К чему эти расспросы? Что сделано, того не воротишь. Если бы можно было назвать имя, ваша дочь ответила бы. А раз молчит, значит, нельзя. Может, она боится за вас и за себя.

— Почему ей бояться за меня?

— Боится за вашу жизнь, за ваше благополучие... мало ли чего... Подумайте хорошенько!

Баконджан думал-думал и ничего не мог понять. Что-то здесь скрывается, чего он не может знать. При чем тут его жизнь, его благополучие? Нет, видно, он не способен разобраться в этом. Жена что-то понимает, а он нет.

— Что же нам делать? — беспомощно пробормотал он и сел на ковер.

— Надо показать ее врачу — пусть выкинет этого незаконного ребенка! — сказала хитрая жена.— Говорят, что доктор сделает это без вреда для нее, и через два дня она будет здоровой.

Баконджан вспыхнул:

— А после выкидыша кому она будет нужна, опозоренная и обесчещенная?

— Найдется кто-нибудь, пожалеет...

Баконджан заскрежетал зубами. Лучше бы его ударили саблей по голове — не так было бы больно. Ведь он и скитался по всей области, и воевал, и трудился изо всех сил — все ради того, чтобы сохранить честь и достоинство человека. А теперь о нем будут говорить с насмешкой, будут трепать его имя всякие подлецы! Что он ответит жениху? Как будет глядеть в глаза людям своего квартала, когда

тайна его выйдет наружу? За кого выдаст дочь свою? Если отдать ее первому попавшемуся, каково ей будет с ним, чего она натерпится в будущем!

— А ходили вы к Фирузе? — нарушила молчание Зухрабону.— Ну, что она вам сказала?

— Что она могла сказать? — проворчал Баходжан.

— Такого растяпу, как вы, эта умница, верно, сразу оседлала?

— Заткнись, дура! — рассердился Баходжан.— Если я растяпа, то иди сама и спрашивай!

— И пойду! — задорно сказала Зухра.— Я не такая трусливая, как вы! Я свое вырву даже из пасти дракона! Обманули мою чистую, невинную девочку да еще хитрят!

— А зачем тебе Фируза? Если ты хочешь узнать, кто этот негодяй, то лучше спроси у нее, у дочери спроси! Почему она молчит? Почему не называет имени? Если мне не хочет сказать, пусть тебе скажет!

— А мне она уже сказала, я знаю! — Зухра кинула на мужа победный взгляд.

— Кто же он, этот насильник? — забеспокоился Баходжан.

Халима, которая слушала весь этот разговор отца с матерью, вдруг вскочила и испуганно посмотрела на мать. Но Зухра была невозмутима.

— Успокойся! — сказала она дочери и, повернувшись к мужу, продолжала: — Если хотите узнать, кто этот безжалостный человек, то идите прямо на двор к назиру — он вам скажет.

— Назир? Какое отношение к этому имеет назир? — разволновался еще больше отец.— Если ты знаешь, скажи сама. При чем тут назир?

— Сказать вам? — спросила жена и продолжала уже по-узбекски, чтобы Халима не поняла: — Разве при девушке скажешь это? Назир-эфенди все знает, но мне не хотел сказать, только вам скажет... Дело обстоит хуже, чем вы думаете!

Кровь ударила в голову Баходжана. Что может быть хуже? Эта женщина лжет или в самом деле произошло что-то ужасное?..

— Назир-эфенди,— спокойно говорила женщина,— даст вам и адрес доктора-женщины, вы пойдете за ней и приведете ее, пусть поможет избавиться от ребенка. Ведь если узнают, что Халима делает выкидыш, нам проходу не

будет в квартале. Стыд и позор! А доктор, которую укажет назир-эфенди,— русская, уста ее закрыты, она никому не сможет рассказать...

— Боже мой, боже мой! — воскликнул Баконджан, не зная, что и сказать жене.— Что за дни бог нам посылает!

— Другого выхода нет! — решительно сказала жена.— Вставайте же и отправляйтесь. Действуйте. И не огорчайтесь так!

Как мог он не огорчаться?! Невинная девушка, его дочь, беременна, нужно привести доктора, чтобы сделали выкидыш,— а он не должен огорчаться? Какому мусульманину приличны такие слова? Выбросить ребенка — это преступление, двойное преступление! Это ведь детоубийство. Случись это во времена эмира, всю семью закидали бы камнями... Нет, Баконджан не может прямо смотреть людям в глаза, пока не узнает преступника. Он пойдет к назиру, тот скажет ему, кто это сделал, и Баконджан отомстит, потом исчезнет.

Он вскочил на ноги и не оглядываясь выбежал из дома.

Низомиддин принял Баконджана очень вежливо, с уважением и участием, усадил его на мягкий кожаный диван.

— Добро пожаловать! — сказал он, садясь напротив него.— Надеюсь, вы здоровы?

— Благодарю вас,— ответил с трудом Баконджан, едва подавляя в себе ярость.

— Однако,— сказал Низомиддин медленно,— я вижу, вы взволнованы, огорчены чем-то...

— Не спрашивайте, назир-эфенди, не спрашивайте! — отвечал Баконджан.— Большое несчастье случилось, тяжелая гора свалилась на мою голову, раздавила меня... Я в отчаянии, положение мое безвыходное...

— Почему же? — сочувственно спросил Низомиддин.— Вы — храбрый, отважный мужчина, революционер, герой Красной Армии, вы не должны быть несчастны в нашу эпоху — и не будете никогда несчастным. Мы все, кто служит власти, ваши друзья и обязаны поддержать вас. Не бойтесь ничего!

— Но ведь Халима,— сказал несколько успокоенный словами назира-эфенди Баконджан,— дочь моя Халима...

— Знаю, уже осведомлен обо всем! — отвечал Низомиддин, открыл коробку папирос, предложил гостю закурить, а когда тот, приложив руку к груди, отказался, закурил сам и замолк.

Баходжан на какое-то мгновенье под воздействием похвал, расточаемых ему назиром, в самом деле, почувствовал себя героем, смелым человеком, приободрился и подумал: не зря совершилась революция, не зря создана Бухарская народная республика! Революцию совершил народ, трудящиеся, терпенье людей лопнуло, другого выхода не было... во главе революции были достойные, честные люди... Потом такие люди, как Низомиддин, взяли в руки власть в Бухаре и правят ею. Хорошо, что Баходжан живет в это время! Какой бы чиновник эмира раньше беседовал с ним вот так, сидя рядом? У них разговор был короткий: кончиком ноги указали бы на порог да выкрикнули бы строгий приказ. А вот нынче Баходжана встретили учтиво, выказали уважение к нему, назвали его героем, революционером. Сам комиссар внутренних дел сидит и беседует с ним в собственном доме... Такой человек каждому сумеет оказать помощь...

— Я знаю,— продолжал Низомиддин,— вас и вашу невинную дочь обидели. Над вашей семьей надругались. Да, немало еще авантюристов в нашем городе. Они жаждут таких приключений. Мы это знаем. Есть у нас такие контрреволюционеры, которые ищут грязь под ногтями и готовы охаять таких, как вы, честных людей, красных революционеров. Случай с Халимой — для них находка. Будут распространять этот слух даже за пределами Бухары, будут смаковать это событие, чернить ваше имя. Вот, скажут, дочь такого-то забеременела, не выходя замуж, это дело революционеров, вот, мол, они какие, эти революционеры! Для них нет ни законного брака, ни свадьбы, просто сердце сердцу весть подаст, все теперь у них общее — и мужья и жены, и так далее и тому подобное... А если узнает об этом Файзулла Ходжаев, скажет: опозорили имя революционера...

— Несчастный я! — только и смог сказать Баходжан.

— А вы не беспокойтесь! — сказал Низомиддин, положив ему на колено руку.— Не горюйте! Потому что я смогу пресечь все это.

— Как? Как можно скрыть такой позор, пресечь слухи?

— Сейчас, сейчас я вам все объясню,— сказал Низомиддин, встал с места, вышел в прихожую и, оглядев двор и убедившись, что никого нет поблизости, вернулся в ком-

нату, сел рядом с Баководжаном.— Во-первых, я вам сначала открою, кто виновник...

— Да, да! — живо отвечал Баководжан, уже поверив Низомиддину.— Сто раз готов вас благодарить!

— Это Насимджан, сын Ходжи Малеха,— сказал Низомиддин.— Вы знаете его, он живет напротив женского клуба, на улице, где баня Кафшолак.

— Довольно, довольно! — сказал Баководжан.— Я знаю его: щеголь, в очках.

— Да,— сказал Низомиддин.— Но он не один был. В этом деле ему помогала Фируза.

— Неужели?

— Да, да,— подтвердил Низомиддин.— По сведениям моих агентов, Фируза завлекла Халиму к себе, увидела, что это красивая, простодушная и послушная девушка, и решила ее использовать, чтобы угодить начальникам и добиться для себя высокой должности. Она познакомила Халиму с Насимджаном. Тот сначала постарался приучить ее, подружиться, а потом привел ее к себе в дом. Жена Насимджана Хамрохон, или, как ее еще называют, Оим Шо, от ревности стала безумствовать. Мне говорили об ее ревности, но я, к сожалению, не придал этому значения. Теперь, мне кажется, Оим Шо, обманутая или запуганная, примирилась и молчит. Насимджан знакомит Халиму с председателем Чека, или сам сначала, а потом председатель... Во всяком случае, они напугали бедную девочку, приказали ей никому не говорить об этом — не то, мол, арестуем твоего отца и мать, расстреляем их, а тебя отдадим на потеху солдатам... А чтобы задобрить ее, они подарили ей алмазное кольцо и еще что-то, я уж не знаю точно что.

— Проклятые! Насильники! — говорил Баководжан, скрежеща зубами, доведенный почти до безумия.

— Теперь дело надо кончать так: я дам вам адрес одной женщины-доктора. Она — свой человек и будет молчать. Пойдите к ней, скажите, что я велел, чтобы она взяла инструменты и шла к вам домой, чтобы облегчить девушку. А затем, бог даст, Халима поправится и найдет свое счастье. Но ни вы, ни мы не должны никому и не обмолвиться обо всем этом, не выдать тайну. Нельзя, чтобы враги узнали...

— Нет, что вы, эфенди!— вскричал в гневе Баководжан.— Я не могу так оставить все! Я должен отомстить

врагу за мою поруганную честь! Я вовсе не такой растяпа, как говорит моя жена, я не позволю, чтобы с моей семьей расправлялись, как кому захочется! Нет, я еще во времена эмира не мог вынести оскорбления, нанесенного мне, я не испугался и так ударил в грудь моего оскорбителя, что он тотчас отдал богу душу. И сейчас еще, слава богу, у меня хватит силы прицелиться из револьвера или винтовки...

— Что, что вы хотите делать? — быстро спросил Низомиддин.

— Убить Насимджана, а потом рассчитаться и с другими.

— Но ведь они люди влиятельные, хозяева Чека,— сказал несколько испуганный Низомиддин.— Иначе я и сам бы привлек их к ответственности... А вы...

— А я их уничтожу без суда и следствия! — усмехнулся Баკоджан и встал.

— Во всяком случае мой вам совет — действуйте обдуманно и разумно! — сказал Низомиддин и вытащил из ящика стола револьвер: — Возьмите, это вам пригодится, раз у вас есть такие враги. Но если у вас не хватит решимости, лучше не беритесь за это дело. Мы посоветуемся и, может быть, найдем какой-нибудь другой способ...

От гнева и ярости у Бакоджана дрожали руки, когда он брал револьвер. Он ни о чем не мог сейчас думать, им овладело страшное чувство — жажда мести.

6

Часы на стене пробили шесть раз и умолкли. Оим Шо, лежавшая на кушетке и читавшая, оторвалась от книги и посмотрела на двор. Там, кроме тетки Насимджана, которая хлопотала со стряпней, никого не было. Оим Шо хотела продолжать чтение, но другие, более старинные часы, стоявшие на полочке над кушеткой, тоже пробили, из окошечка над циферблатом показалась кукушка, которая прокуковала шесть раз, взмахнула крылышками и исчезла, и дверца закрылась. Оим Шо улыбнулась и снова взялась за книгу. Это были сочинения Саади. Она прочла стихи:

Я ведь не знал сначала, что ты не верна в любви.
Зачем давать обещанье — и не прийти?
Друзья бранят меня, что я сердце отдал тебе,
Но я не мог не сказать тебе, как ты красива!
— О, не преследуй красавиц,— ты мне сказала.
В море чувств — где я и где ты!

Я говорил себе: когда ты придешь, открою тебе все мои печали,
Но, когда ты приходишь, из сердца улетает печаль...

Оим Шо задумалась, прочтя эти строки. Да, она тоже хочет рассказать любимому о том, что у нее на сердце, но когда он приходит, она не знает, о чем говорить. Если бы знал ее сердечный друг, в каком она состоянии, он не оставлял бы ее одну.

Некоторое время Хамрохон страдала от ревности, мучилась сама и Насимджану омрачала дни. Но потом, когда поняла все, успокоилась, даже стала смеяться над своими дикими поступками.

«Все эти безумства — от любви, от безграничной моей любви,— говорила она себе.— Конечно, и те, кто меня подстрекали, сделали свое дело... Я, глупышка, чуть было не поддалась их наветам...» Нужно взять себя в руки. Нужно отбросить все сомнения, не надо думать, что Насимджан бросит ее и женится на другой. Но и Насимджан должен помогать ей, не оставлять ее надолго одну. Взял бы ее к себе на работу... Она будет ходить на работу в парандже, там снимать, работать без паранджи, а вечером, возвращаясь домой, опять ее надевать. Лучше ей быть вместе с ним. Если женщины хотят свободы, они должны быть во всем равны с мужчинами — выполнять любую работу, пересиливать всякие трудности, иначе какая же свобода, только на словах?.. Всю жизнь она мечтала о счастье, и вот теперь, когда исполнились ее желания, когда она счастлива, почему она должна сидеть дома и тосковать? Почему она должна жить в вечном страхе за любимого? Да, да, в постоянном страхе, в ужасном страхе! Время такое неспокойное, на каждом шагу Насимджана подстерегают опасности... А Насимджан беспечный, ничего не боится, он такой горячий, готов идти навстречу любой беде. Враги подстерегают его всюду, готовят против него свои черные козни. Ведь не зря звонил ей домой и запугивал какой-то незнакомый мужчина. Видно, покушаются на жизнь Насимджана, хотят убить его за что-то... Сегодня он обещал прийти пораньше, а до сих пор его нет. Уже вечер, все учреждения закрыты. А Насимджана все нет... Господи! Хоть бы он был жив, хоть бы с ним ничего не случилось!..

Всю жизнь Хамрохон жила ожиданием встречи с Насимджаном, его одного она любила, ему одному отдала себя всю. Насимджан сказал ей, что простил ей все, что было до него. Почему? Потому что их связала любовь и дружба.

Если бы сердце ее было свободно от любви! Но разве его можно было бы назвать сердцем, если бы оно не было полно постоянного трепета любви? Ведь именно любовь и дружба открывают ей глаза на мир, согревают все ее существо, заставляют радоваться жизни... Да, Хамрохон счастлива, она вышла замуж за того, кого любила... Что может быть выше этого счастья? Но почему же она живет в такой тревоге, в таком беспокойстве? Верно сказал поэт:

Тревога лишает меня наслаждения от встречи.
Милая в объятьях моих, а я все чего-то жду...

«Да, Насимджан в моих объятиях, никто не смеет отнять его от меня...» Но почему же его до сих пор нет? Уже почти семь часов... Она вскочила с кушетки, выскочила босиком во двор и закричала тетушке Насимджана:

— Кто пришел? Это Насимджан пришел?

Старушка высунула голову из кухни, удивленно посмотрела на нее и сказала:

— Никто не пришел, доченька, успокойся.

— Почему же он так запаздывает?

— Еще не поздно. Придет... не волнуйся.

Вечерняя прохлада несколько освежила ее, и, немного успокоившись, она вернулась в комнату. Но не успела перевернуть страницу, как снова страх охватил ее, мысли ее заметались в смятении, ее бросало то в жар, то в холод.

Она выбежала в другую комнату, где был телефон. Позвонила, попросила Чека. Насимджана в кабинете не было. Какая-то женщина ответила, что Насимджан у коменданта — какое-то важное дело... Интересно, что делает эта женщина в кабинете Насимджана в такое позднее время? Ревность опять ударила в голову, но она сдержалась: может быть, это уборщица — ведь после работы она убирает все комнаты в учреждении... Но зачем Насимджан пошел к коменданту, что за важное дело?..

Вдруг со двора послышался мужской голос, а потом крик тети:

— Боже мой, да кто же вы? Куда вы? В чем дело? — спрашивала старушка.

Хамрохон выбежала во двор и увидела, что к ней быстро направляется незнакомый мужчина среднего роста, с круглой бородой, одетый в изношенный сатиновый халат. Хамрохон невольно прикрыла рукавом лицо и закричала:

— Стойте! Что вам нужно в чужом доме?

Но мужчина, не слушая, оттолкнул ее и вошел в комнаты. Хамрохон и тетя, тяжело дыша, последовали за ним. Стоя посреди комнаты, мужчина, весь бледный от гнева, с налитыми кровью глазами, с дрожащими руками, глядел на них.

— Где твой муж? Где развратный Насимджан?

— Кто ты такой? Почему кричишь? Зачем тебе нужен мой муж?

— Я — смерть твоему мужу! — сказал мужчина и, подойдя к ней, с угрозой повторил: — Отвечай, где он?

— Насимджан сейчас с воинами-чекистами возвращается домой. Если хочешь найти здесь свою смерть, жди его!

— Если бы я не знал, что ты тоже обманута, несчастная,— сказал мужчина, глядя на Хамрохон воспаленными глазами,— то, ей-богу, сначала убил бы тебя, потом пошел встречать Насима. Но я знаю, знаю, что и ты им обижена... Ладно, не бойся, кончились твои черные дни, сегодня же ты избавишься от этого развратника!..

Сказал — выскочил во двор и мгновенно исчез за воротами, оставив женщин в смятении.

— О боже, да что ж это такое? — сказала тетя, приводя в чувство Хамрохон, близкую к обмороку.— Кто это был? Разбойник?

— Нет, не разбойник,— ответила Хамрохон,— это был смертельный враг Насимджана...

— Враг Насимджана? О боже! Тогда вставайте, надо что-то делать! Позовем соседей...

— Бесполезно. Он уже ушел, идет встречать Насимджана. Господи, хоть бы Насим еще был в учреждении, хоть бы он еще не вышел...

Хамрохон позвонила в Чека. Звонила долго, но почему-то никто не подходил. Очевидно, в кабинете уже никого не было, или телефон испорчен. Ах, недаром говорится: земля тверда, как камень, а небо высоко! На мгновенье Хамрохон задумалась, потом быстро прошла в свою комнату и, достав из сундука маленький револьвер, сунула его в карман своего лилового бархатного камзола, камзол надела поверх домашнего платья, взяла с полочки шитую золотом тюбетейку, надела и вышла на двор. Тетя поспешила за ней, спросила со страхом:

— Куда ты, доченька?

— Я должна пойти и предотвратить смерть! — сказала она и направилась к воротам.

— Постой, что же ты можешь сделать? Погоди, я позову кого-нибудь на помощь!

— Я сама! Сама готова на все! — ответила Хамрохон и, не обращая внимания на причитания тетки, вышла на улицу, как была — без паранджи.

— О, смерть моя! — кричала старуха и била себя в грудь руками. — Да что же это за день выдался?!

А Хамрохон без паранджи, без чашмбанда, с открытым лицом шла гордо и решительно, направляясь к торговым рядам. Она ни на кого не глядела, не боялась никого. А между тем это была первая в Бухаре женщина-таджичка, вышедшая на улицу без паранджи. Если бы в то время там были сегодняшние фоторепортеры, они бы уже сто раз со всех сторон запечатлели бы это восстание, этот первый шаг к свободе и во всех газетах и журналах мира появились бы снимки...

Поистине это было историческое событие, революционное событие. Но ни сама Хамрохон, ни Насимджан, ни все те люди, которые увидели ее без паранджи и глядели ей вслед с изумлением, не понимали еще, не знали, почему она решилась на такой смелый поступок.

В тот час улицы и базары еще были полны народу, лавочники только закрывали свои лавки, юноши шли, как обычно по вечерам, к хаузу Девонбеги, а мануфактурные ряды возле Токи Телпак еще открыты и при свете фонарей манили покупателей разложенными материями.

И бакалейщики, и торговцы галантереей, и повара, варившие горох в котлах, и сторожа караван-сараев — все, увидев стремительно идущую мимо них женщину с открытым лицом, без паранджи и чашмбанда, в изумлении хватали себя за воротник, ошеломленно молчали, некоторые даже делали вид, что ничего не заметили. Ведь если бы такое случилось года два назад, когда власть была в руках эмира, тогда бы все, по одному знаку муллы, кинулись бы на нее и растерзали. Но сейчас все они видели женщину без паранджи и, вопреки всем обычаям и правилам, могли только удивляться, но ничего с ней поделать не могли. Это было чудо, рожденное революцией, знамение свободного времени. И молодежь приветствовала его, радовалась ему. Несколько человек пошли следом за Хамрохон и не могли наглядеться на нее. Женщина без паранджи!

Она вызывала смятение, даже суматоху на улицах Бухары. Люди, будто не веря глазам, спрашивали друг друга:

— Видели? А ведь она бухарка, а?

— Удивляюсь! Неужели она мусульманка?

— Мусульманка?! Интересно... Но кто бы она ни была, женщина, вышедшая на улицу без паранджи, потеряла всякую веру в бога...

— А вы видели, какая на ней тюбетейка — шитая золотом, а?

— И сама она красивая!

— Теперь таких будет много. Ведь сейчас свобода!

Служка из квартальной мечети, увидев ее, побежал в мечеть и сказал имаму:

— Господин, сейчас по улице прошла мусульманка без паранджи, даже без платка!

— Наверное, сумасшедшая?

— Нет, непохожа на сумасшедшую. Идет так гордо, независимо, как будто сама земля должна поклониться ей за это.

— А вы, видно, с удовольствием на нее глядели, а? Нехорошо, почтенный суфи, так вы можете и сами потерять веру!

Сторож Токи Телпак, покинув свое место, подбежал к ближайшему милиционеру и торопливо стал объяснять ему:

— Здесь только что прошла женщина без паранджи!

— Ну и что? — сказал юноша-милиционер. — Пусть идет, а тебе-то что?

— Но ведь она — мусульманка... и даже без головного платка!

— Ну и что? Теперь женщины свободны.

— Но ведь, значит, она потеряла веру!

— А если ты не потерял еще веры, так иди на свое место и сторожи хорошенько, чтобы ничего не случилось. Смотри, если что случится, будешь отвечать не только перед богом, но и перед судом...

Но Хамрохон не замечала смятения, которое вызвала. Она вся была полна тревоги за Насимджана. Хоть бы он еще не вышел из своего учреждения, хоть бы еще не встретился со своим врагом! Хоть бы жив был...

Дорога казалась ей такой длинной, путь от дома до Чека бесконечным. Быстрее, быстрее надо идти, надо успеть предупредить Насимджана и его товарищей... Если ей

встретится тот мужчина, она приставит револьвер к его груди и отведет его в милицию или заставит поднять руки и поведет так в Чека... Но мужчины того не было видно. Где же он спрятался, выжидая? Что ему сделал Насимджан? Почему этот мужчина хочет мстить ему? С виду он непохож на хулигана, пьяницу, не помнящего, что говорит... Пожилой человек, бедняк, хромой... Такие люди не станут мстить из ревности, не могут так ополчиться из-за женщины... Это не тот человек, что звонил ей,— вряд ли он может звонить по телефону. Нет, нет, то был другой!

Но кто бы ни был этот человек, он хочет убить Насимджана, его надо найти, обезоружить, арестовать. Иначе не будет жизни для Хамрохон. Ведь этот мститель может пойти любыми путями. Он даже не боится, что погибнет сам. Пока он жив, опасность будет всюду подстерегать Насимджана. Это нужно объяснить всем в Чека...

Но сейчас главное в том, чтобы опередить его, скорее дойти до Чека, чтобы он не успел ничего натворить. Быстрее, быстрее, ни на что не обращая внимания... И да поможет ей любовь и судьба!

А в это время Баководжан, полный гнева и жажды мести, стоял в переулке пассажа напротив Чека и ждал. В переулке было темно, и никто не видел его. Медленно тянулись минуты, громко, как часы, стучало сердце в груди. Становилось все темней. Горели только два фонаря — у ворот Чека и возле банка. Да из окна комендатуры падал на улицу свет от лампы. Мысли его путались — виделись ему дочь Халима, жена, назир Низомиддин, все упрекали его, требовали, чтобы он отомстил... Глаза его были прикованы к двери комендатуры: оттуда должен был появиться его враг, бессовестный развратник и негодяй. Бакоджан мог бы выстрелить в него отсюда — и убежать. Но он не хочет этого. Он хочет, чтобы враг его в свой последний час понял, что погибает от руки мстителя, от руки Бакоджана. Пусть он знает, что не остается безнаказанным, что не все позволено ему. Он будет наказан за то, что сделал несчастную Халиму жертвой своей похоти, запятнал честь ее и отца. Это можно смыть кровью, только кровью! Пусть потом Бакоджана схватят, даже расстреляют, но он должен отомстить. Человек рождается один раз и умирает тоже один раз. Но умирать надо с незапятнанной честью, с чи-

стой совестью. Халима еще молода, может быть, она еще найдет свое счастье... может, встретится ей человек, который подымет ее из грязи и горя... Ах, если бы мать Халимы не умерла, если б он не взял в жены Зухру! Зухра не могла воспитать Халиму как следует, она сделала ее слишком робкой, стоит ей рот раскрыть, как Зухра ее прерывает, не дает слова сказать. Она ведь мачеха, что с нее взять? А для Баходжана Халима — это все в жизни. Ради нее он перенес все свои несчастья и тяготы. Ради нее он сражался с воинами эмира, пошел путем революции, стремился к свободе и новой жизни. В сердце его жила только Халима. И теперь ему остается одно — отомстить за нее.

Назир-эфенди осведомлен обо всем. Такая у него работа. Комиссар внутренних дел! Конечно, у него много агентов-разведчиков, везде у него есть глаза и руки. Ему обо всем сообщили, он знает даже друзей этого мужчины, но ничего сам сделать не может. Он не хочет из-за Халимы ссориться с Чека. Ведь у него нет настоящих улик, а Халима запугана и молчит...

И в самом деле, если посмотреть на дело с точки зрения закона, то трудно будет что-то доказать. Чека — учреждение сильное, все боятся его. Судьям будет легко опровергнуть все притязания, доказать сомнительность дела. И будет еще хуже, получится огласка, позор станет явным. «Назир-эфенди хорошо знает это и потому дал мне револьвер. Это значит: иди и отомсти сам! И не бойся — я с тобой, я твоя защита! Вот молодец! Если я останусь жив и выберусь из этой ямы, всю жизнь свою отдам ему, буду делать все, что он прикажет...»

Размышляя так, Баходжан пристально глядел в сторону Чека и вдруг при свете фонаря увидел женщину, которая быстро приближалась к зданию, шла — как будто была не на улице, а у себя во дворе — без головного платка и без паранджи, с золотом шитой тюбетейкой на голове и в бархатном лиловом камзоле. Сначала Баходжан подумал, что это татарка или русская женщина в таджикском платье. Но, всмотревшись, он узнал Хамрохон и понял, что она пришла следом за ним, чтобы предупредить мужа. Эта женщина могла помешать его планам. Дело принимало плохой оборот.

Баходжан не знал, что делать. И зачем он ворвался в дом Насимджана, не узнав, дома тот или нет? Зачем сказал этой женщине, что убьет ее мужа? Глупец, глупец!

К чему было кричать на беспомощных женщин, пугать их своими угрозами? Вот теперь эта женщина пришла сюда даже без паранджи, сообщит мужу, подымет всех на ноги в Чека. Как жаль, как жаль!

Бакоджан внимательно следил за женщиной, увидел, как она подошла к окну комендатуры и подала кому-то знак. Изнутри кто-то, кажется, это и был Насимджан, открыл ей дверь и впустил в здание. Ну теперь все кончено, пропало! Глупый, наивный Бакоджан, ты испортил все, теперь, если бы даже у тебя было сто голов, не сносить тебе ни одной!

Бакоджан подался назад, в темноту и скрылся в неосвещенном проходе пассажа.

А Хамрохон, увидев мужа живым и невредимым, просияла, обрадовалась, глаза ее заблестели, и, воскликнув невольно: «Слава богу, вы живы!»—она без сил опустилась на стул.

Насимджан, увидев Хамрохон такой взволнованной, без паранджи, не только удивился, а даже испугался, не знал, что и сказать.

— Что случилось? Что с вами? В чем дело? — спрашивал он в изумлении, глядя то на Хамрохон, то на коменданта. Но Хамрохон не в силах была что-то объяснить, только крепко держала Насимджана за руку и не отрывала глаз от него.

Тут комендант опомнился, встал с места, принес пиалу холодного чая и подал Хамрохон, чтобы она выпила и успокоилась. Хамрохон жадно выпила чай, вздохнула с облегчением и наконец вымолвила:

— Хорошо, что вы не вышли из учреждения, а то вас убили бы...

— Меня убили бы? Кто и почему? — рассмеялся Насимджан.

Хамрохон рассказала о ворвавшемся в дом незнакомце, об его угрозах и добавила:

— Он был в ярости, и намерения его не вызывают сомнения...

— Интересно,— сказал Насимджан уже серьезно.— А какой он из себя? Вы запомнили его?

— Я никогда его раньше не видела. Он пожилой, борода с проседью, среднего роста, слегка хромает... По виду не бухарец, скорее похож на степняка... Одет в поношенный черный сатиновый халат, подпоясан платком, на го-

лове бухарская шапка... глаза как у безумного... руки трясутся...

— Кто же это может быть? — сказал комендант.— Что-то я не помню такого человека...

— Если бы это был вор или подосланный убийца, он так прямо не пришел бы в дом, не вызывал бы шума... — сказал Насимджан.— Мне кажется, он хотел мстить за что-то... Так куда же он пошел? Что еще сказал?

— Не знаю. Он сказал, что я несчастная, обманутая, оскорбленная женщина, и обещал, что я сегодня же избавлюсь от своего развратного мужа, что он убьет вас...

— Об этом происшествии надо сообщить начальнику,— сказал комендант.— Председатель еще не ушел, он пока здесь. Быстро подымитесь к нему и расскажите, а жена ваша пока подождет вас здесь.

— Хорошо,— сказал Насимджан и вышел через другие двери во двор Чека. Хамрохон осталась в комендатуре.

— Настали для нас черные дни! — сказала она коменданту.— Если этого человека не поймают и не выяснится, в чем дело, мы будем все время под угрозой, опасность будет подстерегать нас всюду.

— Найдем его,— сказал уверенно комендант, крепкий спокойный юноша.— Никуда он от нас не скроется.

— Он может ночью спуститься с крыши и убить...

— Наверное, с сегодняшнего дня вокруг вашего дома будет охрана. Наш председатель — человек понимающий...

— А как же мы сейчас пойдем домой?

— Будьте спокойны, вам дадут провожатых, одни не пойдете.

В это время позвонил телефон, и комендант стал разговаривать с кем-то, но Хамрохон не слышала ни одного слова, она вся была полна беспокойства.

...Ну, хорошо, сегодня их проводят, а завтра? А послезавтра? Разве могут каждый день его сопровождать, прикрепить к нему охрану? Когда поймают убийцу? И поймают ли вообще? Трудно будет его найти. Уж лучше бы Насимджана на это время услали в какой-то другой город. Но если этот мужчина задумал отомстить, то он отправится вслед за ним. От мстителя не уйдешь! Если решился, то непременно приведет в исполнение свой замысел.

«А вообще,— говорила она сама себе,— может, это я такая невезучая, оттого и нет мне покоя. Со мной постоянно что-то случается...»

Насимджан вернулся веселый, улыбающийся. С ними пришел смуглый мужчина в форме — в кителе и черных шароварах, с фуражкой на голове. Рыжие волосы и голубые глаза выдавали в нем не бухарца.

— Вот, знакомьтесь,— сказал Насимджан, представляя мужчине Хамрохон.— Моя жена — Хамрохон! Первая женщина, которая в Бухаре вышла на улицу без паранджи...

— О боже! — смутилась Хамрохон.— В самом деле я пришла без паранджи?

— Очень хорошо, поздравляю! — сказал мужчина, протягивая руку Хамрохон.— Моя фамилия Хабибуллин, товарищ вашего мужа по работе. Так значит, вы испугались угроз какого-то дурака?

— Да,— сказала смущенная Хамрохон.— Но это был не простой дурак...

— Понятно,— сказал спокойно Хабибуллин.— Это, конечно, проделки контрреволюционеров: запугав, хотят ловить рыбку в мутной воде. Хотят показать свою силу таким слабым женщинам, как вы. Не волнуйтесь, мы их всех уничтожим, весь их род!

— Успокойтесь,— сказал и Насимджан.— Председатель все понял и распорядился, как надо. И вот сейчас товарищ Хабибуллин согласился проводить нас домой... Я отказывался, но он...

— Приказ председателя! — сказал Хабибуллин.

Увидев рядом с мужем этого спокойного и сильного человека, Хамрохон немного оживилась, на губах ее появилась улыбка.

— Хорошо,— сказала она Насимджану,— но пусть это будет поводом зайти к нам в дом и выпить с нами пиалу чая.

— Да, да, обязательно! — сказал Насимджан.— Ты должна нас угостить как следует!

— Ничего не нужно,— отвечал с улыбкой Хабибуллин.— Главное, чтобы вам не пришлось волноваться.

— Ну, тогда пошли! — сказал Насимджан.

Они попрощались с комендантом и вышли. На улице возле Чека было безлюдно. Хабибуллин, остановившись около фонаря, достал из кармана пачку папирос, предложил Насимджану, а когда он отказался, закурил сам, подержал в руке горящую спичку, подождал, когда она до-

горела до конца, бросил и сказал: «Пошли!» Они направились в сторону торговых рядов, где продавались фаянсовые изделия. Шли рядом. Хабибуллин с правой стороны Насимджана, Хамрохон — с левой. Они громко разговаривали и смеялись.

Торговые ряды, куда они направлялись, тянулись до Токи Телпака, примерно на сто пятьдесят метров, и освещались только одним фонарем посредине. Как только они вошли в темный проход, страх вновь охватил Хамрохон, она задрожала и тесней прижалась к мужу. Едва они приблизились к освещенному фонарем пространству, внезапно сзади них раздался грозный голос:

— Стой, вероломный деспот! Получай свою долю!

Все трое одновременно оглянулись и увидели того самого мужчину, о котором говорила Хамрохон: он целился из револьвера. Никто не успел шевельнуться, что-то предпринять, как раздался выстрел и крик Хамрохон. Она упала на землю. Хабибуллин быстро выхватил из кармана револьвер и выстрелил в мужчину. Тот тоже упал.

Насимджан закричал, как безумный, и склонился над Хамрохон, которая упала навзничь, держась за грудь. Опустившись на колени, он приподнял ее, положил ее голову себе на грудь. Несчастная была еще жива. Почувствовав рядом с собой мужа, она приоткрыла глаза, слабо улыбнулась:

— Вы живы... ми... лый... слава богу!

— Хамрохон, любимая моя! — кричал Насимджан на всю улицу.— Из-за меня... Ради меня пожертвовала собой... Подожди... открой глаза!

Хамрохон хотела что-то сказать и не смогла, закрыла глаза и утихла. Только в уголках ее губ показалась тонкая струйка крови.

— Хамрохон! Хамрохон! — повторял Насимджан, осыпая поцелуями ее лицо.— Не уходи! Не уходи! Открой глаза! О люди! Помогите! Боже, какое несчастье!

Но Хамрохон уже ничего не слышала, жизнь покинула ее. Исполнилось ее желание: она увидела своего любимого живым, предупредила его о страшной мести, защитила от смерти... Улыбка, застывшая на помертвелых губах, свидетельствовала об этом. Перенесшая много обид, испытавшая так много бед в своей юности, она наконец нашла свою любовь, но ей не суждено было насытиться этой лю-

бовью, она стала жертвой за нее. И сейчас в объятиях Насимджана было только бесчувственное тело.

Прибежавшие из Чека и со всех сторон люди так и увидели их — в объятиях друг друга.

7

Низомиддин вошел в свой дом и, сняв темные очки и каракулевую папаху, наконец свободно вздохнул и сел на диван. В прихожей горела лампа, свет от которой немного освещал и комнату. Только теперь Низомиддин понял, как неосторожно и глупо он поступил, терзался, но было уже поздно. Тогда, на собрании своей организации, он взял на себя обязательство убрать Насимджана и председателя Чека, но не подумал тогда, что надо согласовать с друзьями свои планы...

Правда, и времени не было, события произошли так стремительно, а Низомиддин не хотел упустить благоприятный момент. Но он не подумал о том, что не все может получиться, как он задумал, и не принял никаких мер. Он решил, что Бакоджан непременно убьет Насимджана, а потом либо убежит, либо люди из Чека бросятся в погоню и убьют его. А если ему удастся скрыться, тайна будет сохранена. Но чекисты вовремя прибежали на место происшествия, а Бакоджан оказался живучим, пуля Хабибуллина только ранила его. Его подняли и унесли. Конечно, когда приведут его в чувство, начнутся допросы, и Бакоджан сознается и расскажет все. Что же делать?..

Низомиддин встал, накинул на плечи тонкий халат из алачи и тихо вышел во двор. Во дворе никого не было видно. Старуха, которая охраняла дом и жила со своим мальчиком в каморке за суфой, кажется, уже спала, потушив свет. Не спал, наверное, только давний его слуга Камбар, живший на внешнем дворе. Нужно сходить к нему.

Низомиддин, включив свой ручной электрический фонарик, по дорожке пошел во внешний дворик, небольшой, но очень красивый, и увидел, что Камбар в самом деле не спал. Он сидел в мехманхане и работал при зажженной свече. Он чинил фаянсовую посуду, скрепляя разбитые части заклепками.

Низомиддин запер на засов калитку в воротах и вошел в мехманхану. Камбар, зажав между коленями красный

чайник, сверлил маленьким сверлом отверстия для заклепок.

— Не уставайте, мулла Камбар! — сказал Низомиддин.— Сидите в такое позднее время, даже не заперев ворота?

— Э-э, разве? — сказал Камбар, отложил в сторону чайник и привстал.— Так увлекся работой, что и не заметил, как время прошло. Мне казалось, что вы только что прошли во внутренний двор... Ладно, я сейчас!

— Я уже запер ворота.

— Дай бог вам здоровья, назир-эфенди! А почему же вы не отдыхаете?

— Не знаю, не спится что-то, бессонница напала...

— Работа у вас трудная...

— Да, трудная! — сказал Низомиддин, глядя на Камбара.— Вот у вас хорошая работа, спокойная, ни о чем не беспокоитесь, ни о ком не думаете, никому до вас нет дела, ваши разбитые чайники и пиалы не схватят вас за шиворот, не прикажут: делай так, а не этак... Вы можете быть спокойны. Вы сами себе и шах и везирь!

— Это верно! — согласился Камбар, беря в руки пиалу.— Хотя я и раб у порога вашего дома, но, благодаря вашей милости, с вашего согласия могу заниматься вот этим своим делом. Из кусков я собираю целую вещь, восстанавливаю ее. Вот эта пиала ударилась о камень и разбилась на три части, а я соединил их и снова сделал ее целой. Теперь из этой пиалы можно пить чай, воду, вино, теперь это уже не черепки, а вещь, которая пригодится в хозяйстве. Да, так можно собрать всякую разбитую вещь, только не человеческое сердце. А в ваших милосердных руках столько человеческих сердец, назир-эфенди! С сердцем будьте осторожны! Разобьется на кусочки человеческое сердце, тогда ничего уж не поделаешь. Его не склеишь, не соберешь кусочки, сердце не восстановишь...

— Да, да, верно вы говорите! — отвечал Низомиддин, невольно соглашаясь с рассуждениями Камбара, но, помолчав немного, добавил: — Вот видите, насколько ваша работа лучше моей. Вы никому не наносите обид, не разбиваете ничего, наоборот, склеиваете. А я вынужден проявлять иногда жестокость, разбивать сердца... Что делать! Такое у нас сейчас время! Мы разбиваем с надеждой потом восстановить, разбиваем, чтобы нас самих не разбили...

Наше время, братец,— время разрушения. Если ты не будешь разбивать, разобьют тебя самого.

— Боже сохрани! — проговорил Камбар.— Те, кто мог бы вас разбить, давно разбиты, разлетелись на кусочки. Теперь наступила свобода, ваше время, время младобухарцев. У кого теперь такая власть, как у вас? Народ толпится у вашего порога, протянув к вам руки за помощью, вас считают заступником, покровителем народным; все внутренние дела Бухарской республики в ваших умелых руках. Теперь ваша власть, вам повелевать, вам разбивать!

— Но все равно трудно,— сказал Низомиддин и направился к выходу.— До свиданья, спите, уже пора. А если кто постучится в ворота, не открывайте сразу, дергайте за звоночек, будите меня... Будем осторожны!

— Хорошо, будьте спокойны! — сказал Камбар и, проводив хозяина до внутреннего двора, вернулся к себе.

Слова его заставили Низомиддина еще больше задуматься. «Все внутренние дела Бухарской республики в ваших умелых руках»... А вот теперь он вынужден бросить все внутренние дела государства и бежать без оглядки! Если он не убежит, его разобьют на мелкие кусочки. Как жаль! Государство, величие, власть — все-все надо бросить и самому укрыться где-то... Разве легко это сделать? Не так-то просто было достичь его теперешнего положения, этой высокой должности — и со всем этим расстаться, бросить и уйти. Но неужели нет другого выхода? Неужели все рухнуло?..

Низомиддин вошел к себе в комнату, взял трубку телефона, позвонил в Чека своему человеку, поговорил с ним на условном языке и узнал, что Баководжана пока лечат и не допрашивают, а председатель Чека еще не вернулся из Карки. Он вздохнул с облегчением и бросился на диван.

Если Баководжан будет держаться мужественно, не упомянет имени Низомиддина, то чекисты могут забрать Зухру, Халиму, устроить им очную ставку. Вот тогда, конечно, все его секреты будут раскрыты... Ясно, как день, что Халима ради спасения отца, которого она любит, признается во всем. Нужно сделать что-то, убрать этих двух свидетелей. Тогда Баководжан уж не будет так опасен. Придумаем, как обезвредить его в тюрьме.

Низомиддин встал с дивана и зашагал по комнате. В лампе, что горела в прихожей, кончился керосин, она затухала. Он зажег лампу настольную, под синим колпа-

ком, и вся комната осветилась нежно-голубым светом. Выйдя в прихожую, Низомиддин дунул в затухающую лампу. Но слабый огонек в лампе не потух, язычок горящего фитиля вздрогнул, задымил и продолжал гореть. Низомиддин дунул сильнее, но огонек опять не потух, задымил сильнее. И только когда он дунул в третий раз, огонь потух, наполнив стекло дымом, а прихожую запахом керосина.

Это навело Низомиддина на новые размышления.

Даже слабенький огонек лампы не хотел угасать, продолжал гореть,— что же говорить о человеческой жизни? Разве легко умереть, особенно Низомиддину, который так любит жизнь, так хочет жить! Еще не догорело масло в лампе его жизни, еще долго она хочет освещать его дом. Вся трудность только в том, что ради его жизни, ради того, чтобы он остался жить, нужно потушить огонь жизни нескольких людей. Да, другого выхода нет! Но как избавиться от двух опасных свидетелей — от Халимы и ее матери? Может, дать Зухре яд для Халимы — под видом лекарства, а потом арестовать ее как отравительницу? А во время следствия дать и ей самой лекарство и...

В это время со стороны Самаркандских ворот донеслась стрельба, и эти выстрелы привели Низомиддина в чувство. Через некоторое время зазвонил телефон. Низомиддин со страхом поднял трубку.

— Кто говорит? — спросил он. Ему ответили, что группа басмачей добралась до конного базара, до ворот Хазрата Имама, и разграбила государственный магазин.

— А что вы сделали? Подоспели, когда дело было сделано? Ну, молодцы! И никого из басмачей не поймали? Правда? Сколько человек? Хорошенько охраняйте их. Нет, в тюрьму пока не надо, держите их в милиции, утром я сам приеду и допрошу их. Будьте осторожны!

Положив трубку телефона, Низомиддин сладко потянулся.

Рано утром постучали в ворота. Камбар уж давно встал и подметал двор.

— Кто там? — спросил он.

— Ака Камбар, это я, откройте,— ответил кто-то снаружи.

Услышав свое имя, Камбар понял, что стучит свой че-

ловек, без страха открыл калитку и удивился, увидев за воротами совершенно незнакомого человека. Высокого роста, смуглолицый человек в кителе и в шароварах защитного цвета похож был на милиционера, только без оружия, в руках он держал кожаный портфель. Он быстро вошел во двор, сам запер ворота на засов, только потом поздоровался с Камбаром и сказал:

— Вы меня не знаете, ничего, я, как и вы, для назира-эфенди свой человек. Я принес ему из комитета срочное письмо. Скажите ему, что пришел Анарбай.

Удивленный Камбар потянул за веревку звонка во внутренний двор. Через несколько минут вышел заспанный назир-эфенди и, увидев Анарбая, тотчас узнал его.

— А, это вы? — сказал он, успокоившись.— Войдите!

Они прошли во внутренний двор и скрылись в комнате назира.

— Как дела ваши?— спросил гость, садясь на мягкий стул.

— Хорошо...— ответил Низомиддин, причесываясь перед зеркалом.

— Все спокойно? — переспросил гость.

— Все спокойно. Говорите! — отвечал Низомиддин, прикрыв дверь в прихожую. Тогда Анарбай сказал вполголоса:

— Привет вам от раиса! Нехорошо у вас получилось, сказали. Вам теперь здесь оставаться нельзя — со всех сторон грозит опасность.

— А если примем меры? — спросил беспокойно Низомиддин.

Гость посмотрел на него вопросительно и ничего не ответил.

— А если мы примем меры? — повторил, как бы советуясь, Низомиддин.— Меры, которые отдалят эту опасность? Неужели нет другого выхода?

— Мне кажется,— отвечал мужчина также вполголоса,— центр считает — другого выхода нет. Но они не хотят вас потерять. Поэтому вы сегодня же выедете из Бухары в Каган — в командировку...

— Куда?

— К Асаду Махсуму.

Низомиддин с удивлением поглядел на гостя.

— Да, к Асаду Махсуму, в горы Бойсуна! — повторил Анарбай и пояснил:—Дела у Махсума не очень хороши, бу-

дете ему помогать. В самое ближайшее время должен прибыть Энвер-паша. Тогда вы все объединитесь под его знаменем и вернетесь в Бухару с победой.

— А что будет здесь? Как быть с моими делами у Гулома Махсума?

— Все ваши дела будут переданы другому человеку. Будьте спокойны! Вот вам мандат для командировки. Сегодня пораньше поедете на работу, передадите дела своему заместителю, скажете, что едете по срочному заданию ЦИКа, и быстро выедете в Каган. Постарайтесь сделать вид, что ваша поездка секретная, чтоб никто, кроме вашего заместителя, не знал об этом.

— Ужасно! — сказал Низомиддин.— Неужели нет другого выхода?

— Вы дали в руки Чека такого «языка», как Бакоджан — от него можно узнать многое.

В эту минуту зазвонил телефон. Низомиддин дрожащими от волнения руками поднял трубку и нарочито сонным голосом сказал «да», но, узнав знакомый голос на конце провода, успокоился, стал внимательно слушать, проговорил:

— Жаль, жаль, что Бакоджан унес с собой тайну. Ну да ладно, что поделаешь...

Он положил трубку и с усмешкой посмотрел на Анарбая:

— Ну, вот и все. Вопрос решен.

— Что случилось?

— Сегодня ночью нашему человеку удалось покончить с Бакоджаном. Бакоджан принял яд и скончался, не сказав ни слова. Это меняет все дело. Прошу вас, пойдите быстро к раису, сообщите ему об этом, а потом позвоните мне и условными словами передайте, изменил ли раис свое решение обо мне или нет.

Анарбай в знак согласия кивнул головой и ушел.

Умываясь, Низомиддин размышлял. Бакоджан умер, что же теперь? Остаются Зухра и ее дочь. Но с ними дело проще. Их нужно убрать сегодня же, а то чекисты могут взять их... Такие свидетельницы могут доставить много хлопот... Сейчас главное — убрать этих женщин... Потом можно будет подумать о том, как быть дальше...

Пусть Гуломджан, зять эмира, и другие делают свое дело... Анарбай будет направлять и связывать их... А Низомиддин должен теперь хорошо поработать, развить та-

кую деятельность, чтобы Чека и Центральный Комитет полностью ему доверяли. Хорошо бы поближе сойтись с Аминовым и Хайдаркулом, подружиться с ними. Аминова, пожалуй, хоть и трудновато, все же можно завлечь в свои сети, а с Хайдаркулом это не выйдет, он человек бывалый и знает людей. Старик верно чувствует, что Низомиддин не может быть ему другом. Поэтому с ним надо держаться, как он сам, немного грубовато и прямо. Иногда надо угодить ему в чем-то, но казаться при этом равнодушным. Пожалуй, с ним можно кое-чего добиться — вот таким путем...

Не успел Низомиддин покончить с умыванием, как пришла Зухра с плачем и бранью.

— Ну, ну, ну, что случилось, в чем дело? — спрашивал Низомиддин, делая вид, что ничего не знает.— Халима здорова ли?

— Хоть бы эта Халима умерла в детстве! — рыдала женщина, бросившись на диван.— Хоть бы она совсем не появлялась на свет! Из-за нее мой муж попал в тюрьму, из-за нее теперь ему грозит смерть!

— Что такое? Перестаньте плакать, говорите ясней!

— А то, что прошлой ночью он хотел отомстить Насимджану и застрелил его жену — Оим Шо, а чекисты схватили его и увели. Неужели вы не знаете об этом?

— Я только под утро вернулся. К воротам Хазрата Имама подходили басмачи...

— Что же теперь будет? Что будет с Баконджаном? — спрашивала женщина, не слушая, что говорит назир.

— Значит, он убил Оим Шо, жену Насимджана? — Немного подумав, Низомиддин сказал:— Что ж, это хорошо, просто очень хорошо...

— Хорошо? Так вы поэтому толкнули его на это дело?

— Я толкнул? Ты с ума сошла!

— Да, вы его заставили, вы дали ему в руки револьвер, вы во всем виноваты! Теперь они еще и меня арестуют и уведут из дома! Будьте вы прокляты!

— Что ты болтаешь? Разума ты лишилась, что ли?! — Низомиддин испугался.

— Будьте вы прокляты! — повторила женщина и опять зарыдала.

Низомиддину вдруг захотелось наброситься на эту глупую, дерзкую женщину, задушить ее. Ведь она прямо в лицо ему бросает обвинение... Если кто-то услышит...

В руках у него было полотенце. Он сел рядом с женщиной на диван, чтобы накинуть ей полотенце на шею, но женщина вдруг откинула рукав платья с лица и с удивлением посмотрела на него заплаканными глазами. Почувствовав так близко рядом с собой сильного, крепкого мужчину, она обмякла и, положив голову ему на грудь, обеими руками обняла его за шею, прижалась к нему. Это ее движение удержало Низомиддина от его страшного намерения, к нему вернулось сознание, он улыбнулся.

— Слава богу, слава богу! — воскликнул он.— Какая глупость пришла мне в голову!

И он крепко обнял женщину, стал целовать ее мокрые от слез щеки, губы, дрожащими руками гладил ее тело, желая разбудить в ней страсть, говорил нежно:

— Пусть буду я жертвой за тебя, Зухра, пусть все твои беды падут на меня, Зухра! Иди ко мне, иди же, я утешу тебя, успокою твое сердце...

— Нет,— отстранилась от него женщина,— я не могу сейчас, я боюсь... Что мне делать? Что со мной будет?

— Ты удивительная трусиха! — сказал Низомиддин, утешая ее.— Если твой муж сделал глупость, при чем тут ты? Какое тебе дело до этого? Конечно, если понадобится, тебя, чтобы распутать узел, могут увести и станут допрашивать. Если ты во время допроса будешь осторожна, притворишься, что ничего не знаешь, покажешь себя наивной женщиной, простой домохозяйкой, тебе скажут: «Спасибо, идите домой». Но если ты будешь скандалить, говорить глупости, например: «Дочь моя забеременела от такого-то, муж хотел отомстить, а тот дал ему револьвер» — и так далее и тому подобное, то знай, что тогда и тебя могут привлечь к ответственности.

— А если спросят у меня, почему мой муж убил Оим Шо, что мне отвечать?

— А что ты можешь ответить? Скажешь — не знаю или, например, что он мог это сделать, когда увидел, что она вышла на улицу без паранджи и головного платка... скажешь, что муж твой очень набожный, религиозный человек...

— Так, ну ладно... а если я избавлюсь от этой напасти, что я буду делать одна, без мужа? Сколько времени будут держать Баходжана в тюрьме?

— Бог знает, сколько его там продержат. Если долго,

ты подашь заявление на развод... а потом я сам женюсь на тебе.

— Я не девочка, чтобы верить таким интересным обещаниям!

— Клянусь Кораном! — уверял Низомиддин.— Честно говоря, я знал много женщин, но такой, как ты, во всем мире нет. Почему же мне не сделать тебя хозяйкой в моем доме? Чем ты хуже других?! Я уже не молод, хватит мне жить холостяком. Бог даст, сыграем свадьбу, женюсь на тебе, и будем всегда вместе.

Зухра была женщиной легкомысленной, податливой на мужскую ласку и, услышав такие сладкие слова, сразу позабыла про свое горе и с игривой улыбкой на устах сказала:

— А что люди скажут? Вот, скажут, назир-эфенди женился и позабыл про все свои важные дела, отошел от всего?

— Пусть говорят! — отвечал Низомиддин, глядя на часы.— Я ведь тоже человек и имею право наслаждаться жизнью вместе со своей законной женой. Ну, ладно, душенька моя, ты успокойся, сегодня вечером я буду дома, свари хороший плов, поужинаем вдвоем... Но только никому не говори, что твой муж арестован, вообще не болтай. Я пойду, все узнаю, потом тебе расскажу. А сейчас займись своими делами. Как будто ты ничего не знаешь! Да, кстати. Я давно собирался тебе подарить чудесные серьги, да все забывал. Сейчас я тебе их дам — в знак моей любви, вечером ты их наденешь, они должны пойти тебе.

Он вынул из кармана ключ, отпер металлический, украшенный орнаментом сундучок, спрятанный в стенной нише за дверцей, достал золотые с жемчугом серьги и отдал их женщине. И тут же подумал: «Не дать ли ей сейчас яд под видом лекарства для Халимы, а потом обвинить ее в убийстве и арестовать?..»

Но зазвонил телефон, и он, ничего не решив, направился к телефону...

В Чека кипела работа. В эту ночь Асо даже не мог пойти домой. Как ни старались привести в чувство Баходжана, это не удалось. Падая, он ударился сильно о камень головой. Врач перевязал рану, из Кагана привезли лекарства, делали ему уколы. Баходжан наконец пришел в се-

бя, но отвечать на вопросы у него недостало сил. Насимджан был в больнице. Он требовал, чтобы его выпустили, но врачи не позволяли — беспокоились за его сердце. Даже ему самому сказали, что сердце может не выдержать сильных волнений.

Под утро Асо ушел домой, но в восемь часов его снова вызвали: кто-то влил яд в пиалу с водой и дал Бакоджану.

— Хорошо, что он не выпил всю воду из пиалы,— докладывал Асо дежурный,— да и ту, что выпил, тотчас вырвало. В это время как раз пришел врач его навестить. Он прежде всего убрал пиалу с отравленной водой, сделал больному укол, заставил его выпить почти полный кувшин воды с содой, прочистил ему желудок. Потом посадили раненого в фаэтон, и мы с доктором и двумя солдатами отвезли его в больницу Шайхджалола. Караульные остались там.

— Всему городу показали, что делаете? — резко сказал Асо.

— Нет,— ответил дежурный.— Мы были осторожны. Фаэтон закрытый, пленника мы посадили между нами и закрыли ему лицо и голову. Никто не видел его.

— А в больнице он один в палате?

— Да, один. Окна закрыты железной решеткой. Один из охранников находится в палате вместе с пленником, другой сторожит у дверей.

— Откуда узнали, что в воде был яд?

— У доктора сразу явилось подозрение. В больнице сделали анализ, и все подтвердилось.

— Кто же дал яд? Чьих рук это дело?

— Не знаю...— сказал дежурный и умолк.

Асо был страшно разгневан: как, в самом Чека есть враг, в самом Чека! Асо понимал, что Бакоджан может дать в руки нить, чтобы распутать запутанный клубок контрреволюции. Асо знал Бакоджана и был уверен, что он стал орудием врага. Он только исполнял чье-то приказание. Он мог назвать имя человека, давшего ему задание, и тем самым дать им возможность обнаружить вражеское гнездо. И враг это знал тоже. Вот почему Асо поместил Бакоджана в отдельную камеру и всячески старался привести его в чувство.

— Кто заходил к Бакоджану после моего ухода? — спросил он у дежурного.

— Кажется, никто не заходил...— растерянно отвечал тот.

— Камера была заперта?

— Да, заперта.

— Ключ был у вас?

— Да...

— Значит, это вы дали яд Бакоджану?

Дежурный побледнел.

— Что вы говорите, товарищ... товарищ следователь! Да неужели я... Я — чекист, разве я мог это сделать?! И зачем?

— Не знаю зачем... Это вы должны мне сказать!

— Я? — спросил удивленный дежурный и даже вытер пот со лба.

Асо хорошо знал этого дежурного. Это был железнодорожник, преданный и смелый боец революции. Но кто знает, может быть, он продался врагу?

— Вспомните хорошенько, впускали ли вы к арестованному кого-нибудь? Может быть, кого-нибудь из следователей? Может, председатель входил? Может, Иван? Кто входил?

— О, да! — с горькой улыбкой вспомнил дежурный.— Сегодня ночью дежурил Хабибуллин. Под утро он пришел и сказал, что нужно проведать арестованного... Именно в это время вы позвонили из больницы... потом привели трех туркмен-беглецов. Еще что-то было, я был занят и не заметил... Тут подошел Хабибуллин, вернул мне ключ от камеры, сказал, что все спокойно... Я совсем и забыл об этом.

— Интересно! — сказал Асо.— Значит, Хабибуллин?

Он не очень хорошо знал этого человека. Хабибуллин гораздо раньше его стал работать в Чека, был, как и он, следователем. Председатель не раз говорил, что Хабибуллин слишком безжалостен и жесток с местным населением. Неужели он, член партии, коммунист, изменяет делу революции? Это нужно проверить.

— Где сейчас Хабибуллин? — спросил Асо у дежурного.

— Выехал на разбор какого-то ночного происшествия у конного базара.

Асо встал с места. Он твердо решил сам взяться за расследование этого дела. Пусть потом его бранят, пусть даже накажет председатель — будь что будет. Но сейчас

надо воспользоваться отсутствием Хабибуллина и осмотреть его кабинет.

— Где ключ от его кабинета? — спросил Асо.

— У него,— отвечал дежурный,— но у нас есть второй ключ.

— Возьмите этот ключ и идемте со мной. И никому ни слова.

— Хорошо,— сказал дежурный и, взяв из ящичка в столе ключ, поднялся вместе с Асо наверх, в кабинет Хабибуллина.

Все ящики стола были заперты. Но они нашли ключи и открыли их. Асо просмотрел бумаги и не нашел ничего подозрительного. Только в одном деле, увидев протокол допроса лекаря Хакима, удивился. Как будто ничего определенного. Но лекарь дал обещание, что будет действовать в согласии с законами революционного правительства. Асо раздумывал над этой бумагой, как вдруг зазвонил телефон. Асо поднял трубку, ответил, изменив голос, по-русски. Его спросили (голос показался ему знакомым), где товарищ Хабибуллин. Асо кашлянул и ответил тихо, что Хабибуллин слушает. Человек спросил: как настроение, как дела? Асо ответил тихо, что дела хороши. Баходжан... Человек на другом конце провода вдруг заволновался. Что Баходжан? Выздоровел, что ли? Асо спокойно, еще покашляв, сказал, что нет, цель достигнута. Все в порядке. Человек успокоился, сказал: «Слава богу»... Асо спросил, откуда говорят. Ответили: из учреждения. Асо почти шепотом сказал, чтоб «они» были спокойны, что Чека правильно выполняет свою задачу. Человек ответил радостно: «Молодцы!» — и положил трубку.

Теперь у Асо не было никакого сомнения, что Хабибуллин — предатель.

В десять часов прибыл председатель и сразу вызвал к себе Асо.

8

— Мы уже немолоды. Теперь на эту работу надо привлекать молодых,— сказал учитель Назари Хайдаркулу.

— Солдат должен учить тот, у кого есть военный опыт, кто умеет командовать, кто знает, как добиваться воинской дисциплины...

Они сидели втроем в кабинете Хайдаркула и беседо-

вали. Назари, смуглолицый мужчина средних лет, высокого роста, носил очки, на голове легкую баранью папаху, сшитую по-кавказски; продолговатое загорелое лицо его было тщательно выбрито, ни усов, ни бороды у него не было. Товарищ его был в красивой небольшой чалме, борода у него была аккуратно подстрижена.

— Да,— поддержал он своего друга.— Мы уже немолоды, и кроме того отдел народного образования поручил нам организацию учительского института...

Хайдаркул засмеялся.

— Я вас понял,— сказал он,— все, что вы говорите, верно, но задача наша — выбрать из всех важных дел самое важное, самое срочное, самое необходимое и браться именно за него. Учительский институт необходим, возраст ваш не соответствует красноармейскому, и так далее и тому подобное. Однако сейчас самое важное — воспитание бойцов из местного населения. Среди них надо вести работу, разъяснять им идеи и цели революционного правительства. Положение республики вам известно. Необходимо как можно скорее очистить Восточную Бухару от басмачей и от всех эмирских прихвостней. Отряды басмачей вокруг Бухары не дают народу спокойно трудиться. Вот уже весна проходит, а крестьяне не могут выйти на поля. Правительство Бухары в помощь Красной Армии создает теперь отряды из местных людей. Но эти отряды надо обучить, их надо воспитывать. Вы для этого самые подходящие люди. Мы этот вопрос обсудили со всех сторон. Вы можете не надевать военной формы, заниматься с бойцами не каждый день, хотя бы три-четыре дня в неделю по два часа. Хватит вам времени и на другие ваши дела.

— Хайдаркула не переговоришь! — сказал Назари.— Хорошо, мы возьмемся за это. Но в сентябре вы нас обоих освободите от этой работы.

— Хорошо,— сказал Хайдаркул и, отдав им заранее приготовленные бумаги, добавил: — Только просьба: приступайте к работе прямо с сегодняшнего дня. Командующий ждет вас.

Учителя взяли документы и, попрощавшись с Хайдаркулом, ушли. Он проводил их до дверей кабинета и вернулся успокоенный. Это были грамотные и способные учителя, коммунисты. Он знал, что они будут трудиться не за страх, а за совесть, сумеют верно объяснить молодым сол-

датам цели и задачи партии и правительства, им можно доверить агитацию и пропаганду среди местной молодежи. Хайдаркул взял в руки только что полученный номер газеты «Бухара ахбори», но не успел просмотреть даже первую страницу, как в кабинет вошел мужчина в голубой чалме, длинноносый, с опущенными усами.

— Здравствуйте, Хайдаркул-эфенди,— сказал он, протягивая руку.— Я — Шейх Рамазан, из бухарских персов я...

— Я слушаю вас,— сказал Хайдаркул, откладывая газету.

— Поскольку я работаю в Союзе крестьян,— сказал Шейх Рамазан,— то я тесно связан с народом, с крестьянами, хорошо знаю их положение, их заботы и печали...

— Очень хорошо...

— И очень хорошо и очень плохо! — сказал Шейх Рамазан с ударением.— Потому что сердце мое обливается кровью, когда я вижу тяжелое положение крестьянства. Свершилась революция, власть перешла в руки трудящихся, а положение крестьян-бедняков так и не изменилось.

— Как так? — серьезно, удивившись, спросил Хайдаркул.

— Будто сами не знаете! — насмешливо ответил Шейх.— А сколько бедных крестьян во главе правительства Бухары? Что вы сделали с деревенскими баями? Конфисковали вы их земли? Избавили вы бедняков от байского гнета? Уничтожили вы в кишлаках казиев, мулл и ишанов? Нет! Не притворяйтесь, что вы ничего не знаете!

Хайдаркул видел, что против него сидит не простой, рядовой служащий Союза крестьян, а очень сильный и хитрый человек, предъявляющий претензии к власти. Хайдаркул не раз слышал такие высказывания «левых» и даже сам в первое время готов был с ними согласиться. Но после бесед с Куйбышевым на эту тему, после долгих размышлений он понял, что все эти ярые «защитники бедных», начиная с бывшего секретаря ЦК Наджиба Хусаинова, все эти Алиевы и Килич-заде тянут страну на неверный путь, на путь контрреволюции, являются революционерами лишь на словах...

Вот и сейчас. Кто он, этот Шейх? От имени какой группы он действует, чьи претензии высказывает представителю Цека? Ведь разницы между «левыми» и «правыми» по существу нет. Они различаются только по названию, но

это формальность, а, в сущности, они добиваются и хотят одного и того же — свержения революционного правительства. Надо выслушать этого «представителя»: небесполезно узнать, что они думают.

— Вы, почтенный Шейх Рамазан,— сказал очень спокойно Хайдаркул,— вы человек, несомненно, умный и знающий, из ваших слов я заключаю, что на душе у вас накопилась обида и вы пришли сюда высказать ее. Поэтому лучше не упрекайте меня в том, что я знаю и чего не знаю, а говорите прямо, в чем дело. Ближе к цели!

— Хорошо! — отвечал Шейх, расправляя усы.— Я человек пожилой, жизнь свою прожил... Я не боюсь ни Чека, ни кого другого. Не боюсь, что вы арестуете меня, даже расстреляете! Я готов высказать вам все, в чем я убежден.

— Очень хорошо, пожалуйста, говорите!

— Я хочу сказать: зачем надо было совершать революцию, проливать столько крови, разрушать то, что было цельным и нерушимым, если теперь вы ни на что не способны? У вас нет ни правительства, ни армии, ни денег! Если у вас болят зубы, вы обращаетесь к русским; если вас мучает жажда — обращаетесь к русским; у вас нет даже точилки, чтобы поточить карандаш, и вы обращаетесь за помощью к русским! Вы исполняете все, что прикажут вам русские! Что плохого сделал Наджиб Хусаинов партии и правительству? Почему вы отставили его? Чем он не угодил?

— Он не смог быть руководителем Бухарской революции, не справился с делом, которое ему было поручено...

— Просто он не понравился Куйбышеву, не выполнял с радостью его указания. Он хотел совершить национальную революцию — вот почему вы и отстранили его по указке Коминтерна. А ваш Файзулла Ходжаев, сын миллионера, поехал в Москву, предал Бухару русским — так он хорош, он вождь революции, глава правительства! А другие все плохи, они — «левые»! Я пришел вам сказать, чтобы вы оставили в покое «левых» и «правых» и не продавали бы чужим свою страну! Имейте в виду, что за нами стоит большой человек, наш заступник и справедливый судья, он отомстит вам и вашему Файзулле. Я сказал все!

— Это ваш ультиматум?

— Если хотите!.. Скажу еще только одно: не пытайтесь схватить меня, арестовать! Во-первых, арестовав ме-

ня, вы ничего не добьетесь, ничего не узнаете больше того, что я уже вам сказал. Во-вторых, вы вообще не имеете права арестовать меня: я вам ничего не говорил, я просто пришел вручить вам экземпляр обращения к крестьянам! И в-третьих, если вы арестуете меня, то через час меня освободят наши люди. Поняли?

— Не стоит об этом говорить. Я не собираюсь вас арестовать, хотя вы несомненно этого заслуживаете. Непринято задерживать посланника врагов. Напротив, ему разъясняют свои цели и намерения, чтобы он передал их своим руководителям, чтобы они знали, что их ждет!

— Что ж, это разумно! — сказал Шейх и выжидательно посмотрел на Хайдаркула.

— Так вот,— сказал Хайдаркул,— пойдите и передайте своим хозяевам, что мы хорошо их поняли — в какие бы цвета они ни перекрашивались, как бы ни поворачивались, то вправо, то влево. Мы знаем, кто они на самом деле! Никому из них не удастся свернуть с правильного пути революционное правительство Бухарской республики и ее объединенную партию, восстановить против них народ. Напрасно вы говорите от имени бедняков! Бедные крестьяне стали теперь хозяевами земли, воды, освобождены от тяжелых поборов, каждый теперь стал хозяином своей судьбы и своего счастья! Теперь никто не смеет эксплуатировать народ. У него открылись глаза, и он знает, что к чему, кто ему враг, кто друг. И еще передайте своим хозяевам, что мы не оставим в покое ни «левых», ни «правых», будем бороться с ними и разобьем их. Нам не страшен ни ваш заступник, ни любой ваш судья. Наш заступник и помощник — Россия, мы идем рука об руку с Россией. Так мы и будем жить — хотят или не хотят этого ваши хозяева! А теперь, если вам нечего больше сказать, уходите.

— Я сказал все,— повторил Шейх, вставая с места.— До свиданья, будьте здоровы!

Он ушел. Хайдаркул встал, прошелся по кабинету, потом налил из чайника холодного чая, выпил, сел и снова взялся за газету. Но не прочел и нескольких строк, как напряженно работавшая мысль увела его в сторону.

...Он никак не мог себе представить, как такой человек, как Окчурин, не понимал, что он ошибается. Как может он поддерживать таких людей, как Шейх Рамазан? Жаль! Все рвутся к власти — и «левые» и «правые», все думают только о себе, никому дела нет до народа, до будущего

страны. А чувствуя свое бессилие, они, как разбойники, прячутся в темных закоулках и с оружием нападают на своих противников. Убийство Оим Шо не случайно, она — одна из их жертв...

Раздался стук в дверь, и вошел секретарь Центрального Комитета Турсун Ходжаев. Это был подвижный, ловкий, приветливый мужчина средних лет. Он был в легком весеннем сером пальто, на голове красивая фуражка. Несколько месяцев назад по совету Среднеазиатской Комиссии при РКП(б) он был избран первым секретарем ЦК Коммунистической партии Бухары и очень активно боролся со всякими уклонистами, был беспощаден к врагам Советской власти.

— Здравствуйте, товарищ Хайдаркул! — сказал он, входя.— Извините, что зашел без предупреждения. Сейчас мы с вами поедем в российское посольство к товарищу Юреневу. Хочу вас познакомить с ним.

— Хорошо,— сказал Хайдаркул,— поедемте. Мне надо кое-что вам рассказать. По пути и поговорим.

— Очень хорошо. Фаэтон ждет.

Они вышли к воротам. На улице их ждал парный фаэтон. На козлах важно сидел, сдерживая лошадей, кучер с круглой бородкой, в каракулевой шапке, в поношенном алачовом халате, подпоясанном шелковым платком. Турсун Ходжаев и Хайдаркул уселись на заднее сиденье. Ходжаев, обратясь к кучеру, велел ему ехать к русскому посольству, потом уселся поудобнее и взглянул на Хайдаркула.

— По глазам вижу, что вы хотите мне сообщить что-то важное и тревожное.

— Вы угадали, товарищ Ходжаев! — сказал Хайдаркул.— Если бы вы ко мне не заглянули, я бы сам к вам пришел. Перед вашим приходом меня посетил некий Шейх Рамазан.

— Мне Насимджан из Чека говорил об этом человеке, что он занимается контрреволюционной пропагандой...

— Ко мне он пришел с ультиматумом...

И Хайдаркул коротко рассказал о миссии Шейха Рамазана. Рассказывая, Хайдаркул заметил, что кучер прислушивается к их беседе. Поэтому он сказал в заключение:

— Надо быть бдительным. Хорошо, что Чека напало на след убийц и ведет расследование.

— «Правые» отрицают, что поддерживали Асада Мах-

сума и осуждали нас за борьбу с ним,— сказал Турсун Ходжаев.— Теперь они против того, чтобы мы для открытой борьбы с басмачами обращались за помощью к Красной Армии,— говорят, что русских и так много в Бухаре.

— Они не хотят также, чтобы мы наши местные отряды передали в подчинение общего командования Красной Армии.

— Эти ваши «левые» помогают «правым». Я убежден, что Шейх Рамазан приходил к вам от какого-то единого тайного центра, который руководит и теми и другими.

В это время их фаэтон выехал за ворота Кавола, но не поехал прямо по большой дороге, а свернул к вокзалу, на пыльную улицу, по одной стороне которой, под стеной крепости, расположились мастерские по ремонту экипажей, а по другой — какие-то сараи и лавки. На вопрос Турсуна Ходжаева, почему свернули на эту улицу, кучер отвечал невнятно, что большая дорога в этих местах повреждена. Ни Ходжаев, ни Хайдаркул не обратили внимания на его слова. Но почему-то руки кучера тряслись, и он еле удерживал лошадей. С трудом он вывел фаэтон с пыльной улицы и, проехав мимо вокзала, снова, уже с другой стороны, выехал на большую дорогу и через несколько минут остановился у ворот посольства.

Посол РСФСР товарищ Юренев встретил их приветливо, сказал «Добро пожаловать», пригласил в гостиную, усадил за стол, уставленный сладостями, угостил черным чаем.

— Вчера ко мне приходили представители от «левых»,— сказал Юренев.— От имени правительства РСФСР и от имени ЦК РКП(б) я официально объявил им, что мы считаем избранный ими путь противоречащим линии партии. Они говорили, что мы хотим насильно насаждать здесь коммунизм. Я им объяснил, что насильно, по приказу нельзя установить в стране социализм и коммунизм, что для этого нужны социальные и экономические условия. Долго говорили, потом Окчурин и другие согласились, что они ошибаются, что в Бухаре, только что вышедшей из феодализма, экономически отсталой, конечно, нельзя сразу провести социалистическую революцию без соответствующей подготовки.

— Поздравляю вас,— сказал Турсун Ходжаев.— Это очень важно для республики, если «левые» сдадутся и сложат оружие.

— Но можно ли верить их словам? — сказал Хайдаркул.— Сдадутся ли они в самом деле? Я слышал, что у «левых» в Бухаре, в Чарджоу и в Кирки созданы подпольные центры.

— Напрасные усилия! — сказал Юренев.— Как бы они ни старались, у них нет опоры в массах, люди не пойдут за ними.

— У таджиков есть поговорка,— сказал Турсун Ходжаев.— «Муха ничто, но от нее тошно на сердце». Вот и эти «левые», если их не уничтожить, будут все время вызывать тошноту.

— Я хочу,— сказал Юренев, вставая,— прочесть вам заявление Валериана Владимировича Куйбышева...

— Пожалуйста! — ответили гости.

Прочтя обстоятельное заявление Куйбышева, где он высказал свое мнение о положении в республике, Юренев добавил:

— ЦК РКП (б) согласился с таким мнением. Поэтому, товарищи, мы поддерживаем политику и порядок управления, которых придерживаетесь вы и правительство Файзуллы Ходжаева. Товарищ Ленин, несмотря на свою огромную занятость, уделяет особое внимание Бухаре и Хиве. Он дал нам указания всячески помогать вам.

— Благодарю! — сказал Турсун Ходжаев.— Бухарская республика создана при помощи революционной России и самого Владимира Ильича Ленина. Если бы не было этой помощи русского народа, мы давно были бы разбиты. Бухара не забудет этого. Нам и сейчас не встать крепко на ноги без помощи России.

— Я слышал,— сказал Юренев,— в Бухаре ощущается недостаток в таких товарах, как керосин, сахар, мануфактура. Товарищ Ленин дал указания, и этот вопрос будет разрешен в ближайшие дни.

— Благодарим за такое внимание! — сказал Хайдаркул.— Но если есть возможность, дали бы вы нам для вновь создаваемых воинских отрядов Бухары оружие, учителей и военных инструкторов. Трудящиеся Бухары решили во что бы то ни стало разгромить басмачей. Если мы хорошо обучим и вооружим эти отряды и пошлем в помощь Красной Армии в Восточной Бухаре, то победа ускорится.

— Да,— подтвердил Турсун Ходжаев,— это поважнее керосина и сахара. Не уничтожив басмачей, не поднять народное хозяйство.

— Верно,— согласился Юренев.— Я передам вашу просьбу в Москву. Кстати, в ближайшее время в Ташкент прибудут командиры Красной Армии, они, конечно, смогут вам помочь. А какие вести об Асаде Махсуме?

— Асад Махсум,— отвечал Турсун Ходжаев,— скрывается в горах Бойсуна. Он выжидает. И не уходит, и не сдается, и не воюет. Но и близко к себе не подпускает.

— Он очень большая помеха нам,— сказал Хайдаркул.— Бойсун — это ворота Восточной Бухары. Пока мы полностью не очистим его от басмачей, нам не проникнуть в Восточную Бухару.

— Тут есть один юноша, по имени Карим,— сказал Юренев.— Он раньше служил у Куйбышева, а сейчас рвется пойти против Асада.

— Асад причинил ему огромное личное горе,— промолвил Хайдаркул.

— У него есть какой-нибудь точный план? — спросил Турсун Ходжаев.

— Сейчас мы его самого спросим,— сказал Юренев и, встав с места, вышел.

— Карим — это тот юноша, у которого Асад увез невесту? — спросил Турсун Ходжаев.

— Да,— отвечал Хайдаркул,— это тот самый Карим, который не может забыть свою Ойшу... Мне кажется, именно он уничтожит Асада.

— Возможно,— сказал Турсун Ходжаев, закуривая папиросу.— Интересно, наметил ли он себе какой-то план действий... Он знает горы?

— Думаю, что нет. Правда, он родился в горах, но вырос в Гиждуване...

В эту минуту вернулся Юренев, прося извинения за то, что оставил гостей одних. За ним в комнату вошел Карим. Он был в военной форме, черные вьющиеся волосы зачесаны назад. Большие черные глаза его были печальны. Но выглядел он крепким и здоровым и сейчас приветливо улыбался.

— Здравствуйте! — сказал он, вытягиваясь по-военному — руки по швам.— Карим Сафар-заде к службе готов!

— Проходи, садись! — сказал Юренев.— Расскажи нам, пожалуйста, каким образом ты собираешься поймать Асада Махсума?

— Слушаюсь!— ответил с готовностью Карим и, сев на стул напротив гостей, стал говорить:— Асад воюет в Бой-

суне, в горах Сангкалча. Он разделил свой отряд на десять — двенадцать групп. Самого Асада никто давно не видел. Он или убит, или искусно прячется... Воины его никогда не вступают в открытый бой, они неожиданно нападают на наши войска и так же неожиданно быстро исчезают. Говорят, Асад в том краю ведет сильную агитацию среди населения, выдает себя за революционера, защитника бедняков. Вряд ли найдется кто-нибудь, кто открыл бы нам местонахождение Асада или его отряда...

— А комсомольцы, члены партии — разве они не могут нам помочь? — спросил Турсун Ходжаев.

— Не осталось там в живых ни комсомольцев, ни партийцев,— печально сказал Карим.— А если и остался кто-то — побоится действовать против Асада.

— Так что же делать? — спросил Хайдаркул.— Как же, по-твоему, можно справиться с этой заразой, уничтожить ее?

Карим подумал немного и сказал с улыбкой:

— Или силой или миром?

— То есть? — спросил Турсун Ходжаев.

— Если не справимся силой и дело затянется, можно заключить с ним мир... Ведь Асад называет себя революционером!

— Он стал называться революционером лишь для того, чтобы добиться власти и высоких должностей! — сказал Юренев.

— Он никогда не сдастся,— сказал Хайдаркул, который хорошо знал Асада,— никогда он не покорится, не склонит головы...

— Если бы в тех дальних кишлаках найти своих людей...— проговорил Юренев.

— Люди найдутся, конечно,— сказал Турсун Ходжаев,— но как организовать связь с ними?

— Надо найти Ойшу и ее мать,— сказал Хайдаркул.— Я уверен, что они помогли бы нам.

— Вы верно говорите,— сказал, обрадовавшись, Карим.— Я тоже об этом думал. Я слышал, что Асад не возит за собой Ойшу и ее мать, он их где-то скрывает. Нужно найти их, связаться с ними.

— Да, да,— поддержал его и Хайдаркул.— Если ты сумеешь связаться с Ойшой, то, конечно, будет легче напасть на след Асада. Но как это сделать? Это очень трудная задача!

— Конечно, это трудная задача,— сказал Турсун Ходжаев.— Но если взяться за дело серьезно, можно ее разрешить. Ведь в отряде Асада не все контрреволюционеры и враги революционного правительства. Многие из них просто обманутые люди, пошедшие за Асадом вслепую. Вот среди них и надо искать помощников.

— Вы правы,— сказал Юренев,— ЦК РКП(б) рекомендует распространить среди населения воззвание ко всем басмачам с призывом сдаваться революционной власти. Правительство простит их, даст им землю и работу, чтобы они жили честным трудом и мирно крестьянствовали.

— Правильно,— сказал Турсун Ходжаев.— Даже если сдадутся сами курбаши, главари басмаческих шаек, их тоже надо амнистировать. Помните: когда курбаши Джаббар сдался со своим отрядом, а Асад, который тогда еще был с нами, велел расстрелять и его и людей, которым было обещано прощение,— как тогда все в испуге шарахнулись от нас! Сейчас нужно добиваться, чтобы как можно больше басмачей сдавались нам, Каримджан! Асад, очевидно, выжидает, держит своих воинов обещаниями какой-то большой помощи извне.

— Точно! — сказал Карим.

— Какой же у тебя план? — спросил Юренев.

— Мой план таков,— ответил Карим.— Пусть правительство Бухары даст в мое распоряжение большой отряд молодых новобранцев, только что призванных в армию. Я и наш командир, полковник Соловьев, займемся обучением молодых воинов. Затем напечатаем в газете и устно распространим этот слух, что специальный отряд под моим командованием направляется воевать с Асадом. Пусть Асад и его люди узнают об этом еще до нашего прихода в тот край. Я уверен, что Ойша постарается дать мне весть о себе. Я и сам буду искать ее. Сердцем чую, что мы достигнем цели.

— Хорошо, пусть будет по-твоему! — сказал Турсун Ходжаев.— Завтра же зайди ко мне, мы подробно обсудим твой план... Я сообщу о твоем предложении товарищу Файзулле Ходжаеву, он, как глава правительства и военный комиссар, примет тебя. Надеюсь, он тебя поддержит.

— Что скажешь, Карим? — спросил Юренев.

— Я рад и благодарен вам от души! — отвечал Ка-

рим.— Если со мной согласятся и дадут мне отряд, я сделаю все, что в моих силах.

— Молодец! — воскликнул Хайдаркул.— Я тоже постараюсь помочь тебе, чем смогу. Может быть, я сам отправлюсь с тобой в Бойсун.

— О, это будет отлично! — поддержал его Юренев.— Отправляйтесь туда и возглавьте поход.

— Посмотрим,— сказал Турсун Ходжаев.— Если будет возможность, если не случится другой важной работы, то, может, и пошлем товарища Хайдаркула. Хотя его возраст не очень подходит для такой прогулки, но мы верим в его вечно молодое сердце.

— Теперь разрешите идти? — спросил Карим.

— Можешь идти,— ответил Юренев,— но завтра утром пораньше будь у товарища Ходжаева,— ведь у него много дел.

Карим поклонился и вышел из комнаты. Гости посидели у Юренева еще с полчаса, обсуждая разные вопросы государственной важности. Затем встали с мест, распрощались.

У ворот посольства их ждал тот же большой фаэтон, запряженный двумя вороными, и тот же кучер с круглой бородкой. Турсун Ходжаев и Хайдаркул сели, и фаэтон тронулся.

— Юренев один из видных дипломатов России,— сказал Турсун Ходжаев,— Ленин оказывает ему большое доверие.

— А зачем нашей Бухаре такие видные дипломаты? — спросил Хайдаркул.

— Если внимательно присмотреться к тому, что делается в мировой политике,— отвечал Турсун Ходжаев,— то окажется, что Бухара и Хива играют в ней немаловажную роль. Все, кто точит зубы на революционную Россию, стараются использовать в своих целях контрреволюционное движение в Бухаре и Хиве. Через Иран, Афганистан и отчасти Турцию они стремятся напасть на наши земли. Поэтому Россия и шлет нам в помощь своих лучших людей, своих опытных политических деятелей. Ведь наши ошибки могут послужить причиной больших бед.

— Понимаю,— сказал Хайдаркул.

— Что, Шоди,— обратился вдруг к кучеру Турсун Ходжаев,— почему ты опять свернул с большой дороги? Неужели до сих пор ее не починили?

— На этом участке дороги повреждено каменное покрытие, неизвестно, когда его поправят,— отвечал кучер.— Ничего, мы объедем.

Турсун Ходжаев ничего не сказал на это. Фаэтон проехал близ вокзала, вновь выехал на пыльную дорогу и двигался мимо лавок и мастерских, которые к тому времени были уже закрыты. Внезапно из открытого окна какой-то надстройки над мастерской по фаэтону выстрелили дважды. Хайдаркул, сидевший с той стороны, откуда стреляли, быстро закрыл своим телом Турсуна Ходжаева. Выстрелы испугали коней, они помчались, но третья пуля настигла Хайдаркула. Он вскрикнул, схватился за бок и свалился с сиденья.

Фаэтон уже въезжал в городские ворота. Оттуда, услышав стрельбу, выскочили сторожа и солдаты. Кучер изо всех сил старался удержать лошадей, но не мог остановить экипаж. Лошади скакали дальше, и хорошо, что не было встречных — ни телег, ни людей. Лишь на повороте улицы удалось остановить их.

Турсун Ходжаев уже поднял Хайдаркула и, усадив на сиденье, глядя с ужасом на его бледное лицо, старался привести его в чувство.

— Хайдаркул-амак! Хайдаркул-амак! — взывал он.— Вы ранены? Куда попала пуля? О-о, да тут кровь!

Хайдаркул открыл глаза и, стараясь улыбнуться, проговорил:

— Хорошо, что вы живы... Я... ничего... немного ранен...

В это время взгляд Турсуна упал на кучера, который смотрел на раненого бледный, с испугом, весь дрожа.

— Что остановился? Гони к воротам ЦК!

Кучер тронул лошадей и медленно повел фаэтон к зданию ЦК. Был конец дня, служащие, закончив работу, выходили из ворот...

9

Следователь Чека Хабибуллин, о котором мы уже говорили, занимался делами торговых учреждений и рынка. Это был высокий худощавый мужчина, желтолицый, в очках, всегда угрюмый и раздражительный. Никто из работавших с ним не видел улыбки на его лице. Про него говорили, что он важничает будто бы потому, что ему покровительствует

бывший секретарь Центрального Комитета Наджиб Хусаинов, ведь именно по его рекомендации Хабибуллина приняли на работу в Чека.

В этот день он быстро покончил свои дела и ушел. Его спрашивал председатель, но не могли найти, не знали, где он. Только под вечер он появился, и комендант передал ему, что его ждет председатель. Хабибуллин сразу понял, в чем дело. Но так как он все знал заранее и был уверен, что его не смогут ни в чем уличить, он твердыми шагами, решительно направился в кабинет председателя. Едва он вошел в приемную, как двое чекистов с двух сторон направили на него револьверы, а встретивший его Асо скомандовал:

— Руки вверх, Хабибуллин!

— Что это значит?! — в ярости, грубо спросил он.

— Ничего. Просто сейчас такой порядок для посетителей председателя. Ну, быстрее! Заберите у него пистолет, проверьте, нет ли у него другого оружия. Да, вот так! Теперь вы можете пожаловать к председателю!

— Безобразие! — сказал Хабибуллин. Направляясь к двери в кабинет председателя, он уже не сомневался, что тайны его раскрыты... Значит, Баноджан не умер... Асо и раис узнали, что он, Хабибуллин, заходил к нему. Но сам Асо, какое он имел право оставить Баноджана и уйти? Почему он, не закончив дела, оставил такого важного заключенного одного? Или Асо сам захотел отомстить за Насимджана? Да, да, надо попытаться опорочить Асо!..

В кабинете председателя за отдельным столиком сидел секретарь, приготовив бумагу и ручку. Хабибуллин понял, что его ждет не обычная беседа, а допрос. Он побледнел, руки и ноги у него задрожали. Но тут же он взял себя в руки и, гневно глядя на председателя, сказал, не ожидая разрешения:

— Товарищ Аминов, что значит такое обращение со мной? Я буду жаловаться в ЦК РКП, пошлю жалобу в Ташкент. Я коммунист, я чекист!

— Довольно! — так же гневно сказал Аминов.— Мы теперь знаем, кто вы такой! Садитесь вон там! Наши порядки вам известны. Поэтому, не затягивая дела, приступим к допросу. Зачем вы утром вошли к арестованному Баноджану?

— Я был дежурным и не мог не проведать опасного арестанта, это был мой долг.

— Кто-нибудь вам поручил это? Может быть, Асо попросил?

— Нет, я сам...

— Почему вы дали Бакоджану яд? Кто поручил вам сделать это?

— Я дал яд Бакоджану?! А не сам ли Асо это сделал? Почему он ушел, оставив опасного арестанта одного?

— Перестаньте болтать вздор! Вы прекрасно знаете, что без веских оснований мы не будем сажать на скамью подсудимых такого сотрудника, как Хабибуллин. Мы знаем, у кого вы купили яд, сколько золотников, в какой обертке! Вы наивны: разве яд аттора может быть действенным? Он обманул вас.

— Я не знаю никакого аттора.

— Мы знаем, кому вы служите.

— Я служу народу!

— Лжешь, негодяй! — гневно сказал Аминов.— Говори: зачем нужно было Низомиддину-эфенди убивать Бакоджана?

— Откуда мне знать? Я...

— Советую тебе сознаться, как подобает мужчине, и тем облегчить свою вину. Ваша контрреволюционная группа раскрыта, что уж тут скрывать!

Хабибуллин молча опустил голову. Он был поражен, услышав имя Низомиддина. Раз уж поминают самого комиссара внутренних дел, значит, им все известно. А где же сейчас сам Низомиддин? Неужели и он арестован?

Внезапно зазвонил телефон, и Аминов поднял трубку.

— Что? Что? — закричал он вдруг.— Хайдаркул?.. Где? Сейчас я приеду!

Он позвонил. Вошел секретарь.

— Позовите Асо и уведите арестованного!

— Я арестован? — спросил Хабибуллин, словно не понимая, в чем дело.

— Да,— сказал Аминов.— В соответствии с революционным законом ты арестован и вместе со всеми членами контрреволюционной группы предстанешь перед трибуналом!

— Это несправедливо, это...

— Довольно! — закричал Аминов.— Жаль, что я раньше не знал, что пригрел у себя в рукаве змею! Подлец!

В кабинет вошли Асо и секретарь. Асо кивком головы

приказал увести Хабибуллина. Тот покорно встал и вышел, сопровождаемый секретарем.

— Только что было покушение на Турсуна Ходжаева! — сказал Аминов Асо.— Я думаю, все эти события исходят из одного центра. Сейчас я должен идти туда.

— А где это было? Как?

— У ворот Кавола, из мансарды над мастерской по ремонту телег, было сделано три выстрела, одна из пуль ранила Хайдаркула.

— О-ой! — простонал Асо, словно эта пуля ранила его самого.— Что же с Хайдаркулом?

— Не знаю. Его отвезли в больницу. Ну, пошли!

— А что вы скажете о Низомиддине?

— Потом, потом! — отмахнулся Аминов и направился к двери.

— Боюсь, не поздно ли будет потом,— сказал Асо.— Низомиддин многое мог бы нам рассказать.

— Когда вернемся, подумаем... Ведь нужно получить разрешение от ЦК и Совета назиров. У нас еще нет веских доказательств.

Асо ничего не сказал. Оба вышли из кабинета.

10

Когда тело Оим Шо вынесли из дома, Фируза еще некоторое время оставалась в комнате, где оплакивали покойницу, потом, вместе с Оймулло Танбур, обессилевшей от слез, пошла к себе в клуб. Потеплело, и женщинам в их траурных одеяниях, в черных платках стало жарко. Но в высоком просторном кабинете Фирузы было прохладно и тихо. Они сняли свои платки и без сил опустились на диван.

Большие часы на стене стучали размеренно: тик-так, тик-так; со двора доносилось воркование горлинок. В помещениях клуба было оживленно, жизнь здесь шла, как обычно, своим чередом. Окончив свои уроки, девушки пели под аккомпанемент дойры на высоком айване внутреннего двора. Они не знали о смерти Оим Шо, но даже если и слышали о ней, не печалились, потому что немногие из них знали покойницу. Только и было у нее близких, что больная мать, тетушка Анбар, Оймулло Танбур и Фируза, они и скорбели о ней, жалели ее и оплакивали горькими слезами.

Внешне Фируза казалась всегда спокойной, уравновешенной, тихой. Ее приучила к самообладанию трудная, полная лишений жизнь, ее воспитала такой бабушка Дилором-каниз. Но сейчас сердце ее обливалось кровью, душа была полна тоски и гнева. Перед глазами ее вставала живая Оим Шо, гибкая, стройная, черные глаза сияли, красивые губы улыбались... В ушах еще звенел ее голос, слышался то смех, то страстные рыданья... Да, Оим Шо так часто плакала перед ней, рассказывая историю своей горькой юности, открывая ей свои сомнения в любви, пришедшие к ней напоследок. И теперь она будто говорила ей: я ни в чем не виновата, я несчастливая, у меня было так мало светлых дней, но я узнала, наконец, любовь, и у меня не было иного выхода: я пожертвовала собой ради Насимджана, я отдала свою жизнь за эту чистую любовь, я спасла его, желанье мое исполнилось, и я спокойна... Так могла бы она сказать теперь...

— Удивительно! — сказала Оймулло Танбур, прерывая молчание.— Сколько необъяснимых случайностей в мире! Почему Оим Шо вышла на улицу в тот вечер? Почему именно в нее попала пуля врага? Непонятно! Она была благоуханным цветком, который мог бы украсить чалму лучшего на свете мужчины! Но этот цветок увял так рано...

Оймулло помолчала, потом плачущим голосом прочла стихи:

Весной расцветают цветок за цветком,
Но тот, что погиб, не расцветет и через сто весен.
Еще бутоном был тот цветок, но уже погиб,
И только в слезах из наших глаз
Будет вечно сочиться его розовый сок...

Стихи вызвали снова слезы на глазах Фирузы. Но, печально вздохнув, она вытерла слезы и сказала:

— Хамрохон всю жизнь, в самые тяжкие дни, мечтала о большой любви. Она полюбила Насимджана, но все не могла поверить до конца своему счастью, не могла насладиться им вполне и часто-часто повторяла:

Сомненье мешает мне наслаждаться встречей с любимым.
Любимый в объятьях моих, а я все жду чего-то...

— Она была царицей в мире любви! — промолвила Оймулло, глядя в одну точку.— Она, как Шамсия, была воспитана в школе любви, была сама изящна, как стихи,

красива, как золотое тиснение на обложке книги о любви... Жаль ее, ах, как жаль!

— Правду вы говорите, Оймуллоджан! Она была женщиной, которая могла бы дарить поэтам вдохновение, музыкантам — мелодии, влюбленным — любовь. Но при этом она была стойкой, свободолюбивой и гордой. Она никому не хотела покоряться, кроме своего сердца, ни перед каким правителем она не склонила своей головы! Она расцвела под солнцем революции, ожила, засверкала, как драгоценный рубин... Она была первой женщиной, бесстрашно бросившей под ноги паранджу и черный чашмбанд. Да, жаль, сто раз можно пожалеть, что она не пошла дальше по дороге свободы, а пала мертвой!

Оймулло слушала эти слова своей бывшей ученицы, потом сказала, словно продолжая прерванную речь:

— Почему не ослепли мои глаза от бесконечных слез, которые пришлось мне пролить? Как вынесла моя несчастная голова столько ударов судьбы? Почему я, видевшая смерть Шамсии, теперь увидевшая смерть Оим Шо, не умерла сама, не покинула этот свет? Ох, какая живучая твоя бедная Оймулло, дряхлая старушонка!..

Как ни тяжела была для Фирузы неожиданная смерть Оим Шо, но сейчас, глядя на плачущую Оймулло, ей стало еще грустней. Оймулло Танбур, всегда такая чуткая и впечатлительная, с ярким поэтическим темпераментом, к старости становилась все более чувствительной, расслабленной, мягкой. Фирузе захотелось немного утешить ее, ободрить, хотя Оймулло была старше, была учительницей и воспитательницей ее.

— Не надо так говорить, Оймуллоджан! — сказала она.— Дай бог, чтобы вы еще долго были живы и здоровы, были нужны нам, молодым, чтобы вы своими советами наставляли нас на путь истинный, удерживали нас от всего дурного, учили нас любить и надеяться! Несчастная Шамсия погибла жертвой темноты и деспотизма,— такое было тогда время. Вы знаете, тогда было много таких, как Шамсия... Но Оим Шо, как вы сами сказали, погибла за новую жизнь, за свободу. Видеть это, конечно, тяжело, это раздирает сердце, но нечего делать, надо вытерпеть.

— Да, мы должны терпеть! — проговорила тихо Оймулло и вытерла глаза.

— Но наше время — время возмездия и борьбы! — сказала Фируза, подняв голову.— Тот, кто посеял зло, должен

пожать его! Убийцы Оим Шо получат то, что заслужили... я верю в это!

— Говорят, убийца — сарайбон, зовут его Бакоджан.

— Да, Бакоджан...

— Его поймали?

— Да, его задержали,— сказала Фируза задумчиво.— Но...

— Что?

— Но Бакоджан не один,— сказала Фируза, собравшись с мыслями.— У него должны быть за спиною те, кто направил его. Я немножко знаю это дело. Бакоджан приходил ко мне несколько дней назад...

И она рассказала о посещении Бакоджана, о клевете на женский клуб и добавила:

— Халима, дочь Бакоджана, должна знать, кто является подлинным убийцей. Конечно, Бакоджану наговорил на клуб человек, от которого Халима забеременела...

— Следственные власти проведут расследования и допросы, найдут убийц,— сказала Оймулло.— Убийцы будут наказаны, но для покойной уже все равно. Ее молодая жизнь кончена.

Фируза уже почти не слышала, что говорила Оймулло. Перед ней вдруг возник образ живой, улыбающейся, цветущей Оим Шо, которая требовала, чтобы Фируза отомстила убийцам, чтобы их окровавленные руки больше не могли схватить безвинного...

— Нет! — сказала она, вскипая от гнева.— Нет! Я отомщу! Я сейчас отправлюсь в дом Бакоджана и допрошу эту бесстыдницу Халиму, которая, оберегая себя, натравила отца на безвинного человека. Она должна ответить мне. Да, да, мне! Следователи ничего не добьются от нее, как и отец.

— Ты с ума сошла! — испугалась Оймулло.— Я не пущу тебя. Это не твоя обязанность — расследовать убийство. Ты только испортишь все.

— Нет, не испорчу,— сказала Фируза решительно, вставая.— Я знаю слабые струнки людей. Я так буду ее расспрашивать, что она сама, даже не замечая этого, раскроет мне все свои тайны. Вы не беспокойтесь!

— Нет, нет! — сказала Оймулло, тоже вскочив с места.— Я тебя никуда не пущу! Это не твое дело! Нельзя сейчас идти в дом Бакоджана, ведь он арестован, ведется следствие... Будь разумной, Фируза, не глупи!

Но Фируза стояла на своем. Вообще, если она принимала какое-то решение, остановить ее было трудно. Особенно когда она возмущалась чем-нибудь, испытывала гнев. Поэтому она, не обращая внимания на уговоры Оймулло, взяла со спинки стула свою паранджу, окинула взглядом стол и кабинет и направилась к выходу, сказав:

— Не беспокойтесь за меня, Оймуллоджан, я умею разговаривать с женщинами. Нельзя оставить этого дела. Я допрошу Халиму и быстро вернусь домой. А вы пока идите к себе, ваша Гульбахор, верно, уже пришла и ждет вас.

— Не ходи, говорю тебе! — еще раз повторила Оймулло.— У меня сердце не на месте... Не твое это дело, этим занимаются специальные учреждения, опытные, обученные люди. Не ходи, лучше напиши свои соображения и отдай кому следует.

— Хорошо, хорошо! — проговорила Фируза и, накинув паранджу и чашмбанд, направилась на улицу.

— О, что за день выдался! — покачала головой Оймулло. Раздумывая, что ей теперь делать, к кому обратиться, она вспомнила об Асо.— Да, нужно сообщить Асо... Но где найти его?

Оймулло подошла к телефону, но руку к нему не протянула. Ведь до сих пор ей не случалось ни разу говорить по телефону. Да она и не знала, как позвонить Асо, как его вызвать... Постояла немного в раздумье, затем взяла свой сарбанд и вышла.

...Только на улице Фируза подумала, что не знает, где дом Баконджана. Она вспомнила, как Баконджан говорил ей, что живет по соседству с Низомиддином, но где, на какой улице — не могла вспомнить. Но она знала, что Баконджан работал сарайбоном в караван-сарае у большой дороги, напротив мечети Атолик. Туда она и направилась. Она подумала, что там кто-нибудь ей скажет, где живет Баконджан.

В сарае вместо Баконджана на кате сидел какой-то юноша.

— Баконджан живет на улице Чорхарос,— сказал юноша.— Вот по этой вымощенной камнем дороге идите, глядя на хауз Девонбеги. Как дойдете до мечети Говкушон, поверните направо, там спросите у кого-нибудь, где дом сапожника Баконджана,— вам сразу покажут.

— А вы кто? Кем ему приходитесь? — спросила Фируза.

— Я?.. Я его будущий зять, сватаюсь к его дочке... Баконджан, говорят, уехал в Гиждуван — хлопотать о свадьбе, а я его замещаю тут в сарае.

— Ну, дай вам бог дожить до свадьбы! — сказала Фируза.

Идя по указанной ей дороге, она думала: этот будущий зять, видно, не знает, что Баконджан арестован... Или сам выдумал, что тот уехал в Гиждуван?.. Бедняга надеется, что юная дочь Баконджана будет его женой, он не знает, что творится за дверями того дома... Да, да, конечно, он ничего не знает! Иначе не сидел бы вместо Баконджана в сарае...

Хорошо тому, кто ничего не знает,— он может быть спокойным, беспечным. Человек не знает, когда умрет, сколько еще лет или дней ему осталось жить. Если бы он знал это, мир показался бы ему мрачным. Было бы меньше горя у человека, если бы он не знал и о многом другом в жизни, не ведал бы, что творится вокруг... Но нет! Нельзя узнать, когда умрешь, но как прожить свою жизнь —это каждый должен знать. Надо прожить ее, как человек, все понимая и зная. Это ведь барану неизвестно, как мясник мучается, заготовляя корм для него, заботясь о вкусном сале,— баран съедает все, жиреет, потом его зарежет тот же мясник... А человек пусть знает всю правду, какой бы горькой она ни была...

Фируза дошла до мечети Говкушон и, свернув в переулок направо, остановилась, чтобы спросить у кого-нибудь, где дом Баконджана. Внезапно она увидела перед собой высокую женщину в парандже и, изменив слегка голос, спросила у нее, где дом сапожника Баконджана.

— Не старайтесь напрасно изменить голос, моя дорогая! — отвечала женщина.— Я покажу вам дом сарайбона Баконджана!

— Тетушка Анбар? — удивилась Фируза.— Как вы тут очутились?

— Я всегда там, где нужна,— ответила тетушка Анбар, приподняв свой чашмбанд и здороваясь с Фирузой.— Разве можно вам одной появляться в таких опасных местах? Да благословит бог Оймулло за то, что она мне сообщила, куда вы пошли,— я тотчас бегом вам наперерез и вот поспела раньше вас... Слава богу, успела!

— Почему вы так говорите? Разве я девочка, чтобы...

— Если бы вы были девочкой, то слушались бы старших! — отвечала шутливо тетушка Анбар.— Идемте — и вы своими глазами увидите весь ужас! Но уговор такой: вы не произнесете ни звука, не будете лезть вперед и никому не покажете вашего лица! Следуйте за мной — и ни шагу без моего знака!

— Хорошо, согласна! — ответила Фируза и последовала за тетушкой Анбар в глубь переулка.

Они прошли шагов двадцать и подошли к воротам, за которыми слышался громкий женский плач. Ребятишки с улицы и двое-трое соседей поспешно входили во двор. Тетушка Анбар тоже вошла в ворота, следом за ней — Фируза. Она увидела, что двери небольшого домика раскрыты настежь и возле них толпятся люди, заглядывая внутрь комнаты, откуда слышались причитания:

— О-о, боже мой! Горе мне, горе, сгорел мой дом! Дочь моя, единственная радость моя, моя опора, покинула меня, сама себя убила!..

Фируза подошла к двери и заглянула в комнату. Посредине комнаты, раскинув в стороны руки, лицом вниз лежала девушка. У изголовья ее сидела смуглолицая маленькая женщина и плакала, громко причитая. У входа стояли двое мужчин, словно кого-то ждали.

— На полу лежит Халима, мертвая,— прошептала на ухо Фирузе тетушка Анбар.— А эта женщина — Зухра, мачеха девушки. Одного из мужчин я знаю — это Камбар, слуга Низомиддина-эфенди... Видно, он ждет своего хозяина...

И действительно, в это время люди во дворе зашевелились, пропуская вперед Низомиддина. Бледный, быстрыми решительными шагами вошел он в комнату.

— Что тут случилось? — спросил он.

— Не знаю, не знаю! — заголосила женщина.— Я пришла с улицы, только вошла — и вот... в руках у нее бутылочка из-под яда... а она уже мертвая.

— Откуда у нее яд?

— Не знаю...

— Кто-нибудь был еще дома?

— Никого не было...

— А кто-нибудь видел, как вы вошли с улицы?

— Нет, нет... кто мог видеть?

Низомиддин обошел мертвую девушку, скрывая отвра-

щение, оглядел ее со всех сторон. Потом обратился к человеку, стоявшему у двери рядом с Камбаром.

— Мухаммед-эфенди! Вы человек грамотный, знаете, как составляются бумаги. Возьмите поскорее бумагу и карандаш и напишите акт. Мы, как свидетели, подпишемся. Видимо, здесь произошло преступление... Возможно, Халиму принудили... или умертвили... Во всяком случае...

— Кто ее убил? — вдруг закричала Зухра, вскочив с места.— Вы соображаете, что говорите? Мало вам смерти дочери моей, так еще хотите клеветать на меня, беззащитную женщину! Побойтесь бога, назир-эфенди!

— Никто не говорит, что вы ее убили,— отвечал Низомиддин,— но наша обязанность расследовать все, проверить все подозрения, чтобы установить истину. Мухаммед-эфенди, пишите акт!

Мужчина, которого так называл Низомиддин, присел на пол, взял из чьих-то рук карандаш и бумагу и начал писать. Низомиддин диктовал:

— Мы, свидетели с улицы Чорхарос...

Он продиктовал начало акта — номер, фамилию, то, что Халима приняла яд и упала мертвой на пол в комнате, потом сказал:

— Поразительно! Халима была такой здоровой, жизнерадостной девушкой, она вряд ли решилась бы на самоубийство. Видно, здесь скрывается какая-то тайна...

— Какая тайна? — повысив голос, спросила Зухра. Она уже не плакала, глаза ее сверкали.— Какая тут может быть тайна, назир-эфенди? — продолжала она насмешливо.— Вы, назир-эфенди, наш сосед, вы знаете все секреты нашей семьи, не вам это говорить!

— Тихо! — угрожающе проговорил Низомиддин.— Здесь лежит мертвая Халима, отец ее арестован за убийство, смерть за смертью, преступление за преступлением! Мы этого так не оставим, расследуем все! А вы, ханум, не мешайте нашей работе своими криками и шумом! Я уже позвонил в милицию. Сейчас сюда придут... Мы вынуждены вас на несколько дней...

— Вы сами,— грубо прервала его Зухра,— это вы — преступник!

— Тихо! — закричал Низомиддин и, подойдя к женщине, что-то сказал ей на ухо, и она, прикусив губу, молча опустилась на землю.

Фируза и представить себе не могла, как все обернется. Она собиралась расспросить Халиму, выяснить, кто виновник беды, и сообщить Асо, чтоб он знал, что ему делать. Но то, что здесь произошло, спутало все и еще больше усложнило дело. Почему Зухра так дерзко заговорила с Низомиддином? Почему она назвала его преступником? Может быть, Низомиддин и есть главный преступник? Это надо сказать Асо! Почему отравили Халиму? Чтобы скрыть преступление? Кто дал ей яд? Может быть, она сама достала и приняла его, когда матери не было дома? Может быть, она узнала об убийстве Хамрохон, о том, что отец ранен и в тюрьме, и отравилась с горя?.. Может быть, она поняла, что стала причиной отцовской беды, и решила лучше умереть, чем жить?.. Если это так, то...

— Видите, уважаемая,— сказала, отводя ее в сторону, тетушка Анбар.— Этот дом потонул в несчастьях... Дурная женщина самого назира-эфенди готова оклеветать... Какова дерзость!

— Кто знает,— возразила Фируза.— Низомиддин-эфенди — их сосед, и эта женщина, оказывается, бывает у него в доме, ведет его хозяйство, а если они связаны чашками-ложками, то могут быть и сообщниками...

— Хорошо, что я раньше вас пришла сюда и вы не ввязались в эту темную историю.

— Да, вы верно говорите,— сказала Фируза.— Как это все печально...

Акт еще не был составлен, когда в комнату вошел со двора высокий мужчина, кашлянул громко. Низомиддин поднял голову, взглянул на него, побледнел, проворчал тихо:

— Что вам?

— По важному государственному делу,— сказал вошедший и сделал знак выйти.

— Хорошо, сейчас,— ответил Низомиддин и, обратившись к Мухаммеду, сказал:— Допишите акт и сдайте милиции... Потом я подпишу.

Он вышел во двор и через маленькую калиточку прошел к себе.

— Уйдем и мы,— сказала Фируза.— Скорее домой.

И они покинули двор, про который тетушка Анбар сказала, что он «потонул в несчастьях».

— Хорошо, что никто вас не увидел и не знает, что вы здесь были,— сказала тетушка Анбар уже на улице.— Вы человек известный, вас все знают...

— Да, хорошо, хорошо! — говорила Фируза, думая о своем и быстро шагая к своему дому.

— Так что еще случилось? — спросил Низомиддин, глядя на Анарбая, едва они вошли в дом.

— Арестован Хабибуллин! — сказал Анарбай.— Бакоджан выздоравливает. Сегодня вечером, а лучше уже сейчас вы должны покинуть город.

— Как? Куда? С кем? — заволновался Низомиддин.

— Командировочные документы у вас. Возьмите с собой побольше денег, оружие, наденьте очки, наймите фаэтон, выезжайте через ворота Мазар или другие. В десять часов от Кагана отходит поезд на Карши. Позвоните своему заместителю, скажите, что должны срочно ехать в Карши, что это секретное задание, поэтому пусть он никому ничего не говорит и занимается очередными делами. В Карши вас встретят и отвезут в Бойсун, а оттуда к Асаду Махсуму.

— Ладно, хорошо...— отвечал Низомиддин и, открыв ящик письменного стола, взял револьвер, из заветного сундучка достал деньги, золото, засунул в кошелек, в портфель. Руки его тряслись, он не понимал, что делает.

— Я пойду найму фаэтон, а вы собирайтесь и выходите. И лучше бы вам переодеться.

— Хорошо, хорошо! — говорил Низомиддин и снова открывал ящики, рылся в них и искал, сам не зная что.

Он вообще был по натуре труслив, невыдержан, а после приказа, сообщенного ему Анарбаем, выдал себя с головой: вся его спесь и высокомерие исчезли, и в эти страшные минуты ясно обозначилось его лицо — лицо эгоиста, труса и подлеца. Он трепетал и рвался, как мышь в лапах кота. Он готов был умолять Анарбая не оставлять его одного, проводить его до Кагана. Руки и ноги у него тряслись, в голове шумело, он не знал, что взять с собой, что оставить. Ему казалось уже, что чекисты спешат к нему — арестовать, что они возьмут его и бросят в подвал Чека вместе с другими арестантами...

Зазвонил телефон. Машинально он протянул руку, чтобы взять трубку, но удержался. Если он возьмет трубку,

узнают, что он дома, и сейчас же пошлют за ним людей... Но, может быть, это звонит кто-то из своих? Вдруг опасность миновала и бегство его отменяется?.. Телефон умолк, но через минуту зазвонил опять. Низомиддин не удержался, поднял трубку, спросил дрожащим голосом:

— Да, кто спрашивает?

Знакомый голос Файзуллы Ходжаева ответил:

— Это вы, Низомиддин-эфенди? Почему у вас такой голос? Нездоровы? Простудились? Ничего, пройдет. Берегите себя. Да, вы знаете: дело о покушении, кажется, проясняется... Как, вы не знаете? Как же так? Вы должны быть осведомлены. Да, арестовали и кучера Шоди... он, очевидно, соучастник... Да, прошу вас усилить охрану в городе и в окрестностях! Я недоволен работой Америзо-эфенди. Миршаб эмира был лучше такого начальника милиции. Надо вместо него подыскать кого-нибудь порасторопнее.. Если не сможете прийти сегодня, то завтра с утра непременно приходите на заседание Совета назиров. Я должен вам кое-что сказать. Ну, до свиданья. Полежите, примите лекарство!

Низомиддин положил трубку. Руки его дрожали еще сильнее. Арест кучера Шоди — еще одна ниточка из клубка. Постепенно собирая и связывая все нити, Чека потом одним рывком свалит с ног всю организацию. Он понял, что Файзулла Ходжаев не подозревает его, ничего не знает о нем — Чека еще ничего не сообщило ему, главе правительства, о комиссаре внутренних дел. Значит, еще есть возможность спастись, значит, надо воспользоваться этим... Бежать, быстрее! Быстрее!

11

— Говорят, нет воды — нет жизни,— сказал старый водонос Бобо Умед своему ученику и помощнику Мираку, который стоял рядом с ним на берегу хауза и внимательно его слушал.— Вода есть — есть и жизнь, не будет воды — не будет ни человека, ни дерева, ни птицы, ни рыбы! А земля, на которой нет людей, нет растительности, нет ни птиц, ни рыб,— какая ж это земля! Вот поэтому каждый, кто проложит воде путь к людям, может считаться дающим жизнь всему живому. Мы с тобой тоже несем людям мед жизни. Наша профессия святая, сынок! Наш духовный наставник, старейшина нашего ремесла Хазрат

Аббас когда-то напоил водой пророка, и, как известно, пророк за это сделал Хазрата святым. И мы с тобой, нося людям воды, приносим им жизнь, радость, помощь в труде. Никогда, сынок, не стыдись этой работы, жалок тот, кто стыдится такой профессии!

Таких замечательных слов Мирак ни от кого не слышал — даже от отца, который ему всегда казался самым мудрым человеком. Бобо Умед говорил так, словно читал у него в сердце. Мирак думал то же самое, но не умел выразить этого так поэтично, и мудро, и понятно, как Бобо Умед. Да, он не зря захотел стать водоносом, он понимал, вернее, чувствовал правду слов Бобо Умеда. Но работа эта была не из легких: трудно было нести бурдюк, полный воды, по ступенькам из хауза, подымать его на суфу, чтобы взвалить на спину, трудно было дышать, дрожали ноги... к тому же ступеньки были такими скользкими! Если бы хауз был полон до краев, тогда было бы легче — до суфы два шага, а там поднял бурдюк на спину и пошел. Но почему-то не всегда пускали воду по каналу в хауз, воды в хаузе было мало, нужно спускаться на пять-шесть ступенек вниз, чтобы наполнить бурдюк. Нехорошо это. Если вода — источник жизни, то почему ее не дают достаточно? Почему водоносам приходится спускаться почти на дно хауза и набирать грязную, кишащую глистами воду? Что же делают мирабы, которым полагается следить за распределением воды? Неужели такую пьет и правительство Бухары, Файзулла Ходжаев, дядя Хайдаркул и другие? Или они пьют лимонад вместо воды? Но ведь чай не заваривают лимонадом! И плов и шурпу на лимонаде не приготовишь! Нужна вода — чистая, свежая, прозрачная и без глистов...

— Вода очищает человека,— продолжал философствовать Бобо Умед.— Вода делает чистым человека, очищает и землю. Но есть такие люди, которых, сколько ни мой, чистыми не станут. Если даже вылить на их головы всю воду из этого хауза, все равно они будут причинять людям зло — сотне, тысяче людей. На нашей улице жил один бакалейщик, своей ненасытной жадностью он принес несчастье и другим и себе самому. Давал деньги в долг, старался получить больше, чем давал. Купил землю за городом, нанял поденщиков. Грабил народ, не слушал никаких увещаний добрых людей. И что же вы скажете? Дом его сгорел. На урожай его напала саранча и сожрала все на-

чисто. Сын его упал в хауз и утонул... и кончилось все тем, что сам бакалейщик, задавленный всеми этими несчастьями, сошел с ума и попал в Ходжаубони[1]. Не повезло и тем, кто с ним связался. А вот у его соседа, бедного арбакеша, доброго человека, корова принесла сразу двух телят. Жена его разводила шелковичных червей, ей выпала удача, продала много коконов, и жизнь их сразу поправилась. Правда, нашлись завистники, не могли спокойно смотреть на его счастье, оклеветали его, назвали джадидом, отвели его в Арк и там отрубили ему голову... Но сейчас, после революции, стало хорошо,— сейчас никто не смеет клеветать на другого.

— Разве клеветников всех уничтожили? — спросил Мирак.

— Хоть не всех уничтожили,— отвечал Бобо Умед,— но теперь клеветник боится, потому что правительство у нас справедливое.

И Мирак поверил своему учителю, он не смел сказать, что клеветники и завистники еще существуют и делают свое черное дело. Много еще лет должно пройти, пока исчезнут у людей эти скверные привычки...

— Бобо, вы носите воду в каждый дом, куда попросят? — внезапно спросил Мирак.

— Да, сынок,— отвечал Бобо,— каждого, кто нуждается в воде, надо напоить. Так учит нас наш духовный наставник.

— А если дурной человек попросит?

— Откуда мы знаем, какой это человек? Мы знаем, что он просит воды.

— А если это тиран и кровопийца?

— Тиран? Нет, конечно, никто не должен носить воду в дом тирана. Но до революции правили нами тираны, и поневоле приходилось им подчиняться, выполнять, что они приказывали...

— Я никогда не понесу воду в дом тирана — все равно, у власти он или нет.

— Эх, сынок, не знаю, что и сказать тебе! — отвечал Бобо.— Тирана ты не видел, не знаешь, каков он, какие у него повадки... То, что человек может делать с другими, иной раз хуже божьего наказания. Мы видели такое в жизни, чего, дай бог, чтобы даже враг твой не видел!

[1] Ходжаубони — сумасшедший дом в Бухаре.

— Я видел тирана! — сказал Мирак уверенно, как взрослый.— Это Асад Махсум.

— Да, Асад Махсум тиран, конечно,— согласился Бобо.— Но твой отец служил у него. Почему? Потому что у Асада Махсума была власть в руках.

— Нет,— сказал Мирак настойчиво,— отец мой хотел уничтожить его.

— Да, да, пусть успокоит его душу бог! — сказал старик и, чтобы не углубляться дальше в эту тему, закончил: — Ладно, вставай, сынок, уже вечереет, надо отнести воду в дома, куда я постоянно ношу.

Мирак встал с суфы, снял с гвоздя свой бурдюк, который дал ему Асо, взял в правую руку ковшик, чтобы черпать воду, и вслед за старым водоносом спустился по ступенькам к воде.

— Мы с тобой служим народу,— сказал старик, наполняя большим ковшом свой бурдюк,— а люди трудятся для нас. Что бы мы делали, если бы кто-то не сшил для нас этот бурдюк, этот ковш? Откуда мы брали бы воду, если бы люди не вырыли этот хауз, не выложили его берега камнями, не сделали лесенки по краям? Все это сделали для нас люди, и мы теперь носим им воду... Вот так все устроено в жизни, сынок, все должны трудиться, все должны помогать друг другу, каждый трудится по мере своих сил и способностей.

Мирак подумал, что эти слова он уже слышал не раз, думал об этом, хотя и не мог бы объяснить все так просто и понятно. В самом деле, Мирак с детства знал, что основа жизни — труд, движение, постоянная работа. Крестьянин работает в поле, растит хлеб, хлопок, дыни, траву, разводит и кормит коров и овец. Трудом крестьянина люди сыты... Купец дает крестьянину орудия труда, все для домашнего обихода... Ткач одевает людей, выделывая карбос, шелк, адрас, всякие материи... Повар варит пищу, строитель строит дома, водонос носит воду людям... А что делают муллобача — студенты медресе? Только читают книжки! Какая польза людям от их чтения? Что делают имамы и суфии кварталов? Читают намазы! А какая польза от их намазов? Много людей служат в учреждениях, сидят за столами, ездят в фаэтонах — какая от этого польза народу? Никакой! Все это дармоедство. Мирак хочет заниматься полезной работой. Дядя Асо и Фируза уговаривают его учиться... Но ведь он уже учился, научился

читать и писать, немножко арифметике. Писал матери заявления, читает газеты, объявления... и достаточно! Зачем ему еще учиться? Чтобы стать министром? Ни за что! Самое лучшее дело — быть водоносом.

Его бурдюк был уже полон, с трудом он поднял его и вынес наверх. Старик все еще черпал воду.

— Куда отнести? — спросил Мирак.

— В дом Гуломджана Махсума,— сказал старик.

Мирак поднял бурдюк на плечо, поправил его и, согнувшись под его тяжестью, пошел, куда сказал старик. В начале улицы, где был дом Гуломджана Махсума, стоял фаэтон, запряженный двумя лошадьми, и около него два солдата на конях. Они никого не пропускали.

Мирак хотел пройти около фаэтона, но солдат остановил его:

— Эй, водонос, вернись, туда нельзя!

— Я иду в дом господина назира...— сказал Мирак, думая, что к назиру-то его пропустят.

— Нельзя, вернись! — повторил солдат уже грубо и, повернув коня, загородил дорогу.

— Дядя, у меня бурдюк тяжелый...— умоляюще начал Мирак, но не договорил.

Из раскрытых ворот вышел Асо, держа в руке револьвер, за ним — растерянный, с бледным лицом Гуломджан Махсум, еще двое в чалмах и за ними трое военных с револьверами в руках. Солдат на коне подался назад. Асо увидел Мирака и улыбнулся ему, Мирак с ним поздоровался. Асо усадил в фаэтон Гуломджана Махсума и двоих в чалмах, сел сам, на подножки фаэтона с двух сторон вскочили двое его спутников. Фаэтон еще не двинулся, и Асо, наклонившись в сторону Мирака, сказал:

— Как дела? Завтра непременно приходи ко мне домой, есть дело.

— Хорошо,— сказал Мирак.

Фаэтон тронулся, за ним последовали и два всадника, а за ними побежали мальчишки, пошли случайные свидетели происшедшего; со двора с плачем пыталась выйти женщина, но мальчик — примерно ровесник Мирака — удержал ее, не пустил на улицу. Мирак был озадачен тем, что увидел, и не знал, как быть: нести воду в дом или удалиться...

Вдруг ему вспомнилось наставление отца: мужчина не должен сворачивать с пути! Он вошел во двор, прошел

прямо на кухню, вылил воду из бурдюка в большой глиняный хум и вышел. Тут подоспел и Бобо Умед со своим бурдюком. Мирак посторонился, давая ему дорогу. Во дворе Мирака поджидал сын Гуломджана Махсума.

— А-а, чекистский шпион! — сказал он гневно, бросаясь к нему.— Делаешь вид, что носишь воду, подслушиваешь, что говорят в доме, и доносишь своим хозяевам!

Ошеломленный Мирак не знал, что отвечать мальчишке.

— Это из-за тебя арестовали моего отца! — кричал тот, подходя к нему.— Я покажу тебе, проклятый доносчик!

— Думай, что говоришь, сопляк! — отвечал Мирак и сильно оттолкнул бросившегося на него мальчишку.

Тот едва не упал, но удержался и с поднятыми руками бросился на Мирака. Мирак схватил его за руки и толкнул. Мальчик пошатнулся, но ухватился за край суфы и не упал. Вдруг он схватил стоявший на суфе медный кувшин и швырнул его в Мирака. Но Мирак вовремя посторонился, и кувшин со звоном ударился в дверь комнаты, откуда раздавался плач женщины. В это время из кухни вышел с пустым бурдюком старик Бобо и встал между дерущимися.

— Эй, эй, Махсумджан!— обратился он к нападавшему.— Чем провинился бедный водонос, что вы швыряете в него кувшин?

— Он доносчик, шпион!

— Ты сам и отец твой шпионы! — сказал Мирак.— Если бы он был не виноват, его не арестовали бы.

— Вот, вот, слышите! — опять закричал мальчишка, пытаясь снова наброситься на Мирака, но Бобо стоял между ними и удержал его.

Тут из дома позвали мальчика, женщины стали бранить его. Бобо сделал Мираку знак уйти. Мирак с насмешкой взглянул на мальчика и пошел со двора.

— Чтобы ноги твоей тут больше не было! — закричал вслед ему мальчик.

На улице Бобо Умед сказал:

— Волчонок в конце концов станет волком, какой бы высокий чин ни носил. Точь-в-точь как его отец в детстве: дерзкий, нахальный, задира и грубиян...

— Вы в этот дом носили воду, когда его отец был еще ребенком? — спросил Мирак с удивлением, даже позабыв о своей обиде.

— Да, сынок, ведь я — водонос с детства... все члены этой семьи выросли, пользуясь водой из моего бурдюка, но они не ценят этого! Куда там! Стоит мне запоздать на час, как они набрасываются на меня с руганью: «Куда ты запропастился, старикашка?» Эх, сынок, труд ценит только тот, кто сам трудится, дармоед не может этого понять!

— Проклятый щенок! — проворчал Мирак.

А Бобо Умед, оптимист, никогда не приходящий в уныние, воскликнул:

— А знаешь что? Получится замечательно! На этой улице, в доме сбежавшего Шамсиддина-инока[1], недавно поселился один государственный служащий. У него много детей. Он меня просил приносить им воду, а я не знал, что ему сказать. Но теперь мы больше не будем носить воду в дом Гуломджана Махсума, а понесем ее в семью этого служащего. Его дом тут недалеко, в двух шагах от хауза.

— Хорошо,— сказал Мирак.— А волчата пусть сами носят себе воду.

— Да, если наши товарищи-водоносы узнают, как нас здесь обидели, никто не будет сюда носить воду,— подтвердил старик.

— Скажите, чтоб никто им не носил! — просил Мирак.— Пусть сами порастрясут свой жирок!

Мирак очень сильно был обижен, что на него возвели такую напраслину. Он не привык лгать, никогда ни на кого не клеветал, никого не обижал зря... Но стоило кому-то обидеть его незаслуженно, он весь вспыхивал от злости, готов был разорвать обидчика на куски. И сейчас кипевшая в нем обида заставляла его сердиться на себя за то, что не сумел хорошенько проучить этого дерзкого петушка. Сам он шпион и отец его шпион!

— А что такое шпион? — вдруг спросил Мирак у Бобо Умеда.

— Шпион? — сказал старик, почесывая затылок.— Шпион — это, кажется, слабый, ненадежный человек и неблагодарный... Я и сам не знаю хорошо, кто он, все эти слова пошли от джадидов... они выдумали всякие слова, вроде «хурриат», «мусават», «яшасун»[2], а люди и не понимают, что это значит.

---

[1] Инок — один из высших чинов в эмирате.

[2] Хурриат — свобода, воля; мусават — равенство; яшасун — да здравствует.

— Этот Гуломджан Махсум — тоже джадид?

— Кажется, так,— отвечал старик,— иначе он не был бы таким большим человеком в правительстве... Джадиды сделали революцию и все взяли в свои руки. Не знаю еще, что такое Чека, который арестовывает этих самых джадидов...

— Чека — хорошее учреждение! — сказал Мирак, стараясь показать свою осведомленность.— Если бы не было Чека, то Асад Махсум давно бы взял город. И тогда уничтожили бы всех настоящих революционеров. Мой дядя Асо работает в Чека, день и ночь охраняет и защищает город от басмачей.

— Вон оно что! — промолвил старик.

Так, разговаривая, они подошли к хаузу. Смеркалось. Водоносы складывали свои бурдюки и ковши и шли домой. По желобу в хауз журча бежала вода.

— Вода идет,— сказал старик,— это хорошо, завтра нам будет легче.

— Люди будут пить свежую воду! — сказал Мирак.

— Верно,— старик развязал свой пояс.— Теперь бери ковшик и иди домой, отдыхай. Завтра, бог даст, будем поить людей свежей водой.

Мирак кивнул, тоже развязал пояс, снял с гвоздя свой ковш и вместе со стариком вышел на большую дорогу.

— Хочешь, пойдем ко мне,— сказал старик,— старуха моя, наверное, что-нибудь сварила — поедим.

— Нет, спасибо,— отвечал Мирак.— Пойду домой, мать просила пораньше вернуться.

— Ну, ладно, кланяйся маме.

Они расстались. Дом Мирака находился в другой стороне, далеко от улицы Калобод. Было две причины, почему Мирак пришел работать сюда, к этому хаузу: во-первых, здесь работал Бобо Умед, к которому Асо отдал его в ученики; во-вторых, здесь Мираку было удобнее на первых порах, пока он не освоился как следует со своей работой, разносить воду в незнакомые дома, чужим людям. Каждый день, спозаранку, минуя многие улицы и переулки, он шел сюда, к хаузу, а вечером, забросив за спину пустой бурдюк и ковшик, усталый, медленно брел домой, по пути размышляя о разных вещах. Сегодня он был сердит и думал: почему это люди враждуют друг с другом, мстят друг другу, бьют, убивают, арестовывают? Все это от глупости, оттого, что не понимают друг друга! Вот сегодня

сын Гуломджана, не понимая, что произошло, зря напал на него, обидел его. Раз дядя Асо арестовал его отца, значит, тот в чем-то провинился.

Но какое Мираку дело до всего этого? Он не знает, кто такой Гуломджан Махсум, чем занимается он и его товарищи в чалмах. Что касается самого Мирака, то он, наверное, не арестовывал бы их, не направлял на них револьвер, оставил бы их в покое — пусть ходят... Но дядя Асо работает в Чека, видимо, Чека узнала что-то. Ведь Асо — добродушный человек, у него хороший характер. Его самого без всякой вины арестовал Асад Махсум. Если бы не отец Мирака, то Асо замучили бы. Сколько слез пролила бедная тетя Фируза! Как беспокоился о нем Хайдаркул! Чтобы обуздать Асада, ради благополучия народа, они с отцом и пошли служить в отряд... А в конце концов Асад Махсум перехитрил всех и скрылся, пролив немало крови людской... Бедный отец был убит его пулей. Он умер, оставив Мирака сиротой...

Дома он застал своих любимых гостей: Асо и Фируза сидели на суфе, пили чай и беседовали с матерью. Мать мыла чашки, чтобы принести им шурпу.

— Вот и мой водоносчик пришел! — сказала мать.— Мой мужчина, трудолюбивый мой сынок!

— Здравствуйте, здравствуйте! — радостно сказал Мирак.— Добро пожаловать к нам!

— Будь здоров! — ответил Асо.— Ты к нам не пришел, так вот мы сами пришли к тебе. Ну-ка, угощай!

— С удовольствием! — сказал Мирак, вешая на гвоздь под айваном бурдюк и ковш.— А почему вы не в комнате? Мамочка, ведь в комнате лучше.

— Они так захотели,— сказала мать, подавая гостям чашки с шурпой.

— Летом на дворе хорошо! — сказала Фируза.— Как твое здоровье, братец, как дела?

— Спасибо, все хорошо! — отвечал Мирак, садясь рядом с гостями.— Я собирался завтра пойти к вам, как вы велели.

— А мы сегодня к тебе пришли сами! — сказал Асо.

— Хорошо, что вы приходите к нам, беднякам!

— Почему это ты бедняк? — улыбаясь, спросила Фируза.— Ты трудящийся эпохи революции! В наше время трудящийся — хозяин государства.

— Ты, верно, проголодался? — спросил Асо.— Работа водоноса развивает аппетит. Бери, ешь шурпу.

— Нет, нет,— сказал Мирак,— вон мама уже несет чашку и для меня.

— Он почти всегда приходит сытый,— сказала мать Мирака.— Ведь чуть ли не в каждом доме им дают что-нибудь из еды, они потом все вместе собираются у хауза, едят и даже домой уносят. Но ваш стыдливый братец домой ничего не приносит, все, что получит, отдает учителю.

— И хорошо делает! — сказал Асо.— Это у него от отца такая щедрость.

Когда все поужинали, Асо сказал, зачем он пришел.

— Тебя ждет дядя Хайдаркул. Он в больнице. Вчера из-за угла враги стреляли в него и ранили...

— Ранили? — переспросил Мирак, ставя пиалу с чаем на скатерть.— Какие враги? За что?

Асо коротко рассказал о покушении и добавил:

— Того, кто стрелял, еще не нашли, но уже напали на след. Какой-то кавказец...

— Какое дело кавказцу до дяди Хайдаркула?

— Его подкупили, это наемный убийца. Главные же убийцы — другие, некоторых ты видел сегодня.

— Гуломджан Махсум?

— Да, Гуломджан Махсум, потом зять эмира Абдурахманхан и другие... многих мы уже поймали.

— Ух, проклятые! — сказал, сжимая кулаки, Мирак.— Хорошо, что есть Чека, хорошо, что есть дядя Асо, а то эти враги перестреляли бы всех хороших людей... А как там дядя Хайдаркул?

— Его лечат. Выздоровеет, я надеюсь.

— Дай бог ему долгой жизни! — помолилась мать Мирака.

— Так пойдемте же к нему скорее, он нас ждет,— сказала Фируза.

Все сказали «аминь» и встали с мест. Мать Мирака положила на блюдо мясо из шурпы, сверху две свежие лепешки, завернула все в небольшой достархан и дала сыну.

— Отнесешь это дяде,— сказала она,— и передай ему привет от меня. Скажи ему — пусть только пожелает, я все, что захочет, сварю ему и пришлю.

— Хорошо! — отвечал Мирак.

12

Хайдаркул лежал в отдельной палате в лучшей больнице у ворот Шайхджалола. Вражеская пуля пробила пуговицу на костюме, поясной ремень и вошла в бок. Врачи быстро сделали операцию, извлекли пулю и сказали, что большого вреда организму пуля не нанесла. Но старик потерял много крови, ослаб. На второй день поднялась температура, ему стало хуже. Врачи и сестры не оставляли раненого ни на минуту, делали ему уколы, клали компрессы на лоб. Во второй половине дня температура немного спала и Хайдаркул открыл глаза.

— Никто ко мне не приходил? — спросил он у медсестры.

— Нет,— отвечала она.— Но даже если кто придет, доктор не пустит никого.

Хайдаркул подумал немного и сказал:

— Позовите доктора.

Пришел доктор и, улыбаясь, поздравил его:

— Вот и жар спал. Очень хорошо... Теперь только сон и покой — и силы к вам вернутся.

— Наверное, вы правы, доктор,— отвечал тихим голосом Хайдаркул,— но я вас очень прошу пропустить ко мне друзей, которые придут сегодня и завтра. Я должен им что-то сообщить.

— Но вам необходим полный покой,— возражал доктор.— Вот поправитесь немного, тогда пожалуйста!

Хайдаркул взял доктора за руку.

— Я очень прошу вас. Мне необходимо говорить с Асо, Фирузой и Каримом. Милый доктор, пропустите их ко мне!

— Хорошо, хорошо! — успокоил его врач.— Если они придут, я их пропущу... Но сейчас вы должны отдыхать.

Доктор ушел. Сестра села у окна и раскрыла книжку. В палате и вокруг было тихо. Хайдаркул закрыл глаза и, спокойно, размеренно дыша, весь отдался своим думам. Он вспоминал Саида Пахлавона. Да, это был настоящий преданный друг, скромный и милый человек. Вся жизнь его прошла в труде и бедности. Он мечтал, чтобы жизнь изменилась, чтобы всем таким беднякам, как он, жилось легче. Потому он и послушался Хайдаркула, пошел служить революции.

Он был всегда такой уравновешенный, серьезный,

сдержанный. Даже если он был озабочен чем-то или опечален, войдя к другу, он бодро приветствовал его своим мягким приятным басом. Вот и сейчас он сказал бы:

«Ну, как ты тут, друг? Как здоровье? Доктора не мучают тебя? Операция прошла хорошо? Да, хорошо. Ну, раз сделали операцию, вынули пулю, значит, ничего, скоро поправишься! Хоть ты и постарел, но все еще сильный и крепкий... И не думай о смерти. Умереть легко, жить труднее! Умрешь — станешь прахом, в землю уйдешь! Задача в том, чтобы живым остаться, делать добро, служить народу, как ты сам говорил!»

«Поучать меня ты мастер, а сам-то что же?! Ушел, да и все... Ты был смелым, сильным, как Рустам. Но пуля врага, какого-то подлеца и негодяя, свалила тебя с ног. Кто знает, может быть, тот же человек, что пролил твою кровь, свалил и меня? Ты правду говорил, все убийцы — одной породы, из одного теста сделаны! И цель у них одна: хотят помешать народному счастью. Вот Асад Махсум! Эмиром захотел стать... Ты слышал разговоры о последнем эмире — это и есть Асад Махсум! Вот такие Асады Махсумы и стреляют из-за угла — в тебя, в меня, во всех, кто борется за свободу. Одна пуля попала в меня, а целились в Турсуна Ходжаева, хотели убить секретаря Центрального Комитета... Пуля попала в меня — пусть... я уже прожил мою жизнь...»

Саид Пахлавон молчал, ничего не сказал в ответ... Потом голос его зазвучал снова:

«Стыдно, братец! Хочешь умыть руки, уйти из жизни! Если не отомстишь за меня Асаду Махсуму, то лучше и не вспоминай обо мне! Я пришел к тебе сказать вот что. Ты хорошо знаешь Асада, его характер, все его уловки и хитрости... Ты должен наставлять Карима, чтобы он не промахнулся, не поддался обману, не попал в расставленные врагом сети. Карим — отважный юноша, он рвется отомстить Асаду, он не свернет с пути, но он молод. Он не знает Асада Махсума. Ты должен руководить им, должен уберечь его от несчастья!»

«Хорошо, пусть будет так, как ты говоришь... Если еще продлится моя жизнь, если я поправлюсь и встану, я исполню твое желание, спасу народ от Асада... Потом отойду в сторону... пусть работают другие, пусть узнают вкус трудового хлеба! Да, да, а я отойду в сторонку, поживу спокойно, отдохну!»

«Отойдешь в сторонку? Отстранишься? Почему? Ты устал? Усталость и отступление — значит поражение в бою! А ты сам говорил, что будешь родине служить до последней капли крови! Почему же этот отход? Ты еще нужен государству. Ты же видишь, как у нас мало людей, как плохо мы еще управляем страной... одни тянут вперед, другие назад... Нет, друг, нельзя отчаиваться... Ты еще должен многое сделать! Помогай Асо, руководи Каримом, выучи и сделай человеком моего сына, моего Мирака! Он упрям, не любит учиться. Воздействуй на него, заставь его учиться! А потом — дело твое, как хочешь...»

«Хорошо, Саид Пахлавон! Я пошлю твоего сына учиться... а сейчас мне надо отдохнуть...»

«Да, да, отдохни... Усни... усни...»

Видение исчезло, и стало темно вокруг... Кто знает — минуту, час, или день, или целую жизнь длится такая темнота... Мрак объял все. Как в сказках говорилось: вдруг потемнел весь мир, небо покрылось тьмой, и во тьме явился на землю злой дух, див... Див мрака и зла — это Асад Махсум... вот он пришел... Потом мир просветлеет, придет царица надежды... это я знаю... Но раз он пришел, див мрака, надо поговорить с ним... Пусть скажет, чего он хочет!

«Чего я хочу? Моя цель — корона, трон Бухары! Хочу стать повелителем народа. Ради этого я похитил Ойшу, ради этого взял оружие в руки... крови пролил немало ради этого! Ты не пошел за мной, напротив — отдалился от меня, это твоя большая ошибка, глупый ты человек! Если бы ты был со мной, никто нас не смог бы победить, никакая сила. Ты этого не захотел, предал меня!»

«Ох, и ненасытный же ты, Махсум! Эмир Алимхан имел и трон и корону, а что с ним сталось? Что можешь ты сделать? Народ теперь не потерпит гнета, он все равно отбросит таких, как ты, со своего пути, хочешь ты этого или не хочешь,— ты сам себя обрек на гибель. Ты исчезнешь, меч народа обнажен, чтобы поразить тебя. Смеешься? Напрасно! Не сегодня-завтра тебе конец! Жаль Ойшу и Раджаббиби, что они с тобою! Но бог даст, беды минуют их. Пусть я погибну, но молодежь наша увидит расцвет новой жизни. Бухарская революция крепка и непобедима!»

«Запомни, Хайдаркул, я способен на тысячи уловок, я хитер и ничем не побрезгую, чтобы достичь своего. Если нужно, стану лисой, змеей, скорпионом под подстилкой...

Превращусь в собаку, в цветок, стану водой, железом... Если понадобится, стану соловьем, цветком, ангелом стану, буду казаться святым... Но своего добьюсь! Что вы сможете сделать со мною, послав по моему следу Карима? Одним щелчком я его уничтожу!»

«Нет, Махсум, мы тебя все равно разобьем, в какие бы цвета ты ни перекрасился! Я еще не умер и не умру, пока не уничтожу тебя. Карим не один, я буду с ним. Весь народ — с ним! А тебя я знаю, все твои повадки тирана».

«Хочешь, я сейчас покажу тебе свою силу? Не успеешь глазом моргнуть, как я приведу и поставлю перед тобой твою сестру и Ойшу, твою племянницу? Ты сам поговоришь с ними, и, может быть, через них я подружусь с тобой! Закрой глаза, закрой...»

«Милая сестра, любимая моя племянница, бедные мои страдалицы! Что же вы молчите? По вашим лицам видно, как вам плохо, как трудно, как вы оскорблены и унижены... Что стало с твоим лицом, нежным, как цветок, с твоими румяными щеками, Ойша? Ради чего же мы бились, проливали кровь, сбросили корону эмира, сломали трон его, если вы в плену у тирана?.. Но потерпите, недолго осталось терпеть! В поход выступает Карим с революционными войсками. Карим! Каримджан!..»

...Хайдаркул открыл глаза и увидел над собой улыбающееся лицо медсестры, которая наклонилась над ним и глядела на него.

— Что с вами? Кажется, вы видели сон? — спросила она.— Вы звали Карима.

— Да, это был сон! — сказал Хайдаркул.— Который час?

— Около пяти,— ответила сестра и добавила: — К вам приходил молодой воин, хотел вас видеть, но вы спали, и я сказала, чтоб он подождал.

— Позовите, это, наверное, Карим,— сказал Хайдаркул, протер глаза и повернулся к двери.

И действительно, вошел Карим в военной форме, подошел к кровати, отдал по-военному честь:

— Здравствуйте, товарищ комиссар! Младший командир Карим прибыл повидаться с вами!

— Спасибо,— сказал Хайдаркул тихим голосом, но радостно.— Проходи, садись.

Карим сел на стул возле кровати. Привыкший видеть Хайдаркула всегда жизнерадостным, здоровым, подвиж-

ным, сейчас, увидев его беспомощным, слабым, он встревожился, заволновался, но постарался не показать этого и улыбнулся.

— От товарища Хакимова, от имени посольства России, от товарища Юренева вам приветы. Надеются, что вы скоро поправитесь. Завтра придут сами вас навестить.

— Спасибо! — сказал Хайдаркул.— А как твои дела? Сам-то ты здоров?

— Все хорошо, все нормально,— радостно отвечал Карим.— Сейчас самое главное — ваше здоровье! Хорошо, что операция прошла успешно, мы были так рады, узнав об этом. Врачи ваши довольны вами, значит, скоро позволят встать.

— Не знаю,— сказал Хайдаркул,— ничего не известно... Когда ты отправляешься?

— Подготовка идет к концу. Надеюсь, скоро. Наверное, через недельку тронемся в путь...

Хайдаркул задумался. Он знал, что Кариму не терпится поскорее отправиться в Бойсун, скорее победить своего врага, добиться встречи с любимой. Но, конечно, командование хочет, чтобы он хорошенько подготовился, чтобы отряд был сильным во всех отношениях. Только тогда его пошлют. Если бы Хайдаркул был здоров, он сам пошел бы вместе с Каримом, помогал бы ему своими советами.

— Жаль, что я не смогу пойти с тобой,— сказал он.— Я хорошо знаю Асада, все его повадки, все его сильные и слабые стороны, достоинства и недостатки. Боюсь, он может обмануть тебя...

— Конечно, вы знаете его лучше. Но у нас особый отряд, все молодежь — горцы, к нам прикрепили опытных командиров. У нас две легкие горные пушки, колесные и ручные пулеметы, сильные лошади... Добравшись до Бойсуна, мы не сразу кинемся в бой. Сначала разведаем местность, узнаем обстановку, постараемся окружить Асада, потом только перейдем в наступление.

— Будьте осторожны, будьте бдительны! — сказал Хайдаркул.— Асад не зря прячется... он боится самого себя, боится всех, боится даже своих людей... Он может изменить свое лицо, может появиться неожиданно, откуда ты его и не ждешь... может обмануть тебя и оказаться рядом с тобою... Плохо то, что уловками, хитростью, обманом он привлек на свою сторону население окрестных кишлаков, бранит всюду правительство Бухары, обвиняет

его перед народом. Ты знаешь об этом... Поэтому надо повести дело осторожно, терпеливо. Старайся отыскать помощников себе среди людей Асада, свяжись с Ойшой, она смелая... И сообщай мне обо всем, пиши! Помни, что Ойша и Раджаббиби — пленницы, что они — в руках Асада. Как бы он не расправился с ними, бедными...

— Я думаю об этом. Буду осторожен.

— Ну и хорошо... хорошо...

— К тому же,— сказал Карим,— у нас есть приказ товарища Турсуна Ходжаева...

— Какой приказ?

Карим не успел ответить. Вдруг сильная боль пронзила все тело Хайдаркула, он застонал и схватился за сердце. Подбежала сестра, которая была тут же в палате, сразу дала ему какое-то лекарство, сказала Кариму, чтобы он уходил. Растерянный, Карим не знал, что делать. Вошел доктор, вывел Карима из палаты, вернулся и сел у изголовья больного...

Страшная боль длилась почти полчаса. Врачи сделали все, что могли,— уколы, поддерживающие сердце и болеутоляющие, давали успокаивающие лекарства. И добились улучшения.

Через полчаса Хайдаркул успокоился, закрыл глаза, стал ровно дышать. Только перед закатом солнца он очнулся, спросил, приходил ли Асо. Ему ответили, что доктор запретил всякие посещения. Хайдаркул умолил позвать доктора. Пришел доктор. Хайдаркул сказал, чтобы обязательно пропустили к нему Асо и мальчика по имени Мирак, что у него к ним важное дело, а потом он больше ни о чем не будет просить. Доктор понял, что, если не исполнит эту просьбу, состояние больного ухудшится, и приказал сестре: когда придут эти люди, допустить их к Хайдаркулу на пятнадцать минут. Но ничего съестного у них не брать.

И вот они пришли и сидели возле Хайдаркула — Асо и Мирак.

— Я долго жил,— говорил Хайдаркул тихим голосом.— Жизнь бросала меня то в жар, то в холод, я испытал и горечь и сладость ее. Не буду жалеть, если и умру теперь. Но меня угнетает, что я не выполнил просьбу моего друга Саида Пахлавона — не вывел в люди его сына Мирака, не направил его учиться. Это я поручаю тебе, Асоджан.

— Не говорите так! — возразил Асо, у которого сжа-

лось сердце.— Вы поправитесь, встанете, закончите все свои дела, в том числе и Мирака сделаете человеком!

— Не знаю, сынок, не знаю! Конечно, как говорят, пока корень в воде, есть еще надежда, что будут плоды. Так и я: пока сердце не перестанет биться, буду надеяться, что еще увижу Мирака взрослым, образованным, хорошим человеком. Но кто знает... Все может случиться...

Оттого, что Хайдаркул говорил это тихим, прерывистым, слабым голосом, Мирак не выдержал и расплакался.

— Не плачь, сынок! — сказал Хайдаркул.— Лучше дай мне обещание, дай слово, что оставишь работу водоноса и пойдешь учиться. Мать твоя не одна, с ней твои сестры, есть зятья, есть кому помогать ей. А ты должен учиться. Поезжай в Ташкент или в Москву, учись! Я верю, что ты станешь хорошим человеком. Что скажешь?

Мирак плакал и не мог сразу ответить. За него ответил Асо:

— Конечно, он обещает. Разве он может вас не послушаться?

— Обещаю...— тихо сказал Мирак.

Хайдаркул улыбнулся и, помолчав минуту, добавил:

— Будь молодцом, сынок! Учись, стань грамотным, образованным человеком, нужным государству! Я ничего не скопил за свою жизнь, да и наследников нет у меня. Но все то немногое, что у меня есть, мой домик и двор, я завещаю Мираку. Прошу тебя, Асо, напиши от моего имени такое завещание и принеси завтра, чтобы я подписал его.

Асо кивнул головой в знак согласия, не в силах вымолвить что-либо. Слезы душили его.

13

Один-одинешенек лежал Низомиддин в темной кишлачной каморке на грязной кошме, положив под голову хурджин. На нем сейчас был не суконный голубой костюм комиссара, а грубые защитного цвета шаровары, светлый легкий халат, остроносые бухарские сапоги, поношенная каракулевая шапка на голове... Он был без пенсне, три дня не бритый подбородок покрылся густой щетиной.

Теперь, лежа один в этом бедном крестьянском жилище, он восстанавливал в памяти события последних дней. Да, все отошло в прошлое, исчезло как сон: власть,

роскошь, комфорт, покорные слуги и высокие друзья; настало одиночество, грязь, лишения, оторванность от всего, чем жил раньше, унижение — и ко всему этому надо было привыкать, а того, что было, как будто никогда и не бывало... В часы веселья, наслаждаясь жизнью, упиваясь полнотой власти, человек не думает о том, что все это может быстро пройти, исчезнуть, как позолота. Рука судьбы вмиг сотрет эту позолоту, останется лишь холодный, твердый, неизменный металл...

Низомиддин был чистюлей, неженкой, баловнем, привыкшим к богатству и роскоши. Он был капризен, разборчив в еде, был высокомерен с людьми, никогда не говорил с подчиненными как равный... А сейчас он лежит на грязной, полной блох кошме и со вчерашнего дня не съел ни кусочка хлеба. И был даже доволен, потому что при выезде из Бухары не был уверен, удастся ли ему вырваться из рук Чека. Не доехав до Кагана, он оставил нанятый фаэтон и до заката солнца бродил в поле, заросшем колючками и лебедой, сторонясь людских глаз, и, лишь когда стемнело, усталый и разбитый пришел на вокзал.

То, что произошло на станции Каган, повергло его в смятение, он едва не умер от страха. Шел девятый час, в зале ожидания горели фонари. Он сидел среди разношерстной толпы, где были и русские, и казахи, и узбеки, и таджики. Ни одного знакомого. Это было хорошо. Воздух в зале ожидания был спертым, вонючим, вокруг курили махорку, рядом возились дети, спали, ели, тут же мочились; голова кружилась от невообразимого шума, криков, говора людей. Но выхода не было — приходилось терпеливо ждать. Он сидел с краю на длинной скамье и держал в руках газету, но не читал, а закрывался ею от каждого вновь входящего человека. Он еще не купил билет: у кассы стояла большая очередь. Он подумал, что сядет в поезд без билета, а там скажет, кто он такой, и заплатит за место в вагоне. В это время к нему подошел мужчина в черной форме железнодорожника, остановился перед ним и, запинаясь, на ломаном узбекском языке сказал:

— Вас спрашивает начальник, просит, чтобы вы зашли к нему в кабинет.

Низомиддин оцепенел: он решил, что получен приказ об его аресте, что сейчас его повезут обратно в Бухару. Но, несмотря на страх, охвативший его, он взял себя в руки и строго сказал:

— Вы, наверное, ошиблись. Вы знаете, к кому обращаетесь?

— Нет, я не ошибаюсь,— отвечал железнодорожник,— я знаю: я говорю с комиссаром внутренних дел Бухарской республики.

Теперь он уже не сомневался. Он решительно встал со скамьи, сложил газету, засунул ее в карман своих суконных голубых шаровар. Делать нечего, надо держаться!

Начальник станции при его появлении встал. Никого в кабинете не было. Низомиддин удивился, но молчал.

— Здравствуйте, здравствуйте, назир-эфенди! — поздоровался по-русски начальник станции.— Проходите, пожалуйста! Почему вы сразу ко мне не зашли?

— Зачем вас беспокоить? — улыбнулся Низомиддин.— Я хотел побыть немного среди народа, посмотреть, как он живет...

— Хорошо, хорошо, я понимаю, вы хотите меня покритиковать! — говорил начальник станции, приглашая Низомиддина сесть и садясь сам.— Да, конечно, здание вокзала требует ремонта, надо бы создать лучшие условия для пассажиров, но что поделаешь, денег нет, материалов нет, инвентаря нет... Вот если бы правительство Бухары пришло нам на помощь, то мы отремонтировали бы вокзал в Кагане.

— Хорошо,— многозначительно пообещал Низомиддин.— Я поговорю с товарищем Файзуллой Ходжаевым. Мы обязательно поможем. Ведь Каган и наша станция!

— Да, да! — обрадовался начальник станции.— Каган подведомствен и Бухаре. А скажите, пожалуйста, какой ветер занес вас сюда?

— Я должен поехать в Карши. Срочное и в какой-то степени секретное поручение. Прошу, чтобы о моем отъезде в Карши никто не узнал.

— Будьте спокойны. Но у нас вагоны только третьего класса. Просим извинения, но на этой ветке не ходят скорые и почтовые поезда.

— Ничего, я это знаю.

Начальник позвонил в кассу. Быстро принесли билет.

— Я сам вас усажу в поезд, поедете в купе проводника.

— Благодарю,— сказал Низомиддин.

Казалось, год прошел, пока подошел наконец поезд. Низомиддин почти не слышал, о чем его спрашивал на-

чальник станции, едва отвечал, он боялся, что вот-вот явятся чекисты и арестуют его прямо здесь, в кабинете начальника. Всякий раз звонок телефона заставлял его вздрагивать. И, как назло, телефон все время звонил. Часто вызывали начальника, и он, извинившись, уходил.

Наконец подали поезд. Начальник усадил его в вагон, устроил в купе проводника и, попрощавшись, вышел. Когда поезд тронулся, Низомиддин вздохнул с облегчением, сказал проводнику, когда его разбудить, и улегся, положив голову на подушку.

Он спокойно проспал до Карши, в два часа ночи его разбудили:

— Просили разбудить, когда будет Карши...

— Да, да,— сказал Низомиддин, поспешно вскочил с места и в Карши сошел с поезда.

Его встретили два человека, похожие на милиционеров, взяли его хурджин и, отойдя в сторону от станции, усадили на иноходца...

Шаги на дворе и у двери прервали воспоминания Низомиддина. Вошел человек средних лет, длиннобородый, в пепельной чалме в два оборота, в стеганом халате, подпоясанном платком, снял у входа свои кауши и, ступая грязными ногами по кошме, приблизился к Низомиддину. Привстав, тот взял протянутую ему руку и слегка пожал ее.

— Как ваше здоровье? Добро пожаловать в нашу келью!

— Так вы хозяин этого дома? — спросил Низомиддин.— Я не видел вас, когда приехал.

— Я с утра уходил в горы, дело было, да и кислячки [1] немного собрал,— ответил длиннобородый.— Мне сообщили, что вы прибыли. Очень рад, что вы остановились в нашем бедном жилище. Здесь вы можете чувствовать себя как дома, располагайтесь удобней, приказывайте, все, что вам надо, мы исполним.

— Спасибо! — сказал Низомиддин, а сам подумал: «Хоть бы ты принес на подносе немного того ревеня, что собрал, и угостил бы меня...»

---

[1] Так называют ревень.

— Мне сказали, что вы хотите видеть Махсума? — сказал мужчина.

— Махсума? А кто это такой? — испуганно спросил Низомиддин.

— Махсум...— задумчиво проговорил хозяин и, поглаживая бороду, внимательно посмотрел на Низомиддина.— Господин Асад Махсум... Конечно, сейчас наше время трудное, не каждому можно доверять... Я понимаю вашу осторожность. Я, ваш покорный слуга, один из доверенных людей Махсума. Да, поверьте, я — один из верных людей. Вас недаром поместили в этом бедняцком доме. Это один из дворцов господина Махсума. Две недели назад он жил здесь. Потом, когда нужно было, перебрался в кишлак Оби Кабуд... А сейчас, насколько мне известно, он поднялся выше — в Сангкалче... Мой господин бывает в самых разных местах... Люди, которые вас встретили и проводили сюда, опытные и преданные люди. Один из них — мой сын. Вы можете довериться мне.

Низомиддин понял, что его собеседник не такой уж «глупый степняк», как выглядит, а деловой и толковый человек, который еще до его приезда разведал о нем все, знал, кто он, чем занимается. Он немного успокоился и сказал:

— Простите, я ведь незнаком с вами...

— Меня зовут Закирбай, во времена его высокопревосходительства эмира меня называли Закирбай-чевачи [1]. Здесь в округе меня все знают и уважают. У меня два сына, оба взрослые, смелые и во всем мне послушные. У меня есть земля, немало добра и скота. Но иные люди, вот как и вы, увидев мою длинную бороду и пестрый халат, смотрят на меня недоверчиво, не придают мне значения... Ну и пусть, это даже в какой-то степени хорошо для нашего времени, ваши джадиды и младобухарцы не обращают на меня внимания, а я назло им хожу себе, живой и невредимый.

— Интересно,— сказал Низомиддин,— вы, видно, не любите джадидов?

— Да, питаю к ним отвращение! — ответил смело Закирбай.— Если бы я не питал к ним отвращения, я бы не мог завоевать доверия у Асада Махсума. Как-то мы с ним просидели до полуночи вдвоем за дружеской беседой.

[1] Чевачи — нижний чин в эмирате.

Выяснилось, что мы с ним единомышленники во многих вопросах. Махсум рассказал мне про вас, сказал, что вы хоть и выдаете себя за джадида, но не можете с ними ладить. Это хорошо, вы правильно делаете! Нужно проникнуть в стан врагов в удобный момент, по виду стать их другом, а потом вытрясти из них душу. А ладить с ними трудно. Вы молодец!

— Мы потому и враждуем с ними,— сказал Низомиддин, проникаясь доверием к хозяину дома и стараясь показать это,— что хотим очистить наш край от русских, создать свое национальное государство. Мы надеемся, что нам это удастся, хотя бы для этого пришлось пожертвовать многими жизнями!

— Неплохая мысль...— задумчиво проговорил хозяин, поглаживая свою бороду.

— Асад Махсум чуть было не попался в руки чекистам, был почти разгромлен,— продолжал Низомиддин,— но мы помогли ему скрыться. Все свои богатства он укрыл в надежных местах. Я занимал высокую должность и изнутри старался помогать друзьям. Но Чека едва не схватила меня. Я был вынужден бежать, оставив все свои ценности, все свое достояние. Но бог даст, если народ поддержит нас, мы с победой вернемся в Бухару.

— Трудно,— сказал Закирбай.— Очень трудно! Бороться с русскими — дело нелегкое. Я говорил Асаду Махсуму, что пустой болтовней ничего не добьешься.

— Вы что, не верите в нашу победу?

— Я молю бога, чтобы вы победили! Если бы не так, я не стал бы помогать Асаду Махсуму.

— А в чем же дело?

— А в том, братец,— уверенно сказал Закирбай,— что я много раз бывал в Оренбурге, часто бываю в Самарканде, я хорошо знаком с русскими. Знаю, что с русскими мужиками воевать очень трудно, для этого нужно иметь силу. А такой силы, которая могла бы разбить сегодняшнего русского, его Красную Армию, у вас нет. Напрасно стараетесь!

Низомиддин подумал с досадой, что этот человек не знает, конечно, как сильна бухарская группа оппозиции, потому и судит так.

— Да, если смотреть поверхностно, то в ваших словах есть правда,— сказал Низомиддин, закуривая папиросу.— Но мы не так наивны. Подождите, наши дела только раз-

ворачиваются. Все эти Ибрагимбек, и Фузайль Махсум, и Абдулкаххар, и ваш Асад Махсум — это только начало. В самое ближайшее время дела примут другой оборот...

— Хорошо, если бы так! — проговорил Закирбай, а в душе рассмеялся, решив, что гость ничуть не лучше своих друзей-джадидов.— А тех, кто верит пустым обещаниям, ждет гибель... Но мы будем поступать по-своему...

Низомиддин подумал, что нехорошо, когда люди Махсума проявляют такое неверие. «Если уж Закирбай считает, что с русскими трудно воевать, невозможно победить их, значит, большевики непобедимы... Но зачем пытаться укорять других! Сейчас наша главная задача, моя первейшая задача, задача Махсума и его товарищей — в том, чтобы вести агитацию среди населения. Людей надо подготовить к большим сражениям. Если народ не будет нам верить, если наши люди будут бояться Красной Армии, то мы не будем иметь успеха в боях. Большая ошибка Асада Махсума, что он отстранился от народа, не считается с мнением народным, властвует только силой кнута и пули. Если у тебя нет крепкой основы, нет опоры в народе, твоя сила скоро иссякнет и ты будешь разбит. Асад Махсум здесь как в своей вотчине, знает только свою волю, не считается ни с чем. Если бы он думал о народе, его приближенные не выказывали бы такого недоверия к его делам... Неверие в свое дело — червяк, который точит тебя изнутри, подтачивает весь организм! Конечно, если задуматься хорошенько, почему должен народ нам верить? Мы ни одной победы не одержали, никогда не шли впереди... Закирбай в чем-то прав. Трудно стало жить. Что за напасть этот большевизм! Как с ним воевать? Может, хоть Энвер-паша поможет нам. Да, да! Прибудет Энвер-паша, и все пойдет по-другому. Сейчас нужно думать о будущем».

Он снова обратился к Закирбаю:

— Если вы помогаете Махсуму, в чем выражается ваша помощь?

— Я собираю и доставляю ему пропитание, муку, мясо, масло, корм для лошадей.

В это время кто-то кашлянул у двери, и в комнату, кланяясь, вошел один из юношей, которые, очевидно, охраняли дом.

— А, Сафарджан,— сказал Закирбай,— что скажешь?

— Махсум наверху...— проговорил Сафар.

Это был молодой, крепкого сложения юноша с черными глазами. Он стоял перед отцом навытяжку, говорил с ним тихо и почтительно.

— Почему он остался наверху? — спросил Закирбай.— Ведь ему сказали, что прибыл гость?

— Я был в кишлаке Оби Кабуд,— отвечал Сафар.— Там сидят в засаде люди Махсума во главе с караулбеги. Я от самого караулбеги слышал, что красные воины узнали, что Махсум поднялся в Сангкалчу, обнаружили тайную тропу, и там произошло большое сражение. Много людей Махсума побито. Сейчас красные сторожат, не отходя от входа в ущелье. Хорошо, что с Махсумом поднялось в горы много его людей, они преградили путь красным и не пустили их на тропу... Караулбеги думает, что теперь Махсум задержится там, наверху...

— А почему караулбеги не освободит дорогу для Махсума? — спросил Закирбай.

— Караулбеги говорит, что у него нет для этого сил. Он хочет, выбрав удобный момент, уйти из этих мест, податься в сторону Душанбе-Гиссара.

— Интересно! — сказал Низомиддин.— Ну и везет же мне!..

— Да! — сказал Закирбай.— Не понимаю, почему Махсум, зная о вашем приезде, ушел в Сангкалчу. Правда, там его семья, место там прочное, туда ведет только одна тропа, и ее никто не знает. А если и узнают и будут пытаться по ней подняться, то один стрелок наверху сможет уложить тысячу людей. Вся беда в том, что раз красные сторожат вход в ущелье, то Махсум не может спуститься вниз.

— Наверху можно с голоду умереть...

— Нет,— сказал Закирбай,— во-первых, мы с Махсумом заранее заготовили там много запасов, во-вторых, можно через пещеру в корзинах подымать наверх все, что нужно... Мы все предусмотрели.

— Караулбеги сказал еще, что сегодня в пещеру спустится к нам человек от Махсума,— сказал Сафар.— Нам велено ждать его.

— Хорошо, подождем,— сказал Закирбай.— Ну, мальчики, идемте. Я приготовлю достархан, вы, верно, проголодались.

«Мальчики» вернулись вечером. Их было трое — двое

тех, что встречали Низомиддина, третий — спустившийся сверху посланец от Махсума.

— Господин Махсум передали вам привет,— сказал этот третий, протягивая Низомиддину письмо.— С нетерпением ждали вашего прибытия. Меня послали привести вас наверх.

— Мухаммед Ер — один из близких к Махсуму людей. Он родом из здешних мест, но потом попал в Бухару, присоединился к отряду Махсума. На свете нет более ловкого канатоходца и человека, знающего горы. Это он нашел пещеру для передачи наверх провизии...

— Очень хорошо! — сказал Низомиддин.— Как здоровье господина? Весел ли он?

— Ничего, неплохо,— отвечал Мухаммед Ер и, подумав, прибавил: — В горах всякое бывает... то хорошо, то плохо...

Низомиддин, который думал, что у Асада в горах целая крепость, был несколько удивлен такими словами. Открыв пакет, он принялся читать послание Асада.

«...Да будет бог покровителем нашим... После всех благословений и приветов, сообщаю вам, что ваш покорный слуга жив и здоров, чего желаю и вам... молю о том бога.

Узнав о вашем прибытии, я хотел бы провести с вами несколько дней в Сангкалче, отдохнуть и побеседовать на свободе, без помех. Здесь относительно безопасно, далеко от вражеских глаз и недоступно для неприятеля. Внизу сейчас слишком жарко, а здесь наверху прохладно. Здесь Ойша, ваша служанка, и ее мать, мы не испытываем недостатка в пище и в напитках... С этими намерениями я и прибыл сюда два дня назад, но враги напали на наш след и перекрыли дорогу. В ближайшее время нам, видимо, не придется спуститься за вами. Поэтому мы решили пригласить вас взобраться сюда к нам совсем другим путем, тайным для врагов. Это пещера, из которой вас подымут наверх...

Я бы мог и сам спуститься к вам и посидеть с вами в доме Закирбая, но здесь, как я уже сказал, спокойней и безопасней. Здесь мы можем побеседовать откровенно, наметить планы на будущее. Затем, если вы согласитесь, мы совершим ночную вылазку и вырвемся из плена, чтобы продолжать свою борьбу...

Я буду считать, что в лице вашем увижу всех своих бухарских друзей, подышу воздухом Бухары. За то время,

что я был далеко от всех вас, среди каменных гор под высоким небом, я чуть не умер с тоски. Потому что около меня нет ни одного искреннего друга... Иногда, вспоминая времена Шарбадана, я плачу от жалости и умиления. Поэтому я буду рад увидеться с вами.

Все советы, беседы и обсуждения мы будем вести здесь, когда вы прибудете. Но я считаю необходимым заранее предупредить вас, чтобы вы были осторожны.

Скажу вам откровенно, состояние моих львят не очень хорошее. Длительные походы, бои, усталость, трудные скитанья по кишлакам, голод и безнадежность угнетают их. Боюсь, как бы они не восстали против меня! Вы должны поговорить с ними, сообщить им «радостные новости», ободрить их и поселить в их сердцах надежду. Начинайте это делать уже там, внизу, давайте побольше обещаний, говорите, что день победы близок...

Посылаю за вами одного из своих самых ловких, умеющих лазать по горам людей. Хотя подняться сюда нелегко, вы не бойтесь. Мухаммед Ер знает свое дело, он доставит вас сюда в целости и сохранности, не то я ему голову отрублю. Достойный человек и Закирбай, но на всякий случай не слишком раскрывайте ему наши секреты. Сейчас никому верить нельзя. Если сможете, возьмите с собой сахару и сладостей. Хлеб наш насущный за большие деньги доставляет нам сюда Закирбай. Хорошо, что я захватил с собой из Бухары немного денег! Надеюсь, у вас тоже есть деньги? Ну, пока будьте здоровы, с нетерпением вас ожидаю. Ваш друг и покорный слуга».

Прочитав письмо, Низомиддин очень расстроился, страх овладел им с новой силой. Он понял, что Асад уже не тот лев, каким он знал его раньше, неудачи и лишения ослабили его. Теперь он нуждается в лишней головке сахара, просит его достать. О боже! И этот человек, который своим взглядом мог сразить леопарда, теперь стал кротким, словно странствующий ученик медресе, и написал ему такое слезливое, жалкое послание, не мог даже солгать, чтобы скрыть неблагополучие в своем лагере. Какие черные дни! Какой поворот судьбы!

Зачем же ему, Низомиддину, идти к Асаду Махсуму? Одним едоком будет больше в лагере голодных.

Нет, уж лучше я отсюда прямо отправлюсь в Самарканд. Неужели не смогу прожить там какое-то время, изменить имя, не выдавать своего прошлого, своего высо-

кого чина?.. Зачем мне лезть в пасть дракона? Скитаться по полям, лазать по горам? Как говорит Закирбай, с русскими воевать трудно... Не надо верить пустым обещаниям, ждать, что придет Энвер-паша и совершит чудо!..

— Мы решили сегодня же ночью доставить вас наверх,— сказал посланец Асада, прерывая размышления Низомиддина.

— Как? Кто решил? — спросил Низомиддин, не поняв.

Мухаммед Ер, человек от Асада Махсума, удивился и посмотрел на Закирбая. Опытный и наблюдательный Закирбай сразу понял, что письмо Асада не понравилось гостю, и, помедлив, ответил:

— Ребята хотят сегодня ночью отвести вас к Асаду. Но я вижу, что вас утомила дорога. Отложим это на следующую ночь. Во-первых, вам надо отдохнуть как следует перед этим трудным подъемом, во-вторых, пусть ребята хорошенько обследуют местность, убедятся, что все спокойно вокруг. Что ни говори, а подняться на вершину горы, обвязавшись веревкой, не так-то легко!

— Обвязавшись веревкой? — удивился Низомиддин.

— А как же иначе? — сказал Закирбай.— Ведь я вам все время об этом твержу. Мы подтаскиваем провизию, овес и клевер к пещере под горой, даем сигнал, высекая огонь из кремня, условным криком вызываем людей Асада. Нас ждут, спускают сверху веревку. Мы обвязываем веревкой мешки и снопы, подаем сигнал, они тянут веревку наверх. Бог даст, так и вас обвяжем и подымем.

— А вдруг веревка оборвется?

— Не оборвется,— сказал Мухаммед Ер.— Я уже два раза сам подымался и спускался на ней. Нужно только немного смелости и ловкости!

— Нет! — решительно сказал Низомиддин.— Я так не хочу. Нужно поискать другой путь. Неужели вы, местные жители, каждый день бродя по горам на охоте или собирая ревень, не можете найти более безопасный путь?

— Другого пути нет! — отрезал Закирбай.— Раз нужно, вы подниметесь на гору и по веревке!

— Хорошо хоть этот путь есть, а то наши люди там с голоду бы умерли,— сказал Мухаммед Ер.— Слава богу, что большевики не знают об этой дороге!

— Недаром эту гору называют Сангкалча[1],— сказал За-

---

[1] Сангкалча — каменная крепость.

кирбай.— Кто туда поднимется, будет спасен, надо только охранять единственную узкую тропу наверх, и ничто живое не сможет добраться. Сам бог создал эту крепость, и она много раз спасала мусульман от натиска неверных. Много раз разбитые, измученные отряды находили прибежище в Сангкалче, там отдыхали, залечивали свои раны и, восстановив силы, как огненный сель, скатывались вниз на головы врагов... И ваш отряд, даст бог, когда-нибудь загремит вниз, сметая врагов со своего пути!

Низомиддин слушал Закирбая, не вникая в смысл его слов,— мысли его были далеко. Узнав про веревочный путь, он внутренне весь задрожал и сказал себе, что ни за что — ни по веревке, ни другим путем — не пойдет к Асаду Махсуму. Он оттянет отправку на два-три дня, уговорит кого-нибудь, чтоб его проводили в Самарканд. Если пообещать Закирбаю много денег, он все устроит... Машинально он повторил вслед за Закирбаем:

— Да, покатимся вниз... Но неужели красные не могут дознаться про этот ваш веревочный путь и по нему пробраться в лагерь?

— Если узнают, конечно, доставят нам много хлопот. Но мы осторожны.

— Да, надо быть осторожными,— сказал Низомиддин.— Мы еще подумаем, как мне туда добраться. Конечно, лучше было бы подняться на коне, а не по веревке, как канатоходец...

Закирбай промолчал.

Поужинали — поели шурпу, выпили зеленый чай. Закирбай и его сын приготовили гостям постели и ушли. Посланец Асада снял сапоги, разделся, лег и, растянувшись, вздохнул свободно.

— Слава господу богу! — выговорил он.— Хорошо лечь в мягкую постель, увидеть над головой потолок мирного дома! Сколько уж дней камень служил мне подушкой, трава и солома — постелью, а пищей — вода и пустая похлебка без мяса!..

— Такова война, такова участь беглецов...— сказал Низомиддин и, подумав, спросил: — А что говорят львята? Выражают недовольство?

— Еще как! Некоторые даже попытались взбунтоваться против Асада Махсума...

— А Махсум?

— Что Махсум? Он их всех расстрелял. Потом нача-

лись побеги. Чуть не пятьдесят человек убежали... Сейчас Махсум сам не спит и нам покоя не дает.

— Такой нервный стал?

— Нервный?! Как масло каленое! Искры довольно, чтобы вспыхнул.

— Бедный Махсум, бедный Махсум! — проговорил Низомиддин и больше ни о чем не спрашивал.

Усталый Мухаммед Ер тут же захрапел. Но Низомиддин уснуть не мог, страшные мысли овладели им.

Он говорил «бедный Махсум», а сам был еще в более худшем положении. Он не знал, что ему делать, куда податься, что придумать. В Бухаре он был в такой панике, что ничего не соображал, не было времени сесть и все обдумать как следует. Его судьбой, его жизнью распоряжались другие, и он без сопротивления выполнил их приказ и отправился к Асаду Махсуму. Но он не мог тогда представить себе, до какой степени положение Асада было гиблым. Он думал, что Асад создаст ему сносные условия жизни, хоть и не такие, как в саду Дилкушо, что он приготовит для него отдельный дом, слугу, повара... Но вот, оказывается, вместо подушки — горный камень, а пища — вода и постная похлебка!

Нет, Низомиддин не дурак, чтобы обречь себя на такие муки! Нужно что-то предпринять, обмануть судьбу! Если отправиться в Самарканд, не попадется ли он и там в руки врагов? Где он будет жить? Правительству Бухары сейчас уже известно, кто он такой, к чему стремился, значит, Бухарское правительство обратится к правительству Туркестана, и его тут же поймают! Что же делать? Если пойти к Асаду, там голод и холод и всякие ужасы, да еще придется сносить тяжелый характер Асада, все его выходки!

Нет, ни за что он не пойдет к Асаду. Надо пробраться незаметно к Самарканду, скрыться в каком-нибудь дальнем глухом кишлаке! Но до Самарканда по дороге — тысячи преград и препятствий. И что скажет тот, кто прислан Асадом, чтобы доставить его наверх целым и невредимым? Как его уговорить? Ведь если он вернется без Низомиддина, Махсум его в живых не оставит. Нет, он не поддастся уговорам Низомиддина — ведь он называет себя приближенным Махсума, верным ему человеком. Махсум не приблизит к себе человека, не проверив его. Лучше всего — поговорить с Закирбаем. Если Закирбай согласит-

ся, то он сумеет найти отговорки, чтобы выпроводить Мухаммеда Ера. Например, найдет какого-то подставного гонца, который будто бы привезет новое указание мне — выехать срочно в Самарканд для переговоров с туркестанскими властями. Да, Закирбай может все устроить.

На следующий день утром, за завтраком, Низомиддин обратился к Закирбаю:

— Вы сегодня не собираетесь пойти за кислячкой?

— Возможно... Если других дел не будет, пойду и нарву для вас и для господина Махсума немного кислячки.

— Вы не возражаете, если я пойду с вами?

— Пожалуйста!

Закирбай отправил сына и посланца Махсума в другой кишлак за овсом и пшеницей, а сам вместе с Низомиддином отправился в горы.

Кишлак, где они находились, был расположен у северного подножия Бойсуна и считался одним из красивейших в провинции Гузара. Кишлак умещался среди скал, можно было сказать, что он находился в сердце гор. Кишлачные дома подымались один над другим, как на ступеньках, с двух сторон с шумом текли вниз две речки, беря начало в родниках наверху. В кишлаке было немного зелени, но росло несколько исполинских чинар. Высокая мечеть и просторная каменная площадка перед ней были видны издалека. Ниже площадки бил из скалы родник, и на берегу его росла чинара.

Проходя мимо мечети вместе с Закирбаем, Низомиддин поздоровался со стариками, сидевшими у входа в мечеть на деревянных чурбаках, и удивился, что в ответ они даже не встали с мест.

Небо было ясное, ярко светило солнце. Хотя шел уже июль месяц, здесь в горах еще царила весна. Оттого ли, что не было пыли, или от частых дождей листва на деревьях была чиста, казалась изумрудной. Земля за кишлаком была покрыта свежей травой, пестрела цветами. В ветвях деревьев порхали, пели, чирикали птицы. Здесь не было полей ровных и плоских, и участки, отведенные под посевы вокруг кишлака, напоминали квадратные ящички бакалейной лавки, разложившей свои товары.

Низомиддин и Закирбай прошли по улочкам, проложенным между домами и садами, и добрались до каменистой горной стены. В лучах яркого утреннего солнца камешки на ней блестели, как осколки стекла.

Низомиддин пришел сюда, на эту каменистую, почти лишенную растительности гору не для того, чтобы собирать ревень, он хотел в укромном местечке открыться Закирбаю, поговорить с ним по душам. Как только они миновали кишлак и поднялись немного в гору, он сказал, что устал, сел на плоский камень и внимательно огляделся — нет ли кого поблизости.

Вокруг никого не было. Кишлачное стадо давно ушло наверх, за первую горную гряду, население кишлака было занято домашними хлопотами. Низомиддин усадил Закирбая рядом с собой и, помолчав минуту, сказал:

— Горный край — удивительная красавица с лицом пери, с ней приятно полюбезничать два-три дня, а долго жить трудно. В ней много красоты и грации, но такому человеку, как я, трудно с ней сладить.

— Да,— отвечал Закирбай,— в горах нелегко жить, для этого нужно много мужества и выносливости.

— Вот я и думаю,— сказал Низомиддин подчеркнуто, желая привлечь внимание собеседника,— надо ли мне подыматься в Сангкалчу, что я там буду делать, как жить?

— Конечно, будет немного трудновато,— ответил Закирбай,— но ведь вы там будете не всю жизнь!

— Трудно будет,— повторил Низомиддин.— Боюсь, что я не выдержу тех трудностей... Я там погибну...

— Не дай бог, почему же?..

— Да, да, я знаю,— прервал его Низомиддин,— меня там погубят. Как можно засовывать голову в пасть дракона? Это неразумно, бессмысленно.

— Вы верно говорите,— отвечал Закирбай,— умный человек не бросится в огонь. Но ведь Сангкалча не такое страшное место. Бог посылает вам все необходимое — для этого существуем мы, верные ваши слуги. У Махсума наверху два дома, он устроит там и вас, а наступит день — и вы с победой спуститесь вниз.

— Нет, Закирбай,— решительно сказал Низомиддин,— я решил не идти в Сангкалчу!

Закирбай был ошеломлен. Он взглянул в глаза Низомиддину.

— Не пойдете в Сангкалчу? Что же, вы хотите вернуться обратно в Бухару?

— Нет, в Бухару я не вернусь. Я хочу уехать в Самарканд.

— А что вы скажете Махсуму?

— Ничего... Придумаем что-нибудь. Конечно, без вашей помощи я ничего не смогу сделать. Вот почему я и привел вас сюда. Теперь — «Ваш подол — моя рука» — давайте договоримся. Все, что хотите, я могу вам дать. Сколько вам нужно золотых? Сколько штук? Скажите!

— Постойте, постойте! — проговорил Закирбай, отталкивая от себя протянутые к нему руки Низомиддина.— Не в деньгах дело! Как же так? Из Бухары ваши руководители сообщили нам, чтобы мы вас встретили и проводили к Махсуму. Мы так и передали. Махсум прислал к нам своего верного человека и ожидает вас с нетерпением... Как же мы теперь можем, вместо того чтобы отвести вас в Сангкалчу, проводить в Самарканд? Махсум в первую же ночь спустит к нам своих воинов и вырежет всех нас вместе с семьями!

— Ничего он не сделает, если действовать разумно. И ведь нелегко спустить сюда людей и оружие.

— Что же вы считаете разумным?

— Я думаю, что будет хорошо, если вы найдете мнимого гонца. Гонец этот нынче же, перед закатом солнца, прискачет на коне в кишлак и скажет, что есть новый приказ моих руководителей, что Низомиддин-эфенди должен срочно ехать в Самарканд, и передаст мне подложное письмо. Я, вынужденный подчиниться, напишу Махсуму письмо с извинениями и пошлю с его человеком, а сам с вашей помощью отправлюсь в Самарканд.

— А если про эти махинации узнает Махсум? Что тогда?

— Не узнает, если у вас есть надежный человек.

— А если ему сообщат, что вы в Самарканде?

— А я не буду ходить по Самарканду, я где-нибудь скроюсь.

Закирбай ничего не сказал и задумался.

Он и представить себе не мог, к чему приведет их беседа. Он считал, что Низомиддин является одним из руководителей той группы, чьи приказы исполняет Махсум как военный. Центр этой группы, который находится в Бухаре, очевидно, возлагал большие надежды на Низомиддина, доверял ему. Недаром были приняты все меры, чтобы он смог убежать из Бухары и добраться сюда. А теперь этот их доверенный человек хочет удрать в Самарканд, предать все их дело! Удивительно! Если Низомиддин таков, каковы же они все, их цели и стремления? Все

это ложь! Не зря он, Закирбай, ненавидит этих джадидов, никакой в них нет стойкости, все их слова — ложь, вранье. Каждый из них только о себе думает, для себя старается...

— Что скажете? — прервал Низомиддин размышления Закирбая.

— Не знаю... Я поражен...— отвечал Закирбай, запинаясь.

— Не удивляйтесь, а лучше возьмите вот эти пять золотых, как аванс! — сказал Низомиддин.— Как только перейдем границу и доберемся до безопасного места, получите еще — в два раза больше!

Закирбай сначала отказался было, но блеск золотых монет ослепил его, он невольно протянул руку, быстро взял деньги и незаметно сунул в карман.

— Не знаю, что мне делать...— сказал Закирбай уже гораздо мягче.— И проводить вас к Махсуму нельзя, и отклонить вашу просьбу не хочется... Может, и впрямь действовать по вашему плану? А что, если мне пойти прямо отсюда в дом к мяснику Орифу и сказать ему, чтобы он незаметно ушел из кишлака, а вечером вернулся и сказал Мухаммеду Еру все, что вы предлагаете?

— А на этого Орифа можно положиться?

— Он свой человек, проверенный, к тому же ловкий.

— Тогда так и порешим! Человека от Махсума пошлем наверх, а сами — в сторону Самарканда. Вот и все!

— Хорошо, пусть будет, как вы сказали. Если не можете иначе, то что поделаешь!

Закирбай отправил гостя домой, а сам действительно пошел к мяснику Орифу, который был его другом и по профессии и по убеждениям. Их никто не называл ворами и грабителями, басмачами,— напротив, они считались почтенными жителями кишлака и пользовались в народе авторитетом. Но на деле это были отъявленные «разбойники с большой дороги», подлинные басмачи. Эти их «тайные таланты» знали лишь немногие, но от страха держали язык за зубами. Закирбай, хоть не был ни аксакалом, ни кишлачным старшиной, командовал здесь всеми. Ни одна свадьба, никакой обряд не могли совершиться без его согласия. Люди спрашивали у него разрешения даже на выезд в любой город — в Самарканд, Карши, Бухару. Если он не разрешал или не советовал, то поездка никогда не кончалась благополучно, если он говорил: «Нет, не езжай», а кто-то все-таки уезжал, то обычно в пути с ним

что-нибудь случалось и даже бывало, что он не возвращался живым назад. Мясник Ориф давал деньги в долг — за проценты, был ростовщик и тунеядец. Его бараньи отары увеличивались с каждым днем — за счет краденого, и его мясные лавки в городах Китаб, Шахрисябз, в Гузаре и Бойсуне ломились от говяжьих и бараньих туш... И ему было все равно — убить барана или человека.

У них у обоих были здоровые, вышколенные сыновья, под началом у которых всегда были ловкие и умные воришки. И вся эта шайка, вооруженная ножами, револьверами и винтовками, представляла собой тайный разбойничий отряд.

...Итак, в мехманхане Орифа сидели рядышком Закирбай и Ориф. Пониже их сидели и слушали беседу старших два сына Закирбая, сын мясника и Мухаммед Ер, посланец Махсума.

— У него, наверное, много золота и драгоценностей. Такой солидный куш бог впервые нам посылает.

— Верно, верно,— говорил мясник Ориф.— Эти люди, уходя из дома, забирают с собой все, что можно.

— Значит, так и порешили? Ночью я сам отведу гостя в условленное место,— сказал Закирбай.— Мулла Ориф и вы, ребята, пойдете за нами.

— Хорошо! — сказал мясник.

— Очень хорошо! — отозвались «ребята».

14

Разгромленный в Бухаре, Асад Махсум бежал в сторону Гиждувана, а оттуда к границам Самарканда. В пути он обманывал всех, кто еще не знал о его поражении, говорил, что отправляется на маневры, на военные ученья. Несколько небольших отрядов Красной Армии пытались остановить его. Но Асад не стал вступать с ними в бой, сделал вид, что отступает, и, перехитрив красных воинов, скрылся в безопасном месте — не на ровном поле, а в холмистой дикой местности. Асад приказал своим воинам сделать привал и отдыхать, а сам с Окиловым и Исматджаном стал совещаться.

Посовещавшись, они решили, чтобы Окилов отправился в Самарканд, сдался там туркестанским советским властям, вошел в их доверие и добился того, чтобы они приняли отряд Асада Махсума, как перешедший на их сторо-

ну, но не разоружили его, а отправили на охрану границы. А там Асад соберет новые силы и снова пойдет на Бухару.

После ухода Окилова на военный лагерь Асада Махсума ночью неожиданно напал отряд красноармейцев. Асад не принял боя, отступил и бежал в сторону Бойсуна. Но красные преследовали его. Тогда он разозлился, вступил в бой, разбил отряд, захватил несколько пулеметов, ящики с патронами и много винтовок. Еще несколько раз удалось ему разгромить небольшие отряды красных. Воодушевленный этими победами, он решил не переходить границу, а воевать в горах Бойсуна.

В Бойсуне в его отряд вошли несколько местных басмаческих отрядов. Асад связался со своими бухарскими руководителями, и они велели ему скрываться и выжидать, совершая небольшие набеги в окрестностях Бойсуна, пока не прибудет Энвер-паша и, объединив всех муджтахидов [1], не начнет крупное наступление...

С той поры и до последнего времени Асад так и действовал: разделил отряд на несколько небольших подвижных групп, которые совершали набеги на окрестные кишлаки. С помощью таких людей, как Закирбай, он нашел Сангкалчу — эту каменную крепость, которую сделал своей столицей. Он перевез туда жену и ее мать, разместил свои запасы оружия, патронов и провизии и часто сам подымался туда и по неделям отдыхал...

За это время в мелких боях погибло немало его людей. Ранен был Исматджан, долго болел от ран и умер. Асад Махсум подыскал себе среди своих воинов новых помощников. Но они не могли заменить ему Окилова и Исматджана и Наима Переца. Их пришлось назначить потому, что не было других, и они все-таки могли охранять его и выполнять его приказы. Асад Махсум не вполне доверял им. Он никому не доверял, не верил даже самому себе. Он жил в постоянном страхе, подозревая всех, но, стиснув зубы, пытался продолжать борьбу...

В этот вечер, когда совсем стемнело, Махсум с несколькими близкими людьми направился в северную часть Сангкалчи, в дальний угол, куда поступали передачи из пещеры внизу. Он хотел сам встретить прибывшего друга.

---

[1] Муджтахид — высшее духовное лицо, имеющее право по-своему толковать законы шариата.

Воспользовавшись этим, Ойша вышла из каменного дома на вершине крепости, словно для того, чтобы погулять на свежем воздухе. Никого не было вокруг дома. Немного побродив, она свернула в густой арчовый лес, заросший кустарником и тянувшийся до самого края пропасти. Ветер свистел в ветвях деревьев, но Ойша смело пошла по тропинке и вошла в лес, тихо напевая какую-то песенку, потом остановилась, прислушалась. Все было тихо. Она пошла дальше и снова запела. На этот раз она услышала, как затрещали сухие веточки под чьими-то ногами и перед ней появился кто-то.

— Гаюрбек? — прошептала она.— Это вы?

— Я! — отвечал человек так же тихо.— Нехорошо, что вы опять назвали мое имя... И у деревьев есть уши! Я говорил вам: называйте меня «друг». Спросите: «Это вы, друг?», и я отвечу: «Да, это я».

— Верно, верно! — сказала Ойша.— Простите меня, глупую, я забыла. Вы знаете, как я волнуюсь всякий раз, когда жду вас... сердце мое бьется так сильно... Ну, вы видели Карима?

— Нет,— ответил Гаюрбек.— Карим еще не прибыл. Я встретился с его командиром Фатхуллиным. Ваше письмо он послал Кариму со своим заместителем. Говорят, что Карим тщательно готовится к походу, чтобы разгромить Асада...

— Когда же он выступит? Когда доберется сюда? — нетерпеливо спрашивала Ойша.

— Этого он не сказал. Во всяком случае, в ближайшее время. Еще он сказал, что Карим думает о вас, надеется на вашу помощь...

— Конечно, мы поможем.

— Фатхуллин сказал, что они признательны вам и мне за то, что мы показали дорогу в Сангкалчу и сообщили, что Махсум находится здесь. Теперь, сказал он, мы должны постоянно следить за Махсумом, и если узнаем, что он собирается спуститься и готовится к нападению, мы должны во что бы то ни стало сообщить об этом. До приезда Карима красные войска постараются не дать Махсуму спуститься...

— А почему они сами не подымаются сюда?

— Вы же знаете, что четверо лучших стрелков Махсума защищают тропу так, что и муха не пролетит,— сказал Гаюрбек.— А за ними еще три засады с верными людьми.

Если бы, кроме этой, была другая дорога, мы бы им сообщили.

— Пусть стреляют из пушек или вызовут аэроплан.

— Снаряды не долетят сюда — пушки тоже должны стрелять с высоты. А об аэроплане ничего не знаю. Приедет Карим, может быть тогда и аэроплан.

Ойша глубоко вздохнула и спросила:

— А еще что он сказал?

— Сказал: берегите себя. Если вдруг узнает Махсум, то и вам будет плохо и нашему делу. Так он сказал. Теперь, дорогая сестренка, старайтесь любым способом поддерживать с Асадом хорошие отношения, не злите его. Мы должны быть живы до прихода Карима.

— А как ваш дядя? — спросила Ойша.

— Мой дядя Яхье-палван — молодец,— отвечал Гаюрбек.— Он разговаривает с воинами, склоняет на свою сторону недовольных... Нас уже десять человек. Но мы осторожны.

— Да, да, будьте осторожны, без вас я как птица без крыльев.

— Не беспокойтесь, все будет хорошо. Ну, я ухожу. Встретимся снова здесь же в это же время через три дня. Я принесу вам новости.

— Если я не смогу прийти, значит, приходите на следующий день.

— Конечно,— ответил Гаюрбек и мгновенно исчез в темноте.

Этот Гаюрбек был одним из тех, кто недавно присоединился к отряду Махсума и, прибыв сюда, скоро понял истинное положение дел. Некоторое время он был сторожем при доме и в отсутствие Махсума познакомился с Ойшой и ее матерью и сговорился с ними. Дядя Гаюрбека Яхье-палван был поваром в лагере Махсума. Они собрали вокруг себя несколько человек, таких же недовольных, как они сами, и искали удобного момента уйти и сдаться в плен красным или, если наберется побольше сторонников, поднять бунт против Махсума. Однажды Гаюрбек, спустившись вниз, ушел в лагерь красных и сдался в плен. Но командир Фатхуллин, познакомившись с ним и узнав его хорошенько, посоветовал ему вернуться в отряд и организовать связь с красными.

Так и получилось.

Ойша удивляла Гаюрбека своим бесстрашием. Она

узнавала все, что могла, о планах и замыслах Махсума и передавала Гаюрбеку, а он сообщал это Фатхуллину. Ойша радовалась, что помогает красным и тем как бы искупает свою вину перед Каримом. Она делала это без сомнений и страха, мечтая о том счастливом дне, когда избавится от тирана...

Прошел уже час, как Махсум ушел на край горы. В лагере было тихо, ждали его возвращения.

Во всем лагере только в двух домиках Махсума горели свечи. Воины же сидели в палатках и шалашах или даже в землянках вокруг костров, разведенных в земляных ямах.

В небольшом домике, выложенном из неотесанных горных камней, очень древнем (кто знает, может, выстроил его какой-то беглый военачальник или наблюдатель из войск эмира), сидели при свете свечи Ойша и ее мать, пили чай и тихо разговаривали. В доме была только одна дверь, старая, из толстого ствола чинары, и два отверстия вместо окон. Стены почернели от дыма и копоти, потолок — без поперечных балок и перекрытий, как купол в медресе или в бане,— был крепок. В доме пахло сыростью.

— Сейчас в Бухаре, наверное, тепло,— говорила Ойша.— Бывало, выйдешь во двор, расстелешь в ряд постели, лежишь на спине и любуешься яркими звездами... Как хорошо!..

— Да, сейчас там лето,— сказала Раджаббиби,— в Бухаре жара, фрукты поспели, все на полях собирают урожай...

— Наверное, дыни созрели — «ходжамуроди», «амири», «шерези», урюк поспел, персики, виноград «халила»...

— Поспел и виноград «шибиргони», «лайа», «хуссейни».

— Как хорошо! Была бы спокойная ночь, я лежала бы на дворе, глядела на небо, усыпанное звездами, называла бы их по именам: вот Весы, вот Ковш Вдовы, а вон та — Семь братьев. А потом вы бы принесли на подносе дыню «ходжамуроди», захотели бы ее разрезать, но едва поднесли бы нож, дыня с треском разломилась бы на части от одного прикосновения... Мы бы смеялись, шутили и при свете звезд ели бы ту сладкую, как мед, дыню... А потом... потом вы бы мне рассказали старую сказку... А потом...

Раджаббиби только приговаривала «да, да», стараясь

не спугнуть настроение дочери, хотя сердце у нее сжималось от жалости и глаза наполнялись слезами. Хорошо, что было темно и Ойша не видела материнских слез.

— А потом...— сказала задумчиво Ойша,— я бы заснула, и никто мне не мешал бы... и во сне я увидела бы Каримджана...

— Почему только во сне? — возразила мать.— Каримджан жив и здоров, готовится к бою и надеется увидеться с тобой. Ведь не обманывает же Гаюрбек.

— Нет, Гаюрбек не обманывает...

— Не печалься, доченька, Карим жив. Жив и твой герой дядя!

В это время дверь отворилась и в комнату вошел Асад Махсум. Видно было при свете свечи, что на устах его змеится торжествующая улыбка.

— Герой дядя? — повторил с издевкой Махсум, поглаживая заросший подбородок.— Это тот самый повар Хайдаркул, что ли? Благодарение богу, еще один грязный большевик покинул наш мир!

— Да пусть отсохнет ваш лживый язык! — крикнула Ойша.

— Разве я лгу, чтобы купить себе старые штаны? — насмешливо сказал Махсум, не повышая голоса.— Два дня назад я получил это приятное известие и не говорил тебе до сих пор, чтобы не огорчить тебя... Ведь это твой дядя, а он, говорят, стоил двух отцов.

— Мало вам тех мучений, какие небо послало на наши головы, так вы, Махсум, еще терзаете нас, говоря такое о моем брате, плетете какую-то несуразицу,— вступилась и Раджаббиби.

— Не верите — дело ваше, живите с вашей надеждой! — спокойно возразил Махсум.— Вот войдем в Бухару, сами узнаете, когда Хайдаркул умер, в какой больнице и пуля какого смельчака его прикончила!

— Не довольно ли интриг и обманов, Махсум? — сказала Ойша.— Ты знаешь, что я сама хочу умереть, потому и не боюсь ни твоего гнева, ни твоих угроз и брани. Поступай, как хочешь, но не играй с нами, выдумывая небылицы,— это ни к чему!

Махсум покраснел слегка и, поглаживая бороду, зло посмотрел на Ойшу, потом достал из внутреннего кармана френча сложенный лист бумаги.

— Я не собираюсь заискивать перед вами, собаки,—

сказал он грубо.— И врать не хочу, чтобы казаться хорошим... Ты мне больше не нужна, Ойша. Я давно мог бы сбросить тебя с горы, но мужское достоинство мне этого не позволяет, мне неудобно перед моими людьми. Поэтому мне не имеет никакого смысла лгать. Это письмо я получил четыре дня назад. Оно секретное, я никому не должен его показывать. Но за вас я спокоен, кроме меня вы можете увидеть в лицо только старушку смерть, поэтому я вам прочту, что тут написано. Слушайте и знайте, какие дела творятся на свете!

Он сел поближе к свече и стал читать.

— «Брат по борьбе, наш герой, борец за веру, господин Асад Махсум! Доводим до вашего сведения, что мы живы и здоровы, желаем и просим у бога и для вас здоровья и многих лет жизни, дорогой и уважаемый друг! По милости божьей и его благоволению наши дела хороши, с каждым днем, с каждым часом приближается наша победа. В Бухаре все больше разгорается движение против большевиков. Недавно наши люди стреляли в секретаря партии Турсуна Ходжаева, но Хайдаркул, бывший рядом с ним, прикрыл его, как щитом, своим телом и спас от неминуемой смерти. Хотя на этот раз секретарю удалось спастись, но скоро его душа отправится в преисподнюю, как и душа проклятого Хайдаркула, которая сейчас отдает отчет в своих делах ангелам смерти... Мы решили послать к вам Низомиддина-эфенди, завтра вечером он выедет в Карши. Вам нужно будет встретить его и привезти к себе известным вам путем»... ну, и так далее... Это письмо пришло четыре дня назад,— сказал Махсум.— А сейчас Низомиддин подымается в Сангкалчу. Мои люди его встречают. Подробности узнаем у Низомиддина... Теперь вы верите?

Ойша и Раджаббиби ничего не ответили, будто онемели. Хайдаркул, любимый их человек, единственная опора, единственный их защитник, погиб. Кто теперь побеспокоится о них, кому они нужны? Никому! Никому! Земля тверда, а небо высоко,— хоть плачь, хоть кричи! Неужели это правда? Неужели?

— Ну, что ж вы молчите? Говорите, кричите, зовите: «О мой дядюшка, о мой братец!» Причитайте!

— Нет,— неожиданно решительно и смело сказала Ойша.— Не будем кричать, не будем плакать! Дядя Хайдаркул жив и никогда не умрет!

— Верно говоришь, доченька,— сказала и Раджабби-би,— твой дядя не умрет!

— Да, да, он стал хизром [1], напился живой воды! Ну, ладно, оставим эти разговоры. Вставайте-ка да принимайтесь готовить что-нибудь горячее из наших запасов! Сегодня Низомиддин-эфенди будет нашим гостем.

Женщины ничего не сказали. Махсум снял с гвоздя свой поношенный халат из алачи, набросил его на плечи, надел каракулевую шапку и сказал:

— Сегодня ночью я хочу повеселиться, выпить вина с гостем. Каждому, кто захочет мне помешать, я голову отрублю!

В это время кто-то снаружи позвал Махсума. Он поспешно вышел, чтобы встретить гостя. Но за дверью стоял личный слуга Махсума, в темноте не видно было выражения его лица.

— Прибыл Мухаммед Ер,— сказал слуга.

— А Низомиддин-эффенди?

— Низомиддин-эфенди...— Слуга замялся и замолк, потом опустил голову и сказал: — Он там...

У Махсума, который немного ожил в ожидании Низомиддина, вдруг сжалось сердце, во рту пересохло, и он молча пошел вслед за слугой. Первое, что пришло на ум: Низомиддин убит красными. Но где? Разве красные появились уже возле пещеры? А если он убит, почему слуга сказал «там»?

Выйдя из ворот, они подошли к площадке неподалеку. Там горел костер. У костра на земле на чем-то вроде носилок лежал кто-то, чье лицо было закрыто суконным халатом. Площадку кольцом окружали воины Махсума. У изголовья трупа стоял, опустив голову, мрачный Мухаммед Ер. Махсум быстрыми шагами подошел к трупу, наклонился и приподнял халат.

— О боже, что это?! — закричал он.

— Когда мы поднимались,— сказал Мухаммед Ер,— сверху посыпались камни.

— Камни? Какие камни? Почему они не посыпались на твою голову? Почему раздавили моего друга? — Махсум крепко схватил Мухаммеда Ера за грудь и рванул к себе.— Говори, проклятый предатель!

---

[1] **Хизр** — сказочный герой, который по преданию выпил живой воды и стал бессмертным.

— Я не предатель!— отвечал Мухаммед Ер, отрывая от себя руки Махсума.— Я ранен, ногу мне повредил камень, но я все же притащил его сюда! Если бы я был предатель, не пришел бы!

— Кто же сбросил эти камни?

— Кишлачные воришки...— сказал Мухаммед Ер.— Устроили на горе засаду и стали сбрасывать на нас камни. Ногу мне зашибли, не мог пошевельнуться. Ранили Закирбая и его сына — они поневоле отступили. Я кинулся спасать гостя, но в это время камень попал мне в голову, и я упал. А когда пришел в себя и вытащил Низомиддина из-под камней, увидел, что воры уже обчистили его карманы и скрылись.

— Ладно,— сказал Махсум, в ярости поглаживая бороду,— это мы все проверим. Урунбай!

— Слушаю вас! — отозвался высокий силач, стоявший поблизости.

— Уведите этого предателя, хорошенько обыщите, осмотрите рану на ноге! А ты, Убайдулла, осмотри одежду Низомиддина-эфенди, не найдется ли что-нибудь в карманах — письмо или еще что-нибудь. Потом отнесите тело погибшего — положите под айван, прикройте чем-нибудь. Завтра похороним.

Отдав эти распоряжения, Махсум вдруг заплакал и, вытирая слезы платком, повернулся и пошел. Люди были ошеломлены, увидев его в таком состоянии, никогда до нынешнего дня никто не видел его слез, и даже представить себе не могли его плачущим. Медленно прошел он к себе во двор, вошел в свою мехманхану и приказал слуге никого не впускать к нему.

Мехманхана его была немногим лучше комнаты, где жили женщины. На каменном полу лежал старый грязный ковер, вдоль стен сатиновые, ситцевые и из кустарной ткани одеяла, разноцветные подушки и подушки-валики из пепельного ситца и карбоса. На вбитых в стену гвоздях висели винтовки и револьверы, в углу комнаты стоял пулемет на колесах, в другом углу — коробки и мешки с патронами. Эта комната была не только приемной, но и его личным складом оружия.

Войдя в комнату, Асад закрыл за собою дверь и, сев возле пулемета, тяжело вздохнул. Снаружи и в доме было совершенно тихо. Лишь трескотня сверчков слышалась отовсюду. Это были голоса лета, только они и говорили о

нем на этой пустынной горной вершине. Махсум уж давно не прислушивался к этим размеренным успокоительным вечерним голосам, твердившим о мире и благополучии. Каждый вечер перед сном он спорил или бранился со своими подчиненными, спорил или бранился с Ойшой. То доносили о приближении красных, то кто-то бежал из лагеря... А сейчас была такая тишина... Но почему же? Что случилось? А-а, привезли труп Низомиддина, все видели его размозженную, окровавленную голову и теперь сидят тихо, вспоминая об убитом... Всюду тишина, кажется, все вокруг объято печалью...

«Да, раньше они не знали, что такое горе, были беспечны и самонадеянны, а вот теперь каждый день, каждую ночь испытывают лишения, узнали горечь жизни и думают о том, что их ждет... Ах, почему злая судьба лишила меня счастья? Почему теперь нет мне ни в чем удачи? Друзья один за другим покинули меня — люди, которые были мне ближе всех, во всех случаях жизни были мне помощниками, шли со мной по одной дороге, к одной цели, не щадя себя... Все ушли!..

Бедный Низомиддин! Сколько он перенес из-за меня! Жить среди врагов, заискивать и лгать, притворяться, каждый час и каждый день ждать разоблачения — хуже смерти. Всякая еда казалась ему отравой, ночью постель была для него гробом. Всегда должен он был скрывать свое лицо под маской, обдумывать каждое свое слово, прежде чем его произнести; он не был ни открытым врагом, ни другом Советской власти. Ни зерно, ни солома! Жил только в надежде на будущее и вот разбил голову о камень — теперь, когда мог, сняв маску, хоть несколько дней пожить свободно, насладиться открытой борьбой... Кто знает, какие мысли унес он с собою... какие важные сообщения...

До каких же пор я буду сидеть здесь, на вершине горы? Неужели нельзя с боем спуститься вниз и пробиться в Восточную Бухару? Что думают мои трусливые руководители? Зачем они прислали ко мне Низомиддина? В письме об этом не было ни слова».

Он поднял голову и посмотрел на чайник, стоявший в нише.

— Эй! — кликнул он слугу, стоявшего за дверью.

— Слушаю вас! — отвечал тот, открыв дверь.

— Подай мне чайник и пиалу!

Слуга достал чайник и пиалу, поставил их перед Махсумом и, вынув из-за пазухи перевязанную тесемкой бумагу, передал хозяину.

— Это нашли в карманах Низомиддина-эфенди.

— А еще что?

— Ничего нужного, платочек, карандаш, ножичек...

— Принеси все вещи Низомиддина, положи вон на ту полочку. Если утаишь что-то, пеняй на себя!

— Хорошо!

Слуга подкрутил фитиль в лампе, чтобы получше осветить комнату, и вышел. Махсум развязал бумаги и стал читать:

«Бог покровитель наш! Находящемуся вдали от нас брату и герою нашему сообщаем, что мы живы и здоровы и просим у бога здоровья вам и успехов в ваших делах. Вместе с тем сообщаем, что мы послали к вам господина Низомиддина-эфенди. Этот человек будет вам полезен в вашем отряде, надеемся, что он будет вашим заместителем. Наше положение в Бухаре сейчас стало затруднительным. Но это временно. Даст бог, этой осенью известный всем национальный герой, знаменитый военачальник и наша опора — господин Энвер-паша изволит прибыть в Бухару со своими людьми, и мы направим его к вам. Тогда начнутся великие дела, вы и люди в Восточной Бухаре пойдут в наступление и победят. По намеченному высшим советом плану, под знамя защитников нации соберутся сотни тысяч преданных нам воинов, и мы возьмем власть над всей Средней Азией. Подробности узнаете от Низомиддина. А пока мы просим от вас только терпения, выдержки и стойкости. Скоро взойдет заря нашего торжества. Терпение — залог успеха!»

Махсум сложил бумагу вчетверо, положил в карман френча, взял чайник, налил из него в пиалу красного вина и жадно выпил. Закирбай иногда посылал ему снизу вино. Хотя оно было дороже и мяса и масла, но он не мог отказать себе в этих расходах, так как надеялся на помощь своих бухарских друзей. Он надеялся, что Низомиддин привезет ему денег и золота. Он был убежден в этом и потому послал за ним проверенного человека.

«Неужели Мухаммед Ер — предатель? — спрашивал себя Махсум.— А почему бы ему им не быть? Разве сейчас можно верить кому-нибудь? Может быть, он, зная, что у Низомиддина есть золото, сговорился с Закирбаем и со-

вершил это злое дело? Как узнать? Он, конечно, хоть убей, не сознается ни в чем. Нужно обдумать все это. Если я обращусь к своим помощникам, вряд ли они смогут узнать что-нибудь. Если бы я мог спуститься в кишлак, я бы, наверное, узнал. Но спуститься мне нельзя, невозможно. Ну что ж, допрошу хорошенько Мухаммеда Ера...»

Вдруг снаружи послышались выстрелы. Махсум вскочил, но не успел он подойти к двери, как в комнату вошел его слуга.

— Мухаммед Ер сбежал из-под стражи... Куда? Стражники говорят, что они не заметили, как он сломал двери и убежал. Говорят, что помчался вниз...

Махсум грубо оттолкнул слугу и, схватив маузер, кинулся из дома...

15 [1]

Сентябрь 1921 года подходил к концу. Отсияло жаркое солнце, щедро дарившее все лето свои лучи земле. Оно принесло изобилие овощей и фруктов, но оно же своими яростно жаркими лучами загоняло людей в прохладные подвалы и погреба, заставляло их бежать из города, чтобы глотнуть свежего воздуха. Особенно трудно приходилось тем, кто соблюдал уразу [2]. И вот наконец пепельно-серые, пыльные облака закрыли солнце, стало чуть-чуть прохладней, но было по-прежнему душно.

Закрытые было базары вновь вырастали с молниеносной быстротой, как грибы после дождя. Торговцы и купцы возводили свои лавки. Их одолевала жадность — торговать, торговать, и поскорей! Магазины ломились от товаров, как когда-то. Казалось, что вернулось, во всем своем расцвете, время баев и богачей, купцов и торговцев разного рода. Еще недавно, несколько месяцев назад, в Бухаре негде было спички купить, а уж папиросы!.. А сейчас? Глаза разбегаются... Чего только здесь нет! Бензиновые зажигалки и папиросы высшего качества, фарфоровая посуда и обувь, готовые платья и материи — бархат, сатин, ситец и еще и еще многое... Откуда только торговцы доставали все это? Они рыскали повсюду, знали все ходы и выходы, чуть ли не из-под земли вытаскивали.

---

[1] С 15-ой главы и до конца — перевод Л. Бать.
[2] Ураза — мусульманский пост.

Тогда это было просто, разрешалось ездить куда угодно — в Баку, Ташкент, Кабул и многие другие далекие города.

Но военное и политическое положение в стране было весьма сложным, тяжелым. Эмиру Алимхану хоть и пришлось бежать в Афганистан, но он и оттуда продолжал руководить басмачеством, заводил интриги, строил козни. Деньгами его люди были обеспечены. Оружием тоже — английским, немецким, японским. Басмаческое движение разрасталось все больше, особенно в Восточной Бухаре[1]. Недалеко от Душанбе, столицы Восточной Бухары, стояло многотысячное воинство Ибрагимбека. Гармская область была в крепких руках Фузайля Махсума. Куляб, Больджуан занял Давлятмандби. Разные города и селения захватили и другие курбаши[2], расположились там как владельцы, установили свои порядки.

Со всеми этими хищниками вела борьбу Красная Армия, защищавшая революцию и новый общественный строй. Но в огромном море басмачества, как небольшие островки, терялись ее отряды. Основные силы красных войск действовали в Душанбе, Кулябе, Курган-Тюбе, Денау... Не хватало продовольствия воинам, кормов для лошадей. Выводила также из строя убийственная жара, малярия и другие болезни. Немало зла приносил и Асад Махсум, укрывшийся в Бойсуне и занявший весь район. Он успешно преграждал путь красным воинам к их центру в Душанбе и других местах, так что они вынуждены были отсиживаться в крепостях и только защищаться.

Это было на руку некоторым западным державам. Их политические главари, пользуясь услугами своих агентов, врагов Советской власти, вершили свое грязное дело. Они обеспечивали оружием, вселяли надежду, что большевикам скоро будет конец.

Комиссариат военных дел Бухарской республики и военное командование Туркестанских войск решили захватить и уничтожить отряды Асада. Это даст возможность освободить и обезопасить дороги Бойсун — Шахрисябз и Бойсун — Восточная Бухара.

Но вернемся к тому сентябрьскому дню, о котором было сказано выше. В такие душные и облачные дни даже

---

[1] Восточная Бухара — территория нынешнего Таджикистана.

[2] Курбаши — главарь шайки басмачей.

здоровым людям неможется. Они не находят себе места. В комнаты вползает сырая мгла, на улице так же сыро и темно.

В тот день Карим пришел в казарму навестить бойцов, побеседовать с командирами. Чувствовал он себя неважно, но после казармы отправился еще в русское посольство, чтобы ознакомиться с последними сообщениями о положении на фронтах Восточной Бухары.

Вручив Кариму листки с фронтовыми донесениями, секретарь приветливо улыбнулся и сказал:

— Как хорошо, что вы пришли! Вас ждет тут письмо от Фатхуллина. А еще звонили из Центрального Комитета Бухарской коммунистической партии и просили передать, что в тринадцать часов вас приглашает товарищ Турсун Ходжаев.

— Приятно слышать. Если бы я это знал раньше, пришел бы до рассвета, ожидая вас у закрытой еще двери.

— Вот как! А вы приходите почаще, хоть каждый день, и я всегда буду радовать вас.

Поблагодарив секретаря еще раз, Карим присел к столу и с нетерпением стал читать письмо от Фатхуллина. Положение командующего было очень трудным. Сам Махсум спрятался в горах, но его отряды, действующие внизу, мешают Фатхуллину освободить Сангкалчу. К тому же небольшие шайки басмачей, возглавляемые разными курбаши, появились у Шахрисябза и Китаба. Они нарушили все планы командующего и наносят весьма существенные удары его войску. Ни правительство Бухары, ни особенно военное министерство не оказывают нужной помощи. Продовольствие и фураж не доставляют вовремя, и бойцы частенько голодают. Не хватает лекарств, и людей валит с ног малярия.

Фатхуллин дважды писал об этом Файзулле Ходжаеву, но ответа не получил. Что бы это значило? Неужели донесения не дошли? Тогда Фатхуллин написал в Ташкент, главнокомандующему Туркестанскими войсками. Это письмо звучало как крик о помощи.

На днях от Ойши и Гаюрбека пришло сообщение, что Асад Махсум, видимо, готовится к бою. Срок неизвестен. Фатхуллин опасается, что это может произойти внезапно, и тогда он будет атакован с двух сторон, если басмачи, действующие в окрестностях Бойсуна, соединятся с отрядами Асада. Большая угроза нависла над этим городом.

Карим должен все взвесить и добиться, чтобы его немедленно отправили в Бойсун. Обо всем этом Фатхуллин просил сообщить Центральному Комитету и правительству Бухары.

В письмо Фатхуллина было вложено еще одно короткое письмецо, при виде которого у Карима сильно забилось сердце. Писала ему Ойша.

«Дорогой мой, милый Каримджан! Я пишу Вам третий раз, а от Вас получила только одно письмо. Но и те короткие строки, написанные Вашей рукой,— мой талисман, я ношу его в своем сердце. Эти строки вдохнули в меня, несчастную, оскорбленную и униженную, новую жизнь. Все мои мечты и надежды развеялись, как дым от гаснущего очага. Мне казалось, что я умираю, я металась и направила всю свою волю, мечтая дожить до гибели моего тирана, до той минуты, когда он будет уничтожен. И тут нашлись добрые люди, открывшие передо мной двери надежды, дверь в жизнь... И я живу. Я хочу всем, чем смогу, помочь Красной Армии одержать победу. У меня есть верные люди, через них буду вам передавать по возможности точные сведения о планах Махсума. Он сейчас хмурый, как туча. Каждый день проводит военные занятия, составляет какие-то планы и то принимает, то отвергает какие-то решения. Неведомо откуда приходят к нему письма. Однажды он явился радостный и веселый, был разговорчив и откровенен. «Скоро, скоро,— сказал он,— к нам прибудет главнокомандующий тюрков, и с его помощью мы отправим на тот свет всех большевиков и джадидов. Победителями войдем в Бухару. Возьмем в свои руки и присоединим к ней Ташкент и Самарканд». Ума не приложу, что это за главнокомандующий, но ясно, что Махсум рассчитывает на большую, даже решающую с его стороны помощь, потому и готовит свое войско. Вот пока все новости. С нетерпением буду ждать Вас. Предупредите, если сможете, заранее, и я сделаю все, что окажется в моих силах, выполню любое Ваше поручение. Жизнью готова пожертвовать ради вашего дела.

Любящая Вас...»

Карим был счастлив, он читал и перечитывал письмо от любимой. «Милая Ойша,— думал он,— моя храбрая, моя героиня! Потерпи еще немного, подожди, я страстно

хочу тебя видеть и полетел бы к тебе в Бойсун, не медля ни минуты, но это невозможно, ты же знаешь...»

Посмотрев последние сводки, Карим занес в свою тетрадку самое главное и, вернув документы секретарю посольства, ушел.

На душе у него было легко вот уже несколько дней. Даже походка его стала летящей, он словно обрел крылья. Последние месяцы он ни днем, ни ночью не знал покоя, все думая, как бы завершить дела поскорее. Руки чешутся схватиться с Асадом, взять его в плен, вырвать из рук злодея любимую Ойшу. Хлопоты по отъезду шли гладко, ему помогали все организации, связанные с его делом. Но все время бередила сердце одна мысль: жива ли Ойша, здорова ли? Как ее мать? Ведь высоко в горах не все выдерживают. А вдруг Ойша его забыла? От этой мысли замирало сердце, леденела кровь... Недавно Карим получил известие от одного воина, бежавшего из отрядов Махсума. И Ойша и ее мать живы-здоровы, но Махсум мучает бедных женщин, так что живется там плохо. Примерно в это же время Фатхуллин установил связь с обеими женщинами, и, наконец, пришло письмо от самой Ойши. И все же Карим понимает, что жизнь Ойши в опасности. Господи, хоть бы она продержалась до его прихода, только бы продержалась! Ведь Асад Махсум обречен, его скоро сметет народный гнев.

У здания Центрального Комитета Карим повстречал Насимджана. Тот, видимо, куда-то спешил с толстой кожаной папкой в руках. Они обрадовались друг другу.

— Ну, что нового?— спросил Насимджан.— Готов ли отряд добровольцев?

— Готов! Собираемся в путь,— уверенно сказал Карим.— Вот иду к Турсуну Ходжаеву, важно знать, что он скажет... А у тебя как дела? Ухватился за кончик клубка, размотал его?

— Вот именно — разматываю.— Насимджан опасливо оглянулся.— Раскрылась целая контрреволюционная организация, во главе ее зять эмира. В числе активнейших руководителей Низомиддин-эфенди и еще несколько так называемых «правых» коммунистов. По их злой воле, оказывается, творились все эти темные дела: покушение на Турсуна Ходжаева, убийство Хамрохон и многие другие... Приди сегодня вечерком ко мне, есть о чем поговорить! Порасскажу я тебе...

— Непременно приду, если дела не задержат...

— А ты постарайся их закончить. Ведь я вот-вот, возможно, уеду в Тифлис.

— Почему туда?

— Послом.

— Ого, поздравляю!

— Спасибо! А ты приходи сегодня...

— Хорошо, хорошо...

Насимджан снова заспешил куда-то. Карим вошел в здание Центрального Комитета Коммунистической партии Бухары. В приемной у кабинета Турсуна Ходжаева он подошел к секретарше, представился и спросил, когда его примут.

— Вас вызвали на час дня, но тут возникло одно важное неожиданное дело... У товарища Ходжаева сейчас президент республики Усман Ходжаев. Вам придется немного подождать.

В приемной сидели еще два человека. Карим тоже присел и размечтался... В мечтах он видел рядом с собой Ойшу, веселую, счастливую. Асад Махсум исчезнет, как дурной сон, а он и Ойша вместе с ее матерью будут ездить по стране, увидят много разных городов — Москву, Баку, Тифлис... Что может быть интереснее, да еще если с тобой рядом любимая жена!

16

А в кабинете у Турсуна Ходжаева в это время шел серьезный разговор с председателем Центрального Исполнительного Комитета Усманходжой Ходжаевым.

— Вы и ваш брат, достопочтенный Атоулло, состоите в близком родстве с Файзуллой Ходжаевым. Он сердечно относится к вам обоим,— говорил Турсун Ходжаев,— к тому же вы один из лидеров младобухарцев. Вы один из главных распространителей джадидизма в Бухаре... Это и послужило вашему избранию на пост президента республики. Такова была воля народа. Это так! Но все это еще не дает вам права своевольничать, вершить государственные дела, как вам вздумается! Народ Бухары понес много жертв в борьбе за свои права, испытал немало трудностей и тягот, много обид и унижений в прошлом и наконец добился победы, завоевал с огромными усилиями свое место в жизни. Однако еще не зажили принесенные этой крова-

вой борьбой раны, еще свежа память о них. Во многих семьях еще носят траур, еще не высохли слезы осиротевших детей, выброшенных из родного дома! А некоторые беспечные руководители ищут легкого пути для достижения власти, хитрят, изворачиваются... Это вместо того, чтобы усилить власть тех, для кого она и предназначалась — неимущих и обиженных в прошлом. Именно для них, для широких масс тружеников, и велась эта борьба.

Усманходжа Ходжаев был в ярости, еле сдерживался, чтобы не закричать. Плотный, среднего роста, он выглядел весьма солидно. Сквозь очки в золотой оправе глядели большие круглые глаза, редкая черная бородка едва прикрывала подбородок. На нем был ладно сшитый черный костюм из добротного красивого материала; под пиджаком была белая рубашка с накрахмаленным воротничком, золотая цепочка от карманных часов вилась по жилетке. Стараясь казаться спокойным, он так сжимал пальцы, что они хрустели в суставах.

— Я не понимаю,— начал он, когда Турсун Ходжаев умолк,— с какой целью вы мне все это говорите? Неужели я, президент Бухарской республики, заслужил такие упреки!

— А я вас и не упрекаю, я взываю к вам! — Турсун Ходжаев даже улыбнулся.— Вы не просто президент, вы старший в роду Ходжаевых... К тому же умный и рассудительный человек, искренне служащий делу революции. Вы из тех, на ком лежит большая ответственность...

— А что случилось, Файзулла совершил какую-нибудь ошибку? Какое мне до этого дело! Я за него никогда не ручаюсь. Должен вам сказать, что я не питаю к нему доверия...

Турсун Ходжаев с недоуменной и недовольной усмешкой посмотрел на президента. И после минутной паузы твердо сказал:

— Что вы! Мы абсолютно доверяем товарищу Файзулле Ходжаеву. Он самый подходящий для главы государства.

— О да, конечно, он самый подходящий, лучший... Все остальные плохи...— язвительно сказал Усманходжа.

— Да, я не устану повторять, что Файзулла Ходжаев прекрасный человек и работник, он всю душу свою вкладывает в дело революции. Но сейчас не о нем я хочу гово-

рить с вами, а о других ваших родичах. Я вызвал вас, чтобы обсудить по-дружески до заседания бюро...

— Как,— изумился Усманходжа,— будет бюро?

— Да, я вынужден поднять этот вопрос!

— Относительно нашей семьи?

— Да, да, не касаясь, конечно, Файзуллы Ходжаева.

— Вот так так! — воскликнул закипающий гневом Усманходжа.— Так вы цените всю нашу семью! Весь наш род! Людей, которые отдали революции все, что у них было, людей, которые служат революции, государству на ответственнейших постах, руководят народным хозяйством. И вы намерены обсуждать их поведение на бюро!

— Будьте любезны, успокойтесь,— прервал его Турсун Ходжаев.— Наберитесь терпения и выслушайте то, что я сейчас скажу. Во-первых, не упускайте из виду, что революцией руководила и руководит Коммунистическая партия. А во-вторых, представители вашего рода, руководящие народным хозяйством, находясь на ответственнейших постах, злоупотребляют своей властью...

— Приведите примеры,— огрызнулся Усманходжа.

— Не перебивайте меня, пожалуйста,— стараясь говорить как можно вежливее и спокойнее, сказал Турсун Ходжаев.— Вы хотите примеры, пожалуйста! Возьмите младшего брата Файзуллы Ибода Ходжаева. Он творит такое, на что бы не решились никакие беки или разнузданные сынки самого эмира.

— Но я к Ибодходже не имею никакого отношения. Конечно, он любимый, младший брат Файзуллы, крайне избалован. Но вы можете и должны найти на него управу. Все в ваших руках. Он член партии, вот и учите его, наставляйте, удерживайте от возмутительных его дел!

— Напрасно, бесполезно! Он лжет, изворачивается и продолжает поступать по-своему. Файзулла совсем с ним замучился. Слушая попреки и уговоры Файзуллы, он притворяется дурачком, грозит самоубийством. Файзулла просто не знает, что делать, с кем бороться, то ли с басмачами, всякими левыми и правыми уклонистами, или с собственным братом и племянниками.

— И племянники уже виноваты! — с обидой в голосе сказал Усманходжа.— В чем же, позвольте спросить?

— Вот хотя бы такой пример. Мы послали вашего младшего брата в Восточную Бухару председателем диктаторской комиссии...— Турсун Ходжаев встал с кресла,

на котором сидел против Усманходжи, и пересел на свое рабочее место к столу.— Поручая ему вершить там все дела, мы надеялись, что он — член партии, революционер, умный и способный человек — справится с порученным ему делом. Мы верили, что он твердо убежден в правильности наших идей, наших целей и будет проводить их в жизнь, устанавливать в районе, далеком от Бухары, революционную власть, мир, спокойствие. А он...

— А что он натворил?

— Прежде всего он решил, что, как ваш родственник, он может считать себя единоличным правителем в Душанбе. Уже одним этим он нарушил принципы революционного правления. Вместо того чтобы привлечь к делу трудящихся, вчера еще страдавших от несправедливости и злобы эксплуататоров-богачей, он привлек эмирских чиновников и роздал им все тепленькие местечки. Не забыл, конечно, и себя при этом. А что там делалось! Темная личность, некто Халимов, вместо того чтобы заготовлять провиант для красных воинов, занимался воровством и под крылышком вашего родственника не понес никакого наказания! А как расцвели там все пороки! Все эти чиновники берут взятки, царит подкуп, завязываются интриги, строятся козни... Все это, естественно, вызывает беспорядки. Возмутительно!

— А если окажется, что это клевета, ложь, исходящая от личных врагов Атоуллоходжи?

— Мне на него жаловались многие, разные... Не могут же они все сговориться и рассказывать одно и то же! Особый отдел подтвердил это.

— А что он из себя представляет, этот особый отдел?

— Глаза, уши и бдительный ум нашего государства!

— О! Глаза, уши и ум России.

— Значит, то, что нужно!

— Так или иначе все эти наговоры требуют проверки! Советую вам принять к сведению.

На это замечание Турсун Ходжаев сначала ничего не ответил, затем вытащил из ящика своего письменного стола какой-то документ и сказал:

— Хорошо, проверим. Но что вы скажете об этом документе? Он вполне официален, заверен самим Атоулло Ходжаевым, тут его печать.

— А о чем он?

— Позавчера мы получили это послание на имя ЦК

Компартии Бухары.— Говоря это, Турсун Ходжаев пробежал (и в который раз!) письмо глазами.

— М-да! — проговорил явно изумленный Усманходжа.— О чем же письмо?

— Председатель диктаторской комиссии Восточной Бухары Атоулло Ходжаев сообщает следующее: «Первого августа 1921 года мы отправились из Душанбе в Больджуан. Он был разорен и безлюден. Курбаши были нами оповещены о том, что мы приедем. На наше сообщение Давлятмандби ответил так: «Мы не хотим воевать, проливать кровь, всегда задираются и являются зачинщиками ваши люди. Они разграбили все наше достояние, оскорбили нас и унизили».

Турсун Ходжаев посмотрел прямо и пристально в глаза Усманходже и резко сказал:

— Оказывается, это наши люди грабят и насильничают... Слыхали вы что-нибудь подобное?! Как говорится, и вор жалуется и обкраденный. И Атоулло Ходжаев пишет об этом всерьез!

— Ну, хорошо, Атоулло сообщил только факты, в этом и состоит смысл письма от Давлятмандби.

— По-разному могут звучать сообщения подобного рода. Возможно, что ваш брат писал, поверив словам басмачей, допустим, что он не знает да и не желает знать истину. Но послушайте дальше: «оскорбили нас и унизили, и поэтому мы тоже подняли оружие...» — Турсун Ходжаев снова оторвался от письма и снова пристально посмотрел на Усманходжу, говоря: — То есть убили сотни мирных людей... Но слушайте дальше: «Мы не знаем никакого эмира, у нас нет с ним никаких дел...» — Турсун Ходжаев горько усмехнулся.— Да, но на деньги эмира, его оружием они творят свое грязное дело, прислушиваясь к его приказу. Так это происходит в действительности... Нужно ведь трезво судить...

— Пожалуйста, товарищ Ходжаев,— прервал его Усманходжа,— если можете, читайте без толкований и пояснений.

— Постараюсь,— усмехнулся Турсун Ходжаев.— Это нервы шалят, с трудом сдерживаюсь, простите. Итак: «Мы не знаем никакого эмира... и знать его не хотим. Сами за властью не гонимся, но терпеть бесправие, несправедливость, гонения на нашу религию тоже не хотим. Нам нужно только одно — мудрое, справедливое правительство, мы

не потерпим, чтобы власть в нашей стране была в чужих руках...»

— Ну и ну! — не выдержал Усманходжа.

— А! И вас проняло!

— Да уж...— пробормотал он.

Турсун Ходжаев продолжал читать:

— «Мы будем бороться до тех пор, пока в нашей стране останется у власти хоть один русский, и преклонения перед русскими не допустим».

Турсун Ходжаев отложил письмо.

— Ну, что скажете на это? Чем провинился русский народ перед Давлятмандби, русские трудящиеся люди? Мы, коммунисты и младобухарцы, избавили народ Бухары от ига и тирании эмира и его приспешников, обратились к Ленину, к русским, с просьбой помочь нашей борьбе с угнетателями, и они протянули нам руку. Русские воины, не щадя своих сил, избавили нашу страну от власти эмира, дали народу нашему хлеб, одежду, орудия производства!.. Если бы не красные воины, разве Давлятмандби, Ибрагимбек и им подобные не задушили бы давно уже республику, не потопили ее в крови? Не сомневаюсь, что председатель диктаторской комиссии Восточной Бухары достаточно осведомлен... И все же попал под влияние контрреволюционеров!

— Из письма я этого не вижу! — как-то вяло произнес Усманходжа.— Не понимаю, почему вы так в этом уверены?

— Тот, кто делает подобные сообщения ЦК партии, правительству,— враг либо человек, попавший под чуждое, вредоносное влияние. Но послушайте письмо до конца, и надеюсь, вы поймете.

— Пожалуйста, читайте!

Турсун снова углубился в письмо.

— «Если правительство хочет с народом дружить, то оно должно снять со всех постов русских и поставить на их место мусульман...»

— Ну что же...— начал было Усманходжа и осекся. Он, видимо, хотел сказать, что это правильно, но сдержался.

— Вы что-то хотите сказать? — спросил Турсун.

— Нет... Я так... Читайте, пожалуйста!

— Очевидно, говоря о порядочных и почтенных мусульманах, Давлятмандби подразумевает самого себя,

Ибрагимбека Галлу, Фузайли Махсума и Атоуллоходжу. Так?

— Похоже,— как-то нехотя согласился Усманходжа.

— Именно так,— отрезал Турсун Ходжаев.— Слушайте дальше. «В Больджуан пришло приглашение явиться двенадцатого августа в местность Калта Чинар, находящуюся в пяти километрах от Больджуана, у подножия гор, в ущелье. Приглашается диктаторская комиссия для переговоров о создавшемся положении. Мы были вынуждены принять приглашение. Нас было восемь человек, оружия мы решили с собой не брать. А в условленном месте, словно муравьи или саранча, копошились люди. Чуть ли не две тысячи человек спустились с гор... Все вооруженные, они построились в два ряда. В тени под чинарой сидели Давлятмандби, Мулло Камолби, Кенджа-туксаб[1], Абдулкоюм-туксаб, Мухаммед Ходжа муфти и еще многие.

Давлятмандби произнес речь, длившуюся два часа, и после этого был написан договор. Он состоит из восьми пунктов. Все мы приняли его и подписались. Наша встреча, длившаяся с десяти часов утра до трех часов пополудни, закончилась, и мы отбыли.

Пришли мы к следующему решению: до тех пор, пока они не смогут быть вполне уверены, что их никто не тронет, а, наоборот, станут помогать, они своего оружия не отдадут. Мы, в свою очередь, тоже твердо заверили, что наше правительство никого притеснять не будет. Каждый может приступить к своей работе. Мы им поможем получить обратно забранное у них или разграбленное имущество. Завтра в Кулябе, в связи с праздником, будет совершен намаз...

Мы, уполномоченные представители от Бухары, просим следующее. Пункт первый: вывести из Куляба и Больджуана все отряды русских войск, заменив их бухарцами».

Турсун Ходжаев оторвался от письма и посмотрел на Усманходжу.

— А где найти бухарцев-воинов?

— Ну, предположим, что это — их мечта! — буркнул Усманходжа.

— Неисполнимая к тому же! Ведь все красные воины

[1] Туксаб — один из воинских чинов в Бухарском эмирате.

находятся под общим командованием Красной Армии. Ну, об этом — потом!

— Хорошо, что там у вас дальше, читайте!

— «Пункт второй: для того чтобы успешно проверить и установить, что делалось в этих краях, какой нанесен вред, нужно назначить комиссию, включив в ее состав лишь двух русских. Хорошо бы, если б в нее входил бывший консул из Душанбе Дуров.

Пункт третий: необходимо немедля убрать из Восточной Бухары особый отдел». Непонятно зачем? — воскликнул, оторвавшись от письма, Турсун Ходжаев.

— Все ясно.

— Что ясно? Председателю диктаторской комиссии особый отдел нужен как воздух, как дыхание... Особенно в нынешней обстановке, когда мы со всех сторон окружены врагами.

— М-да!.. Читайте дальше.

— «Пункт четвертый: нужно срочно послать в Восточную Бухару промышленные товары, народ совсем обносился». Пункт пятый гласит: «В Восточной Бухаре нужно уволить всех ответственных работников, заменив их бухарцами. И если вам нужна Восточная Бухара, то пришлите двести человек.

Если вы хотите владеть Восточной Бухарой, то должны принять наши условия и незамедлительно выполнить их. А иначе незачем нам тут толкаться». Подпись председателя: Ато Ходжаев.

Турсун Ходжаев гневно сверкнул глазами.

— Ему только остается сказать, что нужно вернуть на престол эмира Алимхана!

— Да, мой братец, видно, очень напуган... Иначе чем объяснить это письмо?.. Не стоило его писать, ведь он...

— Центральный Комитет,— прервал на полуслове Усманходжу Турсун Ходжаев,— думает отозвать Атоуллоходжу, а на его место назначить вас. Мы с товарищами уже согласовали это.

— Меня? Странно... Впрочем, я и сам собирался туда поехать, проверить, как идут дела. Но со мной вместе нужно отправить триста воинов и несколько государственных чиновных лиц.

— Это все еще нужно продумать... Ведь это по нашему предложению Атоуллоходжа ведет переговоры с Давлятмандби, и что же получилось? Атоуллоходжа то ли от

страха, то ли по другим причинам предъявляет нам настоящий ультиматум, один из пунктов которого гласит, чтобы мы отвели особый отдел.

— Ну, все это не страшно, образуется,— Усманходжа встал,— в государственных делах бывают такие недоразумения. Могу заверить, что Атоуллоходжа — преданный нам человек. Думаю, что его действительно надо отозвать из Душанбе. И побыстрее. А я завершу наиболее срочные дела и поеду туда, наведу порядок, если окажется возможным, договорюсь с басмачами...

— Нет, не так все просто! Атоуллоходже больше доверять нельзя.

— Вот приедет сюда, поговорим с ним как следует, построже.

Турсун Ходжаев промолчал.

Усманходжа счел разговор оконченным, попрощался и ушел.

В кабинет вошел делопроизводитель и доложил, что явился Карим.

— Ах да, по вызову, просите.

Карим вошел, отчеканил «здравствуйте» и, как полагается по форме, отдал честь.

— Разрешите войти.

— Заходи, заходи, Каримджан! — приветливо встретил его Турсун Ходжаев.— Давно хочу тебя увидеть, да вот все срочные дела мешали... Ну, как живешь, здоровье как?

— Спасибо, дела идут, на здоровье тоже не жалуюсь.

— Что там с юношеским добровольческим отрядом? Хорошо освоили военное дело?

— Освоили хорошо. Все готовы к бою и только ждут приказа. Я сам собирался к вам прийти с просьбой — получить у военного министерства разрешение...

— Прекрасно,— тихо, как бы в раздумье, сказал Турсун Ходжаев,— очень хорошо... Раз твой отряд готов... Догадываешься, зачем я тебя срочно вызвал? Дело в том, что с выступлением на Бойсун надо повременить.

Карим взволнованно и удивленно посмотрел на Турсуна Ходжаева.

— Да,— подтвердил тот в ответ на вопрошающий взгляд Карима,— да, принято решение отправить его в сторону Кармина и Нурата.

— Что случилось?

— Там возникла очень большая опасность... Подроб-

нее тебе объяснят в министерстве. Я лишь познакомлю тебя с одним знаменательным фактом: бывший военный комиссар Абдухамид Орипов оказался предателем, изменил нашей партии, революции, перешел на сторону басмачей, действующих в Нурате.

— Военный комиссар Орипов? — изумился Карим.

— Да, да! Самое плохое то, что он знал все наши военные тайны, государственные дела, осведомлен, сколько у нас продовольственных запасов, оружия... Такой человек, ставший во главе басмачей, находясь совсем близко от революционного центра, крайне опасен. На данном этапе даже опаснее Бойсуна. Чувствуешь — опаснее Бойсуна!

— Чувствую...— приглушенно сказал Карим и, помолчав, продолжал: — Но ведь мы готовили ребят к походу на Бойсун, изучили местность по картам, планировали. Как же теперь?..

— Вот потому-то я и вызвал тебя. Нужно заранее подготовить отряд, объяснить причину изменения планов... Из Центрального Комитета партии мы выделили тебе в помощь двух человек.

— Спасибо. Буду стараться как можно лучше выполнить ваше задание.

— А сейчас прямиком иди в Совет Министров, к Файзулле Ходжаеву, получи у него надлежащие советы и поручения.

Услышав, куда его посылают, Карим пришел в недоумение. Кто-то на днях при нем говорил, что Файзулла Ходжаев — сын миллионера из Бухары. Карим никак не мог себе представить, чтобы сын миллионера оказался во главе государства. Узнав о предательстве Абдухамида Орипова и о полуголодном существовании военного отряда в Бойсуне, о том, что военный комиссариат не торопится ему помочь, он решил, что все это происходит из-за халатного отношения к делу со стороны Файзуллы Ходжаева. Еле сдерживая свои чувства, Карим спросил:

— Товарищ Турсун Ходжаев, что, я должен непременно явиться к Файзулле Ходжаеву?

— Непременно! — твердо сказал Турсун Ходжаев, не подозревая даже, какие бури бушуют в сердце Карима.— Он военный комиссар, он может быстро снестись с нужными для дела людьми... Ему подчинен и твой отряд!

Карим помолчал, задумавшись, что-то взвешивая в уме, и потом сказал:

— Я пойду к нему, конечно... Но вот какое дело: сегодня я получил письмо от командующего бойсунскими войсками Фатхуллина. Он жалуется на плохое снабжение, наши люди ходят полуголодные, болеют, а лекарств нет, голод и малярия очень изнуряют их.

— Это ужасно! Странно, что Фатхуллин не сообщает об этом мне.

— Он говорит, что писал — и не раз — в военный комиссариат, но ответа не получил.

— Это, значит, произошло из-за предательства Орипова.

— Ну, а что думал Файзулла Ходжаев?

— Его не было здесь, он находился в Москве, собираясь поехать в Европу. Правда, мы отозвали его, вернулся только два дня назад и сразу погрузился в работу. Если бы не каверзное дело Абдухамида Орипова, он бы сам поехал в Бойсун.

Карим молчал, думая о чем-то, видимо, очень важном для него. Чуткий и душевный человек, чистый сердцем, он не был злопамятным, злобным. Был искренен и правдив, прямолинейно выражал свои чувства, свое отношение к людям: к врагам враждебен, к друзьям мягок и добр. Он ненавидел притворство, двурушничество, льстивость, ложь... Сейчас он напряженно обдумывал, как быть со своими сомнениями, и наконец решил: незачем скрывать их от Турсуна Ходжаева, это пользы не принесет, лучше раскрыться перед ним до конца.

После минутного молчания он сказал:

— Я давно хотел спросить у вас...

— Пожалуйста, спрашивай!

— Очень трудно мне понять... Все мы знаем, что революцию совершил трудовой народ, что он проливал кровь в борьбе с баями, духовенством, эмирскими чиновниками... Не они строили Советскую республику. Как же так получилось, что сын миллионера в эмирской Бухаре стал одним из крупнейших организаторов Советской власти? Занимает ответственные советские посты.

Легкая улыбка сверкнула на губах Турсуна Ходжаева. Он встал и молча прошелся по комнате, потом, подойдя к Кариму, сказал:

— Твой вопрос вполне понятен, ты правильно сделал, что спросил меня. Но ты должен знать подробно и о положении в Бухаре и причины, заставляющие идти на неко-

торые уступки. Дело в том, что в Бухаре наряду с трудящимися революцию делали и представители других классов и других партий. Кто был недоволен или обижен эмиром, кто, как джадиды, например, хотели добиться более широкого культурного и торгового общения с другими государствами и народами. К тому же трудящиеся — рабочие, крестьяне, ремесленники — в подавляющем большинстве неграмотны, а для нашего дела необходимы грамотные люди. Такие в основном джадиды. Но работают они под неусыпным вниманием коммунистов... Если в процессе стройки нового общества они оправдают доверие, то пойдут с нами рука об руку; те, кто окажется нестойкими, неверными, отпадут сами, их отвергнет жизнь. Надо в это глубоко вдуматься! К Файзулле Ходжаеву это не относится. Вся его деятельность доказывает преданность коммунистическим идеалам.

— Знаю только, что он возглавлял партию джадидов и младобухарцев...

— Да, так было, но сейчас он член Коммунистической партии. Много думает и понимает, в чем состояли ошибки прошлого и заблуждения. Пока мы ему верим.

— Хорошо, в таком случае я пойду к нему,— сказал Карим.

Он намеревался пойти прямо в Совет назиров, но, почему-то передумав, повернул в сторону Чека.

— У меня есть дело к председателю,— сказал он коменданту Чека.

— Пожалуйста! — сказал комендант, знавший Карима в лицо.— Проходите, кажется, он в своем кабинете.

Да, председатель Чека республики Бухары Алимджан Аминов был у себя и сразу принял Карима.

— Ну, как здоровье? — приветливо спросил председатель Карима.— Как дела? Подготовлен ли твой отряд для похода на Асада Махсума?

— Готов! — сказал Карим и замялся, как бы собираясь с мыслями. После короткой паузы добавил: — Но у нас теперь другая забота...

— Знаю, Абдухамид Орипов. Кто тебе сказал?

— Я был на приеме у Турсуна Ходжаева, получил приказ...

— И от военного назирата тоже?

— Еще нет. А пришел я к вам вот почему: меня все время мучают сомнения — друг ли он наш, или... Говорят, что он сын крупного бухарского богача... Трудно поверить, что выходец из такой семьи может стать моим другом... Но товарищ Турсун Ходжаев разъяснил мне...

— Ну, теперь твои сомнения исчезли?

— Исчезли, но...

— Что «но»?

— Но я считаю, что все же нужно быть бдительным!

— Вижу, что твои сомнения еще не улеглись... Говорят, что сомнение — отец правды, но тут особый случай: хотя Файзулла Ходжаев и сын миллионера, он участвовал в Бухарской революции... Конечно, есть у него и недостатки, но партия старается их выправить, указывая ему верный путь. И еще запомни, что не все выходцы из богатого сословия подлецы и предатели. Многие из них — порядочные, справедливые люди. Бывает и это.

— Видимо, так,— сказал, соглашаясь, Карим.

Аминов раскрыл объемистую папку, лежавшую перед ним на столе.

— Вот, например,— сказал он,— эта папка стала такой толстой из-за жалоб и клеветнических писем одного джадида. Обследовав подробно и тщательно это дело, мы выяснили, что сам жалобщик — сын крупного богача, подлый и низкий человек. Сейчас он маскируется под благородного и честного человека и под этой маской порочит порядочных людей. Работает он в торговом предприятии. Клевещет же на своего родного племянника Халимджана, очень порядочного человека, члена нашей партии, возглавляющего крупное учреждение. В результате следствия выяснилось, что все нападки на Халимджана — клевета. Интригана сняли с работы, а Халимджан остается на своем посту. Если хочешь глубже ознакомиться с образом жизни и прихотями эксплуататоров и их прихвостней, прочти это дело.

— С большим удовольствием! — живо откликнулся Карим.— У меня как раз есть время. Сяду в сторонке или выйти в другую комнату?..

— Нет, оставайся здесь! Я ухожу по делам и предупрежу секретаря, он принесет тебе чаю.

Аминов ушел. Карим стал читать дело, история которого начиналась в 1911 году.

17

В 1911 году в квартале Гозиен в тот день в большом байском доме Ахмадходжи шумно справляли свадьбу. В квартале — да и не только в этом — не было дома великолепнее, пышнее. Сам хозяин сделал архитектурный чертеж для строителей, сам все распланировал и следил за ходом работ. Высокая стена, отгораживавшая его владения от широкой улицы, была покрыта особой нарядной штукатуркой.

В широком крытом проходе на суфе, на скамейках и стульях расселось много людей; тут были и слуги, и местные аксакалы, и родственники жениха и невесты. Встречая гостей, они здоровались, почтительно скрещивали руки на груди.

Среди гостей был и Самадходжа, младший брат Ахмадходжи. Вялый, бледный, он выглядел очень плохо. Как раз накануне его осадили кредиторы, говорили с ним оскорбительно, всячески поносили. Собирались передать дело в суд. Угроза заставила его действовать. Он пошел на женскую половину, сорвал с жены и дочери надетые на них кольца, брошки, серьги, ожерелья и отдал все это кредиторам. Они несколько угомонились и продлили срок расплаты еще на месяц.

Кредиторы ушли, но чувство страха не покидало Самадходжу, ведь угроза позора продолжала висеть над ним. Ему стоило больших усилий выдавить улыбку на своем лице. Он механически здоровался с гостями, отвечал на их вопросы. Все мысли его были поглощены одним: как избежать позора?

В шабгахе[1] под натянутым широким полотнищем сидели известные певцы, танцоры и музыканты. Лились чарующие мелодии.

Стареющий, усталый Ахмадходжа, хоть и плохо чувствовал себя, сам руководил празднеством. Он сидел на стуле, обитом бархатом, окруженный близкими друзьями. Среди них был и его личный врач — индус.

Свадебный пир проходил шумно и весело. В небольшом специальном дворике, соседствующем с двумя главными дворами — внутренним и внешним, варят плов в больших чугунных котлах. Молодые люди, выстроившись

[1] Шабгах — место на открытом воздухе на втором этаже.

в ряд, передают по цепочке тяжелые блюда с пловом и жарким. Людям, работающим у бая, помогают служители всей махали. С их помощью эти люда подносят гостям. А они не только сами едят, но берут и с собой, угостить сидящих дома детей конфетами, фруктами и другими сластями с роскошного пира. Гости сменяют гостей, перед новыми гостями ставят новые блюда...

Среди совсем юных молодых людей, помогающих на этой свадьбе, находился пятнадцатилетний Халимджан и тринадцатилетний Алимджан. Они также таскали тяжелые блюда, прислуживали гостям, а потом играли с ребятами, лазали по заборам, бегали в соседние дома. На них новенькие халаты из гиссарской алачи, на голове маленькие нарядные чалмы, обуты они в булгарские кичиги и кавши...

Алимджан приносит из внутреннего двора грецкие орехи, халву, лепешки, угощает своих дружков, составляет им компанию в играх. Характер у него неважный, он шумлив, капризен и упрям, не в пример своему старшему брату Халимджану. Тот спокоен, благоразумен, доброжелателен... Он не ввязывается в драку с мальчишками, не озорничает. Сейчас, в день свадьбы любимой сестры, Халимджан особенно задумчив и грустен. Он привык проводить с ней много времени, знал все ее девичьи мысли, разговаривал подолгу, разделял ее взгляды и суждения. Незадолго до ее свадьбы она попросила его о каком-то одолжении. Халимджан обещал это сделать, но не выполнил, а теперь мучился от укоров совести.

Робияхон было уже двадцать лет, девушку, достигшую этого возраста, считали старой девой. Почему же так получилось? Да дело в том, что красотой она не блистала, к тому же у родителей ей жилось неплохо, она была очень избалована, родители во всем ей потакали, никогда не наказывали. А жизнь текла, годы улетали... И вот дошло до того, что сваты забыли дорогу к дому Ахмадходжи, сначала уходили обиженные, расстроенные отказом, а потом, видимо, не без их участия, стали распространяться слухи о том, что Робияхон некрасивая, тощая, что у нее дурной характер и тому подобное.

Первое время это мало заботило Ахмадходжу. Мысли его были поглощены торговыми делами, он много разъезжал, бывал то в Москве, то в Оренбурге. Но вот однажды он приехал из Москвы совсем больным. Он прилежно ле-

чился, но врачам пришлось приложить немало усилий, чтобы поставить его на ноги. На долгий срок прекратились его поездки. И вот, находясь безвыездно дома, он призадумался о своем быте, о семье, о себе, наконец он понял, что здоровье начинает ему изменять, что двадцатилетняя дочь еще не замужем, живет с родителями. Как человек дальновидный и практичный, он тут же решил действовать. Как-то вечером, когда они были вдвоем, жена высказала опасение, что дочь останется старой девой. Но Ахмадходжа успокоил ее, заверив, что и месяца не пройдет, как он выдаст ее замуж.

Что же пришло в голову этому человеку, весьма опытному в житейских делах? У его сестры был единственный сын, Хамидхан. Длиннобородый, с большой чалмой на голове, он был уже и не молод и весьма непривлекателен. А жил он вместе с матерью очень бедно, и на женитьбу средств не хватало. И вот Ахмадходжа вызвал сестру и сказал, что хочет выдать дочь за Хамидхана. Сестра просто опешила: подумать только, какое счастье свалилось на голову ее сына — стать зятем богача!

— Ай-вай,— простонала она,— может ли мой сын, бедняк, стать вашим зятем? И могу ли я привести дочь самого Ахмадходжи к свое убогое жилище?

— Пустяки! — ответил ей брат.— Я беру все расходы на себя. А насчет дома тоже не беспокойся... По соседству с нами есть пустырь, там я распорядился построить новый дом и привести в порядок участок. Прямо завтра начнется строительство... Я уже договорился с мастерами, будь спокойна! А сыну скажи, чтобы он сейчас приостановил на время свои занятия в медресе, накрутил чалму поменьше, подкоротил бороду и надел халат понаряднее, нынешний уж очень неловко сидит на нем.

— Этот халат я сама ему шила, из лоскутьев! Что делать! Трудно на его фигуру найти подходящий халат в лавке или вытащить из дядиного сундука.

— Потерпи немного — и в твоем доме будет достаток и сундуки, полные добра!

— Постараюсь терпеливо этого ждать! Если ты правду говоришь, а не шутишь, молиться буду за тебя, жертву святым принесу...

— Незачем приносить жертвы,— резко оборвал ее Ахмадходжа.— Ты лучше слушай, что я скажу. Завтра же разнеси слух, что собираешься женить своего сына на

Робии. Всюду говори это, не смущаясь. Все необходимое для свадебного пира я пошлю тебе домой, а ты через несколько дней пригони сватов.

— Хорошо, хорошо, уж так и быть.

— О нашем разговоре никому не рассказывай. Даже нашим братьям.

— На меня можешь положиться, но разве можно что-нибудь скрыть от Самадходжи?

— К сожалению, ты права. Этот брат наш неудачник, картежник и мот, позорит нас, беда на нашу голову! Постараемся быть как можно осторожнее, это дело нашей общей с тобой чести!

— Постараюсь, конечно.

— Значит, решено!

Когда Робия узнала о том, кому ее сватают, она рассвирепела.

— Нашли кому меня сбыть,— плакалась она матери.— Противному Хамидхану!

— А чем он плох? Он свой человек, наша родня!

— Родня! — кипятилась Робия.— Уродина, длиннобородый, мужлан, в потрепанном халате!

— Да и ты, дочь моя, не такая уж красавица! — Мать говорила твердо, решительно.— Ведь более достойных ты сама отвергла. Надеюсь, что с Хамидханом ты обретешь свое счастье.

— Нет, нет, за него не пойду, лучше уж остаться старой девой!..

— Не некай! Ты ведь знаешь строгость и суровый нрав твоего отца. Выдаст тебя за какого-нибудь арбакеша!

— Ну и лучше за арбакеша, чем за этого жалкого муллу!

— Что ты чепуху несешь! Хамидхан — человек ученый, образованный, знает в жизни толк.

— Нет, нет и нет!

— Ну и глупо! Все равно будет так, как велит отец.

Мать сказала это в повышенном тоне и вышла из комнаты.

Робия, рыдая, упала на ковер. Она оплакивала свою уходящую юность, свою зависимость от родителей, свою неволю. Казалось бы, все у них в доме есть, многие молодые девушки завидуют ее богатству. А счастья нет. Дочери мелких торговцев и даже простых чесальщиков шерсти вышли замуж за того, кто им нравился, нашли свое

счастье, а она, дочь бухарского миллионера, обречена быть всю жизнь с нелюбимым человеком! Ее выбрасывают из родного дома, как ненужную вещь! Кому же пожаловаться на горькую долю? Земля тверда и жестокосердна, а небо слишком высоко...

Робия потеряла вкус к жизни. Она понимала, что происходит: да, она уже становится старой девой, это роняет честь и достоинство ее отца, набрасывает на него тень. Но нельзя же из-за этого содрогаться в объятиях нелюбимого, скучного и холодного человека! О, хоть бы бог взял к себе ее душу, избавил ее от жизни, полной мук и страданий...

И вот в эту страшную для нее минуту в комнату вошел ее младший брат Халимджан. Он увидел свою любимую сестру, лежащую на ковре, ее полные отчаянья глаза, красные от слез, подошел к ней, помог подняться, вытер слезы на ее щеках и участливо спросил:

— Что с вами, сестра? Вы больны?

Робия, всхлипывая, покачала головой отрицательно.

— Так что же с вами? Обидел кто-нибудь?

Робия чувствовала, что во всем мире только один этот ее брат, пятнадцатилетний юноша, заботливый и добрый Халимджан поймет ее переживания и сделает для нее все, что может.

— Замуж меня хотят отдать...— проговорила она, задыхаясь от слез,— этому... Хамидхану...— ей было противно даже имя его произнести.

— Хамидхану? — изумленно воскликнул Халимджан.

— Да, милый брат, уж такое мне счастье, невезучая я!

Робия снова заплакала, припав к плечу брата.

— Что мне делать? Как быть? Не смогу я жить с этим скучным, сухим человеком!

— А как отец к этому относится?

— Отец! — презрительно буркнула Робия.— Да он сам все это придумал! Пока был здоров, не обращал на меня никакого внимания, а засел дома надолго и заметил, что я уже старая дева. Вот хочет убрать меня поскорее, выбросить, как ненужную тряпку!

— А вы сами с отцом не говорили?

— Нет! Мать стращала меня: если, говорит, ты будешь отказываться, отец выдаст тебя за арбакеша... Я отца тоже понимаю, он стареет, болеет, настроение дурное...

— Давайте я с ним поговорю.

— Ох, братец, милый,— Робия даже посветлела,—

поговори. На мать надежды нет. Может, отец пожалеет?.. Не могу я... за Хамидхана.

— Будьте спокойны, непременно скажу. Отец вас любит...

Халимджан был умен и развит не по летам, умел различать, где черное, а где белое. Задумывался над сложностью жизни, над, казалось, неразрешимыми ее задачами. Не раз в раздумьях о них он не спал всю ночь, забыв о времени... И мысли эти уносили его далеко-далеко... Он сетовал на отсталость своего народа, на его бедность. Он часто повторял известное двустишие:

О, почему труд нищих словно море,
А радости имущих как корабль?

Два-три года, проведенные в Москве, приобщение к русской культуре, освоение русского языка очень расширили его знания и представления о жизни. Он знал больше, чем не только его сверстники, но и люди значительно старше его. Учился он в свое время и в старометодной школе Бухары, и это тоже оказалось не напрасно: хороший, знающий литературу учитель привил ему интерес к чтению, к поэзии... Халимджан был очарован стихами Хафиза, Саади и Бедиля... Живя в Москве и изучая русский язык, он с наслаждением читал Пушкина и Лермонтова, Гоголя, Толстого, Чехова... У него открылись глаза на мир. Отец не жалел денег на образование сыновей, он пригласил для Халимджана и его брата опытного, широкообразованного учителя, который не только учил их русскому языку, но проводил интересные беседы, в которых знакомил с духовным миром русского народа, с русской классикой.

Русские классики и научили Халимджана разбираться в том, что такое хорошо и что такое плохо, отличать добро от зла, справедливость от угнетения и злобы — в общем, открыли ему глаза на многие стороны жизни, расширили его мировоззрение.

До того он и не задумывался над тем, откуда берется хлеб насущный, одежда, дом, в котором он живет. Не отдавал себе отчета в том, что такое труд, трудящиеся массы... Познакомившись с произведениями великих русских классиков, он глубже понял и великие произведения родной литературы. По-новому зазвучали стихи Хафиза, мудрые изречения Бедиля. Они произвели переворот в его душе,

оказали сильнейшее воздействие, вызвали множество вопросов. Ему стали понятны некоторые до той поры неясные места.

Например, вызывали недоумение такие строки Хафиза:

Люби вино и не разгадывай загадок жизни.
Никто их не раскрыл и не раскроет...

— Почему,— недоумевал он,— почему я не должен искать тайны бытия, раскрывать его секреты?

Таким вопросом задавался Халимджан в юности, и пытливый ум открыл вскоре, что поэт говорит здесь аллегорически, иносказательно... Чем больше вчитывался он в Хафиза, тем яснее понимал, какой тот смелый, свободолюбивый, непокорный, правдивый, и чувствовал, что он сам становится таким же. Он разочаровался в том, чему раньше поклонялся, во что верил. В его мозгу беспрестанно звучал вопрос: почему, почему? А жизнь задавала ему все новые и новые загадки. В надежде найти ответ на мучившие его вопросы он обратился к газетам. Он читал и «Тарчимон» и «Вакт» [1], читал журнал «Мулло Насреддин». Этими печатными органами его снабжали друзья и родственники, носители передовых идей. Особенно острой критикой бухарского эмирата, всего его общественного строя отличался журнал «Мулло Насреддин». Прочитанное Халимджан проверял жизнью и все более убеждался, что все там сказанное — правда.

Пытливый юноша хотел видеть все собственными глазами. С этой целью он посещал — и довольно часто — крытые базары, торговый двор. В торговом дворе шла бойкая торговля каракулевыми шкурками. Там же их отбирали, красили, связывали в тюки для отправки в разные города и страны. Богатые торговцы восседали на обитых бархатом стульях и на деревянных суфах, покрытых коврами и одеялами. Между делом они попивали чай, угощались сладостями, фруктами... Расторопные слуги, подобострастно приложив руки к груди, выслушивали их приказания и молниеносно выполняли их.

Однажды Халимджан оказался свидетелем следующего. Бедняка-поденщика, пришедшего с гор, оклеветали, обвинили в краже. Напрасно бедняк со слезами на глазах

---

[1] «Тарчимон» и «Вакт» — газеты, выходящие в Бакча Сарае и Кахире.

заверял, что не брал ничего,— управляющий делами хозяина, торговца шкурками, твердил свое: пропала дорогая золотисто-коричневая шкурка, и взял ее именно этот рабочий, передал сыну, а тот ее припрятал и унес.

— Да, сын мой приходил,— признался поденщик,— он сказал, что матери вдруг стало плохо... Он пришел за мной, совсем, бедняга, растерялся... Но я не пошел — нужно же что-нибудь заработать. Дал ему один мири [1] — купить для матери гранат, они очень ей помогают — и сам остался на работе... Вот... Никаких шкурок я не брал!

— Врет, врет, негодяй! — бесновался управляющий.— Он украл ее, некому больше!..

Владельцем этой шкурки был отец Халимджана. Волевой человек и крепкий хозяин, он строго держал в руках своих подчиненных. С теми, кто бывал пойман на краже, обращался жестоко...

Удивительна человеческая натура. Будучи сам не без греха, человек для себя всегда находит оправдание. Но если кто-нибудь другой совершит проступок в сотую долю меньше, то он обрушивает на него гром и молнии, готов растерзать этого человека.

Ахмадходжа приказал высечь поденщика, бить, пока тот не сознается. Но тут подал голос Халимджан.

— Отец,— воскликнул он,— не наказывайте, не бейте этого человека, он ни в чем не провинился! Я видел, когда уходил его сын, он ничего не унес с собой.

— А ну-ка, уйди отсюда!.. Ты не разбираешься в этих делах! — прикрикнул на него отец.

— Нет, я знаю! — твердо и настойчиво заявил Халимджан.— Шкурку взял вот этот,— он указал на управляющего.— Он унес шкурку. Я видел это собственными глазами.

Ахмадходжа вскочил.

Управляющий хорошо изучил хозяйский нрав, испугался не на шутку и, осмотревшись, почел за лучшее поскорее исчезнуть — скрылся за воротами торгового ряда. Учинив обыск в его комнате, хозяин нашел украденную шкурку и, что самое интересное, сделал своим управляющим оклеветанного поденщика.

А вот что произошло в один из летних дней за городом, куда отправилась, спасаясь от жары, семья Ахмадходжи.

---

[1] Мири — примерно четыре копейки.

С самого утра они приехали в сад и расположились у водоема. В саду все было подготовлено для приятного отдыха: водоем наполнен водой, все тропинки и дорожки чисто подметены, расстелены скатерти, уставленные дарами щедрого лета. Чего только тут не было: яблоки, персики, инжир, виноград; огромные дыни и арбузы источали сладкий аромат... Была тут и очень вкусная деревенская еда: пухлые лепешки и маленькие масленые лепешечки. Все это запивали зеленым чаем...

Насытившись, Халимджан и брат его Алимджан сняли с себя верхние халаты, оставшись в легких камзольчиках, и, надев мягкие хромовые сапожки, пошли погулять по саду.

У Халимджана в ближнем саду кишлака был друг по имени Садык. И каждый раз, приезжая в сад, он пользовался случаем навестить Садыка. С ним он проводил много времени. Умный, разносторонний, способный юноша вырос в бедняцкой семье и сам остался бедняком, но, спокойный и рассудительный, никогда не жаловался и не терял бодрости.

Несколько лет назад Халимджан подарил ему нож. Садык умел вырезать из дерева разные вещицы — револьверы, маленький насос для выкачивания воды, узорчатые трости и еще многое. Вырезал он также свирель из двух дудочек и прекрасно играл на ней, очаровывая слушателей.

В тот день Халимджан пошел, как обычно, к Садыку, а Алимджан отправился с сыном садовника покататься на ослике.

Рядом с садом, прямо за его забором, стоял полуразвалившийся домишко. В нем жил Садык со своими родителями. Он был единственным сыном в семье. Кормились они тем, что давал их скромный, но любовно обработанный участок земли при доме.

На стук Халимджана в комнатку вышла мать Садыка. Приветливо поздоровавшись с ним, она сказала, что Садык вместе с отцом ушли к распорядителю воды, так как сегодня была их очередь получить воду для посева.

Халимджан направился было туда же, но увидел Садыка с кетменем в руке, тот поливал огород. Халимджан окликнул его, и они побежали навстречу друг другу. Здороваясь, они обнялись, как это делают взрослые мужчины.

— Как хорошо, что ты пришел наконец, я совсем заждался...

— Отец болел, а то бы давно навестил тебя. А что у вас дома слышно? Как здоровье, как дела?

— Да как будто неплохо, но земля иссохла без воды, весь урожай мог пропасть. К счастью, сегодня получим воду, наша очередь. Поскорее бы полить землю. Немного хотя бы, если останется, попоить и деревья... Отец наказал мне присмотреть за поливом.

— Как, и на воду очередь? — изумился Халимджан. Он никогда не задумывался над этим, считал, что все на свете продается, только воду и воздух не продают. Нет, и воду сторожат, выдают по счету...

— Кому по очереди, а кому и без. Если арыки будут переполнены, достанется и нам немного, а если нет,— пусть земля сохнет от жары, пусть выгорают все посевы!..

— Что же будет с бедняками-дехканами?

— Богатым не все ли равно? — с горечью сказал Садык.

— Ужасно! А что, если заявить об этом аксакалу, или мирабу, или эмиру, наконец?

— Пойти к ним без ничего — пустое дело. Но ведь и нечего нам отдать-то, ни крошки лишней нет. Еще слава богу, что Он иногда бывает милостив и к нам, мелким людишкам, и посылает нам дождь, наполняет водой арыки... Оставим этот разговор... Я вырезал для тебя красивую трость, она в доме. Когда поедешь в Москву, возьми с собой, покажешь ее русским, им будет интересно...

— Спасибо тебе, друг, ты ведь настоящий мастер! Существует ли еще твоя свирель?

— Да, если хочешь, я тебе поиграю.

— Конечно, хочу!

Юноши прошли к углу земельного участка и сели на межу в тени развесистого карагача. Садык развернул платок — в нем была очаровательная двуствольная свирель — и начал играть какую-то задушевную мелодию. Одна из трубок издавала высокий звук, другая пела басом. Казалось, первый голос принадлежит молодой девушке, она плачет и стонет, а бабушка ее успокаивает. Но свирель снова горестно плачет, как бы говорит, что без воды не будет и жизни, у бедняков нет воды, нет воды, нет воды... О боже, о боже, о боже! Сжалься над нами. Наполни арыки водой. Пусть напьются люди, пусть живут!.. О боже!

Мелодию этой песни и исполнял Садык на своей двухтрубчатой свирели.

— Ну, что скажешь? Сделал ли я успехи по сравнению с тем разом, когда ты меня слышал?

— Несомненно! Ты стал мастером. Твоя игра волнует.

— Вот и мама говорит... Ее свирель доводит до слез. Но отец не очень-то поощряет, говорит — лучше бы дров принес или травы накосил, чем на дудке дудеть.

— Так же и у нас в доме. Мать любит музыку, голоса дутара, танбура или ная вызывают слезы на ее глазах. А отец слишком уж поглощен мыслями о делах. Его волнует коммерция. И люди у него бывают деловые. А мать приглашает учительницу, и они, собравшись вместе, играют, поют, говорят об искусстве...

— Ты говоришь, что отец поглощен заботами о торговле. А у богатых всегда так: у них больше забот, чем у нас. Они вечно думают, что там в лавке, когда придет товар, что нужно сделать в саду. Вечно беспокоятся о ценах, о деньгах, о базаре, о вещах... У бедняков же одна забота — как прожить сегодняшний день. Нам не страшны ни воры, ни грабители — брать-то у нас нечего! Не приходится и думать о земельных участках. Мы благодарим бога, если прокормимся сегодня, а о том, что будет завтра, не задумываемся... Э, будет день — будет и пища, как говорится...

— Ты рассуждаешь, как взрослый,— усмехнулся Халимджан.— От кого это слыхал?

— Отец говорил... Ну, пошли, покажу тебе трость... для тебя же ее сделал!

Юноши подошли к дому Садыка. Во дворе стоял страшный шум: кричали, ругались, кто-то плачущим голосом выкрикивал проклятья. Во дворе Халимджан и Садык увидели такую картину: со всех сторон сбежались соседи, отец Садыка сидел на суфе, из раны на голове сочилась кровь, кто-то прикладывал к ней пепел от сожженного войлока. Мать, рыдая, сказала Садыку, что отца жестоко избили у арыка, у ворот распределителя.

— Но ведь была наша очередь на воду,— изумился Садык.

— Сейчас, сынок, право сильнейших,— резко сказал его отец и, увидев Халимджана, еще резче воскликнул: — Вот слуга этого барчука избил меня и отнял воду!

— Мой слуга? — недоумевая, спросил Халимджан.— Кто же?..

— Имени его я не знаю... Пойдите и сами узнайте! Лучше бы мы жили где-нибудь рядом с нищими, с кафирами, чем с баем...

Халимджан минуту постоял в нерешительности, потом круто повернулся, выбежал со двора и помчался в свой сад. Садык в это время поливал из кумгана окровавленные руки отца.

— Отец,— сказал он,— Халимджан — мой друг! Ручаюсь, что он ничего плохого не сделал... и не сделает!

— Погоди, сынок, вырастет твой друг и тебя же побьет той самой тростью, которую ты для него вырезал. Не зря народ говорит: волчонок вырастет — непременно волком станет!

Садык в ответ твердил уверенно и упорно:

— Нет, нет, не волк он и волком никогда не будет!

Так препирались отец с сыном. А тем временем кипящий гневом Халимджан вбежал в свой сад. У ворот стоял фаэтон его дяди Самада, и кучер, набрав ведро воды из полноводного арыка, тщательно мыл его и приводил в порядок.

— Это приехал мой дядя? — спросил Халимджан.

— Да, ваш дядя... Отдыхает в беседке...

Беседка была сооружена недавно из добротных деревянных досок и походила больше на маленький домик. Ряд миндальных и айвовых деревьев и густые кусты ярко-красных роз скрывали ее от глаз гуляющих в саду, от входа в сад. Эта часть сада у ворот считалась мужской половиной. Женщины, гулявшие по саду, могли быть спокойны: никто их не увидит, они отгорожены от мужчин, находящихся в беседке.

Халимджан решительно ринулся к беседке. Там, рассевшись на мягких одеялах, сидели Самадходжа и его старший сын, они играли в карты.

Отдавая дань приличиям, Халимджан вежливо поздоровался, но тут же резко спросил:

— В этом арыке не было воды, откуда же она появилась?

Лицо Самадходжи выражало полное недоумение.

— То есть как откуда? Мы приказали слуге, он пошел и пустил. Ты, видно, плохо соображаешь...

— Сегодня очередь Садыка, воду должны были они получить. А вы приказали провести воду в этот арык. И ваш слуга точно исполнил ваше приказание... Более то-

го — он не только повернул воду, он еще разбил голову отцу Садыка. Мы не хотим пить окровавленную воду!

— Что ты болтаешь, племянничек? — зло усмехнулся Самадходжа.— Дался тебе этот Садык! Да кто он такой, в конце концов! Вода эта божья, а не чья-то...

— Нет, у нас на нее очередь, потому что сразу на всех не хватит! Пойду скажу отцу, он не допустит насилия, не захочет прослыть убийцей.

Самадходжа молчал. В его руках дрожали карты, он бросил их на ковер. Карты поднял его сын. Сквозь едва пробивающиеся усики выползала ядовитая усмешка. Он быстро и аккуратно сложил всю колоду и сунул ее в карман.

— Ну, уж если мы убийцы, так беги и докладывай миршабу [1], а не твоему отцу! Вставай, сынок... Больше ноги нашей здесь не будет!

— Бросьте, отец, стоит ли обращать внимание на слова этого глупого мальчишки? А вы еще обижаетесь. Он недостоин этого!

— Сами вы поступили недостойно! — резко воскликнул Халимджан.— И потрудитесь поскорее убраться отсюда. В нашем саду чтоб и духу вашего не было!

— Ну, погоди, щенок, так тебя стукну, что пылинки от тебя не останется! — прокричал яростно Самадходжа. Он было замахнулся на него кулаком, но, увидев сверкающие гневом глаза племянника, ударить побоялся. Только пробурчал: — Вот еще борец за справедливость!..

— Если вы меня хоть пальцем тронете, вам несдобровать. Все угнетенные, обиженные вами поднимутся на мою защиту. Да, да, возьмут в руки кетмени, топоры, ножи, и от вас с вашим сыном, слугами, фаэтоном только мокрое место останется! Стоит мне хоть слово сказать,— они только и ждут этого. Убирайтесь, чтобы не было драки.

Увидев, какой оборот принимает дело, папенькин сынок резво вскочил на ноги и быстро-быстро побежал к воротам; за ним, тяжело ступая, шагал его отец. Он что-то бурчал, ругался и отплевывался.

Лошади еще не были распряжены, и через минуту фаэтон двинулся с места. Халимджан облегченно вздохнул.

---

[1] Миршаб — старший начальник ночного дозора эмирской полиции.

К нему подбежал услышавший крики садовник и взволнованно спросил:

— Что случилось, мой господин?

— Поскорей собирайтесь, отведите воду в сторону огорода Садыка!

Халимджан говорил так решительно и резко, что садовник, пробормотав лишь: «Хорошо, хорошо», взял кетмень и ушел.

Халимджан, глубоко задумавшись, пристально смотрел на журчащий арык. Вода была мутной, нечистой, но в то же время целительной. Души дехкан радуются при виде воды, каждая капля ее — жемчужина, источник благополучия для народа, особенно для бедняков. А Самадходжа для того, чтобы помыть свой фаэтон и насладиться ее прохладными струями, отбирает до последней капли воду у труженика, который по праву должен был сегодня пользоваться водой! Мало того, что он отвел воду, он еще избил бедняка до крови за то, что тот выразил неудовольствие. Его мелкой, эгоистичной душонке важнее то, что приносит час удовольствия, чем жизнь многих тысяч тружеников. Бездушный человек! И сколько еще таких есть на свете!

Уровень воды в арыке все понижался и понижался, и в конце концов вода вся ушла. «Ага,— подумал Халимджан,— значит, садовник перевел воду к соседям». Подле водоема он встретил мать и сестер. Они уже обо всем знали.

— Ах, сынок, какой ты добрый, справедливый! Хорошо поступил, правильно! — Мать погладила сына по голове.

Робия хорошо знала доброту брата, его взгляды на жизнь. Он не допустит, чтобы она страдала, он, конечно, будет на ее стороне. Он жалеет ее и непременно поговорит с отцом...

Так и вышло. Случай вскоре представился. В гостиной сидели вдвоем отец и сын. Для Ахмадходжи это было теперь обычное времяпрепровождение. Вернувшись из Москвы больным, он никуда не ходил, большую часть дня проводил в гостиной. Его навещали друзья, и день проходил в беседе с ними. В тот день никто не пришел, но он получил письмо из Москвы, которое по слабости зрения сам прочитать не мог. Он позвал Халимджана, чтобы тот прочитал ему вслух. Письмо оказалось от московского врача, лечив-

шего его там. Врач напоминал ему, какой он должен соблюдать режим, чтобы не заболеть снова. Прежде всего не волноваться, не нервничать, почаще и подольше отдыхать. И все в таком духе...

— Вот что, сын мой,— сказал он,— я плохо себя чувствую. Хотя врачи поставили меня на ноги, но боли продолжаются... Опасаюсь, что дети мои останутся сиротами.

— Господи помилуй, да что вы такое говорите? Вы еще крепки и не стары. Это врачи вас запугали, чтобы набить себе цену.

— Дай бог, чтобы ты оказался прав!.. Но, во всяком случае, пока я жив, я должен выполнить еще два дела на земле. Во-первых, выдать замуж твою сестру Робию, во-вторых...

— Да, я узнал, что...— перебил Халимджан отца и тут же умолк.

— Ничего, говори, говори... Что ты хотел сказать?

Халимджану пришлось сделать над собой усилие, чтобы сказать:

— Говорят, что вы намереваетесь выдать Робияхон замуж за Хамидхана?

— Ну и что ж, сынок, лучше его не найдешь!..

— Но Робия не хочет.

— Э, сынок, девушки капризны... никогда сразу не дают согласия... Ты еще в этом не разобрался.

— Нет, отец, это не так! Робия говорила со мной откровенно, всю душу открыла. Ей не нравится Хамидхан, она не может даже думать, что он станет ее мужем!

— Ну, а что мне делать? — воскликнул Ахмадходжа и сразу умолк, призадумавшись.

Его угнетала мысль о неустроенной судьбе дочери, обидно было, что только родственнику может ее предложить в жены.

— Где найти такого человека, который понравился бы ей? Хамидхан, по крайней мере, порядочный человек, наш родственник! Он скромен, беден... Я ему охотно помогу стать на ноги. Он в тысячу раз лучше зазнавшихся, глупых папенькиных сынков, которые выросли в роскоши и богатстве и думают, что так и полагается. Они ничего не хотят делать, только проживать отцовские деньги и кутить! Робия — глупенькая девушка, она всего этого не знает и не понимает. Вот ты — другое дело. Ты должен понять и меня: я уже сказал тебе, что хочу выдать Робию замуж,

проводить ее в дом мужа, тогда и умереть не страшно... Вот так, сын мой!

— Все это верно, отец! Но если Робия будет несчастна в этом браке, то вы же будете расстроены и огорчены... Неужели нет другого выхода из положения?

— Это все, что я вижу,— грустно ответил отец. Голос у него был усталый, надтреснутый.— Если Хамидхан хоть немного будет следить за своей внешностью, ну, принарядится, что ли, он может понравиться Робии. Ты не волнуйся, сын мой, все образуется. День и ночь благодарю бога за то, что он послал мне тебя. На тебя все надежды мои! Ты мой наследник и станешь хозяином моего добра... Тебе придется опекать своих братьев и сестер. Поэтому выслушай меня внимательно. Прежде всего надо объяснить глупой Робии, что лучшего мужа, чем Хамидхан, ей не найти. Он — ее судьба, ее счастье. Он будет ее на руках носить. Будущая свекровь относится к ней доброжелательно и сердечно, поможет и по хозяйству. Их дом стоит неподалеку, к тому же начали строить новый, как достроим его, сыграем свадьбу.

Халимджан призадумался. В общем, отец говорит убедительно, по-видимому, он прав.

— Хорошо, отец, я поговорю с ней.

— Вот-вот, на тебя вся моя надежда! И когда мы закончим это дело, то отправимся с тобой в хадж![1] Хочу побывать там, пока жив.

— А как с моим ученьем? — встревожился юноша.

— Вернемся, и ты продолжишь свои занятия. Само путешествие расширит твои представления о мире, о людях, явится хорошей школой для молодого ума.

— Но, отец, вы еще не совсем оправились после болезни... А дорога не близкая, трудная...

— Уповаю на божью милость. Как выйдем в путь к святым местам, все болезни уйдут, как рукой снимет...

— О, если бы!

Все шло как по расписанию. Настал день, и в большом дворе праздновали свадьбу. Певцы пели, музыканты играли, суетились слуги, то и дело приходили новые гости, угощались всевозможными яствами, произносили молитву и уходили, предоставляя место новому потоку гостей.

Гости заняли и малый внутренний двор. Все комнаты

---

[1] Хадж — паломничество в Мекку.

и большой зал были полны людей. Музыканты яростно били в бубны, танцоры плясали, на широко раскинутые достарханы ставились все новые блюда.

А в новом доме, выстроенном для молодых супругов, хлопотали родственники и самые близкие друзья. Они украшали стены комнат рисунками, мастерски исполненными кистью художника. Особой роскошью отличалась комната молодых. Пол был покрыт красивым ковром, называвшимся «кизиласк», в одном из углов висели «чимилик» — свадебные занавески, за ними сидят молодые во время свадебного пира. Вдоль стен натянуты веревки, на которых висит женская одежда — атласные, бархатные, парчовые, расшитые золотыми нитями платья, платки. Это богатое приданое преподносит жених невесте. А развесили наряды так, чтобы гости видели — жених у девушки не бедняк. На гвоздях, вбитых в стену, красовались наряды жениха — камзолы, искусно расшитые халаты. Женщины все еще убирали и украшали помещение.

Соседняя комната, чуть меньше этой, предназначалась матери жениха.

Сейчас за достарханом сидели Самадходжа, Хамидхан и его мать и мирно беседовали.

— Милый племянничек! — сахарным голоском говорил Самадходжа.— Всей душой радуюсь, что ты стал зятем Ахмадходжи. Тебе на долю выпал счастливый жребий!

— Кто знает, дядя,— с раздумье сказал молодой человек.— Главное, чтобы я понравился невесте, чтобы наши звезды сошлись. Иначе счастья не будет.

— Э, что там невеста! Главное — деньги, богатство. А сойдутся ли ваши звезды или нет, тебя это не касается. Ведь ты будешь хозяином всех ее богатств.

— А что это за богатство у моей жены?

— У ее отца много денег и большое имущество. Столько всего, что не найдешь куда класть. Даст бог, станешь скоро богачом, будешь жить припеваючи...

Хамидхан усмехнулся каким-то своим мыслям и промолчал. Тут заговорила его мать, не проронившая до того ни слова:

— Ты не смейся, сынок, дядя правильно говорит: имея деньги, ни в чем нуждаться не будешь, жизнь улыбнется тебе, да и к концу ее подготовишься прилично... Вот подумай, твой дядя Ахмадходжа намеревается пойти паломником в Мекку, замаливать свои грехи у божьего порога.

Многие бы хотели, да не каждому то доступно. Путь из Бухары в Мекку не дешево стоит. А при деньгах сможешь богу долг отдать и местечко в раю получишь!

— Это, значит, правда, что братец хочет в Мекку отправиться? — удивился Самадходжа.

— Правда! Говорит, что сразу после свадьбы и поедет.

— Но ведь он еле ходит, неужели один пойдет?

— Не знаю...

— А впрочем, пусть идет! Ведь говорят, что тот, кто умер по пути в Мекку, получает сан святого,— сказал Самадходжа.

Он совершенно к этому времени обанкротился и погряз в долгах. Единственную возможность выкрутиться из этого положения он видел в наследстве богатого брата. Днем и ночью молил он бога, чтобы прибрал Ахмадходжу поскорее к себе и он стал бы тогда единственным наследником. Из шариата он знал, что, если сыновья покойного еще не достигли совершеннолетия, единственным наследником всего имущества остается брат. Узнав о том, что Ахмадходжа собрался совершить хадж, он очень обрадовался, уверенный в том, что брат не выдержит трудного пути. Он предвкушал радость при получении вести о смерти брата.

К Ахмадходже за день до отъезда в Мекку пришел врач, постоянно лечивший его. Выходец из Индии, он уже много лет жил в Бухаре.

— Вот хорошо, что вы пришли, я уже собрался послать за вами. Нужно ведь перед таким далеким путешествием человеку моего возраста посоветоваться с врачом, запастись лекарствами.

— Конечно! Я готов дни и ночи думать о вашем здоровье, мой господин!

— Спасибо, господин хаким[1]. Я вам очень за это благодарен. Что же вы мне посоветуете, какие лекарства принимать, чтобы живым и здоровым добраться до священного места?

Лекарь замялся и в раздумье сказал:

— По правде говоря, господин бай, путешествие это будет трудно вам перенести... Но нужно уповать на все-

[1] **Хаким** — врач, исцелитель.

вышнего... Если бог смилостивится, вы преодолеете все трудности. Но для этого вы должны и сами себе помочь — вселите в сердце свое уверенность, что все будет хорошо, храбритесь, не падайте духом. Вот я приготовил для вас лекарства, поглядите. Это шербет должен помогать желудку при переваривании пищи, а это снадобье — для укрепления сердечной деятельности... Эти таблетки — новое лекарство, вы его еще не принимали, оно успокаивает нервы...

Говоря все это, лекарь вытаскивал из своего мешочка лекарства, клал перед собой.

— Согласно нашим правилам,— продолжал он,— я обязан принять в вашем присутствии по одной дозе от каждого, дабы вы были уверены, что они не ядовиты.

— Нет, нет, незачем,— отмахнулся Ахмадходжа. Он доверял этому врачу.

Но тот все же налил в пиалу шербет, закрыв глаза, взял первую попавшуюся из кучки таблетку и запил ее. То же самое он проделал и с другими лекарствами. Покончив с пробой, врач, улыбаясь, поклонился пациенту и сказал:

— Я бы с радостью проводил вас, мой господин, и сопровождал до Кагана, но, к сожалению, расхворался господин судья из Гиждувана, и я должен сегодня же съездить туда, осмотреть больного.

— Ничего! Хорошо, что вы пришли и снабдили меня лекарствами.

Ахмадходжа тщательно осмотрел пакетики с лекарствами и протянул лекарю золотую пятирублевку.

Врач еще раз проверил пульс у пациента, надавал ему еще много разных советов, откланялся и ушел. Направился он прямо к себе домой, в квартал Мехчагерон. Там его уже ждали. В гостиной сидел Самадходжа.

— Ну что? — нетерпеливо воскликнул он.— Отдали ему все?

— Отдал все и, чтобы у него не было никаких подозрений, отведал при нем от каждого.

— Как? И таблетку съели?

— Да, и таблетку!

— Что же теперь будет?! Вы либо умрете, либо таблетки ваши никуда не годятся!

— Не беспокойтесь — и я не помру, и таблетки свое дело сделают! Я предварительно принял противоядие... За такие дела надо браться умеючи.

— Ну, вы мастер на все руки! — восхищенно сказал Самадходжа.— Вот вам аванс — пять золотых пятирублевок.

Лекарь спрятал деньги в кошелек и тревожно спросил:

— А письмо?

— Позора боитесь? — насмешливо просил Самадходжа.

— Как же, народ мне верит, со мной считаются.

— Хорошо, вот вам и письмо!.. Но учтите — я не пощажу вас, если окажется, что вы меня обманули. У меня есть сотня способов доказать ваше преступление.

Лекарь промолчал и сосредоточенно начал читать письмо. Вот что там было написано:

«Высокочтимый господин, уважаемый друг Салохиддин! Позвольте сообщить вам, что все мы живы и здоровы и молимся за вас денно и нощно, чтобы бог дал вам долгую жизнь, чтобы сопутствовала вам во всем удача! А еще сообщаю вам, что пишет один из ваших верных друзей, ваш покорный слуга и доброжелатель, один из тех, кто рьяно молится за ваше здоровье. Каждый ваш успех, каждое достижение делает нас счастливыми и гордыми, каждая ваша неудача, каждая брешь в делах — это и наше горе! Поэтому я обязан, хотя и неловко об этом говорить, сообщить вам, что здесь, в благородной Бухаре, ложится темное пятно на вашу честь, что кое-кто соблазнил непорочную до сего времени вашу жену. Это было обнаружено и установлено вашим покорным слугой и другом следующим образом. В Бухаре проживает лекарь по имени Мухаммад Каримхон, он не то индиец, не то афганец, он лечит моего старшего брата Ахмадходжу. Болезнь моего брата затянулась, и я решил незаметно последить за лекарем, узнать, как он ведет свои дела, прийти потом открыто к нему домой, спросить, как он находит здоровье брата. И вот я стал следить. Однажды, когда он вышел со двора, я тут же последовал незаметно за ним. И вот я увидел, что он пошел по вашей улице, остановился, осмотрелся внимательно вокруг и затем вошел в ворота вашего дома. Я был крайне удивлен, так как знал, что вы отстутствуете. Я затрепетал от страха, не знал, что и думать, может, заболела ваша непорочная жена и пришлось вызвать лекаря?.. Так или иначе, я счел необходимым узнать истинное поло-

жение вещей. Но когда я подошел к воротам, они оказались закрытыми на засов изнутри. Я задрожал от негодования. По соседству с вашим домом проживает один мой приятель, Абдурасул Намак, вы его, конечно, знаете. Я постучался к нему. Он сам мне открыл калитку. Взяв с него слово молчать, я должен был выложить все, объяснить мое внезапное появление. Он все понял с полуслова. Мы вместе поднялись, заглянули в ваш двор... Врагу вашему я не пожелаю увидеть то, что мы там увидели. Наша чистая, непорочная жена вышла из дому, обнявшись с лекарем, проводила его по дорожке до ворот, на прощание поцеловала его и вернулась в дом. Можно понять, что там только что происходило! Зная хорошо твердый характер вашей жены, ее сильную волю, ее преданность богу и его заветам, понимаю, что она ни в чем не повинна: это все должно быть на совести у коварного, хитрого лекаря! Это он опутал ее колдовскими чарами, дал ей какого-то дьявольского снадобья и поймал в свои сети. Так или иначе, произошло нечто для нас всех оскорбительное! Так как это дело касается прежде всего вашей личной чести, то я счел своим долгом рассказать вам о нем со всеми подробностями. А как быть дальше, решайте сами, мы, ваши друзья, готовы исполнить все ваши распоряжения и приказы.

Ваш покорный слуга *Мулло Самадходжа*».

Лекарь задумчиво посмотрел на Самадходжу.

— Ну что, прочитали? — живо спросил тот.— Имейте в виду, если это письмо попадет в руки Салохиддину, то вам не сносить головы! Будь их у вас хоть сотня — каждой достанется!

— А вы, оказывается, злой человек, нехороший... Это я теперь понял!

— Как говорят, голодный может и на обнаженный меч броситься. Другого выхода у меня нет. И не забывайте, что мы теперь связаны одной веревочкой. Если будете держать язык за зубами, промолчу и я... Но если хоть словечко оброните, то... пеняйте на себя! Да,— воскликнул Самадходжа,— сколько ног у курицы?

— Одна [1].

[1] Так отвечают на подобный вопрос, когда хотят держать что-то в секрете.

— Правильно! Не забывайте только — до завтрашнего вечера вы сидите дома, вас нет, вы уехали в Гиждуван.

— Помню, помню!

Ахмадходжа и Халимджан отправились к святым местам. В большом доме стало тихо и безлюдно. И Алимджан больше не резвился, он как-то сразу повзрослел, стал замкнутым, мрачноватым.

Зато Самадходжа, очень редко заходивший раньше в этот дом, стал наведываться чуть ли не ежедневно. Он часами сидел в гостиной, принимал там агентов по торговым делам и других людей его старшего брата. Вел себя так, словно брат поручил ему это, и все кругом, даже посторонние, говорили, какой он замечательный родственник. Только Хамидхан и его мать понимали, что это хитрость, что им движет какая-то корыстная цель. Оставаясь друг с другом наедине, они часто обсуждали поведение этого хитреца. Робия при разговорах не присутствовала, она предпочитала проводить время с матерью, с родственниками.

— Что-то дядя Самадходжа стал частенько наведываться сюда,— говорила Хамидхану мать.

— Да, он ходит в большой двор.

— Конечно, что ему делать с нами? Что ему за польза от твоих учебников и книг!

— А какая выгода ему в большом дворе?

— Это напоказ, перед людьми выставляет себя: вот какой я заботливый дядя. Ты еще узнаешь, что он за штучка! Дармоед, прокутивший все свое состояние!.. Теперь он зарится на деньги старшего брата, хочет стать его единственным наследником, заграбастать все себе.

— Но есть ведь шариат, законы, судьи, справедливость!..

— Как ты наивен, сынок, ты незнаком еще с проделками жуликов. Самадходжа из тех, кто пальцем не пошевельнет, шагу не сделает туда, где нет ему выгоды. А если что заинтересует его, на все пойдет, никого не пожалеет, не окажет снисхождения ни сестре, ни брату, ни племяннику!

А Самадходжа был в тревоге. Нервы вконец расстроились, от этого он становился еще безжалостней и бездушнее. Да и было от чего расстраиваться: от Ахмадходжи вестей не было, кредиторы насели с небывалой силой, заяви-

ли, что передают его дело в суд. А это значит: сразу его с семьей выселят из дома и заберут все имущество. Он себя чувствовал униженным, как собака, которая лижет хозяину ноги, виляет хвостом. И ему надо умолять, павши на колени, чтобы не задушили его, дали еще раз отсрочку, хоть на один месяц.

Месяц он получил, но это его мало успокоило, он понимал, что за месяц денег на расплату с долгами не соберешь, откуда они придут к нему. Надежда была только на капиталы брата, но он почему-то все больше сомневался в удачном исходе задуманного им преступного плана. По ночам его мучила бессонница. Осенние ночи были длинными, холодными, страшными... В оконные щели с воем врывался ветер. Он бил в окна шелестящими листьями, сорванными с одинокого тутовника и виноградников, потом бросал их с шумом на землю. Стонали двери, раскачиваясь, гудели обнаженные ветви деревьев. То громко, то еле слышно позванивали оконные стекла. Иногда слышались чьи-то шаги на крыше.

От всех этих звуков Самадходжой овладевал непреодолимый страх, его била дрожь, и он никак не мог заснуть. Он без конца задавал себе вопрос: почему никогда ничего подобного не испытывал? Год назад такой же сумрачной осенью он не слышал этих беспокойных голосов природы. И не подозревал, какими долгими, холодными, мрачными бывают осенние ночи!

И понятно, почему так получилось: тогда он был со средствами, он занимался коммерцией, имел прочный оборотный капитал. Сознание этого давало ему чувство покоя. А теперь, когда он в долгу как в шелку, когда кредиторы душат его, он не имеет ни минуты покоя. Он нищий, нищий... Будь проклята эта коммерция! Одного она поднимает до небес, другого отбрасывает далеко назад, третьего просто убивает. Ах, почему он не выбрал себе другое занятие в жизни? Лучше был бы чиновником или миршабом. К чему он занялся торговым делом, не умея вести борьбу с конкурентами, ловчить, изворачиваться! Какое поражение! Он потерял все! А старший братец, бессовестный Ахмадходжа, отказывается ему помочь какими-то жалкими несколькими тысячами рублей! Он бы несомненно тогда смог вырваться из этого адского водоворота. Тех денег, что он предлагает, хватит лишь на несколько дней жизни. А нужна большая сумма, чтобы выкарабкаться из

долгов и вновь заняться коммерцией. Большие деньги с неба не падают, их можно обрести или от удачной крупной сделки, или от не менее крупной кражи, или получив большое наследство. Сейчас он готов пойти на все, ни от каких средств не откажется, лишь бы добыть нужную сумму. Все зависит от задуманного плана. Если он будет удачно выполнен — наследство в его руках. Но нужно поторопить события. Ведь если брат умрет, когда его сыновья станут совершеннолетними, наследство будет разделено между всеми родственниками, ему достанется небольшой куш. У Ахмадходжи куча родственников. Четыре сына, дочери, четыре жены, сестра, зять... да еще, кто их знает, найдутся... Чтобы всех удовлетворить, не хватит и богатства легендарного Коруна! Нет, нужно что-то предпринять и овладеть всем наследством. А когда он насытится, можно немного и им всем оставить, пусть поклюют. Господи, помоги мне! Сделай так, чтобы наследство брата целиком досталось мне! Молю тебя, спаси меня от унижений и обид.

С такими мыслями он засыпал и просыпался. Его одолевали кошмары. Порой ему снилось, что он проваливается в яму, наполненную золотом. Он хватал его обеими руками и совал куда попало — в карманы, за пазуху, в рот. То ему снилось, что он босиком, с непокрытой головой бежит за телегой, везущей золото; бежит, бежит, но догнать никак не удается... Он теряет последние силы, задыхается и падает на землю, твердую как камень. Эти кошмары доводили его до изнеможения. Утром он просыпался с тяжелой головой, вспотевший, усталый.

Утро, о котором пойдет речь, было безоблачно, на синем небе сияло золотое солнце, легко дышалось — чист воздух осеннего дня. Самадходжа даже приободрился, с аппетитом позавтракал и стал размышлять, попивая зеленый чай. Нужно действовать, думал он, под лежачий камень вода не течет, как говорится... Бездельничая, ничего не добьешься...

Зайдя в чулан, он порылся в старом тряпье, лежавшем кучей в углу, и извлек оттуда небольшой кувшин, а из кувшина — десять золотых монет по десять рублей, десять пятирублевых, одно кольцо с алмазом и одно с бриллиантом. Взяв две десятирублевки и десять пятирублевых мо-

нет, он положил все остальное обратно в кувшин, завязал горлышко и сунул обратно в кучу тряпья. Потом он вышел из чулана, запер дверь на замок и ушел из дома. Во дворе он встретил жену и сказал ей:

— Если кто придет ко мне, скажи, что не знаешь, куда пошел. А после обеда я буду в большом дворе.

Жена кивнула головой и заперла за ним входную дверь.

Пробираясь переулками, Самадходжа быстро дошел до здания суда. У ворот он спросил, где сейчас главный судья и принимает ли он посетителей. Оказалось, только что окончился урок по предмету, который он преподавал, и господин судья в канцелярии беседует с раисом [1].

Самадходжа быстро прошел в переднюю перед канцелярией и, увидев, что посетителей больше нет, спросил у находившегося здесь чиновника, может ли судья его принять. И, даже не выслушав ответа, вынул из кошелька несколько серебряных монет, сунул их чиновнику в руку и поглядел на него, приветливо улыбаясь. Чиновник бросил беглый взгляд на монеты и спокойно положил их в карман.

— Что прикажете? — подобострастно спросил он.

— Но смею ли я приказывать? Прошу лишь, если нетрудно, передать небольшую вещицу господину ишану и сказать, что с просьбой принять его пришел младший брат Ахмадходжи Самадходжа.

— Сейчас передам!

Чиновник живо вскочил с места и направился в канцелярию. А Самадходжа ощупал внутренний карман своего халата и, убедившись, что золотые, завернутые в бумагу, лежат на месте, присел, спокойно ожидая приема. «Подарок для кушбеги[2] обеспечен»,— подумал он с уверенностью в успехе своего дела.

Тем временем чиновник был уже у судьи и, наклонившись так, чтобы не заметил раис, передал ему завернутые в бумагу золотые. В глазах у судьи заискрились веселые огоньки, когда он заглянул в полуоткрытый сверток.

— Господин Самадходжа пришли,— елейно доложил чиновник.— Говорят, дело до вас есть,— сказал он, отвечая на немой вопрос судьи.

---

[1] Раис — контролирующий религиозные законы в старой Бухаре.

[2] Кушбеги — самый высокий чин в государственной канцелярии бухарского эмирата.

— Пусть войдет,— сказал судья и, обращаясь к раису, добавил:— Это младший брат Ахмадходжи, Самадходжа. Думаю, он собирается просить, чтобы мы объявили его единственным наследником старшего брата.

— Вы просто ясновидящий, мой друг,— с искусственной улыбкой сказал раис.

— О, ваше сиятельство, вы на этом деле не потеряете...

В этот момент в комнату вошел Самадходжа. Быстрым шагом он подошел к судье, схватил его руку и, в знак высшего почтения, провел ею по своим глазам. Затем повернулся к раису, поклонился ему и, сев недалеко от входа, опустил голову.

— Господин Самадходжа, как поживаете?

— Слава богу! Под сенью вашего сиятельства, по милости и щедрости моего ишана, хорошо.

— Насколько нам известно, ваш брат Ахмадходжа отправился паломником в Каабу. Есть ли от него какие-нибудь вести?..

— К сожалению, никаких вестей от него нет,— холодно сказал Самадходжа.— Он уехал, не совсем оправившись после болезни... Боюсь, как бы снова не расхворался!

— Бог — покровитель рабов своих,— сказал судья,— он не допустит такой несправедливости... Даст бог, и ваш брат достигнет исполнения своего заветного желания!

— Аминь! — воскликнул с чувством Самадходжа.— Но я все время волнуюсь... все мне кажется, что с братом произошло какое-то несчастье. Мне снятся страшные сны, кошмары... И вот я пришел к вашему сиятельству за советом: как быть, если с братом что-нибудь случится?

— Будем говорить прямо: вы хотите, чтобы вас признали наследником...

— Его сыновья еще не совершеннолетние,— смиренно сказал Самадходжа.— Боюсь, что мои недруги воспользуются моментом и принесут мне несчастье.

— Та-ак! — многозначительно произнес судья.— Вот сидит господин раис... Необходимо с ним посоветоваться, получить его разрешение. Конечно, и господина кушбеги.

Раис, видимо, был подготовлен к приходу Самадходжи.

— Непременно, непременно поддержим вас,— приветливо сказал он.— Я вижу, что вы смотрите далеко вперед.— А про себя он думал: «Богатым халва достается, а бедняку — палки. Немалую взятку получит от этого господина ишан... Да и кушбеги с удовольствием примет

дары... А писать исковое заявление и ставить печать только мне придется. Правда, надеюсь, что и мне кое-что перепадет...»

— Будьте здоровы, ваше сиятельство! — сказал, вставая, Самадходжа. Он понял, что прием закончен.— Конечно, я отблагодарю вас, господин раис! Я надеюсь на вашу щедрую милость и верю в ваше доброе ко мне, слуге вашему, расположение. Хочу так же навестить господина кушбеги.

Самадходжа явно намекал на взятку.

— Правильно! — поддержал его намерение раис.

— До свидания!

В веселом настроении вышел из здания суда Самадходжа и направился к Арку.

* * *

Примерно в это же время из Москвы в Одессу мчался с быстротой ветра скорый поезд. В вагоне первого класса занимал для себя и для сына два отдельных купе Ахмадходжа. Время было за полдень. Низко стлались хмурые облака, дождь обильно поливал вагонные окна.

Ахмадходжа, лежа на низком диване, следил за играющими в шахматы Халимджаном и соседом по вагону, известным врачом одесского военного госпиталя. Их знакомство началось с того, что Халимджан предложил ему сыграть в шахматы. Врач Иван Иванович охотно принял предложение. Сначала он решил, что юный Халимджан не является сильным соперником, и играл небрежно, уверенный, что в несколько ходов обыграет его. Не тут-то было! Халимджан очень быстро объявил ему мат. Он не верил глазам своим: его, известного в Одессе шахматиста, обыграл какой-то смуглолицый молодой человек. И как быстро, и как легко!

— Дорогой мой,— обратился к нему Иван Иванович,— вас, кажется, зовут Халимджан? Вы, оказывается, очень хорошо играете в шахматы!

— В Бухаре много прекрасных игроков, есть у кого поучиться,— скромно ответил Халимджан.

— А вы считаете себя только учеником?

— Да, я пока еще ученик.

Иван Иванович, улыбаясь, расставлял фигуры на доске. Теперь он играл очень внимательно, осторожно и вы-

играл. Началась третья партия. Ахмадходжа со своего ложа внимательно следил за ходом игры и, увидев, что Халимджан решительно идет к победе, недовольно пробурчал:

— Пусть лучше будет ничья! А так — нехорошо получается...

Халимджан понял намек — нехорошо обыгрывать старшего, и через несколько ходов была ничья. Иван Иванович действительно был обеспокоен, считал себя проигравшим и очень обрадовался такому исходу. Он стал расхваливать Халимджана. Потом, взглянув на повернувшегося к спинке дивана Ахмадходжу, тихо сказал:

— Кажется, ваш отец засыпает... Выйдем, не будем ему мешать.

Они вышли из купе и тихо закрыли за собой дверь.

— Мне кажется, что ваш отец не совсем здоров? — участливо спросил Иван Иванович.

— Да, болеет,— с грустью сказал Халимджан,— он после длительной болезни несколько месяцев лежал, только недавно немного поправился.

— Куда же вы его такого больного везете? Ему что, одесский санаторий советовали или специальную лечебницу?

— Нет, мы едем за границу, в Мекку, паломниками...

— В таком состоянии здоровья! — воскликнул врач.— Ему вообще вредно совершать путешествия, а паломником особенно. Я вам не советую пускаться в такой дальний путь... Доезжайте до Одессы и сделайте длительную остановку там. Хорошо бы положить его в какую-нибудь специальную лечебницу. А паломничество никуда не денется.

— Отец не хочет лечиться в больнице. Он верит в снадобья своего индийского лекаря.

— Удивительно! Удивительно и странно, до чего сильны в людях эти предрассудки! Насколько я понимаю, ваша семья не из простых и на нужду вы тоже не можете жаловаться. Вы получили, видимо, хорошее образование. И вот, с одной стороны, знание русского языка, приобщение к европейской культуре, с другой — какие-то снадобья! Мне известно, что ежегодно тысячи мусульман совершают паломничество в Мекку, преодолевая огромные трудности. Но знаю я и то, что большая часть их там погибает. Даже совсем здоровые люди заболевают от невыносимо тяжких

условий тамошнего быта. И вы и ваш отец, наверно, все это знаете из рассказов побывавших там.

— Вы совершенно правы, но религия для мусульманина священней всего. Мы верим всем указаниям шариата, стремимся к духовному совершенствованию. Эта вера в религию, вера в то, что каждому мусульманину все предопределено судьбой, совсем иная, чем у европейцев. Я не могу сказать, что мой отец невежественный и суеверный человек, нет, да он и не всегда и не во всем придерживается религиозных предписаний. Но в последнее время, постарев, он все чаще и чаще высказывал свое желание совершить паломничество в Мекку.

Халимджан замолчал, глаза его были задумчивы и строги.

— Знаете,— заговорил он снова,— я бы не удивился, узнав, что его тайное желание — умереть в Мекке и стать святым.

— Как это грустно! — с искренним сожалением произнес Иван Иванович.

— Я надеюсь, что само путешествие, перемена климата и радость от достижения цели пойдут ему на пользу, помогут его исцелению.

— Возможно! Так бывает.

— У меня есть к вам одна просьба,— вдруг, словно спохватившись, сказал Халимджан.— Если вам, конечно, нетрудно, посмотрите лекарства, которые он принимает.

— Пожалуйста. Хотя предупреждаю, что я неважный фармацевт.

В два часа дня в купе, занимаемое Ахмадходжой, вошел сопровождавший их всю дорогу из Бухары повар Мирзо Вафо. Он принес еду: курятину, холодное мясо, сливочное масло, фрукты и сдобные лепешки.

— Как, лепешки еще не кончились? — явно довольный, воскликнул Ахмадходжа.

— Это последние,— ответил Мирзо.

— Ну, ничего,— сказал Халимджан,— купим хлеб на ближайшей большой станции.

— Кстати, в этих краях пекут очень вкусный хлеб,— поддержал его Иван Иванович, приглашенный к трапезе.

Ахмадходжа между тем достал коробочку с маччуном, известным, как укрепляющее лекарство, вынул таблетку, проглотил ее и стал рыться в мешочке в поисках еще какого-то снадобья. Старик явно нервничал.

— Два дня ищу уже и не могу найти,— проворчал он.— В Москве оставил, что ли, или где-нибудь уронил.

— Что вы потеряли, отец? — участливо спросил Халимджан.

— Да вот хорошие таблетки для сердца. Лекарь немало потрудился, пока нашел все, что нужно. Он принес это лекарство лишь за день до нашего отъезда. Я еще ни разу не принимал его, все откладывал, чтобы не растратить до той поры, когда мне станет худо... Сейчас они бы мне и пригодились.

— Что, сердце заболело? — обеспокоился Халимджан.

— Нет, сердце пока ничего... но чувствую какую-то слабость. Ну, надеюсь, пройдет.

— Отец, покажите доктору, какие лекарства вы принимаете. Может, он даст вам совет.

— Ты прав, сын мой,— сказал Ахмадходжа и тут же обратился к доктору:— Прошу вас, ешьте, вот мясо, курятина... Жаль, что нет у нас спиртного, коньяку, вы бы рюмочку выпили. Будем считать, что мы в долгу.

— Что вы! Я не пью. Так не дадите ли посмотреть ваши снадобья? Вот, например, то, что вы сейчас приняли?

— Это маччун. В него входит мед, раствор золота, черный перец и еще и еще какие-то лекарственные травы, всех названий не упомнишь.

Иван Иванович взял одну таблетку, понюхал ее, затем отрезал с разрешения старика кусочек и положил в рот. Пососав ее с минуту, он убежденно сказал:

— Насколько я понимаю, это хорошее лекарство. Оно дается как тонизирующее средство, можете спокойно его принимать.

Ахмадходжа сразу повеселел, заулыбался, даже чуть порозовели его бледные, дряблые щеки.

— Да, индийский лекарь — мастер своего дела! Он сам составляет такие лекарства, которые даже в московских аптеках не найдешь.

— Вполне возможно,— сказал Иван Иванович, отдавая коробочку.

— Жаль, что я забыл в московской гостинице его таблетки! Это одно из новых, сильнейших сделанных им лекарств для сердца. Даже не знаю, что я буду делать, если начнется приступ.

Иван Иванович ласково взглянул на старика и успокаивающе сказал:

— Во-первых, почему вы думаете, что будет припадок? У вас вполне здоровый вид. А во-вторых, позвольте мне пощупать ваш пульс.

Ахмадходжа охотно протянул свою худую руку, и врач, глядя на часы, считал слабые, но ровные удары пульса.

— У вас и пульс неплохой. Не волнуйтесь, лекарство это не понадобится — есть чем заменить. Для сердца есть у меня одно замечательное средство. Я привез его из Германии. Чуть кольнет у вас сердце и вы почувствуете слабость, положите таблетку под язык. К тому же и запах его и вкус не только не противны, но даже приятны.

Ахмадходжа взял дрожащими от волнения руками довольно объемистую коробочку. Растерявшись, не знал, какими словами отблагодарить врача: по-русски ему запаса слов не хватало, по-таджикски — врач не понимает. И он все повторял: «Хорошо, хорошо!..»

Ахмадходжа не хотел умирать — ведь годами он еще не был очень стар, еще многое ему предстояло сделать. Он и в паломничество пустился ради жизни. Он много думал, прежде чем решился на это. И рассчитал так: путешествие внесет некоторое разнообразие в его жизнь. Он засиделся на одном месте. Ему надоели обуревавшие его заботы, люди, говорившие только о делах, или глупцы, ведущие пустые разговоры, раздражающие нервы и сердце... Поехать просто в Москву — это опять же значит заниматься только торговыми делами. Ему нравилось, что его считали опытным и умным коммерсантом, преуспевающим в делах, но жить только этим он не мог, у него были и другие, духовные запросы. И вот паломничество в Мекку поможет их удовлетворить. Он увидит новые места, новые города, новых людей и отдаст свой, святой для каждого мусульманина, долг богу. Это все вместе взятое принесет покой его изболевшемуся сердцу.

А все же нескладно получилось с забытыми в Москве таблетками. «Какой хороший человек наш спутник, доктор, отдал свои исцеляющие таблетки. Он привез их из Германии и отдал. Чем смогу я одарить его за это? Нельзя же предложить ему деньги — обидится...»

Эти мысли очень волновали старика, и вдруг он вспомнил, какие у доктора неказистые часы, и цепочка дешевая, серебряная. Ахмадходжа вытащил свои золотые часы на золотой цепочке и протянул их доктору.

— Не откажите взять от меня на память!

— Нет, что вы,— сдержанно, твердо сказал Иван Иванович.— Мои часы, правда, не золотые, но работы одного из лучших мастеров в мире, Павла Буре.

— Очень хорошо, но мои часы — просто вам на память! Возьмите их, очень прошу!

— И я прошу, возьмите,— подал голос Халимджан.

Краснея от смущения, доктор протянул руку.

— Что ж, возьму, чтобы не обижались... Спасибо!

Часа через два после этого разговора поезд внезапно остановился на незначительном разъезде, где уже несколько лет не останавливались даже товарные поезда. Оказалось, как сообщил проводник, что между этим разъездом и следующей за ним станцией произошло крушение: столкнулись два поезда, много жертв... Пока исправят путь и все приберут, их поезду придется стоять чуть ли не сутки.

— Что поделаешь, жалко очень погибших людей. Но возблагодарим господа, что пока нас миновало,— сказал торжественно Ахмадходжа.— Пусть вагон отапливают, кипятят воду для чая — и с нас довольно! Мирзо, а Мирзо, у нас хватит еще на сутки провианта? Да? Ну и хорошо!

— Но хлеб кончился! — сказал Мирзо.— Мы надеялись на Киев.

— На Киев? — спросил Халимджан.— Там мы теперь будем только завтра ночью. Но неужели здесь где-нибудь поблизости не найдется хлеба? Выйдем поищем... Хорошо, отец?

— Да, да, идите засветло!

Ахмадходжа надел очки и взял подаренную ему доктором коробочку с таблетками.

В поисках хлеба с поезда сошли многие пассажиры. Один из них обратился к местному жителю с просьбой продать ему хлеб, но тот только рукой махнул: сам, мол, ищу!

— Что же делать? Дети голодные сидят,— воскликнул чуть не плача пассажир.

— Жаль, ничего помочь вам не могу.

— А где же вы сами достаете хлеб, продукты?

— Мы? В селе... Да,— воскликнул он,— це ж вы можете теж пойти туда, попросить хлеба. Час вы маете, поезд будет здесь стоять усю ничь.

— Какое село?

— Оно недалече, во-он видно.

Несколько человек решительно двинулись в указанном направлении.

Халимджан и Мирзо последовали за ними. Дождь прошел, небо прояснилось. Село хотя и виднелось с того места, где они находились в данный момент, оказалось значительно дальше, чем они думали. Пришлось не раз переходить с холмов в долину и наоборот, пока они дошли до цели. На бревнах, видимо предназначенных для стройки, сидели несколько человек, с любопытством глядевших на пришельцев. Поздоровавшись с сидевшими на бревнах местными жителями, пришельцы сразу перешли к делу.

— Не продадите ли нам немного хлеба? — спросил один из них.

Сидевшие на бревнах с недоумением смотрели на него.

— Дело в том,— решительно заговорил Халимджан,— что поезд наш вынужден простоять чуть ли не сутки, а у многих не осталось ни кусочка хлеба... Вот мы и просим продать нам, за любые деньги, хлеб!

— Хлеб мы дадим,— усмехнувшись, ответил один из крестьян.— Но я никогда не слышал, чтобы им торговали!..

— Ты, Микола, еще молодой, многого не знаешь,— засмеялся пожилой крестьянин,— в городе не бывал... А там все покупают, и хлеб и воду... Без денег ничего не получишь!

— Как это, воду продают? — спросил другой юноша.

— А так, наливают в бутылки и продают.

— Интересно! — воскликнул Микола и побежал в хату.

Довольно скоро он вышел оттуда, с трудом неся три буханки свежеиспеченного хлеба. Следуя его примеру, и другие крестьяне принесли по стольку же, а старый крестьянин сказал добродушно-насмешливо:

— В карманах не ройтесь, денег не ищите!.. Хлеб не продают, грешно!

Халимджан с Мирзо пришли к себе на полустанок уже в темноте. Но юноша сразу узнал своего отца, беспокойно ходившего туда-сюда вдоль состава.

— Отец, что с вами? Почему вышли один из вагона?

— Ах, ты уже тут, дорогой, наконец-то! — радостно воскликнул старик.— Я чуть с ума не сошел от беспокойства!..

— Почему? Ведь я был не один.

Он помог отцу подняться в вагон и поскорее уложил его

в постель. Уже когда отец лежал в постели, он подал ему горячего чаю, лекарства, больше, чем обычно, маччуна...

— А где все это время был доктор? Неужели он разрешил вам выйти из вагона? И без верхней одежды!

— Ну, в тулупе было бы жарко! А доктор, кажется, спал, в проходе не появлялся...

— Попросили бы проводника о помощи.

— Стеснялся...

— А что было бы, если б споткнулись и упали или простудились?

— Ничего, как видишь, не случилось, сын мой! Главное, что ты жив и здоров, что все тревоги позади... А можно и без хлеба один день прожить.

— Я не знал, что село так далеко, думал гораздо раньше вернуться.

Волнение и простуда сделали свое злое дело. Ахмадходжа проснулся утром в жару. Иван Иванович сделал все возможное в тех условиях. А когда приехали наконец в Одессу, он не пошел к себе домой — прежде всего позаботился о больнице для старика. Выхлопотал для него отдельную палату и сам взялся его лечить.

— Состояние здоровья вашего отца тяжелое,— сказал врач Халимджану,— будьте готовы ко всему, дружок. Да, воспаление легких — болезнь в его возрасте очень опасная!

Юноша едва сдерживался, чтобы не заплакать.

В доме Ахмадходжи — глубокий траур. Из женской половины доносятся стоны и рыдания. На мужскую половину то и дело входят муллы и чтецы Корана. Читают молитвы, выражают сочувствие родственникам и близким друзьям покойного и уходят; им на смену приходят другие... И всех их встречает то у ворот, то в крытом проходе сам Самадходжа или Хамидхан. Все сочувствуют им, плачут вместе с ними. «Какой любящий брат,— думают они о Самадходже, глядя на его расстроенное лицо, слушая его жалобные вскрики: «О отец наш, о родненький наш, о опора и защита наша!»

— Привезли? — спрашивали у Самадходжи.

— Нет, скорее всего завтра...

— А кто везет, отсюда кто-нибудь поехал?

— Нет, ведь его с самого начала сопровождал Халимджан. Везет покойного в специальном вагоне.

— Когда похороны?

— Если поспеют приехать завтра, то в пятницу.

Так каждый посетитель засыпал Самадходжу вопросами, на которые тот охотно отвечал — пусть все видят, как он заботится о памяти брата, как он горюет. Это все было напоказ. Внутренне он ликовал. Теперь ему не страшны никакие кредиторы... Стоит поработать в эти траурные дни! И он от души трудился, следил, чтобы были выполнены в точности все обряды, весь похоронный ритуал. Зато как спокойно он будет спать теперь по ночам!

Пышно и торжественно встречали на каганском вокзале поезд с прахом покойного Ахмадходжи. На панихиду в пятницу явился главный судья, множество духовных лиц, мулл и муфтиев разных рангов. На широкой площади у мечети Девонбеги собралось столько народу, что иголке негде было упасть.

Время бежало быстро. Вот прошли уже поминки — и через двадцать дней и через сорок. И всем этим энергично, по-хозяйски руководил Самадходжа.

Пришла пора заняться наследством Ахмадходжи. В суд вызвали сыновей покойного — Халимджана и Алимджана, зятя Хамидхана и еще нескольких более дальних родственников, также заявивших о своих правах на часть наследства. Главный судья прочитал исковое заявление, написанное от имени раиса и главного законоведа Бухары. В заявлении было сказано, что, по велению шариата, подтвержденном его высочеством, все деньги и имущество покойного не будут разделены до совершеннолетия его сыновей и все, чем он владел — дома, сады, земли, торговые дворы, лавки,— переходит, согласно шариату, в руки муллы Самадходжи.

Это возмутило всех родных и родственников. Первым выразившим свое несогласие с решением суда был Халимджан. Но когда он заявил об этом, ему ответили: «Вы не достигли совершеннолетия».

* * *

Едва Карим закончил читать дело, как вернулся Аминов.

— Ну как, Карим, прочел?

— Да, прочел и поражаюсь. Неужели этот гнусный Самадходжа смеет так бесстыдно, не считаясь с советскими законами, жаловаться на Халимджана?!

— Как видишь! Он думает, что и мы, как кушбеги, казии, муфтии, поддержим его и вырвем из рук Халимджана и других ближайших родственников наследство его покойного брата и отдадим ему!

— А распределили наконец имущество покойного Ахмадходжи?

— Через два года после его смерти, с помощью русских адвокатов и русского консульства, Халимджан добился распределения имущества отца между законными наследниками. Правда, в годы революции он, как член партии младобухарцев, вынужден был уехать и бросить все это дело... Но он не предал революцию и то, что осталось от состояния, пожертвовал ей. Потому-то я тебе и сказал, что нужно различать людей, видеть, чем отличаются друг от друга такие люди, например Халимджан от Самадходжи... Хотя они и родня.

— А что теперь поделывает Самадходжа?

— Торгует на барахолке, обманывает покупателей.

— Пора закрыть барахолку.

— Настанет время — закроем... А пока пусть вынесет все свое барахло!

— А Халимджан действительно оказался порядочным человеком.

— Да, и среди баев есть такие. Файзулла из их числа. Это натуры сложные, они ошибаются, но прислушиваются к голосу партии.

— Значит, можно им верить?

— Можно! — усмехнувшись, сказал Аминов.

18

Когда Карим вышел на улицу из здания Совета назиров, был пятый час. И хотя до вечера было еще далеко, кругом стояла мгла. Хмурилось небо, покрытое темно-серыми облаками, и как ни старался порывистый ветер их развеять, это ему не удавалось. Казалось, что из этих тусклых, скучных облаков польется не дождь, а мутная серая пыль.

Мысли, перебивая друг друга, теснились в голове. «Хорошо, что уже август подходит к концу,— думал он,— и

скоро спадет летний зной... Очень трудно в жару драться с басмачами. А теперь, когда легче дышится, самое время воевать, изловить этого проклятого предателя Орипова! Кто мог подумать, что Орипов станет изменником! Ведь он был революционером с давних пор. Я был тогда еще ребенком... Странное дело — стал предателем! Впрочем, кто знает, был ли он искренним революционером? Может, носил маску, чтобы быть хорошо осведомленным и тем самым получше служить контрреволюции. Быть против эмира еще не значит волноваться за судьбу трудящихся... Ведь эмир надоел и баям, и купцам, и националистам. Но когда эмира свергли и революция приняла нежелательный для них характер, они сделались яростными ее врагами — и Асад Махсум, и Абдухамид Орипов, и всякие там еще «левые» и «правые».

Вот какие мысли волновали Карима, когда он шел к Файзулле Ходжаеву.

Файзулла Ходжаев принял Карима очень радушно и дал ему ответственное задание. Прежде всего предстояло сразиться с Абдухамидом Ориповым в Кармине и Нурате. Этот приказ Карим принял с радостью, у него давно чесались руки отомстить предателю.

— Завтра в военном комиссариате получишь особый приказ и соответствующие инструкции,— сказал Файзулла Ходжаев, прощаясь с Каримом.— Подавив Орипова (я надеюсь твердо, что это произойдет), начнешь поход против Асада Махсума... Отряд у тебя молодой, еще неопытный... Он закалится в этих боях.

Выйдя от Файзуллы Ходжаева, Карим раздумывал, куда ему теперь отправиться. У него свободным оставался только этот день. Завтра он получит приказ, нужно быть готовым к выступлению. Ему показалось заманчивым просто прогуляться по улицам и базарам Бухары, а потом навестить Насимджана.

Центром торговли и дел, связанных с ней, как и раньше, стала площадь у хауза Девонбеги. Она вновь была многолюдной, шумной, красочной... Это одна из характерных черт городского быта на Востоке. Базары и торговые ряды отражают жизнь города. Все важные события происходят на базаре. Там узнают последние новости, там назначают деловые свидания и просто дружеские встречи, там поэты читают свои новые стихи, звучит музыка, зовет к танцу. В ту пору еще сохранились эти, идущие из

древности, порядки. Когда-то в Бухаре базары были расположены в трех местах: у Регистана, в Таи Манор и у хауза Девонбеги. Теперь осталось только два, ибо на Регистане все было сожжено и уничтожено.

Произошли некоторые изменения и подле хауза Девонбеги. Там раньше располагались маленькие будки парикмахеров, теперь они были разобраны, и на их месте появилось добротное двухэтажное здание, носившее название «Клуб Мирзо Назрулло». На западной стороне выросли новые столовые и чайханы. На прежнем месте, перед мечетью, торговали лакомствами — халвой, жареным горохом, миндалем.

На этой же площади часто слышались голоса маддохов — рассказчиков священных историй. Показывали свое искусство фокусники, а иногда появлялись даже канатоходцы.

Кариму повезло, он попал на эту площадь в тот момент, когда один маддох привлек внимание собравшихся возле него людей, видимо, рассказывал что-то интересное. Это оказался рассказ о героизме и битвах за религию пророка Али. Время от времени, в самых интересных местах, маддох прерывал рассказ и, воздев руки как на молитву, просил пожертвовать что-нибудь в награду за интересный рассказ. Простой народ, увлеченный рассказом и пылкими речами маддоха, желая узнать, что было дальше, вытаскивал из тощих карманов или из-за пазухи мелочь и отдавал ему. Иные даже забывали, зачем сюда пришли, что собирались купить... Карим, увидев, какой эффект производит рассказчик, подумал, как хорошо было бы направить этот талант на пропаганду революционных идей.

Поодаль показывал свое искусство фокусник. Вокруг него собралось тоже немало людей. Все они ахали и охали при виде «чудес», которые он творил.

Вот он завязал крепко-накрепко платком глаза своему ученику, посадил его в центре круга, образованного зрителями так, чтобы отовсюду можно было видеть, что делается на этой площадке, и обратился к юноше-ученику с вопросом:

— Что надето на голову этого человека?

Ученик мгновенно ответил:

— У него на голове шапка.

— А во что он одет?

— На нем китель и шаровары,— так же быстро и уверенно ответил ученик.

Пораженные зрители покачивали головами, делились впечатлениями с соседями. «Подумать только — с завязанными глазами увидеть, что на ком надето!»

Карим вначале тоже не мог себе представить, как это делается, но, вдумавшись, пришел к выводу, что все кроется в тексте вопросов, которые задает фокусник своему помощнику-ученику, в последовательности слов, которые он произносит. Так, например, он говорит: «Какой головной убор на голове этого человека?» На вопрос, так поставленный, нужно ответить: «шапка». Если он расставит эти же слова иначе, то будет назван другой убор. Все это условно, нужно только иметь хорошую память, чтобы не перепутать, когда что говорить. Далеко не все додумывались до этого, а особенно мальчишки, которым было и весело и немного жутко от этих «чудес». Они преклонялись перед их творцами, но и немного побаивались их.

С площадки, где только что выступал фокусник, Карим направился в Таи Токи Саррофон [1], прошел через большой торговый ряд. Здесь тоже толпился народ, и продираться сквозь толпу было нелегко. По обеим сторонам этого ряда выросли многочисленные ларьки, киоски, магазины со всевозможными товарами. Соблазнов было масса. И много вкусной еды: кондитерских изделий, шашлыков, мороженого. Тут же помещались денежная биржа и государственный банк.

Карим здорово проголодался, хотел было зайти в шашлычную, но вовремя остановился: зачем насыщаться, когда идешь в гости к другу, где будут угощать, а ты не сможешь есть и обидишь этим его!

Пробираясь медленно по рядам, Карим дошел наконец до Таи Токи Саррофон, где в те дни осталось уже мало менял. Там он неожиданно встретился с Мираком.

— Здравствуй, дружок, как твои дела? — ласково спросил Карим.

— Меня вызвали в Центральный Комитет, я оттуда иду. Товарищ Аббас Алиев,— глаза мальчика щурились от радости,— посылают в Ташкент учиться...

— Прекрасно! Что ты ответил?

---

[1] **Саррофон** — меняла денег.

— Конечно, я хочу учиться в Ташкенте, но сказал, что должен посоветоваться с матерью.

— Она, конечно, согласится... Непременно поезжай! В Ташкенте школы хорошие, получишь хорошее образование.

— Непременно поеду,— весело и решительно сказал Мирак.— Так хотел дядюшка Хайдаркул... я должен исполнить его желание...

Карим одобрял отъезд Мирака на учебу в Ташкент: вернется оттуда образованным, полезным обществу человеком.

— Правильно решил, молодец!

Глядя в большие ясные глаза мальчика, слушая его ломающийся голос, Карим чувствовал, как теплая волна любви к нему заливает сердце. «Как Мирак вырос,— думал он,— кажется, вчера еще был ребенком... А теперь? Он стал выше ростом, шире в плечах. Да-а, этот год не прошел для него даром. Работа водоноса не легка, но она и закалила Мирака — из мальчика он превратился в юношу!.. А как поумнел! Рассуждает толково, как взрослый».

— Молодец! — снова воскликнул Карим.— Не сомневаюсь, что, получив образование, ты будешь руководителем какого-нибудь важного учреждения.

— То есть, вы хотите сказать, заработаю себе на хлеб? — пошутил Мирак.

— Ого, ты даже шутишь, как взрослый! — засмеялся Карим.— Да, конечно! Но для этого надо хорошо учиться... И особенно дорожить временем — каждым часом, каждой минутой.

— Обещаю вам! Не зайдете ли сейчас к нам домой?

— Я бы с радостью, спасибо, но я должен сегодня навестить дядюшку Насимджана. Кстати, ты давно видел Асо?

— Да, давно! Но собираюсь пойти. Нужно же с ними посоветоваться.

— Правильно! Передай мой привет твоей матери. А мне сообщи, когда будешь уезжать в Ташкент. Провожу тебя.

— Спасибо!

Они распрощались. Мирак пошел в сторону хауза Девонбеги, а Карим в сторону Сесу.

Как же так получилось, что Аббас Алиев принял участие в судьбе юного Мирака? А было это вот как. Однажды

водоносы во время обеденного перерыва отдыхали у хауза. Несколько в стороне от всех, на каменной суфе под тенью тутового дерева, сидел Мирак. Прошел ровно месяц со дня смерти дядюшки Хайдаркула. На поминках, проводимых через двадцать дней после этого печального события, много добрых слов было сказано о покойном. Говорилось там и о том, что нужно позаботиться о Мираке, который после смерти отца лишился такого покровителя, как Хайдаркул.

Об этом он с грустью вспоминал, сидя одиноко у хауза. У него как бы сломаны были крылья... Он чувствовал себя одиноким, беззащитным... Не у кого было получить мудрый совет, услышать ободряющее слово. Он старался работать как можно больше и тратить денег как можно меньше, все сбережения отдавал матери, говоря:

— Храните эти деньги, они вам понадобятся, если я уеду на учебу или вдруг заболею.

Желание учиться, получить образование завладело всеми его помыслами. Об этом мечтал его отец, это завещал ему дядюшка Хайдаркул. Он должен этого добиться! Но как! И где? В Бухаре открылся педагогический институт, начала работать школа в медресе Кукалдош. Там дают койку, одежду, кормят и, кажется, даже снабжают деньгами. Но попасть туда очень трудно, много желающих. Конечно, если б кто-нибудь из почтенных людей замолвил о нем словечко директору школы, может, что-нибудь бы и вышло. А так, явиться без поддержки — говорят, ничего не получится. Как знать, может, это неправда?..

— О чем размечтался, дружок?

Этот вопрос вывел Мирака из задумчивости. Он встрепенулся, поднял голову и увидел перед собой бывшего школьного товарища, любимого друга Богирджана. Он вскочил, схватил Богира в объятия и слегка даже приподнял его.

— Здравствуй, дружище, как я рад, что ты меня нашел! Что ты так долго не являлся?

— Ну, я-то являлся, да все тебя никак не мог застать. Приду к тебе домой — говорят, пошел к хаузу; прихожу к хаузу, а ты уже ушел к другому. Неуловимый... Где же ты работаешь, в скольких местах?

— Лучше не спрашивай. Было бы у тебя столько семейных забот, ты бы знал!

— Э, заботы о семье мне хорошо знакомы, раньше, чем

тебе. Но я стараюсь не волноваться, все идет своим порядком. А ищу я тебя для того, чтобы сказать, что я уезжаю на учебу и ты едешь со мной.

— Что ты говоришь!— воскликнул изумленно Мирак. Он не верил собственным ушам.— Вот так новость!

— Да, приятная новость. На днях меня вызвали в Центральный Комитет комсомола, к Аббасу Алиеву. Он поручил мне найти тебя и еще кое-кого из ребят. Нас отправляют в Ташкент, учиться.

— А кто он, этот Аббас Алиев? Откуда знает меня?

— Он один из партийных руководителей, ведает народным образованием и просвещением. О тебе он хорошо осведомлен, ведь ты сын Саида Пахлавона.

— Погоди, не сочиняй, а лучше скажи: если ты не найдешь подходящих ребят, пошлют ли нас двоих?

— А ты мне лучше скажи, поедешь ты на учебу?

— Поеду! — сказал решительным тоном Мирак.

— Тогда точно через три дня сиди с утра дома, найди кого-нибудь, кто заменит тебя на работе. Я за тобой зайду.

На этом они распрощались.

А через три дня, как и условились, Мирак, Богир и еще двое юношей вошли в кабинет Аббаса Алиева. Он принял их очень приветливо. Разговаривал с ними, как близкий друг, как родной человек. Он сказал, что в Ташкенте открылось много новых школ и что они широко раскрывают двери для всех желающих учиться. Всем предоставляется жилище, дается одежда, питание, немного денег на мелкие расходы. Дорогу оплатит Центральный Комитет.

Это предложение было так заманчиво, что юноши стали наперебой благодарить Аббаса Алиева. А он, видя, как искренне они хотят учиться, мягко улыбался. Но, дав свое согласие, они все же оговорили, что окончательный ответ дадут завтра — нужно получить разрешение родителей.

— Хорошо,— согласился Аббас Алиев,— принесите завтра разрешение, а если чьи-нибудь родители станут чинить препятствия, пусть придут поговорить со мной. Если они откажутся с вами идти, сообщите мне, я сам их вызову, придут, не сомневайтесь...

Встреча с Аббасом Алиевым, предвкушение поездки в Ташкент, учебы в школе рабочей молодежи — все это переполняло сердце Мирака радостью, уверенностью в своих силах. У него даже походка изменилась, он шел по улицам Бухары неторопливо, с горделиво поднятой головой. Встре-

тив Карима, он поделился с ним своей радостью и, хотя не имел еще разрешения от матери, был уверен, что она не откажет.

Расставшись с Мираком, Карим глубоко задумался. Разговор всколыхнул воспоминания о недавнем прошлом, о таком замечательном человеке, как Хайдаркул, не раз упоминавшемся в разговоре с Мираком. Старик был похоронен на кладбище жертв, павших в борьбе за революцию. С тех пор прошло немало времени, а Карим, за нехваткой времени, побывал на его могиле всего раза два. Сегодня же ночью или ранним утром, до восхода солнца, он пойдет на кладбище, положит цветы на могилу Хайдаркула и мысленно поговорит с этим благородным, умным человеком... Это был человек с могучей волей, беззаветно преданный делу революции. Каждый его совет бил прямо в цель. О, если бы он был жив! Как не хватает его мудрого, продуманного совета! Он так хотел сопутствовать Кариму в походе против Асада Махсума, помогать молодому командиру и словом и делом, приблизить день победы!

Как жалко, что он умер, не достигнув цели... Нет, неправда, что за мысль! Он достиг своей цели: он увидел победу революции, и в этой победе не малая доля его личного участия. Теперь его дело продолжат его ученики, его молодые друзья, такие, как Карим, Асо, Насимджан, Мирак и сотни, и сотни молодых людей, его воспитанников. Никто не сомневается в том, что отряд Асада Махсума будет разбит. И Карим соединится со своей любимой Ойшой.

Погруженный в свои мысли, Карим и не заметил, как дошел до Сесу. Там он вспомнил, что собирался купить теплую каракулевую шапку, и повернул назад, к фарфоровому ряду, через который надо было пройти, чтобы попасть туда, где продавались шапки. Вдруг его кто-то окликнул. Он остановился, повернулся и увидел Насимджана.

— Ты куда идешь? — спросил Насим.

— В Токи Телпак, нужна шапка потеплей.

— Вот как!.. А я подумал, что ты идешь ко мне. Ну, хорошо, пойду с тобой, помогу выбрать шапку получше, а потом отправимся ко мне домой. А?

— Договорились!

Кариму повезло, выбор шапок был большой, у Насима хороший вкус — купили недорогую и красивую шапку из голубого каракуля. Торговец шапками, еще молодой че-

ловек с красиво подрезанной небольшой бородкой, был очень любезен и предупредителен. А Карим был в том настроении, когда кажется, что все люди хорошие.

Пройдя по ряду, где находились мастерские слесарей, друзья направились к дому Насимджана.

— Почему тебе так срочно понадобилась теплая шапка? — спросил Насим.

— Видишь ли... В Бойсуне пригодится...

Насимджан понял, что расспрашивать больше не надо, и перевел разговор на другое.

— У нас дома никого сейчас нет,— сказал он,— тетушка с девушками из женского клуба поехала в сад — подышать хоть два дня свежим воздухом, поесть фруктов... Абдуллобай тоже отправился в кишлак. Теперь, как говорится, ни мамы нет, ни папы нет, сами повара, сами себе гости. Да, чуть не забыл, сейчас прибудут Асо с Фирузой.

— Ого, значит, угощение будет на славу!

— Надеюсь, голодными не будем. Посидим подольше, побеседуем.

— Правда ли, что Фируза-апа уже не работает в клубе?

— Да, правда, она идет в гору, заведует женским отделом в Центральном Комитете.

— Ну, как хорошо!

Карима очень порадовало это сообщение, он любил этих чудесных людей — Асо и Фирузу. Его удивляло и огорчало то, что Фируза не занимает места, достойного ее ума и организаторского таланта. Он считал, что она могла бы принести своей стране гораздо больше пользы, чем некоторые малоопытные назиры.

— Ты прав, что настала пора занять Фирузе более высокий пост, но создание женского клуба — дело ее рук, и в свое время это было делом огромной важности... И она преуспела в нем!

— Конечно! Ведь не случайно такие люди, как Низомиддин, выступали против нее, ставили палки в колеса.

— Конечно!

— На пленуме Центрального Комитета очень многие в своих выступлениях хвалили ее и предлагали избрать на должность заведующей женским отделом.

— Прекрасно! Я так был занят своими военными делами, подготовкой добровольческого отряда, что оказался не в курсе важных событий.

Друзья подошли к дому Насимджана, он повел своего друга во внутренний двор, в комнату, которую с большим вкусом еще так недавно убирала Хамрохон. В комнате все оставалось на своем месте, как при жизни ее несчастной хозяйки. Карима и Насимджана встретил бой настенных часов, пробивших пять раз. Тотчас же за ними стали бить старинные часы, стоящие на полочке в нише, из окошечка над циферблатом выскочила птичка, взмахнула крылышками, пропела песенку и скрылась за дверкой. Часы пробили с малым опозданием тоже пять раз.

Насимджан сбросил камзол, повесил его на спинку стула, пригласил гостя сесть и сел сам.

— Все в этой комнате расставлено и сделано руками Хамрохон,— сказал он, тяжело вздохнув,— и я не в силах сделать какую-нибудь перестановку. Ей очень нравился бой часов, слушая его, она радовалась, как ребенок. Последний раз в ее жизни часы пробили под вечер, шесть раз...

Карим грустно молчал, то ли не находил слов для выражения сочувствия другу, то ли весь ушел в воспоминания о Хамрохон. Он видел ее дважды: первый раз в этой самой комнате, вторично — в клубе, у Фирузы. Он был поражен ее тонкой красотой, певучим голосом и от души поздравил друга с очаровательной женой.

— Каждый раз, когда я слышу бой этих часов,— говорил Насимджан таким голосом, словно разговаривал сам с собой,— тут же передо мной возникает ее образ... Она, как живая, улыбается мне, ласково смотрит на меня, будто хочет что-то сказать... По правде говоря, при жизни я недостаточно уделял ей времени, то мешали разного рода дела, то отвлекали просто какие-то житейские пустяки... Я думал, что это счастье отпущено мне навек, что Хамрохон будет со мной всю мою жизнь. О, глупец, как я был уверен в этом! Какое бездумное отношение к жизни! Как я наказан!

Карим, сам познавший всю горечь разлуки с любимой, сам горевший на этом огне, хорошо понимал, что творится в сердце друга. Да, только познав на своем опыте эту горечь, можно до глубины души посочувствовать другу. Недаром мудрые люди говорят: тем, кто горя не знал, говорить о своем бесполезно! Карим молчал, словно боясь спугнуть тишину, навеянную грустью...

— Что поделаешь! — нарушил он наконец молча-

ние.— Теперь уж горю не поможешь... Благородная женщина пожертвовала собой ради любимого — вот что такое настоящая любовь! Если бы наше время было богато такими поэтами, как Низами, Физули, Навои, они бы запечатлели образ Хамрохон в своих поэмах.

— Ты прав, мой друг! Я не поэт, но Хамрохон научила меня любить и понимать поэзию, она показала, как литература обогащает душу. Она и дня не могла прожить без стихов, без книг. Как-то, уже после ее смерти, я просматривал ее книги. Вдруг из сборника стихов Саади выпал листочек бумаги. Беру и вижу, что на нем рукой Хамрохон написано: «Обо мне Саади так писал».

Говоря это, Насимджан взял из папки листок и прочел задушевным мягким голосом:

Выслушай наставление, милый, что больше, чем душу свою,
Любить должны юноши советы умного старца.

Прочитав, Насимджан с минуту сидел глубоко задумавшись, потом снял с гвоздя танбур и сказал:

— Когда я прочитал эти стихи, я чуть с ума не сошел, так больно мне стало. В то же время я испытал какое-то очищающее душу волнение... Как завороженный, я взял в руки танбур, тронул струны, и они сами запели дивную мелодию на слова этих стихов. И теперь каждый раз, когда я особенно тоскую и воспоминания о покойной Хамрохон раздирают мое сердце, я беру этот танбур и под пение его струн вспоминаю о потерянном счастье.

Насимджана не нужно было упрашивать, чтоб он сыграл на танбуре. Играл он так, что Кариму казалось: мелодия выливается прямо из его души, пальцы его перебирают не струны танбура, а струны сердца... И Карим потонул в море звуков.

Да, мне думается, что танбур — один из самых поразительных инструментов, созданных музыкальным гением человечества. Подумать только — три струны, натянутые на длинный гриф и сравнительно небольшую музыкальную коробку из тутового дерева, в руках хорошего музыканта творят чудеса. Танбур так плачет и стонет, что даже у самых безжалостных людей может вызвать слезы на глазах... Змеи выползают из своих укрытий, камни рыдают. Танбур передает все человеческие чувства; он может успокоить сердце и растревожить его, утешить в горе и украсить радость.

Струны танбура передавали всю боль и тоску Насимджана. У него был приятный низкий голос, он пел, и мелодия этой песни сливалась с звуками, извлеченными из танбура.

Карим был потрясен, все его чувства обострились. Тоска по Ойше, по его милой Ойше, по несчастной Ойше, томящейся в плену у тирана, затмила в эти минуты все. Как ни велико горе Насимджана, его горе еще ужаснее, думалось Кариму. Насимджан хотя бы изведал счастье совместной жизни с любимой, был рядом с ней... А он, Карим, находясь у самого сказочного порога счастья, был оторван от него безжалостной рукой и повергнут в тьму разлуки. Так развеялись все его надежды и мечты... Как бы пережил он это горе, если бы не было рядом таких людей, как Куйбышев, как дядюшка Хайдаркул, если бы не проявили о нем заботу такие преданные друзья, как Асо и Фируза!

Он пережил столько горьких минут, чувствуя себя безнадежно униженным, попавшим в безвыходное положение. И вот он снова воспрянул духом, снова дышит живительным воздухом надежды. Друзья вдохнули в его сердце уверенность, что зло будет побеждено, что он вырвет из рук тирана свою любимую... Но где она теперь, бедняжка? Вернется ли к ним, после всего пережитого, незапятнанное чувство любви? А, не об этом сейчас надо думать! Все мысли, все силы должны служить великому делу — разгрому Асада Махсума. Нужно подавить мятежников во что бы то ни стало. И Ойша будет освобождена. Он должен этого добиться! Это его долг мужчины, человеческий долг!

— Я навел на тебя тоску? — спросил Насим, глядя на призадумавшегося Карима.

— Нет, нет,— ответил Карим, грустно улыбаясь,— сильное впечатление произвела на меня газель, которую ты пропел. Такая музыка выливается прямо из сердца. Молодец!

— Да,— вздохнул Насимджан,— таково уж свойство музыки и песни, в них или торжествует радость, или изливается глубокое человеческое горе.

Насим помолчал, потом круто повернул разговор:

— Давай побыстрей сделаем плов, чтобы он был готов к приходу Асо и Фирузы. Пошли на кухню! Нечего тебе быть гостем.

И друзья бравым шагом вышли из комнаты.

Асо пришел один. Друзья были рады ему, но недоумевали.

— К сожалению, моя повелительница (Асо в шутку иногда так называл Фирузу) уехала в Галаспе,— сказал он.— Там проводится женское собрание.

— Она уехала одна? — забеспокоился Насимджан.

— Нет, у нее есть спутники — комсомольцы, профсоюзные работники и еще кто-то. Правда, она уехала чуть пораньше... Ну, да там и милиция будет. В общем, порядок!

Но Насима это не успокоило.

— Порядок-то порядок! Но у нас еще немало людей, вражески настроенных к этим женским собраниям... Ну, а почему ты такой грустный?

— Да нет... Просто устал я... Много забот. Из Восточной Бухары все время приходят тревожные известия. В Кармине и Нурате бесчинствуют басмачи.

— А что с Низомиддином?

— Не выяснено, кто участвовал в этом, но Низомиддина убрали, забросали камнями... Махсуму достался только его труп.

— Досадно, много тайн он унес с собой!

— Да, Низомиддин знал очень много. Попади он в наши руки, мы бы многое выяснили, легче было бы работать...

Плов поспел, друзья, накрыв его полотенцем, чтобы он совсем распарился, пошли в дом. Карим и Асо хотели помочь Насиму накрыть на стол, но он запротестовал:

— Нет, нет, не нужно, тут я сам справляюсь. Сейчас вы — гости! Располагайтесь поудобнее.

С этими словами он расстелил скатерть, разложил лепешки, нарезал редьку, разрезал гранаты, принес холодной воды (так приятно пить ее после плова) и сказал с заговорщическим видом:

— А что, друзья, может, по бокальчику вина выпьем, а?

— Можно и по два...— засмеялся Карим.

— Очень хорошо!

Насим достал из шкафа и поставил на стол четырехгранную бутылку с самодельным вином и три бокала.

— Дорогие друзья,— торжественно сказал Насим,— давно мы уже так не собирались. И как хорошо, что мы

трое сохраняем нерушимую преданность друг другу! Как хорошо, что мы вместе. Увы, нет с нами наших любимых — Хамрохон и дядюшки Хайдаркула, но они всегда будут жить в наших сердцах. Первый бокал выпьем за них!

Выпили. Вино оказалось очень вкусным, ароматным. По телу разлилась приятная теплота. Сердце было полно грустной радостью, воспоминаниями об ушедших любимых людях...

— Хорошо, что мне удалось выполнить заветы дядюшки Хайдаркула,— сказал Асо.— Во-первых, Мирак и его мать получили дом и кое-что из вещей покойного. Они уже поселились в его доме; поддерживают огонь в память ушедшего из жизни замечательного человека. Во-вторых, я убедил Мирака, что ему надо учиться, внес его в список. На днях он с этой целью уезжает в Ташкент.

— Да, я видел его, он очень доволен,— сказал Карим.— Такой веселый шел от Аббаса Алиева...

— Конечно, получив образование, он станет полезным обществу человеком,— подхватил опять Асо.— Он умный, понятливый мальчик!

Друзья помолчали, сидя в раздумье. Первым заговорил Карим:

— Я собирался завтра выступить с отрядом против предателя Асада Махсума... К сожалению, не получается...

— Почему? — в один голос воскликнули Асо и Насимджан.

— Придется идти на другое задание — поимку изменника Абдухамида Орипова.

— Да, я слышал,— сказал Насимджан,— что Орипов в Нурате примкнул к басмачам.

— Измена за изменой! — воскликнул гневно Асо.

— Неспроста со всех сторон появились и подняли головы предатели,— сказал Насимджан.— Они пронюхали, что прибывает Энвер-паша, и, наверное, не с пустыми руками. Его появление опасно, и весьма, для революционной власти!

— Говорят в народе, что кот видит во сне мышь,— сказал Асо.— Эти изменники революции надеются на помощь иностранцев, особенно англичан.

— Совершенно верно,— подхватил Насим,— они надеются не столько на Энвера, сколько на иностранцев.

— А где сейчас этот Энвер-паша? — поинтересовался Карим.

— Не знаю, каким образом, но он пробрался в Баку, явился на съезд народов Востока. Сейчас несколько наших бухарцев под видом участия в этом съезде тоже собираются в Баку. Ну, мы еще проследим, чем они намерены заняться там!

— Значит, ты едешь в Баку встречать Энвера? — спросил Карим.— А как же с твоей поездкой в Тифлис?

— Так же, как с твоей поездкой в Бойсун. Думал одно, а на деле оказалось другое. Некоторые наши поклонники ислама считают, что я влюбился в тюрчанку и попал в ее сети. Под этим предлогом, для отвода глаз, меня и включили в делегацию... Ну что ж, послушаем, что изрекает этот Энвер-паша!

— Соблюдай крайнюю осторожность, друг мой,— с тревогой сказал Асо.

— Не беспокойся, будь во мне уверен! — сказал Насимджан, наполняя три бокала вином.— А теперь мы выпьем за успех, за нашу победу!

Три товарища, три закадычных друга, крепко сплоченных революционной борьбой, подняли бокалы, звонко чокнулись и выпили за победу революции. И каждый из них думал об одном: доведется ли еще когда-нибудь им троим встретиться, как сегодня, и вместе поднять бокалы или погибнут они в боях, ожидавших их впереди?

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1

В первые дни октября погода в Бухаре еще была устойчиво теплая, даже жаркая. Но вот налетел откуда-то холодный буйный ветер, поднял столбы уличной пыли, занавесил небо серыми тучами, и пошел из них холодный, назойливый дождь. Настроение у людей испортилось так же, как и погода. А старики говорили: «Это еще что, это лишь предупреждение беспечным ленивцам: «не забывайте о зиме, позаботьтесь о крышах домов, запаситесь углем, по-зимнему откройте свои сандалы! И не унывайте — еще будут хорошие солнечные денечки, еще пока осень».

Рабочий день закончен. Асо покинул свое учреждение и вышел на улицу. Настроение у него было под стать мрачной серой погоде. Он поднял повыше воротник, нахлобучил круглую каракулевую шапку и, не глядя по сторонам, направился домой.

Военное и политическое положение в Бухаре было весьма сложным и опасным для революции. Не было сплоченности, единства, решительности в самом составе правительства Бухары. Вместо того чтобы дружно вести общее дело вперед, некоторые члены правительства занимаются интригами, строят козни, подстрекают... Борьба за

чины, карьеризм, растранжиривание государственной казны и даже прямое воровство...

Беда в том, что такие явления порождают недоверие народа к революции.

Все это было на руку врагам, которые без устали выступали с пропагандой своих идей. В результате начались экономические затруднения, что еще больше способствовало успеху врагов революции. Если бы не Россия, если бы не моральная и материальная помощь Москвы, гражданская война была бы в полном разгаре. Басмачи все время теребили дехкан, отрывали от их прямого дела. Кишлачные юноши, наслушавшись вражеской пропаганды, не разобравшись в ней, поддавались обману и шли к басмачам.

Вооруженный отряд Карима, направленный в Кармин и Нурат, как ни старался, так и не поймал предателя Абдухамида Орипова. Он успел сбежать в сторону Гузара и Китаба. Там он присоединился к местным курбаши. В оставленных ими местностях, Кармине и Нурате, благодаря его уходу, местные жители могли хотя бы мирно работать.

От Насимджана прибывали невеселые вести. Он принял участие в курултае народов Востока, на который поехали джадиды Бухары. Видел он там и Энвер-пашу. Бухарцы встретились с ним, но Насимджана на эту встречу не позвали. До него дошли все же сведения, что джадиды звали Энвера в Бухару.

Плохи были дела в Восточной Бухаре. Курбаши Ибрагимбек со своим почти трехтысячным отрядом взял в кольцо ее окрестности. В государственных учреждениях больше врагов, чем друзей. Ежедневно в Чека и в Особый отдел приходят телеграммы с просьбой прислать людей для работы в этих учреждениях.

В этот день председатель Чека вызвал Асо, обрисовал обстановку и спросил, кого из ответственных работников он посоветует послать в Душанбе. Асо понял намек, и, хотя председатель не обмолвился ни словом, ясно было, что хочет послать самого Асо.

— Если хотите послать меня, то пожалуйста,— прямо сказал он,— но...

— Что «но»?

— Много незавершенных дел,— сказал Асо, замяв-

шись, так как основная причина была не в этом, хотя действительно не были закончены важные дела.

— Ну так побыстрее кончайте. Мы поможем!

— Хорошо, но окончательный ответ я дам завтра.

Предложение председателя Чека явилось для Асо неожиданным, потому-то он вышел от него в глубокой задумчивости. Плохая погода тоже действовала на нервы и портила настроение.

На улицах было мало людей. Все старались оказаться поскорей у домашнего очага. В те времена в Бухаре зонтики еще не водились, и все попавшие под дождь промокали до нитки и искали какого-нибудь укрытия.

Асо, как известно, жил в том же доме, что Оймулло Танбур, в квартале Мирдустим. Этот квартал расположен очень далеко от Сесу. Предстояло пересечь длинные улицы Говкушона, Гозиена, Хиебона. И, как назло, не повстречался ни один извозчик. Так он и шел, весь уйдя в себя, погруженный в мысли о сегодняшних делах и о подготовке к завтрашним.

Фируза, перешедшая на работу в ЦК, была по горло загружена работой. Ежедневные собрания, командировки, прием посетителей, просмотр заявлений, разбор семейных неурядиц поглощали все ее время.

Однажды к ней пришла жена видного ответственного работника с жалобой на мужа: он хочет привести в дом еще одну жену. Фируза была потрясена и сначала даже не поверила в это. Ведь она хорошо его знала, не раз слышала его пылкие речи, в которых он ратовал за раскрепощение женщин, за их равенство с мужчинами, был яростным врагом паранджи и чашмбанда. Не было, пожалуй, ни одного собрания, где бы он не выступал с речью на эту тему.

Жена его, пришедшая к Фирузе, так горячо умоляла пойти с нею к ним домой, что Фируза не смогла отказаться. Что же выяснилось? Некая молодая девушка из округа Пирамаст сбежала в Бухару и явилась на прием к некоему председателю искать защиты от жестокого отца, который под влиянием мачехи собирается выдать ее замуж за старого шейха, имеющего уже двух жен. Председателю девушка понравилась, он приветливо разговаривал с ней и, так как деваться ей было некуда, привел к себе домой. Всячески ублажая ее, сначала разыгрывал доброго дядюш-

ку, потом предложил ей стать его женой. Не имея другого выхода, она дала согласие...

У Фирузы нелегкая задача — объяснить девушке, что председатель плохой человек и лучше ей будет поселиться в женском клубе, куда она сама приведет ее.

Девушка с радостью согласилась, и Фируза, не теряя времени, повела ее в клуб.

Узнав об этом, председатель пришел в ярость и решил отомстить. Он не поленился поехать в Пирамаст, нашел там отца девушки и научил его, как надо действовать, а сам при этом остался в тени. Отец девушки, наглый и злой человек, подал заявление в милицию и в суд. К тому же стал ежедневно являться к Фирузе, и на службу и домой, устраивал скандалы и совершенно измучил бедную женщину. Она обратилась за советом в Центральный Комитет. Дело было передано на расследование в соответствующие органы, и вскоре все разрешилось по справедливости. Председателя исключают из партии, отца девушки предают суду.

Фирузе приходилось чуть ли не каждый день распутывать такие истории, принимать участие в разборе подобных дел.

Асо шел домой растерянный и усталый. Его одолевали тревожные, противоречивые мысли. Какое счастье, что у них такая соседка, как Оймулло! Она и за домом присматривает, и дочку их воспитывает. Но вот ему, Асо, приходится ехать в Душанбе, Фируза безотлучно целый день на работе, дел становится все больше... Что же будет с домом, когда он уедет? И Оймулло и ее муж за последнее время сильно постарели, они как заходящее солнце над горой: вот-вот скроется и — навсегда! Но не ехать в Душанбе тоже нельзя... Ведь у товарищей, уехавших туда, тоже есть жены и дети. Надо ехать в Восточную Бухару! Непременно! Там нужны такие люди, как он. Это он хорошо понимает. Тем более что в Бухаре много мастеров своего дела, работа кипит, а в Душанбе нехватка людей, которые бы могли, как говорится, снять волоски с теста.

Асо дошел до своего дома. Калитку на засов не запер, зная, что Фируза еще не вернулась домой. Пройдя по дорожке во внутренний двор, услышал, что кто-то поет печальным, чуть надтреснутым голосом. Это Оймулло пела колыбельную, укачивая ребенка.

Асо подошел тихонько, на цыпочках, к дому, открыв бесшумно дверь, увидел Оймулло, раскачивающую люльку.

Там же, оставив свою работу, сидел Бобо Заргар. Так растрогала его эта песня, что глаза были полны слез.

Асо знал, что старик очень любит слушать пение жены, но слезы... Асо всегда любовался этой парой, их взаимоотношениями, полными любви и благородства. У него самого становилось теплее на душе, когда он думал о них, они вселяли в него бодрость и радость. «Эти мудрые старики поняли, в чем смысл жизни,— часто говорил он самому себе,— к их речам надо прислушиваться».

Оймулло Танбур сразу увидела вошедшего в комнату Асо. Кивком головы она пригласила его сесть. Потом, заглянув в люльку, тихо сказала:

Спи, спи, скорее засни,
Скоро папа придет, спи, мама придет, спи...
Спи, маленький, спи,
Гиацинт мой, спи, соловей мой, засни...

Ну вот, кажется, уснула. Сегодня прямо замучила она меня своими вопросами: где мама, где папа? Спасибо дедушке, это он смастерил люльку... сейчас легче с ребенком справиться... Что же вы стоите? Снимите камзол, вы совсем промокли!

— Ничего, сейчас поднимусь к себе, там разденусь. А жена еще не пришла?

— Нет, что-то запаздывает... Будете есть суп?

— Хорошо, спасибо! Сначала переоденусь!— И он вышел.

Оймулло подошла к мужу и, стараясь говорить потише, сказала:

— Он, кажется, чем-то озабочен, ты не заметил?

— Не легко заниматься государственными делами,— сказал Бобо Заргар, вытирая еще не просохшие на щеках слезы.— Забот у него полно.

— Да, басмачи подошли уже к Ситоремаххоса... Народ волнуется, запуган, распространяют всякие страшные слухи... Понятно, это не может не беспокоить такого преданного делу работника Чека, как Асо.

— Конечно! Назиры наши уж больно беспечны. Развлекаются. А все дела ложатся на таких людей, как Асо... Вот кто-то пришел,— прислушавшись, сказал Бобо Заргар.

— Фируза, наверное. Даже не зашла к нам,— видно, сильно промокла, бедняжка. Хоть бы в комнатах было тепло...

Действительно, это была Фируза. Ей не хотелось сейчас заходить к Оймулло. Если дочка проснется или еще не спит, то кинется к ней на руки и уже не отпустит. А Фируза вся мокрая, сначала нужно переодеться, а уж потом спуститься к старикам.

Войдя в свою квартиру, Фируза очень удивилась, увидев мужа дома. Он не снял с себя даже мокрого камзола, сидел за столом и углубился в чтение какого-то письма.

— Что это вы читаете? Случилось что-нибудь?

Асо только сейчас услышал, что жена вошла в комнату. Он улыбнулся, говоря:

— А, это ты? Какая отвратительная погода! И мы, кажется, промокли до нитки! Что, уже не хватило для тебя фаэтона?

— Представьте себе, нет! — сказала Фируза, стаскивая с себя мокрую верхнюю одежду.— Я пришла пешком. Спасибо моей парандже, она хоть немного защищает от дождя. А что у вас нового? От кого письмо получили?

— Оно лежало на столе, видимо, Оймулло положила. Письмо от Сангина, он пишет...

— Хорошо, сейчас дочитаете. Но прежде всего снимите камзол и шапку. Что, простудиться хотите? Встаньте, да побыстрей!

Невеселое письмо пришло от Сангина, того самого Сангина, которому удалось в свое время спасти Саида Пахлавона и Хайдаркула от воинов Асада Махсума. В Душанбе он попал по рекомендации Асо; его пригласили на работу в особый отдел. В письме, полученном сегодня, он сообщал о тяжелом положении, в каком он находился в окружении изменников и предателей. В Душанбе вся власть была сосредоточена в руках одного человека — председателя диктаторской комиссии. Он приглашал на работу кого вздумается и снимал с постов неугодных ему. Так, например, начальником милиции был один из главарей тюрков Сурай-эфенди, связанный с басмачами, отчаянный ворюга и прохвост. По его приказу в кишлаке Туда взяли двенадцать крестьян-бедняков, арестовали ни за что ни про что! Их насильно заставляют работать, то есть, попросту гово-

ря, этот «блюститель порядка» обеспечил на свою потребу даровую рабочую силу. Много дел в особом отделе лежит не разрешенными по целым месяцам. Не хватает надежных людей! Если так пойдет и дальше, революционная власть не сможет удержаться. Нужно принять срочные меры, прислать немедленно преданных революции людей, иначе будет поздно!

— Письмо Сангина подтверждает и еще сильнее подчеркивает то, о чем говорил со мной председатель,— задумчиво сказал Асо.— Просто не знаю, как мне быть.

— А что сказал председатель? — тревожно спросила Фируза.

— Он рассказал о положении дел в Восточной Бухаре. И затем спросил, кого, по-моему, из самых надежных можно туда послать. Он ничего не сказал мне прямо. Он очень сдержанный человек... Но у меня создалось впечатление, что Центральный Комитет назвал ему мое имя...

— И что вы ответили?

— Пока не дал окончательного ответа, сказал, что должен посоветоваться раньше...

— С кем же это?

— Как с кем? С вами, с Оймулло... Если б я был одинок, сразу принял бы решение, а так...

— А вы представьте, что вы одиноки... Хотелось бы вам ехать?

— Конечно, поехал бы... Там так нужны люди, столько работы!.. Но боюсь оставить тебя с Гульбахор одних... Наши друзья, и Оймулло и Бобо Заргар, уже не молоды, за ними еще надо ухаживать.

— А я на что?

— Но ты загружена работой, домой приходишь поздно.

— А вы нет? Сидите целый день дома?

— По крайней мере, я под рукой, в любой момент можно меня найти...

— Ну, а если и мне поехать с вами?..

— А как же Гульбахор?

— И ее возьмем с собой.

— Нет, в Восточной Бухаре очень неспокойно, полно басмачей, нужно быть всегда на страже, жить по-солдатски. Женщинам и детям нельзя там находиться.

Фируза прекрасно понимала, что творится в душе мужа. Ему трудно, очень трудно расстаться с семьей, но еще

труднее отклонить назначение в Восточную Бухару: совесть замучает его. Да, Фируза изучила характер мужа.

— Завтра же скажите, что согласны поехать в Душанбе! — решительно сказала она.

— Что?

— Да, да, и я поеду с вами.

— Центральный Комитет не отпустит.

— Отпустит! Еще, может, сами пошлют меня.

— И опять тот же вопрос — что делать с Гульбахор?

— Сначала оставим ее здесь. В Душанбе осмотримся, ознакомимся с делами, а потом и ее возьмем туда.

Асо был приятно поражен смелым решением жены. В то время в Бухаре вряд ли нашлась еще женщина, которая по собственному желанию отважилась бы ехать в Восточную Бухару. Да что там женщины! Многие мужчины отказывались от интересной работы, хороших условий жизни, заработков, только бы не ехать в Душанбе. И верно, в конце 1921 года Восточная Бухара была своего рода огнедышащим преддверием гор. На этой земле хозяйничали курбаши, они заняли не одну область и зверски обращались с людьми, в первую очередь с представителями революционной власти. Фируза знала это, но она не только не проявляла женской слабости, не отговаривала мужа бросаться в самое пекло борьбы, но намеревалась ехать вместе с ним! Ну что ж, Фируза — достойная внучка Дилором-каниз, та поступила бы точно так же.

— Дорогая моя, храбрая Фируза, ты понимаешь, на что идешь? И это ради меня?!

— Почему ради вас? — Фируза чуть лукаво улыбнулась.— Мне самой хочется побывать в горах, помочь тамошним женщинам овладевать знаниями, учиться... бороться за свои права.

— Ах ты храбрый борец, моя дорогая жена! — сказал Асо, крепко обняв Фирузу.

2

С большим трудом, преодолевая помехи на своем пути, шел небольшой караван, тяжело нагруженный книгами, тетрадями и другими школьными принадлежностями. Вечером, как только стемнело, он был вынужден остановиться в кишлаке Работак, расположенном близко от ка-

раванного пути. С караваном ехали десять красноармейцев, шесть служащих различных учреждений, Асо и Фируза. Рано утром они выехали из Денау, надеясь, что к вечеру прибудут в Душанбе и отдохнут наконец после мучительно трудного путешествия. Но не тут-то было. Путь преграждали бурные речки, мостов почти не было, после бесконечных дождей эти речки сделались многоводными, переходить их стало опасно, надо было соблюдать крайнюю осторожность. Опытный, хорошо знающий этот путь караванбаши ловко перевел караван, но шли они медленно и время было потеряно.

— Нам предстоит перебраться еще через три речушки,— сказал караванбаши, высокий, широкоплечий, смуглолицый мужчина.— Даст бог, завтра, как только рассветет, спокойно двинемся в путь и живые и здоровые дойдем до Душанбе. Хоть селение Работак и не велико, но как-нибудь на ночь устроимся.

— Есть ли в этом кишлаке какой-нибудь караван-сарай? — спросил Асо, впервые попавший в эти горные края.

Караванбаши рассмеялся:

— Если бы тут был караван-сарай, то это не был бы Работак. Животных мы оставим на площадке перед мечетью, сами расположимся в мечети. А вам,— обратился он к Асо,— я надеюсь устроить другое место, есть у меня тут один друг, попрошу, чтобы он взял к себе вас и вашу жену. Неудобно как-то ей, женщине, среди мужчин.

Фируза между тем помогала мужчинам сгружать и складывать кипы книг и тетрадей, накрывала брезентом, мешками, досками и листами железа, чтобы не промок этот бесценный груз. Фируза отвечала за его благополучную доставку. Ее откомандировали в распоряжение отдела народного образования, в ее обязанность входило обеспечение учащихся Душанбе — как детей, так и взрослых — всеми необходимыми учебными пособиями.

Одетая в короткий белый чекмень, высокие сапожки, с шерстяным цветастым платком на голове, Фируза была очень хороша. И приятно было смотреть, с каким энтузиазмом она работает.

У Асо были свои очень важные задания. В двух кожаных папках он вез тугие пачки денег и денежные документы. Об этом не знали даже его спутники, настолько все было засекречено.

Появление этого каравана в маленьком кишлаке Рабо-

так было большим событием. Кишлак стоял на отшибе, вдали от караванных путей. Всего десять — двенадцать дворов насчитывалось в нем. Когда кончалась летняя страда и рабочих часов становилось с каждым днем меньше, жители кишлака ходили друг к другу в гости, жили, можно сказать, как одна семья. Редко кто из посторонних навещал их. Правда, имам и аксакал Работака знали караванбаши и приветствовали его, как знакомого, распорядились, чтобы принесли дров и разожгли костер. Красноармейцы привязали коней к колышкам, подложили клевер и, усевшись вокруг костра, снимали промокшие гимнастерки, портянки, чтобы высушить их.

Асо отвел в сторону караванбаши и тихо, чтобы не донеслось ни до чьего уха, спросил:

— Что, аксакал — ваш друг?

— Нет,— удивился караванбаши,— а что?

— Ничего,— ответил Асо и, усмехнувшись, добавил: — Не знаю почему, но что-то этот аксакал мне не нравится.

— Представьте, и мне он не понравился. Надо быть бдительными,— тоном опытного в этих делах человека ответил караванщик.— Зато моему другу, о котором я вам говорил, можно вполне довериться. Он скоро придет... А, вот он уже здесь, разговаривает с командиром. Пойдемте, познакомлю вас.

Они подошли к молодому человеку лет тридцати, одетому в старенький, заплатанный халат из темного сатина. Из-под халата выглядывал защитного цвета китель и галифе.

— Знакомьтесь, это мой друг Латиф Кутул,— торжественно сказал караванбаши,— единственный представитель власти в этих местах. Басмачи, услышав это имя, удирают куда глаза глядят. Я передаю под его защиту вас и вашу жену, а сам, зная, что с вами надежный товарищ, пойду отдыхать.

— Добро пожаловать! — радушно сказал Латиф и протянул Асо руку.— Ваше появление здесь, словно солнце, озаряет наш скромный Работак!

— Спасибо на добром слове! Нам пришлось побеспокоить вас, сделать здесь привал. Даст бог, завтра пораньше утром мы двинемся дальше.

— Никакого беспокойства, наоборот, мы очень рады вам! Ваше появление здесь — настоящий праздник! А где ваша жена?

— Сейчас поищем ее,— сказал Асо и вместе с Латифом и караванбаши пошел на площадку подле мечети.

Фируза оказалась у погонщиков верблюдов. Она втолковывала им, как охранять сваленные в кучу кипы книг, тетради и прочие школьные принадлежности, чтобы они не промокли во время дождя, чтобы никто не снимал с них брезента и мешков. Тут же стояло двое детей, кудрявая девочка и худенький высокий мальчик.

— Вот мои новые друзья и помощники,— сказала, улыбаясь, Фируза подошедшему к ней вместе с Латифом мужу.— Эту кудрявую зовут Занджира, а этого мальца-молодца, ее брата, Шанбе.

Караванбаши в свою очередь представил ребят:

— Это воины Латифа Кутула.— И тут же обратился с вопросом к детям: — Вы из какого отряда?

— Мы из первого,— отчеканил Шанбе,— зовут нас «Огонь».

— Ну, молодцы,— сказал караванбаши.— А чей ты сын?

— Я сын Аваза-охотника.

— Привез дрова красноармейцам?

— Привез.

— Вот молодец! Теперь отведем гостей в дом.

Ребята в сопровождении Фирузы шли впереди, Асо и Латиф — за ними.

Кишлак был расположен у подножия гор. Двор Латифа стоял несколько в стороне от остальных дворов, он состоял всего лишь из двух домишек, одного айвана и хлева.

Латиф зажег коптилку. Проем в стене, служивший окном, почти не пропускал света. Недалеко от него находился сандал, вокруг которого Латиф расстелил несколько шкур, на них положил одеяла и подушки и предложил сесть.

Ребята принесли дрова и затопили. Из очага мгновенно вырвался дым, клубами окутавший потолок.

— Ничего не поделаешь, в наших горных домах всегда так,— сказал Латиф извиняющимся голосом.— К тому же я сам здесь не каждый день бываю. Хозяева дома — вот эти осиротевшие дети. Отца убили басмачи, я отомстил за него и привел сюда детей.

— Правильно сделали,— живо откликнулась Фируза,— Занджира вот-вот станет взрослой. Сама себе хозяйкой будет, станет готовить обед, убирать комнаты.

— Я и теперь убираю,— горделиво сказала она.

Взрослые рассмеялись и занялись подготовкой к ужину. Фируза вытащила из мешка взятые в дорогу запасы. Латиф тоже принес свое — хлеб, чай, сливочное масло. Усевшись поудобнее, они приступили к еде и попутно делились впечатлениями. Фирузе очень хотелось узнать, чем занимается Латиф Кутул, есть ли у него жена, дети, почему на нем старая солдатская форма. Но она так и не решилась его спросить.

Ужин был закончен.

— А теперь отдыхайте, ложитесь спать,— сказал Латиф.— Занджира остается здесь. Если понадобится что-нибудь, она поможет. А Шанбе пойдет со мной.

— Выходит, что мы вас выставляем из собственного дома! — сказал Асо.— Да вы не беспокойтесь о нас. Все мы можем устроиться на ночлег в этой комнате. Трудно ли — одну ночь?

— Нет, нет,— запротестовал Латиф,— дело не в этом. Мы с Шанбе каждую ночь дежурим. Курбаши Хаит-Палвон со своими басмачами хоть изредка, но совершает ночные набеги... Если мы на страже, они не решатся на нас напасть. А вы спите спокойно, никто вас не потревожит.

— И я останусь дежурить с вами... Можно?

— Не нужно! Сегодня все спокойно. Басмачи далеко, о караване и не подозревают.

— Почему вы так уверены? Ваш аксакал уж слишком лебезил. Не значит ли это, что он успел сообщить о нас?

— Да, он на это способен. Но придет время, и лиса попадет в капкан. Он будет наказан... руками своих же односельчан.

— А до сих пор ни разу не попадался? — спросила Фируза.

— Нет, он очень изворотлив. Но я не выпускаю его из поля зрения. Сегодня ночью он не рискнет напасть. Спокойно спите, наши не допустят, чтобы хоть один волосок упал с вашей головы. Есть у нас и другие меры предосторожности: недалеко отсюда, в Каратаге, стоят войска. В случае чего... В общем, спите. Если понадобится, я вам сообщу.

— Ну, хорошо!

Латиф и Шанбе ушли. Фируза и Асо молчали, задумавшись.

— А все-таки было бы лучше, если бы мы были с нашими воинами,— нарушила молчание Фируза.

— Ничего, не волнуйтесь, я верю Латифу.

— Если нападут басмачи,— неожиданно заговорила Занджира,— тут недалеко есть сухой колодец, мы иногда в нем прячемся. О нем знают только дядя Латиф и Шанбе.

— Басмачи не придут,— уверенно сказал Асо,— они боятся красноармейцев.

— Да, они их боятся,— подтвердила Занджира. Она улеглась на шкуру, подложив ладошку под голову.

— Вот видите, Занджира не боится, легла спать, а вы, всегда такая храбрая... чего испугались? Ложитесь лучше тоже!

Фируза была веселой, решительной, смелой. В начале пути она из предосторожности надела паранджу и чашмбанд. Потом сбросила их, прикрыв голову большим шерстяным платком. Познакомившись со своими спутниками поближе, она совсем освоилась, стала принимать участие во всех делах. Давала практичные советы, помогала, чем могла. Что же беспокоит ее в эту ночь, почему тревожные огоньки время от времени вспыхивают в ее глазах?

— Хотел бы я все-таки понять, чего вы боитесь? — понизив голос, спросил Асо, когда Занджира заснула.— Что произошло?

Фируза посмотрела на спящую Занджиру и, убедившись, что девочка спит, так же тихо сказала:

— Ничего не произошло... Но не нравится мне здешний аксакал. Да и длиннобородый имам тоже. А Латиф... Кажется, будто он хороший, а что у него на душе — неясно! Вот и все. На всякий случай держите оружие наготове. Нужна особая бдительность и предусмотрительность.

— Все приготовлено.

— Вот и хорошо! Теперь я лягу и немного посплю.

Асо подбросил дровишек в очаг и задумался, глядя на огонь. Он обдумывал предположения Фирузы. «Неужели Латиф Кутул может оказаться предателем? Нет, ведь караванщик знает его, вряд ли, если бы у него была хоть тень сомнения, он привел бы нас сюда. За Латифа говорят его поступки. Разве дурной человек взял бы на воспитание двух осиротевших детей! Фируза напрасно заподозрила его... Хотя, как говорится, «сомнение — отец истины». Так и тут — нужно проверить со всех сторон. Это просто необходимо! Выйду-ка я и посмотрю, что он делает».

Вооружившись винтовкой, Асо вышел из дома. Став под айваном, он вгляделся в темноту. Сквозь сетку мелкого частого дождя ничего не было видно. Кругом стояла тишина. И только со стороны мечети порой доносились чьи-то голоса и ржанье лошадей. Асо кашлянул несколько раз и направился к воротам. Тут же он услышал голос Латифа.

— Что, не спится в гостях? — спросил он шутливо.

— Да, захотелось узнать, что тут делается.

— Все спокойно. Я только что из мечети. Красноармейцы — на страже. Расставили посты...

— А где сейчас аксакал и имам? Видали их?

— Нет, они, наверное, спят.

Латиф взял Асо легонько под локоть и направился вместе с ним к айвану, говоря:

— Раз не спится, посидим тут немного.

Они уселись на узкую деревянную кровать и положили рядом с собой винтовки.

— Странная у нас жизнь пошла — со всех сторон опасности! — заговорил Латиф. — Нельзя спокойно ночь провести. С тех пор, что я отомстил за несчастных сироток убийцам их отца, я лишился покоя. Меняю места для ночлега. Никто не знает, где я сплю сегодня и где окажусь завтра. Вот какие трудности приходится терпеть!

— А вы не могли бы переменить местожительство? Вам необходимо жить именно здесь?

— Да, я должен быть здесь, где всех хорошо знаю. Дело в том, что к басмачам нужен особый подход. Далеко не все взявшие в руки ружье и севшие на коней — настоящие басмачи. Тут нужно разобраться. Что толкает человека примкнуть к басмачам? Бывает так, что диктаторская комиссия отдает судьбу жителей этих мест в руки людей нравственно нечистоплотных. Так случилось у нас, где правит некий Сурайе-эфенди. Этот так называемый правитель выступает против басмачей. А попутно громит всех и вся, разрушает дома мирных жителей, силком принуждает их вступить в свой отряд, отрывает от мирного труда. Я не могу спокойно видеть это. Русские не разбираются в этих делах, но они мне доверяют и, предпринимая какую-нибудь военную вылазку, всегда приглашают меня с собой и действуют по моему совету. Иначе, не зная наших гор, оказались бы в трудном положении. Не могли бы и шага ступить.

Асо был изумлен: откуда у этого скромного, ничем с

виду не примечательного дехканина из горного селения столько мудрости и понимания!

— Я совершенно с вами согласен,— сказал Асо,— не все басмачи разбойники, многие втянуты в отряды обманом и насилием, многие запуганы... Нужно разбираться в каждом отдельном случае.

— Да, нужно по-человечески разбираться! — тяжело вздохнув, сказал Латиф.— Но кто этим займется? А сколько гибнет людей понапрасну. Приходят басмачи — убивают, приходят воины Сурайе-эфенди — убивают. Пора положить конец этому! Братец, скажите властям об этом, как только прибудете в Душанбе. Не то все курбаши — Ибрагимбек, Хаит-курбаши, Давлятмандби, Фузайли и еще разбойники помельче — используют неумелость наших руководителей, их неспособность понимать людей. Правильно говорится: «Там, где нет котов, мыши вылезают».

— Но и в русских войсках есть разные люди,— сказал Асо.— Часть из них несколько лет не снимает военной формы. Воюют то на одном фронте, то на другом. Они не знают ни сна, ни отдыха и другим не дают отдохнуть. Смерти они не боятся. Хорошо, что среди этих военных есть коммунисты, комиссары. Они все понимают и разъясняют темным солдатам, это дело очень трудное, но необходимое. Но сколько эта неразбериха наделала бед! Она как пожар в лесу, когда все сгорает — и сухое и мокрое.

— Верно вы говорите,— сказал Латиф.— Я для этого и живу здесь, чтобы не сгорело ни сухое, ни мокрое. Отец мне завещал: никогда не отказывайся от службы для народа и уважай всех, кто служит народу.

— Хороший завет оставил ваш отец. И вы молодец, что его выполняете.

— Я что! Народ если захочет, то и глину в яхонт превратит.

— Где вы учились? — живо спросил Асо.— Ваша речь очень богата, судя по ней можно заключить, что вы получили высшее образование.

— Я учился в школе жизни, служил одно время в армии... Да чего это я разговорился,— оборвал он сам себя,— вы, наверное, спать хотите... Нужно пораньше лечь, чтобы пораньше встать. А я пойду проверю посты.

С этими словами Латиф встал, закинул за плечо винтовку, пошел к воротам и вскоре растворился в туманной мгле. Асо еще посидел немного, размышляя о сказанном

Латифом, храбрым, мужественным человеком, по сравнению с которым он чувствовал себя ничтожным. Всю жизнь боролся и борется за справедливость. Ему постоянно грозит опасность быть убитым, но он не прячется в крепости, спасая свою шкуру, как некоторые... Все делает для народа. Живет в одиночестве, чтобы отдать все свое время, всего себя великому делу, живет словно на бивуаке, всегда под угрозой гибели. А как он беспокоится о том, чтобы басмачи, пользуясь неумелостью, а иногда и равнодушием наших горе-руководителей, не вовлекали в свои ряды бедных дехкан, ведь вслепую они могут пойти за самим Ибрагимбеком... Ох, сколько еще дел впереди! Какая борьба предстоит! Да, очень правильно, что он едет в Душанбе, необходимо быть в центре этой борьбы. И какое счастье сознавать, что рядом будет в этой борьбе любимая Фируза.

Несмотря на все волнующие мысли, Асо клонило ко сну. Он встал и тихо-тихо, на цыпочках, вошел в дом. Костер, освещавший комнату, уже погас, и в комнате было темно. Фируза и Занджира, по-видимому, спали. Асо тихонько, не раздеваясь, прилег в углу и уснул, как только его голова коснулась подушки. Трудная, утомительная дорога дала себя знать.

Он не мог бы сказать, проспал ли он час или десять минут, когда его разбудил одиночный выстрел из винтовки. Он вскочил, взял ружье и, увидев, что Фируза тоже встала, сказал:

— Фируза, вы не выходите из дома! Я узнаю, что там.

— Нет, я тоже!..

Фируза не успела договорить, как в комнату влетел Латиф.

— Идемте, приятель, со мной и захватите все ваше оружие, а ты, Занджира, вместе с сестрицей спускайся в колодец и потом подожги на холмике хворост. Поторапливайтесь.

Сказав это, Латиф тут же выскочил из дома. На улице было темно — хоть глаз выколи, лил дождь, со стороны мечети раздавались выстрелы.

Асо заставил Фирузу пойти с Занджирой в укрытие, сам проводил их и лишь тогда присоединился к Латифу.

— Кажется мне,— сказал Латиф,— что на этот раз к нам явился сам Хаит-Палван. Он знает, где мой дом, и может подойти к нам с тыла... Я потому и разбудил вас. А за

жену не беспокойтесь. Занджира, хоть еще и девочка, очень смышленая и знает, что нужно делать.

Латиф и Асо заняли удобную позицию на высоте. Оттуда открывалось большое пространство. Правда, густая тьма не давала возможности что-либо видеть, но, судя по выстрелам, можно было заключить, что басмачи окружают кишлак с запада и юга. Красноармейцы и караванщики сделали укрытия в мечети и во дворах, окружающих мечеть.

— Проклятые басмачи! Они никогда не нападали со стороны Каратага, боялись, что подоспеют войска и они окажутся в окружении. Но вот вглядитесь, они окружают снизу и скачут сюда. Не догадываются, что мы наблюдаем за ними. Хорошо, подходите, подходите поближе, мы вас встретим получше!

Асо напряг зрение до предела, вглядываясь в темноту, и наконец разглядел группу всадников, направляющихся к ним. В руках у Латифа был ручной пулемет. В ту самую минуту, когда басмачи с воинственными криками собирались перейти в атаку, пулемет заработал. Несколько человек из нападающих были сбиты с коней, остальные бежали... Асо тоже не упускал момента и все время стрелял.

В это время Фируза и Занджира уже сидели в сухом колодце у самого подножия невысокого холма и прислушивались к стрельбе.

Занджира все старалась успокоить Фирузу:

— Вы не волнуйтесь, они сюда не придут. Они не знают про этот колодец. Мы уже прятались здесь. Потом я выхожу и поджигаю хворост. Спички всегда при мне. Мне дал коробочку командир красноармейцев. Вот она.

— А зачем ты это делаешь?

— Это сигнал для Шанбе: увидев огонь, он должен зажечь такой же у себя, там холм повыше... На его огонь пойдут красноармейцы.

— Ты боишься басмачей?

— Боюсь... очень.

— Как же ты решаешься выйти из колодца и поджечь хворост?

— А это не опасно. Хворост лежит на верхушке холма. Я осторожно поднимаюсь на холмик, поджигаю кучку хвороста. Вот и все.

— Где сейчас Шанбе?

— Он далеко, на высоте. Там есть большая пещера. Басмачи о ней тоже не знают...

— Занджира! — откуда-то издали донесся голос Латифа.

— Ну вот,— сказала Занджира,— пришло время. Вы оставайтесь здесь и не беспокойтесь, я скоро вернусь. Красноармейцы, получив сигнал Шанбе, придут, а басмачам не под силу воевать с ними, и они отступят.

Занджира выпрыгнула из колодца и исчезла во тьме.

— Погоди, Занджира,— вскочила Фируза,— и я с тобой!

Но Занджиры уже и след простыл. Как резвый козленок, она бежала на вершину холма.

Фируза вылезла из колодца, пытаясь что-то увидеть, но смогла различить только смутные очертания холма, на вершине которого нужно поджечь хворост. Едва начала она подниматься, как услышала вскрик Занджиры, сразу оборвавшийся, словно кто-то зажал ей рот. Смятение, страх за девочку придали Фирузе силы, и она довольно легко и быстро взбежала на холм, держа револьвер наизготове... Думать не было времени, надо было решать немедленно, что делать. На вершине холма было чуть светлее, чем внизу, и она разглядела мужчину, который боролся с Занджирой. На какое-то мгновение она вырвалась из его рук, и тут же раздался выстрел. Мужчина упал плашмя на землю. Но упала и Занджира.

В мужчине, валявшемся в луже собственной крови, Фируза узнала человека, который ей уже днем показался подозрительным: это был аксакал!

Кругом раздавались выстрелы, стрельба становилась все чаще и чаще, стреляли из винтовок и пулеметов. Опасность приближалась, но Фируза ни на что не обращала внимания, она склонилась над Занджирой, ласковыми словами и горячими поцелуями старалась привести ее в чувство. Через несколько минут девочка очнулась и прошептала:

— Хворост... огонь... спички...

Фируза пошарила вокруг и нашла коробок спичек, завернутый в тряпочку. К счастью, спички еще не успели отсыреть. Нашла она и кучку хвороста, быстро подожгла тряпочку и подложила ее под него. При свете вспыхнувшего костра она стала спускаться с холма, держа на руках маленькую Занджиру.

3

Под утро тучи развеялись, дождь прекратился, а небо на востоке стало розоветь. Красив был кишлак с его домами, разбросанными по склонам холмов. Вчера вечером усталые путники не могли увидеть всей его прелести. Широкую долину внизу омывали бурные горные речки. Листья деревьев были щедро разукрашены чарующими красками осени: зеленые, желтые, лиловые, красные, розовые... Глаз не оторвать от этой красоты! На полях рядом с пожелтевшими весенними посевами выбивалась молодая зелень озимых. Жаль, конечно, что многодневные дожди сделали свое дело — кругом стояли грязные лужи,— но они же освежили яркие листья деревьев и зелень. Сырость, принесенная дождями, испарилась, и воздух был напоен нежным запахом цветов и трав. Легкий утренний ветерок гнал по небу разрозненные тучки, а вершины высоких гор были освещены золотыми лучами восходящего солнца. Казалось, сама природа, раскаиваясь в своей вчерашней жестокости — напустила тьму, дождь и туман,— стремилась искупить свою вину.

Да, но это — природа! А люди в кишлаке сегодня суровы и печальны. Они все напуганы ночной стрельбой. И хотя басмачи были отогнаны людьми из каравана и вовремя подоспевшими в самую трудную минуту красноармейцами, победа была достигнута дорогой ценой. На площадке у мечети лежали трое раненых, а подле суфы стояли два гроба. Два русских парня, два красноармейца! Прошедшей ночью они твердо, нерушимо стояли на посту и пали первыми жертвами от рук разбойников.

Одним из трех раненых, лежавших у мечети, был Асо. По счастью, среди ехавших с караваном оказался врач. Он сидел подле раненых и перевязывал раны. Ему помогала Фируза.

Асо был ранен при следующих обстоятельствах. Он сидел в укрытии рядом с Латифом и стрелял по басмачам... Вдруг раздался крик Занджиры, и тут же последовали два револьверных выстрела. Асо вскочил и, не слушая Латифа, ринулся туда, откуда донеслись эти звуки. Но не успел он сделать и пяти шагов, как ему в плечо впилась пуля и он упал. Латиф с трудом поднял его, втащил в укрытие и, накрепко перевязав рану, остановил кровотечение.

— Вам повезло,— сказал врач,— хорошо, что сразу на-

ложили такую прочную повязку!.. А то могли потерять много крови и совсем обессилеть. Ничего, все поправимо, рана небольшая... Пуля вылетела, задев лишь лопаточную кость. Сейчас мы немного почистим рану и снова забинтуем.

Асо посмотрел с нежностью на своего нового друга Латифа Кутула. Латиф ответил ему тем же. Этот вчера лишь появившийся в его жизни человек по имени Асо вызвал самые горячие чувства братской дружбы. Как благородны его мысли, его взгляды на долг человека! Вот у кого надо учиться познавать смысл жизни...

Латиф сошел на площадку подле мечети и остановился перед гробами, где лежали два русских парня, погибших далеко от родного дома, в борьбе за торжество революции. По русскому обычаю их положили в гроб в одежде и сложили руки на груди. Тут же Латиф вспомнил, что и мусульмане так же хоронят павших на поле боя во имя правого дела защиты свободы и справедливости.

Латиф всмотрелся в молодые лица красноармейцев и увидел на них печать страдания, которое возникло в те последние мгновения жизни, когда они осознали, что расстаются с ней навсегда. Он ясно представил те далекие края, откуда они пришли на его родину. И нашли здесь смерть. Он представил себе, как выходят на дорогу их матери и невесты (наверно, у этих бравых парней они уже есть) и до боли в глазах всматриваются в даль, ожидая их возвращения. Как обидно и горько, что гибнут молодые, цветущие люди, так и не насладившись жизнью. Они пожертвовали ею ради товарищей, ради их детей и жен, ради Занджиры и Шанбе, ради Фирузы. Эти молодые солдаты воевали за мирный труд, они охраняли братскую дружбу, добрые дела... А погибли от рук предателей народа! Если вдуматься, то, может быть, в их гибели виноват и он, Латиф.

Вчера Фируза и Асо спросили его, можно ли доверять имаму и аксакалу, а Латиф, не вдумываясь в их вопрос, спокойно сказал, что они, должно быть, мирно спят, устав после дневных занятий. Надо было не успокаиваться на этом, а проследить за ними, раз уже возникло подозрение... И что же получилось? Как потом выяснилось, эти подлые люди послали своего человека к Хаит-Палвану — сообщить ему, что в кишлаке Работак остановился на ночлег большой караван с дорогими товарами. Таким образом, предательство шло изнутри. Иначе как бы аксакал узнал о сиг-

нале? Кто-то в кишлаке, видимо, был осведомлен. Подумать только, маленькая Занджира могла пасть жертвой. Хорошо еще, что Фируза подоспела вовремя, спасла девочку и достойно наказала преступника. «Вся эта история — хороший для меня урок!»

Фируза тем временем была встревожена и печальна. Она не замечала красоты и прелести свежего утра в горах. На душе у нее было так же мрачно и тяжко, как и вчера. Она сидела около любимого человека и, стараясь казаться спокойной, все время улыбалась. Иногда, склонившись над ним, целовала его побледневшее лицо и обветренные губы. Без конца мысленно повторяла: «Нет, нет, он будет жить... Полежит, и через несколько дней все пройдет. Ведь он молод, силен, потерял не много крови, ранен навылет, пуля проскочила, не принеся особого вреда... Ничего, ничего, все будет хорошо».

Так уверяла она сама себя. Но где-то в глубине души, в каком-то ее уголке, темнела черная точка сомнения, и это наводило на мрачные мысли. Надежда и отчаяние беспрестанно сменяли друг друга. То ей верилось, что они благополучно приедут в Душанбе, где их ждут большие дела и немалые успехи. С какой радостью они будут трудиться не покладая рук! Как сурово станут бороться с дезорганизаторами, лентяями, эгоистами! У них появятся замечательные новые друзья... А потом они поедут за Гульбахор, любимой дочкой, и их новый дом озарится радостью и весельем. С Гульбахор в дом придет сама весна. То вдруг Фирузу охватывало чувство тревоги, радость меркла при мысли, что Асо погибнет. Разве она сможет жить без Асо?! Для нее тогда дни и ночи, все померкнет, покроется однотонной серой краской, и весна, и лето, и осень, и зима — все будет неузнаваемо, и люди тоже — не отличишь врагов от друзей. Нет, нет, не дай бог, чтобы это случилось. Лучше ей самой умереть, чем дожить до такого ужасного дня!

А что переживал Асо в это время? Он не очень страдал от раны. Больно было, когда врач ее чистил, но потом рану смазали чем-то, туго перевязали, и боль улеглась. Правда, температура поднялась, в горле пересохло, болела и кружилась голова, становилось темно в глазах. Но он не терял надежды на скорое выздоровление. А мысль о смерти и в голову ему не приходила.

В бою, хочешь не хочешь, надо быть готовым к тому, что в тебя вонзится пуля. Но если рана не смертельна, то,

залечив ее, солдат здоров и снова идет в бой. «Не для того я приехал сюда, чтобы валяться дома в постели или умереть. Необходимо только запастись терпением. Жар спадет, голова перестанет болеть, и я готов снова идти в бой. Нужно успокоить Фирузу. Тяжело видеть, как она подавлена и растерянна». Так говорил Асо сам с собой.

Караванщик тем временем доложил командиру, что можно выносить гробы. Бойцы, товарищи убитых, подняли гробы на плечи и двинулись к холму, на котором были вырыты две могилы. Все жители кишлака, все едущие с караваном присоединились к траурной процессии. На месте остались врач, Фируза и три вооруженных бойца для присмотра за ранеными и их охраны.

Фируза вдруг увидела приближающуюся к ней Занджиру. В руках девочка несла кринку молока и две только что испеченные лепешки. У Фирузы даже слезы выступили на глазах — так она была растрогана заботой Занджиры, ее добротой.

— Здравствуй, дорогая девочка,— приветствовала она Занджиру. — Руки хоть не обожги. Как ты донесла лепешки, горячие какие!

Занджира присела у постели Асо и, сочувственно глядя на него, тихо спросила:

— Что, больно? Скоро поправитесь!

Асо ласково погладил здоровой рукой кудрявую голову девочки.

— Нет, не больно... Ты принесла мне здоровье.

Асо чуть ли не залпом выпил пиалу теплого молока.

— Хлеба мне что-то не хочется, ешьте сами, поделитесь с товарищами.

Фируза кормила раненых. Вдруг с вершины холма загремел ружейный залп. Занджира задрожала, готова была бежать, но ее успокоил доктор.

— Не бойся, девочка,— сказал он,— это стреляют наши бойцы над могилами своих убитых товарищей. Так они прощаются с ними... Это военный обычай.

Трижды раздался залп, и наступила тишина. Через час караван тронулся в путь. Раненых везли на телегах, подстелив солому и одеяла. Остальные ехали на конях. Караван отбыл из кишлака, в котором за одну ночь произошло столько событий!

4

Душанбе расположен у подножия холмов, примыкающих вдали к горам Гиссарского хребта. Когда-то его даже городом назвать нельзя было. Он скорее походил на большой кишлак, богато украшенный садами, в которых росли цветы необыкновенной прелести и раскраски. Недаром правители и знатные люди Гиссара так любили отдыхать здесь, укрываясь от нестерпимой жары, наступающей летом в городе. Правда, большой, полноводный арык Хозоры щедро поил сады и цветники Гиссара, но этого было недостаточно...

После революции эмир бежал в Гиссар и объявил своей крепостью здания военного гарнизона бывшего русского правительства, построенного из жженого кирпича на европейский манер. Душанбе эмир объявил своей столицей. После того как эмир вынужден был бежать и отсюда, революционное правительство в составе полномочного представителя Бухарской республики сделало Душанбе столицей Восточной Бухары и разместилось в обширном дворе, похожем на небольшую крепость. А теперь кирпичное здание гарнизона занимали бойцы Красной Армии.

Обстановка в этих местах была напряженной и сложной. В Кокташе в те дни находился Ибрагимбек, а его шайка совершала набеги до самого берега Кафирнигана, в сторону Янгибазара.

Менее опасной была только дорога в Бухару. Но и оттуда никто не мог приехать без военной охраны.

Жители Душанбе несказанно радовались каждому, кто прибывал со стороны Бухары. Те дни были для народа настоящим праздником. Торжественно встречали они желанных гостей. Людям хотелось почувствовать запах родного города, запах родины... Все, что привозили караваны, каждый человек, каждая вещь и даже верблюды казались им... чудом природы.

Опасно было ходить в одиночку даже в кишлак Шахмансур, находившийся в пяти километрах от города. И все же в базарные дни туда стекалось много народу. Приезжали торговцы и покупатели из кишлаков Варзаба, Янгибазара, из городов — Каратаг, Гиссар, Кокташ и еще разных других мест. Чего только здесь не продавалось: рогатый скот — крупный и мелкий, лошади, ослы, верблюды,

пшеница, ячмень, кукуруза; было много хозяйственных товаров, лопаты, топоры. Вообще в Шахмансур торговать приезжали смелее, так как басмачи не решались нападать на большие базары в этом кишлаке: поблизости стоял сильный гарнизон Красной Армии.

Знакомый нам караван прибыл в Душанбе как раз в базарный день. На широкой площади, расположенной вблизи дороги, по которой шел караван, собралось много людей. Увидев его, все вышли к берегу реки. Появились музыканты, приветствуя караван праздничными звуками карнаев и сурнаев, танцоры показывали свое искусство.

Кругом стоял шум и гул, кричали дети, шумно приветствовали караван и взрослые. Из гарнизона явился отряд красноармейцев с носилками и постельным бельем... Увидев это, все недоумевали: что случилось, почему носилки?.. Но более опытные понимали, что не зря пришли медики встречать караван,— видимо, кто-то заболел или ранен...

Искусный караванщик благополучно переправил караван через реку. Тепло встретили прибывших представители правительства — работники просвещения, финансов и других учреждений. Они здоровались с ними, как с лучшими друзьями и родственниками. Командир прибывшей группы красноармейцев коротко отрапортовал начальнику отряда гарнизонных красноармейцев и повел строем воинов в гарнизон. Тем временем медицинские работники занялись ранеными. Фируза сидела на телеге рядом с мужем. Асо был встревожен и нервничал, чувствуя свою беспомощность.

— Спроси, есть ли среди встречающих кто-нибудь из Чека и из банка? — просил он Фирузу.

Его беспокоила судьба денег, которые он привез из Бухары. Фируза собралась уже пойти и поискать этих людей, как к ним подошел работник особого отдела. Сказав раненому несколько ободряющих слов, он сам пошел искать банковского работника и вскоре привел его. Асо облегченно вздохнул, когда в присутствии работника Чека сдал два портфеля с деньгами и получил расписку.

В больнице Асо сразу отнесли в операционную. Прощаясь с ним, Фируза крепко обняла его, целовала лицо, лоб, руки, шептала успокаивающие слова, стараясь всеми

силами вселить в него бодрость. Говорила, что сбудутся все их мечты и надежды...

Это были хорошие слова. Нужные человеку! Ведь мечты и надежды придают уверенность, усиливают стремление жить, помогают бороться с несправедливостью и злом, помогают преодолевать трудности жизни... Умная, чуткая Фируза понимала, что каждое ее слово ободряет Асо безгранично. Она уверяла его, что они увидят свою Гульбахор красивой взрослой девушкой... Они должны дать ей хорошее образование, воспитать полезного обществу человека. Рисовала радужные планы. Лето они проведут в Душанбе, зимой уедут в Бухару. А придет время, и они будут ездить поездом. Ведь они для того сюда и приехали, чтобы налаживать жизнь, сделать ее красивой, удобной для трудовых людей.

— Ты, дорогой, не волнуйся, здесь есть опытные военные врачи, они прекрасно знают свое дело. Все будет хорошо! Все...

Вдруг Фируза осеклась, комок сжал ей горло. Санитары унесли носилки. Время истекло. Пора было приступать к операции. Фируза хотела войти в операционную, но ее туда не пустили. Она как подкошенная упала на стул возле двери и заплакала. Это случалось с ней редко, только когда горе было слишком уж велико. Горько плакала она, когда умерла ее бабушка, когда так трагически покончила с собою ее подруга Шамсия и еще когда погибла Хамрохон. А вообще, какие бы трудности ни стояли на ее пути, она мужественно их преодолевала. Почему же сейчас она так горько плакала? Ведь врач заверял ее, что рана у Асо не смертельная, что жизнь его вне опасности... Да, думала она, но как он, бедный, страдает от боли! Думать об этом было невыносимо! Вот почему лились слезы из ее глаз... А может, уже и годы дают себя знать? И конечно, сказывается усталость от всего пережитого. Не нужно плакать, нужно быть стойкой, как всегда! Асо в хороших руках, врачи сделают операцию, он скоро поправится. А если не скоро? Опять Фирузу одолели сомнения... Если долго пролежит? Как тогда быть? Ведь они приехали сюда работать, а не лежать в больнице! И с нее спросят, она здесь не для того, чтобы сидеть у кровати больного. А сколько хлопот и денег затрачено на их переезд! Ей надо немедленно взяться за организацию школ и детских домов, она

должна включиться сейчас в это дело. Ей, наверное, скажут так и добавят: а вашего мужа вылечат врачи!

Нет, нет! Она ни за что не оставит Асо, она должна присматривать за ним. Два-три часа еще можно выкроить для работы, и при ее сноровке (а это свойство, к счастью, еще у нее сохранилось) она успеет сделать что надо, как за целый рабочий день. А потом вернется в больницу и будет с Асо. Она скоро поставит его на ноги своей любовью, нежностью и заботой. Все сделает она, даже больше, чем врачи... Они знают свое дело, но его сердце успокоит и вылечит она.

Рывком открылись двери операционной. Фируза вскочила со стула и хотела подойти к вышедшему оттуда врачу, но он так стремительно прошел мимо, что она не успела ему и слова сказать. Что там произошло, закончена ли операция, как себя чувствует Асо?

Фируза едва успела снова сесть, как появился тот же врач, так же быстро вошел в операционную. Фируза, не помня себя от волнения, подошла к двери, прислушалась, но до нее доходили только невнятные голоса, и ничего разобрать она не смогла. Почему не слышно голоса Асо? Почему ни единого стона? Верно, крепко сжал зубы... И тут же раздался вскрик... «Это его голос»,— подумала Фируза и задрожала от жалости и страха. Она не находила себе места, никого и ничего не замечала. На нее с удивлением смотрели проходившие мимо. «Что здесь делает эта мусульманка без паранджи?» — мысленно спрашивали они себя. Фируза не замечала этих людей, все ее мысли были заняты лишь одним вопросом: что делается в операционной?

Она не знала, сколько времени прошло с той минуты, когда унесли Асо, но примерно через час его вынесли на носилках и пронесли мимо нее. Он был очень бледен, глаза закрыты.

Фируза при виде его даже не вскрикнула, не заплакала, не спросила ни у кого, как прошла операция, а тихо, покорно пошла за носилками, зашла в ту палату, куда принесли Асо.

В этой палате было еще три человека, все русские красноармейцы. Один из них встал, взял стул и, поставив у кровати, на которой уложили Асо, предложил Фирузе сесть. Она вдруг почувствовала, как похолодели у нее руки и ноги, и она чуть не упала, садясь... Онемел и язык.

Неподвижно смотрела на изможденное лицо Асо, вкладывая в этот взгляд всю свою любовь и нежность.

Как это получилось, что она не упала на колени перед ним, не бросилась к его ногам, не стала целовать его руки?! Почему не просит его открыть глаза, заговорить?

В палату вошел врач. Подойдя к кровати Асо, он взял его руку, чтобы проверить пульс.

— Неплохо,— сказал он по-русски, обращаясь к Фирузе.— Пульс у вашего мужа хороший, операция прошла нормально. А он у вас молодец! Терпеливый... Сейчас он очнется, откроет глаза... Эй, братец, как тебя звать? Говори!

— Асо-о,— с трудом открывая глаза, произнес Асо.

— Он, конечно, устал, пришлось претерпеть немало. Больно... Но вы не волнуйтесь. Сейчас ему сделают укол, он спокойно уснет и проснется почти совсем бодрым.

Асо сделали в присутствии врача укол, и врач лишь тогда ушел из палаты. Но Фируза не могла успокоиться, с тревогой всматривалась она в лицо мужа, и слезы то и дело навертывались на глаза. Теперь она стояла на коленях совсем рядом с ним, гладила, целовала. Асо почувствовал прикосновение ее рук, ее губ. Он приоткрыл глаза, но виделось ему все как в тумане, он тихо сказал:

— Я буду здоров... Но сейчас я очень устал... Спать, спать,— пробормотал он, уже засыпая.

Спал он спокойно, и Фируза немного повеселела. Она встала с колен и уселась на стуле рядом с кроватью. Но вскоре вошел санитар и сказал, что ее спрашивают, просят выйти. Фируза была поражена. «Кто бы это мог быть,— думала она,— ведь меня не знают в этом пока еще чужом краю?»

Она поправила платок на голове и вышла. У ворот стоял караванщик и двое каких-то незнакомых мужчин. Они приветливо поздоровались с ней, выразили искреннее сочувствие ей и ее мужу и сказали о цели своего посещения.

— Мы из отдела просвещения. Председатель диктаторской комиссии поручил нам приготовить для вас квартиру и все необходимое в хозяйстве. Все у нас готово! Не смогли бы вы сейчас пойти посмотреть свой дом и вещи, отвезенные туда любезным караванщиком?

«Да,— подумала Фируза,— хорошо бы до того, как проснется Асо, пойти и посмотреть».

— Пожалуй, я пойду с вами, спасибо! А далеко ли идти?

— У нас фаэтон...

И Фируза уехала.

...Асо проснулся, когда на дворе стояла ночь. Палату освещала десятилинейная лампа. У его кровати сидела Фируза и ласково улыбалась ему. Крепкий, глубокий сон значительно улучшил его состояние. Асо проснулся в хорошем настроении, с ясными глазами...

— Я так долго спал,— сказал он,— что не заметил, когда внесли лампу...

Дрожащей от слабости рукой Асо взял руку жены.

— Хорошо, что в палате два источника света,— сказал он улыбаясь.

Фируза удивилась.

— Откуда два?

— Один — это лампа, другой — твое лицо.

Фируза была счастлива: Асо говорит такое,— значит, он хорошо себя чувствует.

— А как вы? — ласково спросила она.— Не болит плечо?

— Болит? Что болит? Да и болело ли что-нибудь? Я не чувствовал...

Он говорил так весело, так шутливо, что Фируза готова была поверить ему, но ей вспомнился его короткий страдальческий стон, и слезы навернулись на глаза, дрожь пробежала по телу.

Между тем принесли ужин.

— Ого,— шутливо продолжал говорить Асо,— вот и ужин уже готов! Вместе и поужинаем. Хорошо?

Фируза протянула Асо пиалу кислого молока, положила в куриный бульон лепешку, говоря:

— Нам тут приготовили уютный домик, с большими окнами, с верандой, постелили большой ковер... Караванщик помог вещи занести.

— Вот и хорошо! Когда я поправлюсь, устроим в новом доме пир.

— Непременно устроим!

— Ты сегодня будешь ночевать там?

— Нет, я останусь здесь.

— Где же?

— Рядом с вами.

Асо молчал, глядя в глаза жене. Каждый раз, когда она проявляла по отношению к нему свою любовь и нежность, это его трогало до слез. От волнения он не мог говорить... Вот и сейчас он испытывал то же чувство. Храбрый, сдержанный воин и чекист превращался в ребенка.

— Я говорила тут с врачами,— продолжала Фируза,— они согласились с моими доводами и разрешили мне побыть несколько дней с вами, пока окрепнете... Целый день я буду за вами ухаживать, а когда настанет пора спать, уйду в соседнюю комнату, где стоит удобная кровать, и там посплю и отдохну... Будьте спокойны!

— Милая ты моя, любимая! — Только эти слова смог произнести Асо — так он был взволнован. По щеке покатилась слезинка, одна, другая, еще и еще; они убедительнее всяких слов говорили о его чувствах. Фируза вытерла своим платком его мокрые от слез щеки и поцеловала его в лоб.

— Любимый мой, зачем плакать? Все будет хорошо! Успокойтесь...

— Я спокоен... Но об одном хочу попросить... Именно сейчас надо это сказать... Ты не сердись.

— Говорите, родной, приказывайте, все выполню с радостью... все ваши поручения.

— Нет, это не поручение, а просьба...— Асо перевел дыхание.— Если со мной случится... если придется в этом городе остаться навсегда, вы с Гульбахор приходите каждую весну на мою могилу и приносите цветы.

— О, не говорите, Асо, милый мой!

Фируза не смогла сдержаться и залилась слезами. Что это за слабость? Разве подобает так вести себя внучке Дилором-каниз?

5

Это было в конце октября в полдень. На одной из платформ, немного в стороне от станции Каган, готов был к отправлению специальный эшелон, состоящий из красных теплушек и одного синего пассажирского вагона, прицепленного к концу состава. В теплушках с настежь раскрытыми дверьми ехали красноармейцы, в закрытых находились лошади и оружие. Синий вагон был отведен для командования.

С этим воинским отрядом почти месяц Карим преследовал в степях Кармина и Нурата Абдухамида Орипова. Но поймать Орипова не удалось. Почуяв, откуда грозит опасность, он вместе со всеми своими людьми бежал в сторону Гиссара и Бабатага. Тогда отряд Карима отозвали в Бухару, пополнили новыми людьми, предоставили возможность передохнуть — и вот сегодня он снова в строю и направляется в сторону Бойсуна. Настроение у Карима было приподнятое, он все время был поглощен одной мыслью, одним стремлением — скорее расправиться с басмачами, встретиться лицом к лицу с ненавистным Асадом Махсумом, покончить с ним и освободить свою любимую, свою Ойшу!

Вместе с Каримом до Карши собирался ехать и Насимджан. Он имел специальное задание Чека, в связи с этим должен был встретиться там с Файзуллой Ходжаевым, ехавшим для проверки хозяйственных дел в областях. Кроме того, нужно было подробно рассказать, как прошла встреча Энвер-паши с группой правых джадидов. Но перед самым отбытием пришло распоряжение поезд задержать, так как из Бухары едет человек с каким-то важным сообщением.

— Видимо, позвонил сам председатель,— сказал опытный в таких делах Насимджан,— не каждый имеет право задержать уходящий по расписанию поезд.

— Что же случилось? —нетерпеливо воскликнул Карим.

— Наверное, что-то серьезное.

Карим и Асо стояли на платформе и терпеливо ждали. Время тянулось очень медленно. То и дело машинист подавал нетерпеливые гудки, словно выражал этим общее нетерпение. Да что машинист — сам пыхтящий паровоз как будто хотел сорваться с места и покатить, покатить по рельсам.

Наконец прискакали три всадника. Одним из них оказался председатель Чека. Спешившись, он подошел к Насимджану и Кариму и сразу приступил к делу.

— В Бухаре ожидаются большие события,— сказал он.— Понимая, насколько они важны, мы рассудили, что я должен сам сообщить вам о них. Передайте, пожалуйста, лично Файзулле Ходжаеву этот пакет и скажите ему, что джадиды от имени бухарского правительства и от имени Файзуллы Ходжаева намерены самовольно отдавать при-

казания и оказывать помощь Энвер-паше. Есть среди них и такие, которые готовы поднять мятеж и взять власть в свои руки. Вот уже несколько дней, как в определенных домах и с определенными лицами ведутся тайные переговоры... Имена их и адреса — в том пакете, что я вам передал... Мы должны опередить их и принять все меры, чтобы не допустить восстания. Обстановка очень тревожная. Об этом, конечно, осведомлен председатель республики... Знает и товарищ Юренев. Ну, все. Теперь можете ехать!

— До свидания! Всего хорошего!

— Да, Карим,— спохватился председатель,— находясь в Бойсуне, проследи внимательно за Усманом Ходжаевым. Он может внезапно дать приказ, якобы от имени правительства, чтобы помешать твоим делам... Ты действуй самостоятельно, ему не подчиняйся!

— Усману Ходжаеву нечего делать в Бойсуне, наверное, ушел оттуда.

— Возможно, что ушел, но не исключено, что он еще там. Мы узнали недавно, что Энвер был главным образом его гостем.

— Вот как! — воскликнул Карим.— Хорошо, что предупредили... Спасибо!

— Итак, до свидания. Желаю удачи!

По сигналу Карима начальник поезда дал свисток. Раздался протяжный гудок, за ним — оглушительный вскрик, и поезд тронулся...

Насимджан и Карим сели в последний, синий вагон и помахали на прощание председателю рукой... Поезд набирал скорость. Он мчался к городу Карши, где ехавших в нем молодых бойцов, может, ждали суровые битвы с врагами революции... Кто знает, кому суждено погибнуть в кровавых схватках... А пока они ехали и пели бодрые, подымающие дух песни.

Прежде чем сесть в свой вагон, Карим прошел по теплушкам, поговорил с бойцами, разведал, в каком они настроении, и остался очень доволен. Ребята порадовали своей боевитостью, своей бодростью. В купе, которое он занимал вместе с Насимджаном, он вернулся в приподнятом настроении и первым делом попросил чаю. Когда чай был принесен, Насим вынул из своего вещевого мешка хлеб, холодное мясо, халву, и друзья принялись за ужин.

Когда они насытились, Насим сказал:

— До Карши примерно пять-шесть часов езды, ты можешь спокойно отдохнуть, поспать...

— Спасибо, но я не устал. Ты лучше скажи, что было в Баку, чем закончились твои дела?

Насимджан по привычке к конспирации хотел было уже сказать «ничем»: как опытный чекист, он на вопросы отвечал одним этим словом, или переводил разговор на другое, или отделывался шуткой. Но от Карима нечего было скрывать.

— Ты ведь знаешь, что в мою задачу входило выяснить взаимоотношения бухарцев с Энвером. Я знал, что у наших делегатов единственная цель поездки — встреча с Энвером. Но я не знал, на чем основана их связь. Узнать это оказалось нелегким делом. Наши бухарцы меня на встречу с ним не пригласили. Зато помогли наши азербайджанские друзья. Они записали почти все, что говорилось на этой встрече. Так выяснилось, что первая группа джадидов поручила своим делегатам пригласить Энвера в Бухару. Он с радостью принял это предложение, сказав, что посещение Бухары первым делом входит в его планы; у него, мол, есть там важные дела... Я хотел сделать все возможное, чтобы сорвать его планы, но руководители Азербайджанской Чека воспрепятствовали. Не возражали и представители русского правительства против его появления в Бухаре... Вот так он и поехал туда. Тут ведется какая-то непонятная политика, о которой мы не осведомлены. Так или иначе, Энвер в Бухаре ведет свои дела!

— Какие дела? На Регистане комсомольцы помешали ему, не допустили к трибуне. Он попытался говорить с автомобиля. Но его почти не было слышно, к тому же не понимали его тюркское произношение.

— В домах джадидов правых групп он проводил собрания, подготовляющие заговор правых, махровых реакционеров...

— Почему же вы его не арестуете? — взволнованно воскликнул Карим.

— Во-первых, мы еще не имеем достаточно веских доказательств, во-вторых, он — иностранец, и арестовать его мы можем только с разрешения Москвы и Ташкента.

— А теперь вы едете рассказать об этом Файзулле Ходжаеву? Неужто ему самому об этом неизвестно?

— Да, неизвестно! Он и не подозревает, какая ему гро-

зит опасность. Где-то в Карши или в Карки должны на него напасть и убить. Нужно предотвратить их черное дело, спасти его. Вот моя задача.

— Это дело как-то связано с прибытием Энвера?

— Да, и очень крепко! — Насим помолчал минуту и продолжал: — Я сопровождал Энвера в Бухару в составе делегации. Всех разместили в Назирате иностранных дел. Бухарцы попрощались и ушли, кроме двух — Мирзо Исама и Нугманджана Махсума. Мирзо Исам хотел что-то сказать Энверу и заговорил с ним по-тюркски, но произношение у него такое плохое, что Энвер ничего не понял и обратился за помощью ко мне. Ты ведь знаешь, что я хорошо говорю по-тюркски. «Что вы хотите сказать, ака Мирзо? — спросил я.— Могу перевести».

Мирзо Исам ответил не сразу, он посмотрел на Нугманджана Махсума, как бы спрашивая разрешения говорить, и, лишь увидев в его глазах согласие, сказал:

«Скажите, что господина пашу приглашают к господину Нугманджану Махсуму, там уже собралась революционная молодежь и с нетерпением ждет его прихода».

Я перевел. Энвер принял приглашение, но с условием, чтобы я был там тоже. Вот и пришлось пригласить и меня. Там уже собралось человек восемь где-то подобранных, новоявленных поклонников тюркизма... Они сами хоть почти и не умели говорить по-тюркски, подчеркивали, что их предки были тюрками. И они, мол, готовы сию минуту ринуться в бой, поднять восстание за тюркскую нацию, за ислам! Пыл этих молодых людей был несколько охлажден спокойным тоном старших участников этого сборища да и самим Энвером, который сказал, что в таком важном деле нужно все глубоко обдумать, посоветоваться с кем надо. Больше ни о чем важном не говорили, подозреваю, что из-за моего присутствия. Энвер только спросил, где сейчас находится Файзулла Ходжаев, и ему ответили, что уехал по делам в Карши и Карки.

«Я слышал это имя за границей, на Западе,— сказал Энвер.— О нем говорили как о зрелом и умном молодом человеке... Родом он из тюрков, из богатой семьи, получил хорошее образование. Я считал, что он может много сделать для укрепления и процветания тюркской нации... Но в Баку я узнал, что это не так. Он, оказывается, продал Москве и тюркскую нацию и священную Бухару!»

«Да, да, да,— заверещали юноши,— он предатель, изменник!»

«Я думаю,— вмешался хозяин дома,— что неспроста ваше своевременное появление в Бухаре привело к его отсутствию...»

«Мы не можем найти с ним общий язык! — воскликнул один из присутствующих на собрании.— Даже его родич Усманходжа-эфенди крайне недоволен им...»

«Значит, не надо посвящать его в наши дела»,— сказал Энвер.

«Его надо убить!» — решительно заявил один из ретивых молодых людей.

«Мы собираемся это сделать»,— сказал хозяин дома, вопросительно глядя при этом на Энвера.

...Насимджан горько усмехнулся и замолчал.

— М-да! — только это и сказал Карим.

— Эти сведения,— продолжал после минутной паузы Насим,— я передал нашему председателю. В Чека, оказывается, о заговоре и подготовке террористического акта уже знали из других источников. Вот поэтому я и еду к Файзулле Ходжаеву. Дай бог успеть предупредить убийство!

— Конечно, хорошо, что послали вас, у вас такой опыт!..

— Да, опыт,— задумчиво, как бы что-то вспоминая, сказал Насим,— в тысяча девятьсот восемнадцатом, когда началось истребление джадидов, у меня не было никакого опыта, и все же мне удалось стать настоящим артистом, умело притворяться и благодаря этому спасти некоторых товарищей и себя в том числе от верной гибели.

— Каким образом? — заинтересованно спросил Карим.

— Знаешь что,— оживленно сказал Насимджан,— давай сначала выпьем по пиале вина, его мне дал один хороший мой друг, еврей Якуб-красильщик... Это полезный, даже целебный напиток!

Друзья выпили вина и закусили холодным мясом. Вино оказалось действительно очень вкусным, они выпили понемногу еще, и Насим начал рассказывать:

— Эмир объявил свой манифест, и джадиды подняли дикий шум. Из Самарканда прибыл Бехбуди. Ты ведь его знаешь? Он один из главных в Самарканде, выпускает журнал «Зеркало». Он решил бежать за границу... Но не тут-то было, сторонникам эмира удалось его задержать в

Карши, где он и был убит. В честь его памяти Карши теперь называют городом Бехбуди. Как же развивались дальнейшие события? А вот как: в квартале Бозори Гул, в доме Халима Ашурова, собрались джадиды на совещание. Кто-то сделал предложение поддержать манифест эмира, организовать для этого демонстрацию. Разгорелись споры. Дальновидные люди не советовали делать этого, демонстрация может повредить революции, говорили они... Но легкомысленная молодежь настояла на своем, и демонстрация была организована...

На следующий же день у книжной лавки «Баракат» собралась уйма народу... Я был просто поражен. У хауза Девонбеги состоялся митинг. Забравшись на крыши парикмахерских, ораторы произносили страстные речи, поздравляли народ со свободой, благодарили эмира за манифест, который принес ее. В демонстрации участвовали большей частью персы и бедняки евреи, лишенные в то время прав. Впереди шли демонстранты с красными флагами и транспарантами. Я очень любил такие демонстрации,— что ж, я тогда был еще совсем молодым, кровь в жилах так и играла...

Демонстранты шли в сторону Таи Токи Саррофон. Там снова выступали ораторы, выкрикивали лозунги... После этого в квартале Говкушон к нашей процессии присоединились еще многие. Таким образом, в колонне было никак не меньше пяти-шести тысяч человек. После митинга отправились в квартал Гозиен...

В этот день в Бухаре было небывалое, невиданное празднество. Шумное, многоголосое, оно, словно могучий поток, катилось по городу. Как известно, Хиебон — самая широкая и длинная улица в Бухаре. Пока мы дошли до нее, там собралось еще более двух тысяч человек, преимущественно бухарские персы и иранцы. На наши головы с крыш домов сыпались конфеты, орехи и миндаль, звучали дойры, молодежь пела веселые песни... В этом многолюдном квартале была сооружена даже трибуна для ораторов. Народ, словно бушующее море, окружил демонстрантов. Кто-то выдвинул предложение пригласить военных музыкантов эмира и под их бодрящую музыку, вслед за ними, выйти на Регистан.

— Глупцы! — воскликнул Карим.

— Да, глупость нашла там пристанище... Люди еще недостаточно разобрались в событиях, царило непонима-

ние! В многотысячной колонне демонстрантов не нашлось ни одного, кто бы сказал слово против эмира. Наоборот, на транспарантах, которые несли демонстранты, были начертаны слова благодарности эмиру за манифест, пожелания ему здоровья и долгих лет жизни. Люди не сомневались, что правительство эмира поддержит просьбу народа и пришлет военных музыкантов, чтобы доставить людям радость.

Но вот совсем неожиданно пришло сообщение, что на Регистане собрались в ожидании демонстрантов несколько тысяч мулл и учащихся медресе, что все они вооружены дубинками, копьями и штыками, топорами... Но это еще не все! Триста воинов — пехотинцев и двести всадников — ждут демонстрацию, чтобы выполнить приказ: «Бей и громи!»

Тут только я понял, как правы были наши товарищи, которые предупреждали, что эта затея с демонстрацией принесет лишь вред.

Взволнованные этой мрачной вестью, руководители нашей демонстрации спешно стали совещаться. Что делать? Могут ли мирные, невооруженные, жаждущие лишь счастья людям участники демонстрации выступить против пятисот вооруженных солдат и нескольких тысяч драчунов и задир с дубинками в руках? Не лучше ли просто разойтись? Некоторые колебались, говорили, что в поведении тех, кто их ждет с оружием в руках, таится какая-то неясность, возможно, они считают, что народ идет с воинственными целями... Так или иначе, было отдано распоряжение — рассыпаться и разойтись по домам. Что и было сделано. Правда, после небольшой суматохи в рядах демонстрантов... Руководители демонстрации тем временем решили послать к кушбеги трех своих представителей — Мирбобо Мухсин-заде, Атоуллоходжу и Юсуф-заде, чтобы они сказали о миролюбивых целях демонстрантов. Вскоре пришла печальная весть: наших представителей схватили и бросили в тюрьму, а теперь рыскают по городу и хватают всех, кто заподозрен в джадидизме... Файзулла Ходжаев предложил всем присутствующим немедленно покинуть Бухару и добраться поскорее до Кагана. Сам же ушел домой.

Насимджан отпил еще глоток вина, съел кусок мяса и выглянул в окно вагона. Поезд медленно шел по безжизненной пустыне. За окном мало что можно было разгля-

деть. Сплошные тучи заволокли небо, минутами в вагоне становилось совсем темно. Крепкое вино разлило по телу Насима приятную слабость, в глазах заиграл хмель. Он был весел и возбужден. Хотелось говорить, говорить, рассказать подробно этому храброму юноше о революционных событиях, взволновать его и растрогать. Он охотно продолжал:

— Итак, народ разошелся по домам, на месте осталось лишь несколько организаторов демонстрации. Файзулла Ходжаев, как я уже сказал, ушел домой, а я, Мукамил Махсум, Халим Ашуров и еще кто-то решили скрыться в доме одного знатного человека, занимавшего раньше высокий пост и находившегося теперь в тени. Он был другом Мукамила, и тот заверил, что мы будем у него в полной безопасности.

«В доме этого человека нас не станут искать... К тому же я сделал ему немало хорошего. Неужели в опасное для нашей жизни время он не поможет нам?»

Народ говорит: утопающий хватается за соломинку. Вот мы и схватились за эту соломинку... Оглянувшись по сторонам и убедившись, что нас никто не высматривает, мы постучались в дверь дома бывшего хакима. Он был крайне удивлен нашему появлению, но любезно поздоровался и только попросил быстрее войти в калитку.

«Кто-нибудь за вами шел, вы не заметили?»

«Нет,— заверил его Мукамил Махсум,— никто за нами не шел... Мы не беглые преступники... Можете не бояться! Просто сейчас неразбериха... Нужно подождать, пока улягутся страсти. Вот мы и решили найти у вас на некоторое время приют».

«Ясно. Но должен вас предупредить, что мой дом небезопасен».

«Почему вы так думаете? Вы — почтенный, благонадежный человек. Кто вас станет преследовать? Неужели вы...»

«Простите меня, Махсумджан,— перебил его хозяин дома,— всюду есть злые духи, нечистая сила... Все время неожиданно, сами собой воспламеняются одеяла, подушки, уголь, дрова... Днем и ночью летят в мой дом сухие комья глины. Сейчас у меня и в женском и в мужском дворе сидят шесть чтецов Корана и читают священную книгу. А тут еще восстание... Я просто с ума схожу от всего это-

го! Если я впущу вас, муллы непременно донесут на меня... Вы уж простите меня, Махсумждан!»

Нам было ясно, что из этого «укрытия» ничего не выйдет... Мы потихоньку вышли на улицу и начали обсуждать положение. Куда же нам идти? Я считал, что самое безопасное место — кладбище. Друзья сначала замялись, но в конце концов пришли к такому же выводу. И мы, не теряя времени, двинулись в сторону кладбища, называющегося холмом Ходжааспергардона. Мы, все четверо, поместились в заброшенном, полуразрушенном склепе, сооруженном из камня и жженого кирпича. Один из наших спутников, не помню уже кто, очень боялся мертвецов, его мы посадили у самого входа, чтобы он мог время от времени высовываться и глотнуть свежего воздуха. Но он никак не мог взять себя в руки, дрожал все сильней и сильней. Мукамил Махсум и Халим Ашуров мертвецов не боялись, но оказались изнеженными чистюлями, привередниками... Затхлый воздух в склепе и мелкая въедливая пыль вызвали их крайнее неудовольствие, они то и дело отряхивались, морщились и что-то бормотали, видимо ругались. И все же им пришлось лежать на этой пыльной земле и ждать, когда можно будет выйти отсюда. Я был моложе их, но, как ни странно, рассудительней и осторожней. Я напряг весь свой слух, стараясь услышать, что происходит на улице... Вот проехал фаэтон, вот прогрохотала телега, прокричал осел, свора собак с лаем носилась внизу, у самого холма...

Наконец наступила ночь. Ее темное покрывало окутало Бухару. Но чувствовалось, что в этой притаившейся тьме она кишит интригами и злыми замыслами. Мы всегда хотим света, но, оказывается, и темнота в иных случаях бывает нужна. Она может спрятать от грозящей человеку опасности, от нападения врага... Мы вышли из склепа, когда на улицах уже никого не было. С холма мы спускались поодиночке и быстро свернули в переулок, в котором жил Мукамил Махсум. Все вместе вошли в его невзрачный домик, закрыли дверь на засов и опустили занавески на окнах. Ждали.

Утром пришел водонос и рассказал, что творится в городе. По улицам беспрестанно ходят приближенные эмира и кушбеги, муллы и их ученики и еще разный сброд... Они вылавливают джадидов и вообще всех, кто им кажется джадидом или их единомышленником. Тащат в Арк, а там

бросают в темницу. Они разгромили дом Файзуллы Ходжаева, но ни его самого, ни его семьи там не оказалось. Они своевременно ушли...

...Мы сидели в доме Мукамила словно пленники и обдумывали, что нам делать. Любым путем надо выбраться из Бухары. И конечно, добраться до Кагана. Нам помогли в этом мои актерские навыки, гримировка, костюмы... Я приклеил нам всем искусственные бороды и усы, замотал огромные чалмы, надел широкие халаты. Водонос пошел на биржу, нанял там щеголеватого извозчика с нарядным фаэтоном и подъехал к дому. Пара коней бежала резво и быстро, и мы скоро очутились за городом. Так мы избавились от преследования и благополучно приехали в Каган.

Рассказ Насимджана был прерван, поезд прибыл на станцию Караулбазар и остановился. Карим и Насимджан вышли из вагона и прошли вдоль всего состава, чтобы поговорить с красноармейцами, узнать, как здоровье, настроение... Все было хорошо. По словам начальника эшелона, часов через пять поезд должен был прибыть в Карши.

6

Поезд тронулся примерно через час. Карим с нетерпением ждал продолжения рассказа Насимджана.

— Мне довелось еще раз спасти Мукамила Махсума... Он был на волоске от гибели... Это было во время наступления белых войск под командованием генерала Дутова.

— Интересно, расскажите!

— Дело было летом тысяча девятьсот восемнадцатого года, в Ташкенте. Революционный комитет младобухарцев решил отправить в Москву комиссию для переговоров с правительством РСФСР, с товарищем Лениным, просить о помощи... В эту комиссию входили Файзулла Ходжаев, Ахмадджан Махсум Хамди, Мукамил Махсум и я... Вдруг перед нашим выездом пришло сообщение, что генерал Дутов идет на Оренбург. Удастся ли проехать или нет? Но революционные дела не терпели отлагательства, а все надежды были на помощь России, так что мы решили ехать. Будь что будет!

За час до прибытия в Оренбург вошел к нам в купе кондуктор и предупредил, что поезд дальше не пойдет. Собирайтесь, мол, выходить.

«Почему? — спросил Файзулла,— ведь у нас билеты до Москвы».

«И я бы не прочь быть в Москве,— вздохнул кондуктор,— путь отрезан. Белые заняли Самару и другие города...»

Остальные члены комиссии тревожно смотрели на Файзуллу. Однако на его лице не было ни малейших признаков страха, он был спокоен, выдержан, как всегда.

«Ну хорошо, ничего не поделаешь,— сказал он, что-то обдумывая.— В Оренбурге живет много мусульман, у меня среди них есть хорошие знакомые и друзья, есть и постоялые дворы бухарцев...»

«В постоялых дворах бухарцев остановиться опасно,— сказал Мукамил Махсум,— там околачиваются разные люди... Нужно найти другое место».

«А может, лучше обратиться в штаб Красной Армии? — посоветовал Ахмад Махсум.— Там помогут».

«Хорошо, доедем — на месте обдумаем, видней будет»,— заключил Файзулла и начал складывать свои вещи.

За сборами быстро прошло время, вот и Оренбургский вокзал. На перроне нас встретил Олимджан Джураев, близкий друг Файзуллы Ходжаева.

«Здравствуйте, дорогие друзья,— обратился он к прибывшим. Высокий, стройный молодой человек, примерно одних лет с Файзуллой, Олимджан Джураев горячо расцеловался со всеми.— Добро пожаловать. За вокзалом нас ждет фаэтон. Идемте!»

Мы очень обрадовались этой встрече и с благодарностью приняли приглашение Олимджана. В зале ожидания на вокзале к нам подошел полный человек с большим животом и маленькой круглой бородкой, одетый в бухарский халат, с чалмой на голове. Он приветливо со всеми поздоровался и сказал:

«Я Ходжа Гулом. Для своих земляков содержу постоялый двор, готов служить вам. Пришел поезд, я и вышел... Что ж, думаю, может, встречу земляков и смогу помочь им... Милости просим в дом слуги вашего!»

«Спасибо, дядя Ходжа,— ответил за всех Файзулла,— я знаю о вас, вы очень хороший человек, заботитесь о зем-

ляках... Что поделаешь! Нас еще раньше пригласил Олимджан».

«А, конечно, что поделаешь! Ну что ж, он мне как сын, его дом для меня — мой дом!»

«Вот и пожалуйте вечером к нам»,— вежливо, но суховато сказал Олимджан и направился вместе с гостями к выходу.

Олимджан Джураев был известен в свое время в Бухаре как один из самых богатых купцов и широкой души человек. Но ему пришлось расстаться с родиной, Бухарой, так как он не любил эмира и не признавал его власти. Он был сторонником революции, это ставило его под удар. И он переселился в Россию, избрав местожительством Оренбург. Там выстроил он дом для себя и семьи, лавки и торговый двор. Еще в детстве он подружился с Файзуллой Ходжаевым. Живя до революции в Москве, Файзулла не раз помогал ему, спасал от банкротства и нищеты. И неудивительно, что, узнав о прибытии Файзуллы с друзьями, Олимджан встретил их и поселил в своем доме, где они были приняты со всей широтой щедрого гостеприимства. В большой гостиной, убранной на европейский лад, гостей усадили за большой круглый стол. Гости изрядно проголодались и отдали дань вкусной еде... Попозже, за чаем, начали обсуждать создавшееся положение.

«С чего мы начнем? — обратился Файзулла к хозяину дома.— Прежде всего нужно узнать, что делается на фронте. Если можно надеяться, что генерал Дутов со своим войском скоро будет разгромлен, то мы обождем. Если же враг еще силен, то надо действовать. Но как?»

«Я пойду в гарнизон или в городской штаб,— сказал Ахмадджан Махсум.— Тут, мне говорили, находится один мой друг, татарин. Он командует какой-то воинской частью. Если он окажется здесь, то я постараюсь с ним встретиться. Он, должно быть, все знает... И может дать дельный совет».

«А я схожу к Ходже Гулому,— сказал Олимджан.— Этот старый хитрец общается с белыми и, наверное, знает многое... А вы лучше отдохните с дороги».

Время было послеполуденное. Небо серое, пасмурное. Легкий ветерок, играя, поднимал дорожную пыль.

Мы с Мукамилом Махсумом тоже ушли — хотелось пройтись по городу. В доме остался один Файзулла. Он прилег на диван и глубоко задумался...

Раньше всех вечером, как только стемнело, явился домой Олимджан. Он был крайне возбужден и чем-то очень разгневан. Но, увидев Файзуллу, как-то сразу успокоился и глаза его потеплели.

«А где другие? — спросил он.— Неужели еще не вернулись? Ну, наверное, сейчас придут... А вы молодец, что решили отдохнуть. Должно быть, сильно проголодались?»

«Что вы, я совершенно сыт! Расскажите лучше про беседу вашу с Ходжой Гуломом. Чем закончилась она?»

«Ох, лучше не спрашивайте!»

Он посидел минуту задумавшись, потом встал и вышел из комнаты.

Файзулла недоумевал: «Что произошло? Странно!»

Через несколько минут Олимджан вернулся, сел поближе к Файзулле, понизив голос, стал рассказывать:

«Я всегда думал, что это низкий человек, что он может оказаться предателем, шпионом... Но не представлял себе, до какой степени! Он встретил меня очень приветливо, угостил вином. Потом, когда заговорили о делах, он сказал, что белые очень близко, что не сегодня-завтра они возьмут Оренбург».

«Он может и соврать, похвалиться своей осведомленностью»,— заметил Файзулла.

«Так или иначе, но город, кажется, действительно уйдет из рук красных,— с тревогой сказал Олимджан.— Я-то смогу спасти вас и при белых, обеспечу укрытие... Но этот негодяй найдет и предаст вас! Он даже предложил мне стать его сообщником, сказал, чтобы я промолчал насчет приближения Дутова, наоборот, я должен вас уверить, что он при последнем издыхании. Зато, когда город будет занят белыми, чтоб я лично, своими руками передал ему вас, именно вас! Для меня, мол, это выгодно — заслужу расположение Дутова».

«Что же вы на это ответили?»

«Принял все его предложения, даже от себя добавил, сказал, что нужно сообщить каким-то образом об этом белым до их прихода».

«Вот молодец!»

«Да, я хотел разведать, кто здесь общается с Дутовым... Оказывается, он-то сам и держит эту связь со штабом генерала и уже успел о вас доложить!»

«Да, обстановка! — задумчиво сказал Файзулла.— Что же теперь надо делать?»

«По-моему, как можно скорее уйти из города!»

«Куда и на чем?»

«Я могу привести пару добрых коней».

«Но нас четверо!»

Олимджан смутился: как же он упустил это из виду! Но Файзулла его успокоил:

«Ничего, не тревожьтесь. Придут мои товарищи, вместе придумаем».

Все вскоре пришли, печальные и усталые, хотя ничего еще не знали о грозящей опасности. Только один Ахмадджан Махсум, как всегда спокойный и сдержанный, чему-то даже улыбался.

«Ну, как,— обратился к нему Файзулла,— были в штабе красных, нашли своего друга?»

«Нашел, он здесь и работает, в штабе... Сказал, что не вовремя мы приехали: Оренбург со всех сторон окружен белыми. Через день-другой штаб эвакуируется на Восток. Он предложил присоединиться к ним и вместе сражаться с белыми».

«Что же вы ответили?»

«Сказал, что отвечу, когда посоветуюсь с товарищами... Лично я думаю, что другого выхода нет».

«Совершенно верно! — воскликнул Файзулла.— Мы оба можем присоединиться к Красной Армии. А что будут делать остальные двое?»

«О, за нас не беспокойтесь,— живо сказал Мукамил Махсум,— меня и Насимджана опекает Ходжа Гулом. Он ручается, что с нами ничего не случится».

«Где вы видели его?»

«Мы гуляли по городу и встретились с ним... Он пригласил зайти в его лавку, угостил чаем и попутно рассказывал о событиях. Происходит нечто страшное. Белые будто бы уже у входа в город. Мы спросили, что же делать, неужели мы приехали сюда, чтобы найти свою смерть? Ходжа засмеялся и весело сказал: «Нет, что вы! Вы ведь сын почтенного муллы! Ни один волос не упадет с вашей головы. Я не допущу. Но с одним условием: отделитесь от Файзуллы!» Он нас ошеломил, мы терялись в догадках и не знали, что ответить. Тут, видя наше недоумение, он добавил: «Нужно найти какую-нибудь причину... А вы завтра же перебирайтесь ко мне. Об остальном позабочусь я!»

«Что вы ответили?» — нетерпеливо спросил Олимджан.

«Что мы могли ответить? Мы согласились».

«Правильно! Молодцы! — воскликнул после короткого раздумья Файзулла.— Теперь нужно решить, как провести это дело. Я предлагаю, чтобы завтра утром Насимджан и Мукамил перешли в дом Ходжи Гулома. Ахмадджан уйдет к своему товарищу в штаб Красной Армии. А мы, Олимджан и я, сядем на приведенных вами коней и поскачем в Саратов. Здесь нам оставаться при белых опасно».

«Вы правы. А из Саратова, надо думать, мы сумеем попасть в Москву».

Из кухни принесли тем временем дымящийся плов, и все подсели к столу.

С утра начали действовать. Все было обдумано. Первыми, собрав свои вещи, ушли мы с Мукамилом Махсумом, отправились прямиком в дом Хаджи Гулома, ушел и Ахмадджан к своему другу в штаб. И тогда, накинув хурджины на своих коней, Файзулла и его друг Олимджан пустились в путь.

Прощаясь с женой и детьми, Олимджан сказал им, чтобы они распространили слух, будто он уехал по торговым делам в Казань.

Крепкие кони скакали быстро. На небе — ни облачка. Солнце сияло. Выехав из города, всадники скоро доскакали до реки Урал и спокойно перешли ее вброд в знакомом месте, где воды было по колено. Въехали в лес. В этом лесу по праздничным дням бывало много народу. Сейчас там было пусто. Слышалось только пение и чириканье птиц да шелест листвы. А ведь еще вчера отсюда раздавались выстрелы... Трудно было поверить, что идет война, да к тому же совсем близко...

«Хорошо как! — мечтательно сказал Файзулла.— Тихий лес, шелест листьев, лучи солнца, золотящие их... Все так спокойно и радостно! Соловьи поют о том, что существуют в мире жизнь, красота, покой, счастье... Как обидно, что народу, живущему под гнетом, все это не дано! Что он не может извлечь для себя всю красоту и пользу, которые природа ему дарит! Верно говорил иранский поэт: «Моя жизнь была медленной смертью. А полагали люди, что я живу!» Эти слова можно сказать и об угнетенном народе Бухары. Чтобы вырвать до конца корни гнета, надо нам поскорее добраться до Москвы и просить помощи у Ленина. Сейчас это наша главная задача!»

Олимджан слушал Файзуллу и одновременно думал о сегодняшних делах: надо поскорее выбраться из окружения белых. Важно, чтобы подлец Ходжа Гулом не узнал об их отъезде из Оренбурга...

Друзья были уже далеко от города. Лес кончился, пошли пашни, крестьянские огороды. Но в поле, как это ни странно, никого не было видно.

«Неужели мы заблудились?» — озабоченно пробормотал Олимджан, оглядываясь кругом.

«Вы говорили, что нужно идти на юго-запад. По-моему, мы так и едем?» — сказал Файзулла, глядя на свой компас.

«И никого нет, чтобы спросить, где мы находимся. Но погодите... вон там идет большая дорога».

Дорога тянулась за видневшимся невдалеке лесом, с юга на запад, видимо по направлению к Саратову... Всадники повернули в ту же сторону. Но как только они приблизились к лесу, оттуда выскочил отряд вооруженных всадников с криками: «Стой!»

Делать было нечего, либо застрелят на скаку, либо догонят и схватят, а там... Олимджан побледнел, задрожали руки, он боялся главным образом за Файзуллу. Но тот успел скомкать свои документы и незаметно бросить в придорожную канаву. Держался он совершенно спокойно, отдавал себе отчет в том, что может произойти...

Тем временем всадники подъехали к ним, окружили и по-русски спросили, кто они и куда направляются. Олимджан сказал, что они бухарские купцы и едут в Саратов.

«Мы покажем вам Саратов!» — усмехнувшись, сказал начальник отряда и приказал тщательно обыскать.

Во время обыска из кармана Олимджана извлекли маленький пистолет и кошелек с керенками. В карманах Файзуллы никакого оружия не оказалось, а были только деньги, которые также перешли в карман начальника отряда. Затем, взяв в руки поводья коней, повели пленных в лес.

7

— Тем временем я и мой друг Мукамил Ма́хсум сидели у Ходжи Гулома и угощались,— продолжал свой рассказ Насимджан.

Карим слушал его, затаив дыхание... Насимджан за-

молчал, закурил папиросу, выпустил колечками дым и опять заговорил:

— Я не могу до сих пор понять, почему Ходжа Гулом был так доверчив, поверил в нашу искренность, предложил стать его сообщниками в его темных делах.

— А какие вы приводили доводы, чтобы он поверил вашей искренности?— спросил Карим.

— Когда мы пришли к нему утром с вещами, то прежде всего попросили убежища. «Спасите нас, дядя Ходжа,— жалобно попросили мы,— житья нет от Файзуллы и его дружков». Ходжа Гулом угодливо засуетился, пригласил в гостиную, подал обильный завтрак. А мы стали «разоблачать» еще резче Олимджана, назвали его развратником...

«Файзулла же, вместо того чтобы быть с нами заодно, его защищал, ругался... Назвал нас невеждами, отсталыми людьми, зараженными суевериями и религиозными предрассудками. Мы не могли больше этого вынести, собрали наши вещи и вот пришли к вам, вы нас приглашали. Если революционность заключается в том, что человек предает религию, продает свое достоинство и честь, то нам не нужна такая революционность!»

Мукамил Махсум говорил с такой страстью, что казалось, он выражает свои заветные мысли и чувства. Ходжа Гулом ликовал, вознес нас до неба и стал делиться своими планами. «Вы,— сказал он нам,— не обижайтесь. Эти планы придется мне по ходу дела уточнять. Белые вот-вот возьмут город. Я уже сейчас успел поставить их в известность о том, что Файзулла находится здесь. Как только город будет в руках у белых, я лично посажу его в тюрьму. Вот вы и будете свидетелями его злодеяний и отомстите ему за то, что он смеялся над вами». Мы во всем соглашались с ним, а сердце давила тоска и тревога: удалось ли Файзулле и Олимджану выбраться из Оренбурга и добраться до Саратова? Ходжа Гулом щедро угощал нас, но мы не могли есть...

А Ходжа Гулом был в чудесном настроении. Он без конца хвастался, рассказывал об услышанных им на улице разговорах, из которых явствовало, что большевики потерпели полное поражение. «Вся эта суета большевиков,— говорил он,— не больше чем на два дня! Даст бог, и вся власть вернется в руки прежних хозяев. Мы избавим-

ся от этих голодранцев и воскресим торговлю и вообще все коммерческие дела»...

Узнав, что Файзулла и Олимджан исчезли, он пришел в ярость. «Негодяи, шкуры свои спасают! — кричал он.— Ничего, ничего, далеко не уйдут, попадутся голубчики!»

Через день белые захватили город. Ходжа Гулом до вечера не выходил из дому. К вечеру, когда стало тише и спокойнее, он повязал на рукав белую повязку, взял большой поднос с подарками и угощениями и ушел. Вернулся он через несколько часов радостный и возбужденный. Власть в руках у его друзей. Теперь можно и на Москву идти. Мы спросили о Файзулле. Он сказал, что воины генерала Дутова задержали каких-то двух подозрительных людей. Сегодня ночью или завтра утром их привезут в городскую тюрьму и начнут следствие. «Я сам назову их имена в присутствии свидетелей, расскажу об их тайных замыслах. Потом судите и расстреливайте».

Да, этот гад так бы и сделал. Неудивительно, что мы сидели грустные и растерянные. Я решил выйти в город, сказав, что нужно прогуляться, зайти в дом Олимджана, проведать его семью... Но план не был осуществлен, и вот почему. У Ходжи Гулома был слуга-татарин, жуликоватый парень, он был очень предан своему хозяину и подчинялся всем его приказаниям. Узнав, что я хочу выйти из дому, Ходжа Гулом сначала просто не разрешал мне, потом согласился, но с одним условием: меня будет сопровождать Мустафо-абзи. Конечно, в присутствии этого человека я ничего бы не смог сделать, только себя погубил бы.

Оставшись как-то ненадолго в комнате одни, мы с Мукамилом стали советоваться: как быть, что предпринять? Я считал, что мы должны убрать подлеца, иначе он погубит наших друзей. Но как это сделать? А что, если выйти с ним вечером попозже погулять и пристрелить? «Это не так просто, вы рискуете попасть в лапы к белым, схватят и меня...— сказал Мукамил Махсум.— К чему такие бессмысленные жертвы».

Вопрос этот разрешился сам собой; вечером Ходжа Гулом собрался уходить из дома. Он вошел в комнату, где мы сидели, в приподнятом настроении, нарядный. На нем был черный костюм, белая рубашка с крахмальным воротничком, французский галстук и американские ботинки.

«Я приглашен на ужин к самому генералу,— сказал он хвастливо.— Все поставки мои: мясо, масло, спиртные на-

питки из моих амбаров. Хочу повеселиться. Наверное, вернусь поздно. Прислуживать вам будет Мустафо-абзи, будьте спокойны, отдыхайте, спите...»

Ну и отдых! Файзулла Ходжаев и Олимджан в смертельной опасности. Неизвестно, что там с Ахмадджаном Махсумом. А мы торчим в доме предателя и негодяя... Завтра или послезавтра нас потащут в суд как свидетелей... Нет, сейчас не время отдыхать и бездельничать. Нужно действовать! И вот я принял решение. Несмотря на то что было поздно, я встал, оделся... Мустафо-абзи проснулся и спросил, куда я иду. Я ответил, что мне снился страшный сон, что у меня сердцебиение и мне нужно выйти на воздух, немного проветриться... Он либо поверил мне, либо просто поленился,— голова его упала на подушку, он, по-видимому, снова заснул. Я вышел на улицу и тут же остановился: куда идти? Ведь в городе был объявлен комендантский час — после шести часов вечера запрещено появляться на улице, меня сразу же задержит патруль. Я осмотрелся и увидел, что на площадке у дома Ходжи Гулома — телега, а рядом с ней большой железный чан. Я спрятался за ними и стал поджидать возвращения Ходжи Гулома. Правой рукой, спрятанной за пазухой, я сжимал ручку пистолета... Вскоре к дому подъехал фаэтон и остановился у ворот. Из фаэтона вышли трое военных, и я увидел при тусклом свете фонаря, что они понесли во двор Ходжу Гулома. Он явно был в бессознательном состоянии. Потом все трое вышли со двора, уселись в фаэтон и уехали. Я очень жалел, что не мог осуществить свое намерение пристрелить Гулома, но изменить положение было невозможно. Я вернулся во двор. Там уже стонали и плакали. Выяснилось, что Ходжа Гулом много выпил, веселился вовсю и вдруг вскрикнул, схватился за сердце и упал. Военный врач привез его домой, сказал семье, что надежды на его выздоровление почти нет. Так и покинул он бренный мир.

Мукамил Махсум и я были весьма довольны, что одним хищником стало меньше на земле, но на лицах наших застыла маска печали. Плач жены и детей Ходжи становился все громче по мере приближения часа похорон. Понятно, что я и Мукамил присутствовали на похоронах.

Дня через два после этого события Мустафо-абзи, которого мы считали преданнейшим слугой Ходжи, вдруг открылся нам совсем с другой стороны.

«Дорогие братья! — обратился он к нам.— Не бойтесь меня, доверяйте мне! Я ваш друг и сторонник. Я читаю ваши мысли и чувства... Покойный, а вернее сказать, проклятый Ходжа Гулом не дал возможности поработать вашей революционной комиссии и мог принести еще больше вреда. К счастью, он умер. Теперь ничто уже не угрожает вашим товарищам, что сидят под арестом! Даст бог, я найду возможность их освободить. Но сейчас нужно подумать, как вас уберечь. Надеюсь сегодня же прикрепить вас к одному бухарскому купцу и отправить обратно в Туркестан. Вот вам пропуска, чтобы вас не задерживала по дороге белая военщина».

Нас поразило такое превращение Мустафо-абзи, и на радостях мы его расцеловали.

Покинув дом, где так много пережили волнений, мы направились к постоялым дворам бухарских купцов. Там стояла телега, а около нее толстопузый купец с большими, туго набитыми чемоданами поджидал нас.

Лошади и телега принадлежали купцу, но возницы у него не было. Пришлось мне стать кучером, а Мукамилу Махсуму предназначена была роль слуги купца... Вот так мы и тронулись, тепло попрощавшись с Мустафо-абзи. Дороги мы не знали, расспрашивали встречных. Наконец выехали на большую дорогу, ведущую в сторону казахской степи. Купец не знал, кто мы, да мы всего лишь и сказали, что из Гиджувана. Верил он нам или не верил, а только говорил с нами очень приветливо, был доволен, что выехал из города, находившегося на военном положении.

До самого вечера нас останавливали на многих постах и спрашивали пропуска. Все проходило гладко. И вдруг мы наткнулись на шалаш, где сидели четыре солдата.

«Куда прете? — грубо спросил один из них.— Кто вас пустит перейти границу к красным!»

«Мы едем не к ним, а в Бухару. Мы купцы, вот наши документы, пропуска...»

«Ты покажи эти пропуска своей бабушке! Ну-ка слезайте с телеги!»

Пришлось подчиниться. Они завели нас в шалаш и закрыли плетенную из прутьев дверь. Сами в шалаш не вошли, а стали совещаться. Говорили они тихо, но я все слышал. И волосы мои стали дыбом.

Один из них предложил, никого не дожидаясь, заколоть

нас штыками, чтобы без выстрелов, втихомолочку... А вещи наши поделить между собой. Другой возразил, сказав, что может нагрянуть десятник и им попадет. И еще как! Лучше его подождать.

Я полагаю, что солдаты эти были из тех дозоров белой армии, которые первые сталкиваются с противником. Их жизнь всегда висит на волоске, потому они такие злые, грубые, храбрые и равнодушные...

Я видел смерть перед глазами, но спутникам своим ничего не говорил.

Бухарский купец весь трясся от страха. Мукамил Махсум был растерян и вопросительно поглядывал на меня.

Солдаты еще не обговорили своих дел, как раздались ружейные выстрелы и крики... В щель я увидел, как все четыре наших стражника схватили свои ружья и побежали в сторону степи, откуда доносились крики.

«Давайте сейчас выйдем и убежим»,— предложил я.

«Вы с ума сошли!— воскликнул купец.— Они нас поймают и убьют».

«И так нас не помилуют, лучше попытать счастья. Лошади у нас сильные. Мне кажется, где-то поблизости должны быть красные».

«Может быть, и так, но знаете...» — замямлил Мукамил Махсум.

«Ах, до чего вы нерешительны, братец Мукамил! Пока мы будем препираться, упустим время. Идем!»

Купец сопротивлялся, но мы вдвоем схватили его и посадили на телегу. Я хлестнул коней плетью, и мы поскакали в степь. Так, через полчаса бешеной гонки мы попали к красноармейцам. Нас арестовали и повели к командиру. К счастью, здесь оказался Ахмадджан Махсум. Он объяснил командиру, кто мы такие, и мы присоединились к отряду...

— Как вы потом вернулись в Бухару? — спросил Карим.

— Не в Бухару, а в Ташкент... О, это был трудный путь! Но все же добрались... Файзулла Ходжаев был освобожден с помощью друзей. Это целая история... Только в конце года он попал в Москву.

— А чем он занимался там?

— Писал новую программу партии младобухарцев...

В середине тысяча девятьсот девятнадцатого года он приехал в Ташкент.

— Большое спасибо за такой интересный, волнующий рассказ. Теперь по-новому и гораздо глубже я представляю себе события.

Поезд подъезжал к Карши. Карим и Насимджан собрали свои вещи.

8

Председатель Чека Бухары Аминов с двумя своими помощниками проводил уходивший из Кагана воинский эшелон, которым командовал Карим. Затем вернулся в Бухару и прошел прямо в свой кабинет. Его уже ждали — заместитель Федоров и два начальника отделов.

— Входите, пожалуйста! — пригласил он их.— Итак, продолжим наш разговор. Я припоминаю, мы говорили об Энвер-паше. Все мы хорошо понимаем задачи и цели этого оголтелого авантюриста. Он таскался по всей Европе под защитой и на деньги знакомых нам капиталистических стран. Все знают, что он хорошо разбирается в военных науках, владеет искусством шантажа и подстрекательства. Другого такого не найти для организации контрреволюционного брожения в Бухаре. Он приходится зятем мусульманскому халифу, тюрк по национальности. Чего же лучше? Его послали в Баку, то ли делегатом на съезд мусульман Востока, то ли в качестве просто гостя, но слова Энвер не получил. Зато в Баку с Энвером встретились представители Бухары и от имени правительства пригласили в гости. И вот двадцать первого октября, проехав через Каспийское море, через города Красноводск, Ашхабад, Байрамали, Мары, Чарджоу, Энвер прибыл в Каган и в Бухару. Но нигде из этих городов он не останавливался, а приехал прямо в Бухару. Его здесь ждали и весьма хорошо встретили. Энвер выразил сожаление, что среди встречавших он не увидел Атоуллоходжу, председателя национального правительства Бухары.

— А действительно, почему он отбыл на это время из Бухары? — спросил один из начальников отдела.

— Дело в том, что Атоуллоходжа, стремясь установить в Восточной Бухаре мир с басмачами, чуть было не перешел на их сторону,— сказал председатель.— В Центральном Комитете партии и Совете назиров был поставлен

вопрос, не поехать ли ему туда самому и исправить допущенные ошибки. Решение было принято положительное. Зная о приезде Энвера, оставили это решение в силе. Атоуллоходжа взял с собой для этой операции семьсот бойцов, семь пушек, начальника милиции Бухарской республики Дониярбека. Как бы они там не затеяли какую-нибудь провокацию...

— Чего еще не хватает Атоуллоходже?— недоуменно спросил кто-то.

— Ему русских не хочется видеть,— ответил Федоров.

— Так или иначе, надо предостеречь Бойсун и Душанбе... Пусть следят за ним и его делами! — внушительно сказал председатель.— Я говорю об Энвере... Вместе с ним прибыли два тюркских главаря: известный шпион и интриган Самей-паша и второй — Мухиддинбек. Тоже негодяй. По ним давно виселица скучает! Срок их пребывания в гостях в их паспортах указан. Официально они гости Назирата иностранных дел, но в действительности у них другой хозяин... Мы еще не получили никаких сведений от Файзуллы Ходжаева. Сегодня отбыл Насимджан и завтра должен с ним повидаться, узнать, что тот думает об этих делах, и сообщить его мнение нам. Какая же у нас задача? Мы должны следить за каждым шагом этих непрошеных гостей. Предусмотреть все их происки, чтобы сразу пресечь провокации.

— А почему бы нам сразу их не схватить и не обезопасить? — спросил молодой чекист, заведующий отделом.

— У нас еще нет в руках достаточных оснований для ареста. Энвер и остальные прибыли из-за границы как гости, а согласно международным законам, иностранцев нельзя арестовывать только по подозрению. Может вспыхнуть большой скандал.

— Но ведь у Энвера нет хозяина.

— Стоит только арестовать его, как со всех сторон объявятся его хозяева... Ну что ж, товарищи, мобилизуйте всех работников. Пусть бдительно и осторожно следят за гостями, и не только за гостями. И никто не должен заметить эту слежку.

— Нужно привлечь к этому делу людей, знающих тюркский язык,— сказал Федоров.— Ведь в основном будут говорить на тюркском.

— Да, да, конечно, на тюркском,— ответил председатель и занялся другими делами.

* * *

Начало ноября. Дни становились все короче, но было сравнительно не холодно. В большинстве домов еще не установили сандалы, но окна закрывали плотно и спали под толстыми ватными одеялами. Эти дни имеют свою прелесть: разнообразие и красоту плодов. Собранные еще летом фрукты приобретают дивный вкус. Например, у винограда, называющегося «райским», летом, во время созревания, очень толстая шкурка, а к осени, полежав, каждая ягода превращается в сочный сахарный комочек, очень приятный на вкус. Знаменитый сорт дыни «бухарский караканд» уже кончается, но ему на смену идут новые замечательные сорта — «найшакар», «кулуштруми», «чарджоуский розовый». Украшают столы и айва, и гранаты, и груши. На базарах появляется виноградная патока, похожая на мед. А сколько других сладостей выставлено в эти дни на базаре! Халва, сливки, сладкий горох и еще многое, разное. Люди, отдохнув от летнего зноя, с удовольствием едят все это. На базарах идет бойкая торговля.

В это приятное время устраивают свадьбы, ходят в гости. Рачительные хозяева уже обеспечили себя на зиму, запаслись мешками муки и риса, лука, моркови, репы, заранее позаботились и о корме для овец. Большие специальные кувшины наполнили жареным мясом и маслом, запаслись углем, под айваном до самого верха сложили дрова на зиму. Крыши домов помазали глиной, перемешанной с мелко нарезанной соломой, в окна вставили стекла. Словом, забот почти уже нет. Можно ходить в гости...

Но прием гостей в этот день в большом доме Саида Ахрори носил особый характер. Жил он у Регистана, за медресе Кушимадрасы, на неприметной улочке, далеко от большой дороги. Зато сам дом Саида Ахрори был великолепен. Пойдемте туда! Из не очень широких ворот вы попадаете в крытый проход и, пройдя его, вступаете в просторный двор. Там высится суфа, сложенная из расписного кирпича; так же разукрашен росписью айван; стены широкой прихожей отделаны алебастром.

Пройдя эту прихожую, вы попадаете в большую гостиную под одиннадцатью балками. В этот вечер она была убрана на полуевропейский лад, трапеза должна была состояться за длинным столом, вокруг которого расставлены стулья из красивого цветного чинара. Радовала глаз с боль-

шим вкусом расставленная на полке и полочках редкой красоты фарфоровая и медная посуда. Ближе к входу в комнате стоял большой обитый бархатом диван, предназначенный для отдыха гостей.

Стол просто ломился от изысканных блюд.

Комната освещалась двумя трехлинейными лампами с круглыми фитилями. На диване и напротив него сидели гости: тут был Абдукадыр Мухиддинов, Мирзо Муин, Мирзо Исам, Мирзо Абдурахим и еще несколько джадидов... Хозяин дом Саид Ахрори подавал гостям чай.

— Жаль, что сегодня нет с нами Асада Махсума,— сказал Абдукадыр.— Он засел в горах Бойсун. Зря он действовал так поспешно! Сидел бы себе тихо и собирал силы. А сегодня прибыл к нам главнокомандующий... без войск!..

— Не знаю,— заговорил Мирзо Муин,— поспешно ли поступил Асад, но другого выхода у него не было. Хайдаркул договорился с Чека, Асад рисковал попасть в окружение, а войско его было бы поголовно уничтожено.

— Не следовало допускать этого,— снова заговорил Абдукадыр и, помолчав минуту, добавил: — Так или иначе, дорогие друзья, я надеялся, что к прибытию нашего уважаемого и дорогого гостя все будет обговорено, вооруженные наши силы — в боевой готовности. А сейчас что получается? Он — как наш свято чтимый пророк Али, спрятавшийся за гору Каф[1], чтобы уничтожить белого духа, Асад Махсум собирается победить — красного!

— Неужели он не имеет ничего за пазухой? — спросил Саид Ахрори.

— По его словам — ничего!

— Что же делать?

— Одно из двух,—ответил Абдукадыр.—Или пожелать ему счастливого пути и с честью проводить его, или провести вместе с ним совещание, и пусть он поделится своим опытом военачальника. Это нам пригодится.

— Я всегда говорю,— сказал Баротбек,— что нужно опираться только на свои внутренние силы, только на себя!

— Народ Бухары встретил Энвер-пашу не так, как мы предполагали,— сказал Мирзо Абдурахим.— Митинг на Регистане был немноголюден, к тому же комсомольцы

---

[1] Гора Каф — сказочная гора.

плотным кольцом окружили трибуны и не пускали ораторов.

— А все же речь Энвера с автомобиля произвела впечатление,— сказал Саид Ахрори.— Такого в Бухаре еще не слышали... Я внимательно смотрел на лица и видел, что духовенство, вообще почтенные люди были поражены.

— По-моему,— вновь заговорил Мирзо Абдурахим,— нужно принять все меры, чтобы Энвер был в Афганистане и спокойно сделал все дела, переговорил с заинтересованными государствами, собрал войско, деньги... И тогда уже снова пересек границу. Наши муджтахиды, такие, как Ибрагимбек, Асад Махсум, Фузайли Махсум и другие им подобные, пусть объединяются под знаменем Энвера, и уж тогда...

— Все эти наши разговоры напрасны без самого Энвера,— сказал Абдукадыр.— Вот придет он, тогда и обсудим. Да где же он? Что с ним, Ахрори?

— Он должен с минуты на минуту появиться...

— Ему известно, кто у вас сегодня в гостях?

— Да, приблизительно знает, кто будет и о чем пойдет разговор.

В эту минуту с улицы прибежал мальчишка и сказал, что идут гости. Саид Ахрори и Баротбек ринулись навстречу. По двору, в сопровождении слуг Ахрори, шли трое. Впереди — сам Энвер-паша. Это был человек чуть ниже среднего роста, ни худой, ни толстый, глаза и брови черные, без бороды, узкая полоска усов красовалась на его верхней губе, на носу пенсне. Одет он был в защитного цвета галифе и китель английского покроя, в сапогах, на голове — каракулевая шапка.

Один из сопровождавших его, по имени Самей-паша, высокий, худощавый человек с продолговатым угрюмым лицом, также был одет в военный костюм — китель и галифе из темного сукна. Второй сопровождающий, Мухиддинбек, наоборот, был толст и неуклюж; военная форма плохо сидела на нем. Но его франтоватые черные усики, закрученные кончиками вверх, говорили о том, что он заботится о своей наружности. И у него, как у Энвер-паши, на носу было пенсне.

Здороваясь с Саидом Ахрори и Баротбеком, гости, как и полагается, отдали хозяевам честь и представились.

— Добро пожаловать, добро пожаловать! — заговорил Саид Ахрори по-тюркски.— Очень рад и горжусь, что вижу

вас в своем бедном доме, вас, знаменитого героя мировой войны, зятя халифа мусульман, главнокомандующего исламскими войсками. Пожалуйте, милости просим!

Так же торжественно, в высокопарных выражениях приветствовал он обоих спутников Энвер-паши. Представляя им Баротбека, сказал:

— Временно исполняющий обязанности назира внутренних дел.

Гости вошли в комнату. Саид Ахрори представил их тем, с кем они не были еще знакомы. Затем пошли бесконечные вопросы о здоровье, о самочувствии. Наконец сели за стол. Абдукадыр Мухиддинов указал гостям их почетные места, а он сам, Муин и Абдурахим сели напротив. Остальные расселись за столом согласно своим чинам и должностям. Хозяин дома повторил «добро пожаловать» и поднял бокал. Все проговорили «аминь».

Гостям подали чай, предложили отведать сладости и другие закуски, стоявшие на столе... На какое-то время установилась тишина. Ее нарушил Абдукадыр Мухиддинов, он обратился к Энверу с вопросом:

— Как поживаете? Не скучаете ли у нас?

— Благодарю вас. Я счастлив, дышу воздухом священной Бухары. Я хожу по земле этого благословенного края и наслаждаюсь!

— Да,— подхватил Самей-паша,— это священный город ислама и родина тюрков!

— Бухара и Самарканд,— продолжал Энвер,— основаны Тимуром по велению святого Али. Все мы из рода Тимура, все мы происходим из великого племени тюрков... Здесь мы чувствуем себя, как в родном краю.

— Мы счастливы и горды тем, что видим вас в священной Бухаре,— сказал Абдукадыр,— но нам очень неприятно, что мы не можем оказать вам должного и достойного вас приема! Вы, конечно, знаете, что мы здесь связаны по рукам и по ногам. Мы, находясь в собственном доме, не чувствуем себя свободными, чтобы принять как должно такого почтенного гостя.

— Все это весьма прискорбно! — заявил Энвер.— Я измучен этими обстоятельствами! Они терзают мне душу. Я теряю терпение... Мою родину, мой дом, мой Туркестан топчут ноги чужеземцев!.. Могу ли я спокойно смотреть на это?! Я приехал сюда для того, чтобы посоветоваться с вами: как быть? Мы должны обсудить это совместно.

Этого требует наша нация, родина. Мы должны выполнить свой священный долг!

— А с каким нетерпением мы ждали вашего приезда, чтобы выступить вместе,— сказал Абдукадыр.— Мы надеялись, что вы до отъезда к нам сюда переговорите с заинтересованными государствами, которые готовы нам помочь, и мобилизуете для нашего благородного дела военную силу, оружие и хоть немного денег.

— Все это будет,— сказал Энвер, закуривая папиросу.— И Англия, и Франция, и Германия готовы помочь нам — и людьми, и оружием, и деньгами. Но в капиталистических государствах денег не тратят зря, без полной уверенности, что это окупится. Они послали меня для переговоров и чтобы мы начали действовать пока собственными средствами. Как только мы начнем действовать, нам будут посылать все необходимое...

— Наш руководитель, господин Энвер, не придает особого значения иностранным войскам,— сказал Самей-паша, вмешиваясь в разговор.— Когда он берется за дело, свершается чудо: где бы он ни появился, нас ждет победа!

— Один рядовой воин мусульманин-тюрок может осилить десяток неверных, а глава тюрков — тысячу! — сказал горделиво Мухиддинов, включаясь в разговор.

Энвер-паша был явно недоволен и смущен невежеством своих спутников.

— Да,— сказал он,— я уверен, что мы придем к общему мнению и решению и будем работать единодушно... Пришла пора свершения великих дел, и в священной Бухаре есть все условия для этого. Нужно лишь внимательно понаблюдать!

— Конечно, конечно,— пробормотал Абдукадыр.

Тут в гостиную внесли блюдо с жарким. В комнате аппетитно запахло жареным мясом, приправленным тмином, черным душистым перцем и разными ароматными травами. Хозяин дома тем временем разливал коньяк и водку и первый поднял свою рюмку за здоровье дорогого гостя. Абдукадыр же с тревогой думал: о каких же это условиях для свершения великих дел в Бухаре говорил Энвер? Может быть, Энвер возлагает надежду на отряды басмачей в Восточной Бухаре? Но что могут сделать плохо вооруженные басмачи против пятизарядных винтовок, пулеметов «максим» и многочисленных пушек? Эмир со всем своим военным снаряжением, оружием и воинством и тот

был побежден! А Энвер рассчитывает одержать победу над русскими, сражаясь охотничьими ружьями, кухонными ножами и дубинками! Русские солдаты сейчас, закаленные в боях, привыкли к трудностям; к тому же они владеют современным оружием. Если мы, глубоко не продумав плана Энвера, ринемся в бой, то сразу будем разбиты. Прежде всего, если со мной согласятся остальные, надо господину Энверу поехать в Афганистан, заложить там твердую основу и укрепить ее для успеха всего нашего дела. Если он не согласится с этим, то переправим его в Восточную Бухару... Действовать надо крайне осторожно, чтобы русские ничего не узнали о нашем участии.

Тут поднялся со своего места молодой человек, один из джадидов-младобухарцев, горячий поклонник тюркизма и один из организаторов приезда Энвера; обращаясь к Абдукадыру, он попросил слова. Тот кивнул.

— Вот уже десять — двенадцать дней,— заговорил юноша,— священную землю Бухары осветил своим присутствием героический сын тюркского народа Энвер-паша. Земля Бухары, небо Бухары, сам воздух Бухары, душа бухарского народа ликуют от счастья! Мы это видели при каждой встрече с народом. Вместе с Энвер-пашой мы присутствовали на многих таких собраниях, и повсюду встречали нас очень приветливо. Я предлагаю сегодняшнюю нашу встречу считать деловым собранием, а не праздничной трапезой, хотя и проводим ее за столом, полным замечательной еды... Да, даже за пышным достарханом мы обязаны говорить о нашей разоренной родине, о нашей униженной нации. Довольно, хватит молчать и терпеть! Юноши наши готовы хоть сейчас ринуться в бой, чтобы прогнать врагов с нашей священной земли. Только дайте нам оружие, будьте нашим предводителем! Я предлагаю выпить за здоровье и успехи в нашем общем деле, за великого Энвер-пашу!

Энвер молча поднес свою рюмку к губам, сделал глоточек и поставил рюмку на место. Затем так же степенно взял вилкой кусочек мяса и съел его. Он молчал, обдумывая речь предыдущего оратора, Абдукадыра. «Как не похожа она на слова этого горячего юноши! На матерого волка похож этот безбородый толстяк Абдукадыр. Видимо, он здорово разбирается в политике, не верит в пустые обещания, не хочет потерять свою должность и выпустить из рук власть. Мне это даже нравится! Я не люблю работать с легкомысленными, избалованными людьми... Нужно по-

говорить с ним наедине... И побыстрей отправиться в горы, к басмачам... Там свои люди — Хасанбек, Али Ризоэфенди, Donиярбек, Усманходжа... Долго оставаться в Бухаре небезопасно».

Энвер встал и подал знак, что хочет говорить. Все замолчали.

— Господа! Я и мои друзья весьма признательны вам за гостеприимство, за ваши добрые чувства! Мы видим, что в сердцах ваших юношей живет гордость за нацию, патриотизм, верность исламу. Они горят желанием доказать свою преданность родине. Они готовы немедленно поднять мятеж, разбить, смести с лица земли все и всех, кто мешает проявлять эти чувства. Радостно это видеть! Это вселяет в наши сердца уверенность в наши силы, в нашу храбрость. Да, храбрость! Это вдохновляет. Не нужно разъяснять и доказывать, что я и мои товарищи не принадлежат к числу нерешительных, трусливых людей. Но когда находишься в стане врагов, видишь их происки и коварство, то нужно быть крайне осторожным. И вот я открыто заявляю, что с момента прибытия нашего в Бухару мы видим со стороны государственных учреждений, отдельных лиц и особенно русских враждебное к себе отношение. Вокруг нас постоянно вертятся какие-то незнакомые люди. Это явная слежка! Сегодняшнее наше собрание свободно от присутствия чужих... Здесь собрались лишь друзья, которым можно прямо сказать, что после моей встречи с русским послом Юреневым мы твердо решили как можно скорее уехать из Бухары. Дело в том, что во время нашей беседы Юренев, как бы невзначай, несколько раз спрашивал, когда мы уедем из Бухары. А нам известно, что русские большевики на ветер слов не бросают. Они действуют... Разум подсказывает, что нужно как можно скорее прийти нам к какому-то решению, разъехаться и приступить к делам. Я поднимаю этот бокал за здоровье тех молодых людей, чья кровь бушует, как гроза, и которые готовы сейчас откликнуться на зов родины и нации!

...В этот вечер было произнесено еще немало речей, подобострастных тостов и громких слов о родине, нации и вере. И наконец приступили к деловому разговору.

Джадидам стало ясно, что Энвер со своими приспешниками ничего не привезли, только пустые, зыбкие обещания. Кто знает, может быть, ему надоело топать по французской земле и он попросил у своих хозяев какую-нибудь

другую работу... И они ему предложили вот эту — неопределенную и неоплачиваемую. Поедешь, мол, туда-то, соберешь вокруг себя тюрков, укрепишь ислам, объединишь и возглавишь басмачей. Преуспеешь в этих делах — будешь есть свой хлеб с маслом, провалишься — пеняй на себя! Энвер, видимо, решил испытать свое счастье, потому и приехал... Ну да ладно, сейчас главное — добиться, чтобы он и его дружки покинули Бухару, пока он не привлек к себе кого-нибудь из местных жителей.

Заканчивая беседу, Абдукадыр сказал:

— Значит, решено: дня через два вас и ваших друзей наши милицейские работники — османские тюрки по национальности — обеспечат оружием и выведут за город, якобы как охотников. Вы же двинетесь прямо в Карши. Оттуда — через Термез и Кабадиан — в Душанбе к муджтахидам.

— Там мы, конечно, встретимся с господином Усманходжой? — спросил Энвер-паша.

— Непременно! Все дела в его руках. Мы надеемся, если на то будет воля аллаха, вы займете Душанбе. В ваших руках будет и столица и оружие.

— Если на то воля аллаха.

Все молитвенно подняли руки и проговорили «аминь».

9

Бухара ты моя многострадальная! Сколько тяжелых дней и страшных ночей выпало на твою долю! Каких только обид и несправедливостей ты не перенесла! Двенадцать месяцев в году из всех твоих двенадцати ворот пробирались к тебе пороки, злоба, кровавая месть... Сколько твоих лучших сынов было убито ни за что! Все соки высосали из тебя бездельники и моты... Топтали грязными ногами твою культуру, разграбили тебя! Разве для этого в поте лица трудились наши искусные мастера, воздвигавшие прекрасные здания, дворцы, медресе, библиотеки? Разве грабителям и ворам предназначались волшебной красоты изделия ювелиров, творения бухарских медников и ткачей?..

О, нет, нет! Через эти же двенадцать ворот в Бухару входили и наука, и культура, и дружба, и товарищество, и верность высоким идеалам. Тут рождались твои герои, твои защитники. Под твоей сенью они воспитывались и росли. Ты верила, что они сметут с лица земли всю грязь

и что только им, труженикам и умельцам, достанется твоя любовь, Бухара!

Так оно и есть!

Но, переворачивая страницы твоей истории, я который раз пропускаю через свое сердце твои страдания и боль, содрогаюсь и плачу... О, как я ненавижу и презираю тех, кто вырос на твоей земле и из корыстных целей готов предать и продать тебя! Я закипаю от гнева, думая о тех, кто, родившись на этой земле, топчет ее грязными сапогами.

Пройдут эти дни, что горше яда,
И новый день наступит, сладкий, как сахар!

Я проклинаю всех, кто предал тебя или собирается предать. Я всегда готов пожертвовать тебе мое сердце. И пока оно бьется в моей груди, я буду действовать во имя твоего благополучия, Бухара!

Последние тираны, проклятые недруги народа — Асад Махсум и Энвер-паша — подняли смуту на твоей священной земле, Бухара! На что они рассчитывают? Заверяю, что в ближайшее время они будут разбиты!

А сейчас, пока Асад Махсум находится в Бойсуне, Энвер-паша в Бухаре, понаблюдаем за ними и за их делами.

Седьмого ноября 1921 года Энвер-паша проснулся взволнованный, ему приснилось что-то очень страшное. Но, открыв глаза, он понял, что лежит в большой светлой комнате на мягкой кровати, и успокоился. Оба его спутника спали прямо на полу, покрытом мягким пушистым ковром.

— Что с вами? — участливо спросил Самей-паша, проснувшийся от стонов Энвера.— Вы так стонали. Дурной сон привязался?

— Ох, лучше не спрашивай! А может, он и к добру!.. Трудно сразу разобраться. Как истолковать — не знаю...

— Я не верю снам,— сказал Самей-паша,— но все же расскажите, что вам снилось... Может быть, я найду толкование.

— Снилась мне широкая бескрайняя степь и на ней большое войско. Я сижу на белом коне, разодетый как жених... Да, да, я это хорошо запомнил. Мне было весело, я гнал коня, вглядываясь в лица солдат, стоящих в строю. Вдруг мне путь преградила полная крови река... Представляешь? А мой конь бесстрашно, не снижая темпа, перешел через реку... Но шедшие за мной воины, дойдя до реки, тут же исчезли... Я остался один. Тут, вижу, ко мне

подходит бухарский эмир (кстати, я его никогда не видел), угрюмый и мрачный старик, снимает с головы огромную царскую чалму, надевает ее на меня. Чалма оказалась такой тяжелой, что я не мог шевельнуть головой. Голова моя под этой тяжестью клонилась непроизвольно набок, а чалма соскальзывала на лицо... Мне было трудно дышать, но, как ни старался я сбросить с лица душную чалму, это мне не удавалось. Так я в мученьях и проснулся.

— Я думаю, что ваш сон можно истолковать так: вы будете эмиром Бухары, но до того придется претерпеть некоторые трудности,— сказал Самей-паша.

— Ты так действительно думаешь?

— Конечно! А что тут еще можно представить?

— Нет. Эмиром я не стану. Я буду диктатором. Диктатором всего Туркестана!

В эту минуту с улицы донеслись звуки музыки, веселый смех, голоса людей...

— Что произошло? Отчего такой шум? — встрепенулся Энвер.

— Не знаю,— ответил Самей-паша, недоумевая.

Тут подал голос только что проснувшийся Мухиддинбек.

— Должно быть, идет праздничная демонстрация в честь Октябрьской революции, ведь сегодня седьмое ноября.

— Да, Октябрьская революция,— в тяжком раздумье пробормотал Энвер и умолк.

Он ненавидел эту революцию, которая потрясла весь мир. Всем сердцем своим и разумом он желал ей поражения. В годы первой мировой войны он, известный агент кайзеровской Германии, мобилизовал турецкие войска на войну против России и Англии. Ради своих низменных интересов он, прислужник германских капиталистов, превратил в пушечное мясо тысячи молодых турецких юношей... После войны и великой революции в Турции он, как предатель интересов своего народа, был изгнан из страны и скитался вдали от родины. Мог ли такой человек, прекрасно понимавший, какое влияние оказала Великая Октябрьская революция на передовых людей Турции, как окрылила их и вдохновила на борьбу, мог ли он испытывать к ней какие-либо чувства, кроме ненависти?

Если бы не было Октябрьской революции, если бы

Ленин не провозгласил всей планете о мире, если бы в ярких лучах солнца Октября не сгорели поджигатели войны, может, и не было бы революции в Турции, кто знает?

Октябрьская революция освободила от гнета и Туркестан, который является частью Средней Азии, хотя Энвер почему-то именовал так всю Среднюю Азию.

Октябрьская революция передала их истинным хозяевам Кавказ и Крым, а Энвер и подобные ему политики считали их неотъемлемой частью Турции... Словом, Октябрьская революция сделала нашу планету тесной для Энвера. Потому-то при одном упоминании о ней он приходил в дурное настроение.

Он приехал на древнюю землю Бухары, чтобы найти тайные пути для своего продвижения вперед. Но и здесь он не мог найти то, чего хотел.

Этот веселый шум, эти радостные возгласы свободного народа, эти песни и музыка словно пули вонзились в его сердце.

— Вставайте поскорее! Неужели вам нравится валяться здесь и слушать ликование большевиков?!

Говоря это, он сам вскочил. Ему бы в эти минуты с кем-нибудь поспорить, удовлетворить свою страсть к диспутам, забыться, чтобы хоть на время избавиться от гнетущих мыслей.

— Нет, мне совсем не нравится это ликование,— ответил Самей-паша.— Я люблю шум битвы и особенно, когда вступаю победителем в какой-нибудь город или село и слышу стоны раненых бойцов, плач и причитания женщин и детей, треск пылающих костров,— все это доставляет мне истинное наслаждение, равного которому я не знаю.

— Ты старый кровопийца! — сказал Энвер, желая нарочно разжечь спор.— А если ты войдешь в комнату пыток и увидишь, что пытают меня, растянув на чорчубу [1], или что я валяюсь в луже крови и рыдаю от мук,— ты тоже будешь наслаждаться?

Самей-паша поморщился. Это был человек безжалостный и жестокий, и этими свойствами своими он гордился. И если бы ему довелось действительно увидеть Энвера под пыткой, умирающего в мучительных страданиях, он был бы счастлив, он бы ликовал. Конечно, если бы ему лично это ничем не грозило. Смерть Энвера была бы ему только

[1] **Чорчуб** — пытка, растягивание рук и ног в разные стороны.

выгодна, не стало бы его главного соперника в борьбе за власть.

— А ты, Энвер, получаешь удовольствие от издевки над младшим братом своим!..— тихо пробормотал он и вышел из комнаты.

— Что до меня, то я всем звукам предпочитаю звуки кипящего котла с пловом,— весело сказал Мухиддинбек, убирая постели.— Куда девались, черт возьми, хозяева этого дома? Оставили нас одних, а сами ушли на демонстрацию!

— Неужели у этих бухарцев нет ни стыда, ни совести? — проворчал Энвер.— А вот кто-то сюда подходит.

В самом деле, пришли два человека — служащие Назирата иностранных дел и помогавшие по хозяйству в тех домах, где он бывал. Они вошли в комнату и, приветливо поздоровавшись, сразу же принялись за дело, помогли Мухиддинбеку убрать постели, начали готовить завтрак.

— Какие новости? — спросил Энвер и добавил: — Мы еще не выходили на улицу.

— Новостей нет! Сегодня праздник, все учреждения закрыты, все отправились на демонстрацию, к Регистану.

— Ох да, демонстрация!— Он словно выплюнул изо рта это слово и вышел из комнаты.

Вскоре был готов завтрак, и все принялись за еду.

Вдруг один из служащих воскликнул:

— Да, совсем забыл вам сообщить,— он обратился к Энверу,— вы уж простите меня... Один человек...— он осекся, и его слова подхватил второй:

— ...начальник милиции города Термеза Хасанбек...

— Хасанбек? — переспросил Энвер, как бы вслушиваясь в это имя. Наконец до него дошло.— Где мой милый Хасанбек?

— Он здесь, ожидает ваших распоряжений и приказов!

— Почему вы до сих пор мне об этом не сказали? Почему заставляете его ждать!

— Мы не знали... А согласно правилам и порядку...

— Правила и порядки! — воскликнул, разгорячась, Энвер.— Мне не нужны такие порядки! Немедленно приведите его сюда!

Один из служащих выскочил из комнаты и помчался выполнять приказание.

Вскоре в комнату вошел рослый, крепкий тюрк в воен-

ной форме; черноглазый и чернобровый, он был весьма недурен собой.

— Дорогой мой Хасанбек,— ласково сказал Энвер, встав и идя ему навстречу.

Остальные во время этой встречи тоже почтительно стояли. Энвер и Хасанбек сжали друг друга в крепком объятии и расцеловались.

— Неужели это правда, неужели я вижу моего любимого Хасанбека,— то и дело повторял Энвер.— С нетерпением жду тебя.

— Мы еще в Батуме расспрашивали о тебе,— сказал Самей-паша.— Нам сказали, что ты поселился в Бухаре.

— Да, это верно! — сказал Хасанбек.— У меня в пограничном городе Термезе хорошая должность. В моих руках гарнизон — более четырехсот конных и пеших воинов...

— Молодец! Браво! — восхищенно сказал Энвер.— А как ты узнал, что мы здесь? Тебе сообщили?

— Да,— как-то вяло ответил Хасанбек и жестом дал понять, что не будет говорить об этом при посторонних.— Как только я узнал, что вы прибыли, я потерял покой и терпение и поскакал в Бухару. Это была бешеная скачка, день и ночь я скакал не отдыхая. Утром я был у ворот этого дома, но вы еще спали... Не хотел вас тревожить.

— Дорогой мой Хасанбек, как хорошо, что ты здесь,— сказал Энвер,— как вовремя ты явился. Именно сегодня, когда у меня на душе так неспокойно. Ты здесь — и вмиг исчезли все заботы и тревоги. А теперь, друзья, уберите достархан и оставьте нас одних, нам о многом надо поговорить, посоветоваться.

Служащие быстро все убрали и ушли. Энвер моргнул глазом Мухиддинбеку, чтобы он пошел за ними — проследить за их действиями. Ничто не должно помешать важной беседе с знаменитым гостем.

— Ну, расскажи, дорогой,— нетерпеливо сказал Энвер, садясь на диван,— как идут твои дела?

— В Термезе я собрал немногочисленную, но надежную и верную группу людей и все время ждал лишь вашего приезда. И вот три дня назад мне позвонил по телефону из Бойсуна председатель республики и сообщил, что вы уже в Бухаре. Он тоже очень хочет повидаться с вами, потому и позвонил мне...

— Почему он уехал из Бухары? — присоединился к разговору Самей-паша.

— Точно не знаю,— ответил Хасанбек,— но думаю, что они...

— Кто они? — перебивая, нервно спросил Энвер.

— Усманходжа, Дониярбек. Не зря они с собой взяли примерно семьсот воинов, четыре пушки и новые пулеметы.

— Здесь поговаривают, что они собираются разгромить басмачей,— сказал Энвер.

— Это, скорее всего, предлог,— сказал Хасанбек,— что может подтвердить и письмо от самого Усманходжи. Это письмо я получил в дороге. Господин Усманходжа движется к Душанбе, вероятно, он уже там.

Энвер взял у Хасанбека письмо. Оно было коротким. Усманходжа приветствовал дорогого гостя и выражал большую надежду на встречу с ним в Душанбе. «По моему распоряжению,— писал он,— власти Бухары беспрепятственно, в полной безопасности, доставят вас в Душанбе. Там мы все обговорим, посоветуемся, разработаем сообща план наших дальнейших действий».

— Вот, — сказал Энвер, прочитав письмо,— он приглашает меня в Душанбе. Опасаются поднять восстание в самой Бухаре: русские близко. Да и железная дорога мешает.

— Его соображения основательны,— сказал Хасанбек,— здесь вести такие дела очень трудно даже для такого опытного командира, как вы. А в Восточной Бухаре у вас будет широкое поле действия. Там сейчас в самом разгаре басмаческое движение.

— Ты тоже мне так советуешь?

— Да, мой командир.

— Хорошо, так и решим! — сказал Энвер, поглядывая на Самей-пашу.— Завтра же отправимся! Сообщи друзьям, чтобы начали собираться.

— Это я возьму на себя,— сказал Хасанбек.— Здесь начальники милиции и военные — почти все нашей национальности, тюрки... Я все это изучил и предусмотрел. Заместитель начальника города Бортанли — мой друг. Я сегодня же с ним поговорю. А вечером доложу свой план.

— Хорошо,— сказал Энвер,— раз так, то мы и сегодня пойдем в гости!

* * *

Восьмое ноября в тот год пришлось на пятницу. В этот день, почти к началу пятничного намаза, все, в том числе Чека, русское посольство и Назират иностранных дел, получили сообщение, что Энвер-паша вместе с его товарищами выехали на два дня в близлежащие тюмени на охоту. Все были крайне удивлены этой вестью. Ведь только накануне вечером было решено, что в этот день в Большой мечети Бухары Энвер прочтет молитву. Работники Чека, да и других учреждений, были очень обеспокоены: а не уловка ли это? Не воспользуется ли Энвер трибуной, чтобы произнести перед народом не молитву, а дезорганизующую, контрреволюционную речь?

Но все приняло другой оборот. Рано утром Энвер, Самей-паша, Хасанбек, Мухиддинбек, старшина Нафи выехали на конях через ворота Намозах и направились в сторону Карши.

А из ворот Кавола выехали — и тоже на конях — заместитель начальника городской милиции Бортанли и старшина Халилбек. Догнав на каршинской дороге отряд Энвера, присоединились к нему и тут же, не отдохнув, поскакали дальше. В тяжелых хурджинах у большинства всадников были запасы пищи на несколько дней, деньги, золото и оружие. Отряд Энвера беспрепятственно проехал Карши и поскакал дальше, в направлении Кабадиана.

Эта дорога была его последней дорогой, дорогой смерти.

10

В горном Сангкалче, где разместился лагерь Асада Махсума, уже давно наступила зима. В конце ноября выпал большой снег. Под его тяжестью прогибались шалаши и шатры. Жильем для большинства воинов Асада служили теперь землянки. Хорошо еще, что успели запастись дровами. Люди хоть не мерзли. Но провизия уже кончалась. Закирбай сообщал снизу, что ему стало трудно доставать продукты, так как красные все теснее и теснее сжимают кольцо, и еще труднее доставлять их наверх.

Съев почти все запасы, воины Асада с жадностью смотрели на лошадей. Асад Махсум предвидел, что́ могут сделать голодные люди, и заявил, что не снести головы тому, кто попытается зарезать лошадь. Сначала, пока еще было

немного пшеницы и сухарей, люди терпели, но когда и это иссякло, они готовы были нарушить приказ. Махсум это понимал. Он решил еще раз сам проверить, нет ли внизу корзины, не доставлены ли продукты, и если окажется, что ничего нет, он разрешит зарезать самых старых коней и накормить изголодавшихся воинов.

На дне обрыва, в том месте, с которого поднимали корзины с продуктами, ничего не было. Асад Махсум в сопровождении нескольких человек подошел к самому краю обрыва и посмотрел в бинокль на кишлак. Там шла мирная жизнь. По улице бегали и резвились ребятишки, из кухонных труб валил дым, там либо пекли лепешки, либо жарили масло для плова. На крыше здания сельсовета развевался красный флаг. На скамейке подле бакалейной лавки сидели несколько человек и, видно, спокойно беседовали. На склонах холмов почти не было снега, там паслись телята и козы, принадлежащие жителям кишлака. Не видно было ни одного человека в военной форме.

Глядя на этот мирный кишлак, Асад Махсум подумал (о чем думал уже не раз): нельзя ли спуститься вместе с воинами вниз, а там найти дорогу на Душанбе и Гиссар? Нет, нельзя! Есть, правда, дорога на Карши и Гузар, но она кишит опасностями. К тому же очень трудно спустить столько людей сразу; многие из них тут же разбегутся, а не то еще сообщат красным. Нет, невозможно. Эти мысли терзали его.

Махсум оторвался от бинокля. Он приказал поджечь кучу хвороста, лежащего на краю обрыва. Хворост задымил, и дым густым столбом поднялся в небо. Погода была тихой и безветренной. Столб дыма, пущенный в небо, был особым сигналом, он подавался только в очень трудную минуту. Закирбай и его приспешники хорошо это знали. Махсум снова стал пристально глядеть в бинокль на дом Закирбая. Но там никого не было видно.

— Вот проклятый изменник! — прошипел Асад в сердцах.— Мало я тебе хорошего сделал? Чтоб ты ослеп, неблагодарный! Ну, погоди, еще попадешь в мои руки!

Вдруг раздался чей-то крик:

— Смотрите сюда, вот сюда, под обрыв! Эй! эй!

— Замолчи, дурак! — Асад Махсум схватил бинокль и начал вглядываться в указанную сторону. Он увидел идущих по ущелью людей во главе с самим Закирбаем. Они

несли большие тяжелые мешки. Это был давно не доставлявшийся провиант...

Верно говорится, что голодный готов броситься на обнаженный меч, лишь бы схватить кусок маячившего за мечом хлеба. Сейчас все взоры устремились в ту сторону, где были люди с мешками. К их счастью, в тот час ни в кишлаке, ни на дороге не было красноармейцев, и это дало возможность доставить драгоценный груз куда надо. Вскоре снизу дернули веревку, прикрепленную к валунам. Это был условный знак — можно поднимать груз. Люди Асада Махсума, преодолевая с огромным усилием тяжесть, втащили долгожданную корзину. В ней оказалось два мешка с мукой. Освободив корзину, они тут же спустили ее обратно. Так было доставлено много продуктов: мясо, сало, маис, рис, хлеб, сахар, чай, орехи, кишмиш, лук, морковь и вообще все, что нужно человеку, чтобы сохранить силы.

Люди, доставившие провиант, подняли руки. Это означало, что больше ничего нет, что они прощаются и говорят «аминь» и да будет на всех благословение божие.

Асад Махсум приказал привести лошадей, их нагрузили драгоценными мешками и погнали в военный лагерь.

А в лагере тем временем готовилось настоящее пиршество. По приказу Асада Махсума повара развели под большими котлами огонь, варили шурпу и мошоба, в чайджушах[1] кипятили чай. И злой дух голода пока покинул лагерь. Но кто знает, надолго ли?

Махсум стоял в землянке, в которой хранилось продовольствие, и отдавал распоряжения.

— Сегодня, так и быть, ешьте вволю, но с завтрашнего дня надо резко ограничить питание. Наши повара ненасытны, им только дай волю, они за два дня израсходуют все запасы. Вы должны быть на страже. Часть муки, риса и масла отложите совсем в сторону, как неприкосновенную, на черный день. Их выдавать можете только по моему личному приказу.

Все понимали, что Махсум не очень уверен в своем будущем. Не знал, доставят ли еще сюда когда-нибудь продовольствие, не представлял себе, когда и в каких условиях они будут спускаться с вершины горы.

Среди пакетов с чаем оказался небольшой пакет, адре-

---

[1] Чайджуш — специальный кувшин, в котором кипятят воду для чая.

сованный лично Асаду Махсуму. Асад дрожащей от волнения рукой взял пакет и поспешно сунул в карман. Затем он обратился к своему первому заместителю — пятисотнику Урунбаю и отдал ему распоряжение собрать после еды всех на площадке: он произнесет речь.

Как это ни странно, придя домой, он застал Ойшу и ее мать в хорошем настроении; они весело болтали, подготовляя все для плова.

Услужливая челядь принесла своему начальнику все баранье мясо, мешок риса, сало, лук, морковь, хлеб, чай, сахар, кишмиш.

— Что ж, неплохо живете,— усмехнувшись, сказал Асад Махсум,— аппетит у вас не пропал.

— Конечно,— сказала Ойша,— от вкусной пищи мы, женщины, становимся еще прекраснее, а мужчины еще сильнее... И наконец, когда начнется долгожданное сражение, вы спустите нас с вершины горы!..

Ойша говорила шутливо, и Асад Махсум, подхватив ее тон, ответил:

— Браво! Можете не сомневаться...

Причина радости обеих женщин заключалась совсем не в том, что они вкусно поели. Но об этом будет сказано потом. А сейчас нужно присмотреться к Махсуму, ведь он получил какое-то важное письмо, доставленное вместе с продовольствием.

Письмо было от Закирбая. Он сообщал, что красноармейцы появляются все чаще в близлежащих кишлаках. Они явно ищут источник обеспечения лагеря Махсума продовольствием. Поэтому снабжать лагерь продуктами становится все труднее. В то же время, писал Закирбай, положение красноармейцев незавидное и ухудшается с каждым днем. Дело в том, что Энвер-паша собрал в Душанбе многочисленное войско, призывает всех курбаши стать в его ряды. И если Асад Махсум найдет возможность спуститься с горы и соединиться с Энвером, то это намного приблизит день победы.

Прочитав письмо, Асад Махсум призадумался. Что делать? Там внизу совершаются большие дела, а он отсиживается в этой горной мышеловке. А что, если, накормив посытней воинов, сегодня же спуститься с горы и принять бой? Конечно, жертвы будут, зато можно спасти основную часть войска и вырваться из окружения. Другого выхода нет! Сидеть на месте и надеяться на чудо? Все равно по-

гибнут и воины и он сам. Погибнет бесцельно, бесславно, так и не приняв участия в большом деле. Надо посоветоваться с людьми, сказать им, что пришло время сражаться.

Асад порывисто вскочил и вышел из комнаты. У дверей стоял пятисотник Урунбай, разговаривая со слугами.

— Ну,— обратился к нему Асад,— подготовили людей?

— Все построены на площадке и ждут вас!

— Закирбай прислал мне из Бухары письмо,— сказал, притворяясь веселым, Асад.— Идемте скорее, чтобы сообщить радостную весть всем.

— О, поздравляю вас! — воскликнул Урунбай, следуя за своим начальником.

На площадке собралось примерно около двухсот воинов. Они дрожали от холода. Вместе с Урунбаем Асад Махсум поднялся на высокий плоский валун, улыбаясь обвел взглядом строй воинов и громко, весело начал свою речь:

— Героические мои братья, преданные мои воины! Я собрал вас, чтобы сообщить вам радостную весть, полученную мной сегодня. Верные люди из Бухары написали, что близится час нашей победы, нашего освобождения. Для того чтобы его ускорить, великие иностранные государства хотят нам помочь. Они послали к нам замечательного человека, опытного военачальника, зятя халифа, прославившегося в мировой войне, господина Энвер-пашу! Под его руководством свыше двухсот тысяч воинов, вооруженных с избытком английским, французским, германским оружием... Энвер-паша уже взял Душанбе и призывает под свое победоносное знамя всех муджтахидов ислама! Мой бухарский друг написал мне, что, пока мои воины не соединятся с армией Энвер-паши, он не выйдет из Душанбе... Так заявил сам Энвер-паша. Наш отряд, мол, хоть и невелик, но проявил себя отлично в бою, каждый воин в нем может быть приравнен к десятку воинов противника. Все это написано по поручению самого Энвер-паши, который назвал нас отрядом победителей в священной войне! Наши соратники ждут нас, с ними вместе ждут нас и победы. Конечно, продираться придется с боем. Вот я и собрал вас, чтобы посоветоваться, что делать. Положившись на милость божию, собраться с силами и сегодня же неожиданно ударить по врагу, открыть путь для победы над ним или снова сидеть сложа руки, терпеть и ждать другого, более удачного случая?

Воины молчали. Тишину пронзил резкий голос пятисотника Урунбая:

— Давайте рискнем и ударим по врагу!

— Днем или ночью? — раздался чей-то вопрос.

— Думаю, что лучше всего после вечерней молитвы,— ответил Асад Махсум.— Сразу пойдем в наступление... Нападем неожиданно. Ведь они не могут даже предположить, что мы нападем в это время. Можно было бы и ночью, но именно тогда враги особенно бдительны. К тому же в темноте мы можем заплутаться. Ведь наша задача сейчас не в том, чтобы разгромить противника, а в том, чтобы расчистить себе путь для перехода к Энвер-паше.

— Верно, верно,— раздались голоса.

— Ну, если вы согласны, то сейчас я и пятисотник Урунбай проведем осмотр каждого из вас... Посмотрим, в каком состоянии ваше оружие, сколько у вас патронов, чего вам не хватает. Я должен все это знать.

Асад вместе с Урунбаем ушли с площадки.

А мы тем временем пройдем во двор Махсума к Ойше. Но прежде чем зайти в дом, объясним, почему Ойша и ее мать были сегодня в приподнято-радостном настроении.

В тот час, когда Махсум стоял на краю обрыва и смотрел вниз, не появится ли желанная корзина с продовольствием, Ойша получила письмо от Карима. Письмо принес один из охранников сторожевого поста по дороге в лагерь Махсума. Это была единственная дорога, ведущая вниз. Ойше стало ясно, что Карим наладил связь с людьми Асада и привлек кого-то из них на свою сторону. Как раз вчера на посту дежурил один из этих верных людей. Закончив свое дежурство, он нашел удобную минуту и передал письмо Ойше, приняв все меры предосторожности. Карим писал Ойше о своей горячей любви и преданности, просил, чтобы она берегла себя и мать, чтобы пока была с Махсумом приветливой и ласковой, не злила его. Ведь Асад жестокий человек, от него можно чего угодно ждать. А Карим так беспокоится о ней, так жаждет встречи!

Карим принимает все меры к тому, чтобы заставить Асада сдаться без боя, без напрасного кровопролития. Если же из этого ничего не выйдет, придется дать бой и разгромить весь его лагерь. Во время боя Ойше и ее матери надлежит найти какое-нибудь надежное укрытие... Затем Карим просил Ойшу, приняв все меры предосто-

рожности, сообщить через подателя этого письма о планах Асада Махсума.

Письмо Карима, словно луч солнца в глухую холодную ночь, наполнило радостью сердца Ойши и ее матери. Давно не имели они от него вестей, и это приводило их в отчаяние. Письмо вернуло улыбку на их лица. Они снова почувствовали теплое дыхание жизни, в глазах засверкали огни надежды.

— Выйдем ли мы когда-нибудь из этой крепости, избавимся ли от этого ада? — все еще сомневаясь, спрашивала мать.

— Да, день избавления близок! — уверенно отвечала Ойша.— Не стал бы Карим зря писать нам такое письмо.

Ойша и молодой человек, принесший письмо, вместе продумали план действий. За домиком, где жила Ойша, была низина, доверху заросшая густым кустарником. Тут часто прогуливалась тоскующая Ойша. Средь трав высился молодой, еще очень тоненький одинокий чинар. Ойша называла его Каримом, нередко подходила к нему и, обняв его, горько плакала. Под его опавшей осенней листвой проложили теперь дощечку, под которую они условились класть письма и ответы на них. Прощаясь с Ойшой, молодой «письмоносец» сказал, что через два часа придет за ее ответом. И Ойша, пользуясь отсутствием Асада, села писать письмо.

Письмо начиналось словами стихотворения Хафиза, которые соответствовали чувствам и переживаниям Ойши:

Боже, сделай так, чтоб любимый здоровым
Вернулся ко мне и избавил меня от упреков...

«Все ваши поручения и советы мы выполнили точно. Днем и ночью ждем вас с нетерпением»,— писала Ойша, но ей пришлось тут же спрятать начатое письмо, за дверью послышались чьи-то шаги, и в комнату вошел Асад Махсум. Не глядя на Ойшу, он прямо прошел в свою комнату, вызвал своего слугу, взвалил ему на плечи тяжелый ящик с патронами для винтовок и сказал, куда их нести. Затем вернулся к Ойше.

— Плов должен быть готов сегодня к закату. После вечерней молитвы мы нападем на врага.

— Значит, это будет плов «охират» [1],— насмешливо сказала Ойша.

---

[1] Охират — конец света.

— Что ты хочешь этим сказать? — нахмурясь, спросил Асад.

— Только то, что это будет последний наш плов. Ведь мы, беззащитные женщины, когда начнется стрельба, неизбежно от пуль погибнем...

— Не глупи,— оборвал раздраженно Ойшу Асад.— Вы двинетесь с места только после того, как мы пойдем в атаку. Когда враг будет разбит и уничтожен дотла!

Асад Махсум стремительно вышел из комнаты. Ойша переглянулась с матерью.

— Знает ли об атаке Карим? Я напишу ему об этом, его надо предупредить. Как важно, чтобы он об этом знал заранее!

Ойша вытащила из ящика свое незаконченное письмо и стала быстро его дописывать. Затем тихонько вышла из дома и положила письмо в условленном месте. Как только она ушла, из-за густых кустов вышел черноусый юноша, подошел к тонкому чинару, вынул из-под дощечки письмо и быстро ушел.

Еще не стемнело, когда Асад Махсум вывел свой отряд. За поворотом по склону горы шла единственная узкая тропинка. По ней и должны были спуститься воины. Но сначала Махсум послал несколько человек разведать обстановку. Вернувшись, они сообщили, что внизу все спокойно, нигде они никого не повстречали, а у красноармейцев, по-видимому, какой-то праздник, издали доносятся звуки бубна, барабана, карная...

— И давно слышится оттуда музыка? — спросил Махсум.

— Нет, недавно. Вскоре после вечернего намаза.

— Выслали вперед людей?

— Послали. Двое дошли почти до половины пути. Все мирно, спокойно.

— Прекрасно! Если аллаху будет угодно и он поможет нам, то мы пойдем в атаку, застанем врага врасплох и до одного уничтожим! — сказал Махсум и, понизив голос, отдал приказ:— За избавление, за победу, вперед!

Все вооружились винтовками. На страже стоял пятисотник Урунбай, он следил за порядком и поторапливал проходивших мимо него воинов — то уговорами, то окриками, то угрозами, то сладкими обещаниями скорой победы. Вот воины уже вступили на улицу кишлака, расположенного у подножия горы. Очутившись на улицах мирно-

го, спокойного кишлака, они чувствовали себя прекрасно. Но хитрый Урунбай, хорошо знавший, что такое коварство, забеспокоился, его как раз-то и смущала эта полная тишина и безлюдье. Он встал посреди улицы, подозвал к себе воинов и приказал им открыть ворота всех притихших домов, и если там окажутся спрятавшиеся мужчины, вытащить их на улицу.

Воины охотно кинулись выполнять приказ и вскоре привели двух крестьян.

— Они стояли за воротами и следили за нами,— сказал один из воинов.

— Не бойтесь нас,— сказал Урунбай,— мы не враги вам, мы пришли, чтобы освободить вас от иноземцев. Скажите, где тут красноармейцы?

— Мы не знаем,— ответил один из приведенных.

— Странное дело,— проворчал Урунбай,— только сегодня вы ели, пили чай с красными и уже не знаете, где они!..

— Да, не знаем,— вступил в разговор и другой крестьянин.— Мы не пили с ними чай и понятия не имеем, куда они ушли...

— Если вы не хотите рассказать нам, избавителям вашим, как было дело, значит, вы наши враги. Вас нужно уничтожить, как паршивых псов! Облокул, а ну-ка, веди их!

Облокул с помощью еще двух воинов подтащили крестьян к краю дороги, отскочили от них и, подняв винтовки, стали прицеливаться.

— Раз! — скомандовал Урунбай.

Крестьяне не тронулись с места. Молчали.

— Два! — воскликнул он и поднял руку, словно хотел еще что-то сказать. Но в ту же секунду из-за угла раздался выстрел, и пятисотник, вскрикнув, упал на землю. Его люди опешили, они не ожидали такого поворота событий, но потом быстро сообразили и бросились бежать.

Попытка спастись бегством оказалась напрасной — пули сыпались на них со всех сторон. Им оставалось только ползти по земле, прятаться за заборами и беспорядочно отстреливаться...

Те воины Махсума, которые еще не успели войти в кишлак, мгновенно побежали обратно, чтобы скрыться на вершине горы. Как Махсум ни кричал на них, ни пугал,

ни грозил, приказывая им остановиться, все было напрасно. Спасая свою жизнь, они не слушались даже его.

Когда стало совсем темно, в лагерь вернулись полтораста воинов. Погибли или попали в плен полсотни человек.

У поворота на склоне горы Махсум оставил стражу из преданных ему людей, а сам поднялся в свой лагерь. Он был страшно бледен и угрюм, глаза гневно, яростно сверкали.

— Что там произошло с Урунбаем?— спросил он у воинов, которые были рядом с пятисотником.

— Первая же пуля свалила его.

— Теперь совершенно ясно, что красные ждали нас. Значит, они знали о наших планах... Значит, в рядах наших воинов есть предатель!

— Что вы, начальник!— воскликнул слуга Махсума.— Мы все верны вам и преданы душой и телом!

— Если вы преданы и верны,— с горькой иронией сказал Асад Махсум,— то объясните, почему они были подготовлены? Почему, почему, почему?!

Все молчали. Махсум крепко сжал ладонями голову и зарыдал... Потом, затихнув, сел на валун и глубоко задумался. Все молча глядели на него.

После долгого молчания Махсум вскочил с валуна и резко сказал:

— Прежде всего нужно выявить предателя и разрубить его на куски!

Вдруг заговорил один немолодой воин, находившийся в отряде Махсума с самых первых дней его существования:

— Дело не в предателе... Так нам на роду написано, такова наша судьба...

— Так что же, я должен подчиняться судьбе? — яростно воскликнул Махсум.

— Да,— ответил спокойно тот же воин,— от судьбы не уйдешь... Как бы человек ни старался изменить ее, ничего не выйдет. Лучше покориться ей! Если мы не спустимся с горы, то все помрем от голода и холода. Станем пищей для воронья...

— Заткни свою глотку, дурак! — крикнул Асад, схватив воина за ворот с такой силой, что ткань затрещала.— Ты хочешь учить меня? А может, ты продался красным, служишь большевикам? А?!

— Совести у вас нет, начальник, говорить такое...—

сказал воин, отрывая от своей груди пальцы Махсума.— Это я-то предатель! В ваш отряд я пришел одним из первых... Кто у вас есть преданнее меня! Поглядите в мои глаза. Вот уже около года, как я ушел с вами из родного дома, не вижу ни жены, ни детей. А вы, вместо того чтобы поблагодарить меня, особенно в такой тяжелый день, как сегодня, клевещете, называете предателем...

Асад Махсум молчал, а тот, после короткой паузы, продолжал:

— Мы окружены красными со всех четырех сторон. Мы головы не можем высунуть из этого ада. Наши воины с каждым днем хиреют, а многие из них стоят сейчас на пороге смерти. Боеприпасы приходят к концу. Так не лучше ли объявить мир?

Он едва успел договорить эту фразу, как раздался револьверный выстрел. Пожилой воин упал мертвый. Почти одновременно с выстрелом прозвучал крик обезумевшего Асада Махсума:

— Это ждет каждого, кто окажется предателем!

* * *

А между тем внизу, в кишлаке, Карим, занявший в одном из домов небольшую комнату, отчитывал младшего командира, руководителя передового отряда своего соединения:

— Почему ты без моего разрешения и преждевременно открыл стрельбу?

— Я не стерпел...

— Из-за того, что ты не смог сдержаться, сорван вырабатывавшийся много месяцев план! Дошло? Что теперь мне с тобой делать?

— Если бы мы сидели не шелохнувшись, пятисотник расстрелял бы совершенно непричастных к нашему делу крестьян.

— Нет, не расстрелял бы,— резко сказал Карим.— Дело в том, что воины Махсума хотели застигнуть нас врасплох и напасть... А ты по глупости погубил весь наш план!

— Я не мог сложа руки смотреть, как будут погибать ни за что ни про что бедняки крестьяне!..

Карим не успел ответить младшему командиру,— дверь в комнату отворилась, и вошел русский боец, отдал честь,

вынул спрятанный за пазухой пакет и протянул его Кариму, отчеканив:

— Срочный.

Пакет был из Бухары, из военного комиссариата. В письме сообщалось, что Энвер-паша, находясь в Душанбе, привлек в свой стан многих курбаши и собирается выступить в сторону Бойсуна. А посему Кариму надлежит как можно скорее покончить с Асадом Махсумом и воспрепятствовать его присоединению к отрядам Энвера.

Карим отпустил нарочного и продолжил разговор с младшим командиром:

— Вот центр попрекает нас за то, что мы еще не разоружили шайку Махсума... Что же я им скажу? Стыдно даже сообщить, что все было подготовлено, тщательно разработано, да испортил все дело один мягкосердечный глупец! Впрочем, сейчас говорить об этом не к чему! Вот вернемся в Бухару, там и подумаем, что с тобой делать. А сейчас отправляйся к командиру, туркмену, и скажи, что я арестовал тебя на трое суток!

— Есть! — ответил арестованный и вышел из комнаты.

Карим вызвал двух своих заместителей и двух помощников. Двое из них были русскими, двое — из местных.

— Товарищи, я получил из центра малоприятные известия,— сказал Карим и прочел им письмо.— Что будем делать?

После короткой паузы заговорил один из помощников Карима, Владимиров:

— Я допросил попавших к нам в плен воинов Асада... Они говорят, что в лагере положение очень тяжелое, они голодают, болеют... Боеприпасы у них на исходе...

— Это значит, что если мы будем держать их в осаде, то в один прекрасный день они вынуждены будут сдаться?

— Да, получается так... Волей-неволей...

— Было бы у нас время, хорошо бы продлить осаду,— сказал второй помощник,— но сейчас из Душанбе наступает Энвер... Да и Махсум, хорошо знающий эти места, может что-то сообразить... Найти никому не известную тропинку и обойти нас. Грозящая ему опасность заставит пошевелить мозгами. И по этой тропинке он спустит все свое войско!

— Но как? Где?

— А как он получает продовольствие и оружие? По этой, неведомой нам пока тропинке...

— Вы правы! — сказал Карим.— Медлить больше нельзя! Я думаю пойти посоветоваться к местному имаму... Говорят, что он хороший, порядочный человек и нам сочувствует. А утром я сам, взяв с собой спутника, поднимусь на гору, спокойно поговорю с Махсумом и предложу ему мир.

— А согласится ли Махсум заключить с нами мир?

— У него безвыходное положение, его собственные воины заставят мириться,— ответил Карим.

— Может быть, лучше мне пойти наверх, а не вам?..

— Вы не знаете характера Махсума! Это хитрый и коварный интриган! Он может все так запутать, что вы и оглянуться не успеете и попадете в его лапы... К тому же мое появление там окажет благотворное воздействие на его людей. А для того чтобы постовые нас пропустили, нужна помощь имама, он поговорит с ними, объяснит, как обстоит дело, и мы пройдем...

— Хорошо, слушаюсь!

— Итак, товарищи, еще раз просмотрите наши планы, разделите между собой обязанности, а я иду к имаму.

— Товарищ командир,— остановил Карима его помощник Берди,— кишлачный имам действительно хороший человек, но не лучше ли сначала поговорить с кузнецом Али? Он тоже высказывал пожелание побеседовать с вами об этом.

— Прекрасно! — воскликнул Карим.— Вот все вместе и пойдем! Вы знаете, где его дом?

— Конечно, знаю.

* * *

Кузница находилась прямо во дворе дома Али. В этот день ему пришлось закрыть ее раньше обычного, еще даже до вечерней молитвы: в кишлаке ожидали нападения отряда Махсума. Нападение, как мы знаем, не состоялось, воины Асада бежали, красноармейцы разошлись по своим местам, и Али разрешили снова открыть на несколько часов свою кузницу.

Вот он и сидел у пылающего горна и работал при свете висячей лампы, которую сам смастерил. По заказу Карима он должен был вместе с подручным к завтрашнему дню сделать сто пар лошадиных подков.

С треском выскакивали и рассыпались огненные искры из пылающей, раскаленной кузнечной печи.

Дважды за вечер Али протирал закоптившееся стекло от висячей лампы, и она ярко освещала не только кузницу, но и площадку перед ней.

Ловко работая длинными кузнечными щипцами, Али вытащил из горна кусок раскаленного железа, положил на наковальню и стал бить тяжелым молотом. Искры так и сыпались... От жара у Али раскраснелось лицо. Несмотря на седину, посеребрившую всю голову — отдельные серебряные нити проникли и в его пышную окладистую бороду,— руки его работали с прежней мощью, удары по наковальне говорили о не покинувшей его энергии, о большом опыте и умении. Хотя капли пота становились все гуще на его изрытом морщинами лбу, он работал не покладая рук.

Подле кузницы, на небольшой суфе, каждый вечер обычно собирались односельчане, и пожилые и молодежь, беседовали о событиях дня, просто болтали, шутили, смеялись... Но в этот вечер суфа пустовала. Всех напугала стрельба, разогнала по домам... Да и сам Али сегодня не хотел отвлекаться, у него была срочная работа — подковы для коней красноармейцев.

Али был поглощен работой, когда в кузницу вошли двое — Карим и Берди. Али отложил молот в сторону.

— Здравствуйте, здравствуйте,— ответил он на их приветствие.— Добро пожаловать! Извините только, у меня беспорядок... Усадить вас даже некуда.

— Ничего,— сказал Карим.— Подковы, наверно, почти готовы?

— Да, почти, бог даст, завтра утром наденем на копыта коней новые «калоши»... Эй, мальчик, принеси-ка чай!

— Не нужно, не нужно,— сказал Берди.— Мы, дядюшка, пришли к вам за советом... Мальчик пусть закроет двери кузницы и уходит к себе домой. Если что понадобится, я сам сделаю...

— Спасибо, спасибо,— пробормотал Али, крайне удивленный тем, что нужно закрыть кузницу.— Значит, прервать работу?

— Да,— сказал Карим,— вы ведь устали, наверное...

Тем временем подручный кузнеца закрыл по его указанию дверь, запер на ключ, а ключ отдал мастеру и ушел.

Карим, примостившись на каком-то ящике, сказал:

— Нужно кончать войну, дядюшка, не правда ли? Пора народу обрести покой. И вот мы пришли к вам за советом.

— Что я могу посоветовать вам? Вся военная наука в ваших руках...

— Мы хотим прекратить войну мирным путем,— сказал, присоединившись к разговору, Берди.— Вы однажды сами что-то такое говорили...

— Да, да, да, припоминаю... Ведь и те, что в том лагере, наверно, наши же люди! Они взяли оружие в руки, чтобы поддержать революционную власть. Они только не знают, кто из вождей прав... Вот их и ввели в заблуждение... К чему же это братоубийство? А если они спустятся вниз, сдадутся добровольно, их простят?

— В этом можно не сомневаться,— заверил Карим,— непременно простят! Но нужно, чтобы они это поняли, чтобы увидели ясно, кто друг, а кто враг!.. Вот мы и решили послать наверх делегацию из трех человек, чтобы они объяснили Асаду Махсуму бессмысленность дальнейшего кровопролития и предложили ему сдаться, заверив, что революционное правительство простит их заблуждения.

— Ну и хорошо! — воскликнул кузнец.

— Что ж,— продолжал Карим,— раз вы согласны с таким решением, то пойдете с ними в составе делегации.

— Я?

— Да, именно вы — трудящийся человек, сторонник мира, настоящий представитель народа.

Опешивший кузнец не знал, что и думать. Как он, простой кузнец, может от имени правительства, от имени Красной Армии идти с предложением заключить мир к этому кровопийце Махсуму! Да станет ли Махсум слушать его, кишлачного кузнеца? От него может быть лишь один ответ — пуля! Али не боится смерти, но он не хочет бессмысленно погибнуть! Вот если б смертью своей он мог принести мир, счастье для народа... Али молчал, думал.

— Так если вы согласны,— снова заговорил Карим,— то мы сейчас пойдем вместе к имаму, поговорим с ним спокойно, постараемся его убедить, что необходимо его участие в мирной делегации, и если он согласится, то мы втроем завтра же утром с белым флагом в руках поднимемся наверх.

— Я, имам и вы? — спросил кузнец.

— Да, мы втроем. Считаю, что достаточно.

Кузнец умолк. Он понял, чего хочет Карим.

— Втроем? — Али вдруг порывисто вскочил с места.— Хорошо, согласен, идемте к имаму, послушаем, что он скажет... Наш имам образованный и справедливый человек. Он может дать дельный совет; что он посоветует, то я и сделаю!

— Хорошо,— сказал Берди,— только мы все просим вас первым начать разговор.

— Неужто имам станет слушать моих советов! Он человек ученый, сам знает, что ему делать.

— Если он такой ученый, он быстро поймет, чего мы от него ждем...

— Хорошо, согласен, идем! — решительно сказал кузнец.

Имам увидел, что к воротам его дома подходят трое — два красных командира и кузнец Али, и не на шутку испугался. Он задрожал всем телом, и тысячи мыслей одна страшнее другой пронеслись у него в голове. Почему идут к нему красные командиры, да еще вместе с кузнецом? Неужели арестовать его? В чем он провинился? Что плохого сделал? И какое отношение к этому имеет кузнец Али?

— Мы просим простить нас, в такое позднее время беспокоим, стучимся в вашу калитку! — сказал Карим.

Этот вежливый тон успокоил имама.

— Ничего, ничего, пожалуйста! — приветствовал он гостей.

— Мы пришли посоветоваться с вами, ваша милость,— начал разговор кузнец.— Вот этот брат наш командир и этот братец Берди хотят выразить свое глубокое к вам уважение... И хотя час поздний, я сказал, что господин наш имам не рассердится и всегда даст мудрый совет по важному делу, не терпящему откладывания.

— Конечно, конечно. Хорошо сделали, что пришли,— ответил имам и пригласил гостей в комнату.

Имам действительно оказался умным и серьезным человеком. Он внимательно выслушал пришедших к нему за советом, призадумался и потом сказал:

— Служить народу — долг каждого правоверного мусульманина. А также способствовать делу мира... Вы правильно поступили, решив послать к Асаду Махсуму не военную делегацию, а нас, далеких от войны людей — масте-

ра Али и меня, вашего покорного раба. К тому же мы люди беспристрастные, не связанные с Асадом Махсумом личными враждебными отношениями... Мастер Али, видавший виды, опытный в житейских делах человек, первым начнет разговор и от имени народа предложит прекратить братоубийственную войну... Я же постараюсь воздействовать на него, призывать к миру словами священных писаний.

— Спасибо, глубокоуважаемый имам,— сердечно сказал Карим.— Вы совершенно верно поняли цель нашего похода. Сейчас мы пойдем, а утром сразу после завтрака тронемся в путь.

* * *

Но утром произошли события, задержавшие поход делегации.

Когда взошло солнце, обещавшее ясный день, на фоне безоблачного голубого неба появился аэроплан. «Не худо было бы,— подумал Карим,— если бы с неба сбросили бомбу на лагерь Махсума и припугнули его!..» Но никакой бомбы не сбросили, а с неба полетели на гору пачки разноцветных — белых, синих, красных — листовок. Такие же пачки были сброшены над кишлаком...

Дети и молодые красноармейцы бросились их поднимать и передавать Кариму.

Листовки были адресованы к обманутым воинам Асада Махсума. В обращении, написанном на таджикском и узбекском языках, говорилось, что хотя они и заслуживают наказания, но, если сдадутся добровольно, революционное правительство помилует их...

Когда аэроплан исчез из виду, потонув в бездонном голубом небе, со стороны Бойсуна прискакал отряд всадников во главе с председателем Чека Аминовым. Карим ликовал. Он глубоко уважал товарища Аминова и встретил его с горячим радушием. Аминов отвечал ему тем же. Он приветливо поздоровался со всеми воинами отряда Карима, а позже провел особую беседу с командирами. Узнав о смелом плане Карима, он безоговорочно принял его.

— Но,— сказал он при этом,— не забывайте, что Асад очень хитрый и коварный человек. Он никогда не поверит, что получит снисхождение, если сдастся добровольно. Что

же нужно сделать? Прежде всего, подготовить себе опору среди его же воинов.

— Это уже сделано, товарищ председатель,— сказал Карим.— Среди охранников Махсума — добрый десяток наших сторонников... Они по собственному желанию, добровольно связались с людьми из нашей охраны... Высказывают недовольство своей жизнью в отряде Махсума, хотели бежать к нам... Но мы их упросили еще какое-то время оставаться в отряде Махсума и помогать нам изнутри. Они согласились. С их помощью число сторонников революционного правительства возросло.

— Отлично! — воскликнул Аминов.— Но нужны для успеха в этом деле еще кое-какие меры. Вот я привез бумагу, подписанную членами правительства Бухары, с которой вы ознакомите Махсума. Там говорится, что если он безоговорочно сдастся, то будет помилован, получит работу... А вы сейчас, поднимаясь в гору и проходя мимо постовых, попросите их не препятствовать вашим подняться в лагерь.

— К сожалению, это сделать невозможно,— с огорчением сказал Карим.— Кто знает, кто из наших сторонников будет, и будет ли хоть один, сегодня на посту.

— Вот как! — Аминов помолчал, задумался, потом улыбнулся, видимо вспомнив нечто приятное, и сказал:— Да, конечно, вы правы! Но на всякий случай знайте, что в лагере Махсума есть наши люди... К тому же мы пойдем вслед за вами, и все уладится...

— Простите,— недоуменно сказал Карим,— я не понимаю, как — за нами?..

— Ничего, ничего, поймешь. А пока вооружись белым флагом и иди с твоей делегацией... Я остаюсь здесь до вашего возвращения...

— Спасибо! — сказал Карим и ушел.

На улице его уже поджидали имам и кузнец Али.

11

Тем временем в маленьком домике на горе Ойша и ее мать обсуждали вчерашние события... Ойша сокрушалась о том, что Асад не попал в руки красных воинов из отряда Карима. Конечно, он послал на это опасное дело других, а сам остался в безопасности.

Сожалела Ойша и о том, что красные проявили досад-

ное нетерпение и начали стрелять до того, как весь отряд Махсума спустился вниз... «Ах, как жаль, как жаль! — повторяла она.— Теперь этот тиран не скоро будет снова спускаться...»

— Как бы этот волк в облике человека не придумал еще что-нибудь страшное — вот чего я боюсь! — озабоченно сказала Раджаббиби.

— Что он может теперь сделать? — устало ответила Ойша.— Разве что кинуться с горы в пропасть. Единственную дорогу отсюда сторожат воины Карима. Самое большое, на что он может решиться,— это со всем отрядом броситься вниз, в атаку!

Многоопытная Раджаббиби покачала головой:

— Нет, у него есть еще одна дорога, та, по которой доставляли продукты, снаряжение...

— К счастью, это теперь отпадает,— улыбнулась Ойша.— Воины Карима проследили за доставлявшими продукты, и теперь там расставлены посты красных. Итак, закрыты для изверга все пути! Мой любимый Каримджан разобьет, даст бог, всю шайку Асада Махсума. Но доживем ли мы до этого сладкого мига? Кто знает!

— К чему такие мрачные мысли? Непременно доживем!

— О, если бы твои слова оказались пророческими!

От тяжелых переживаний, от недоедания Ойша очень похудела, со щек сошел румянец, кожа пожелтела... Искрившиеся некогда весельем, радостью жизни глаза теперь потускнели. И все же иногда в них загорались искорки, но это были искорки гнева и жажды мести за поломанную жизнь. Эти же чувства придавали ей силы бороться, преодолевать ощущение безнадежности. В такие минуты мечта повидать еще когда-нибудь Карима, поздравить его с победой не казалась ей такой уж несбыточной, окрыляла ее. Чем острее презирала она себя, считая запятнанной, униженной, тем больше возвеличивала Карима. И снова надежда сменялась презрением. Нет, никогда не будет счастья! Чем заслужила она его? Она, поддавшаяся обману коварного тирана! Да, ей довелось перенести много горя, много слез пролила она... Так и не дождалась она расцвета весны своей жизни!.. Но горе и закалило ее характер, она стала храброй, суровой, даже жестокой, иногда жажда мщения вытесняла все другие чувства из ее сердца. Совместная жизнь с Асадом Махсумом не могла не ока-

зать на нее влияния: мягкая, добросердечная Ойша стала грубоватой, а иногда даже злой... Легко ли молодой женщине расстаться со светлыми мечтами и надеждами юности? Она вдоволь насытилась такой жизнью и готова была умереть... Поэтому ей не страшен был ни Махсум, ни его угрозы.

Все это прекрасно видел и понимал Махсум. Ему порой это даже нравилось, забавляло... Он играл с ней, как кошка с мышкой, радовался, наслаждался ее гневом и злостью. Она одна отвлекала его от мрачных мыслей о грозящем ему поражении. Ойша же ненавидела его все сильнее и яростнее.

— Мамочка,— спрашивала она с тоской,— неужели и на том свете женщина обречена быть вечно рядом со своим первым мужем? Неужели я и там не избавлюсь от этого проклятого?

— Не мучь себя, доченька,— утешала ее мать,— твоим первым мужем был Карим. Если богу неугодно было соединить вас на этом свете, то вы будете принадлежать друг другу на том. А у этого проклятого до тебя не одна жена была.

— Хорошо, что я умею стрелять из пистолета. Не знаю для чего, но этот изверг научил меня... Видно, это его забавляло. А может быть, он еще пожалеет, что научил...— Ойша сверкнула глазами.— Пистолет всегда может пригодиться! Жаль, что у меня только один.

— Зачем тебе оружие, доченька? Что ты задумала? Отгони от себя злого духа и помолись: «Прости, боже, помилуй, боже»... Играть револьверами — мужское дело!

— И женщина должна уметь стрелять. И даже из винтовки! — твердо сказала Ойша.

— Замолчи, замолчи, чтобы уши мои не слышали! Даст бог, и мы избавимся от тирана и без револьверов и винтовок! Нас спасет Карим.

Ойша молчала. Но про себя повторяла, как заклинание: «Довольно, хватит сидеть сложа руки, полагаться лишь на судьбу... Надо действовать!»

— Какая сегодня хорошая погода! — сказала Раджаббиби, отвлекая дочь от разговора о стрельбе.— Давно мы не видели такого яркого солнца. Пойдем посидим во дворе на солнышке.

— Да, мама,— согласилась Ойша, вздыхая.— А где этот изверг?

— Наверное, осматривает местность.

Но в эту же минуту дверь распахнулась и в комнату стремительно вошел Махсум. Мать и дочь переглянулись, как бы спрашивая: откуда взялся этот шайтан? А Махсум приветливо поздоровался и сказал, обращаясь к Раджаббиби.

— Выйдите ненадолго на воздух, полюбуйтесь прекрасной природой этих горных мест... Ведь скоро мы их покинем! Будем жить в городе.

Раджаббиби молчала и не двигалась с места. Махсум повторил свою просьбу — выйти из комнаты, и Раджаббиби вопросительно посмотрела на дочь.

— Идите, мама, подышите свежим воздухом. Только платок повяжите потуже, сегодня прохладно.

— Хорошо, доченька, я пойду... Но буду поблизости...

Обмотав голову и плечи теплой шалью, старуха вышла. А Махсум запер дверь на засов.

Он был крайне раздражен вчерашним поражением. К тому же он узнал, что Закирбай попал в руки красноармейцев и что секретная тропинка, по которой доставлялось продовольствие, раскрыта и там дежурят постовые красных. Единственный путь спасения на случай, если придется бежать, и тот потерян. Положение безвыходное! Теперь остается только сдаться, или умереть с голоду, или быть растерзанным своими же людьми! Да, земля тверда, а небо далеко!.. Как нарочно, именно сегодня с этого проклятого аэроплана были сброшены листовки. И воины уже успели прочитать их.

А там заманчивые обещания: правительство, мол, простит их и даст им свободу, если они сдадутся добровольно. Теперь невозможно будет удержать их. Скоро, скоро они поднимут восстание, схватят его, свяжут крепкой веревкой, отнесут вниз и отдадут пленного на расправу врагам! Что же делать? Что же делать?

Сдаваться по своей доброй воле он ни в коем случае не будет!.. И умирать голодной смертью тоже не станет! А быть взятым в плен своими же воинами — разве не позорно? Лучше проявить мужество и погибнуть, как подобает мужчине, в бою! Есть тут еще у него преданные, верные люди, они не оставят его, пойдут с ним в атаку... Он будет скорее всего убит, но, может быть, прорвется и убежит... Это единственный выход. Да, но бежать — это значит лишиться всего, чем он владеет: денег, жены, власти...

Он уйдет, а жена его, дом достанутся ненавистному Кариму. Карим будет наслаждаться ее красотой, ласками... Воображение у Асада разыгралось... Ну нет, это недопустимо! Он собственными руками убьет ее, отправит на тот свет, постарается довести это до сведения Карима и отправит его туда же. За ней!

С этой целью он и шел к Ойше. Но когда он услышал ее нежный и дрожащий голос, увидел ее большие печальные глаза, так пленившие его когда-то, его сердце, даже его сердце, потеплело... В эту минуту он вспомнил первые встречи с нею. Как он был очарован тогда ее красотой! Он потерял покой, он сходил с ума... Ветерок воспоминаний повеял в его давно ожесточившемся сердце. Да, эта поблекшая, печальная женщина была той самой красивой и гордой Ойшой, с которой связаны его самые страстные и нежные воспоминания. Он, смелый и упрямый воин, стал мягким, как воск, покорным от любви к этой красавице... И это были самые счастливые дни в его жизни! Что знала тогда о жизни эта неопытная, чистая сердцем девушка? Весь мир сошелся тогда на нем одном, на его любви и нежности. Она ему верила.

И вот наступил час, когда тот самый, влюбленный и верный ей Махсум пришел, чтобы своими руками убить свою любимую, свою милую Ойшу! О горе! О, что приносит злая судьба!

— Ойша, дорогая,— заговорил, потупившись, Махсум,— немного книг ты прочла. А вот как пишет поэт — он словно был свидетелем нашей жизни:

О жестокость, от тебя рыдает и стонет небосвод...

Вспомни, Ойша, что ты повернула всю мою жизнь. Из мира дикости и жестокости я ушел в мир поэзии и любви... Я стал твоим верным рабом. А ты была моей верной возлюбленной и сердечным другом моим... По ночам, лежа в моих объятиях, ты рассказывала мне прекрасные предания о любви... Где же эти ночи? Где дни нашего счастья? Что с тобой произошло? Ты стала такой холодной, чужой...

Ойша стояла молча, пораженная его словами. В последнее время он всегда был с ней резок и груб. Она не понимала, что с ним произошло.

— Что же молчишь, дорогая? — снова заговорил Асад, погруженный в сладкие воспоминания.— Где твои преж-

ние ласковые речи, доброта ко мне и нежность? Где твое милое кокетство?

— Ты у себя спроси! — резко ответила Ойша, возмущенная его елейно-сладким тоном.

— Почему у себя? Разве не ты первая отвернулась от меня? Поверила словам чужих людей и стала петь песенку на их лад?

— А кому я должна быть преданной? С кем быть ласковой? Не с тобой ли?

— Да, конечно!

— Знаешь, кто ты? Тиран, лгун и клеветник! Ты солгал, сказав, что любимый и верный мой друг погиб... Я и мама моя были так беззащитны... И ты запутал нас в сетях своего коварства! Из-за тебя моя молодость увяла, так и не раскрывшись...

— Замолчи, хватит! — крикнул в бешенстве Асад Махсум.— Ты вернула меня в реальный мир! Жаль мне, что разрушен мир сладких воспоминаний, очень жаль! А я, доверчивый, увидев твое бледное лицо, вспомнил, каким оно было цветущим, и пожалел тебя. В этот миг я забыл, что ты всегда была змеенышем, а теперь превратилась в настоящую змею!

— Какое счастье, что я не попала в пасть кровожадного дракона, не превратилась в грязь, смешанную с кровью, но сама стала змеей, полной смертоносного яда. Его влил ты в меня, и надеюсь, ты же сам будешь им отравлен!

Кровь яростно забурлила в сердце Махсума, в глазах потемнело, он подавился собственным криком:

— А-а, ты сама призналась! Так готовься к смерти, проклятая!

Асад вытащил браунинг из кобуры, как всегда висевшей у него на поясе, и собрался уже спустить курок, но вдруг раздумал и дико закричал, швырнув револьвер на кровать:

— Нет!

Ойша онемела, не пыталась убежать, да и некуда было, не стала звать на помощь, а, смертельно побледневшая, смотрела своими большими, трагическими глазами прямо в лицо убийце. Она приготовилась к смерти.

— Нет! — еще свирепее закричал Асад.— Не стоит тратить на тебя, собака, пулю! Я тебя задушу вот этими, моими собственными руками! Не мечтай, что после меня ты достанешься Кариму!

Он прорычал это и, как дикий зверь, кинулся к Ойше. Он готов был ее разорвать. Ойша откинулась назад, защищаясь.

В эту минуту из проема в стене, служившего окном, раздался голос слуги Махсума.

— Хозяин, эй, хозяин! — кричал он.— Выходите, поторапливайтесь... От красных пришли делегаты с белым флагом!

— А! — рявкнул, закачавшись от неожиданности, Асад.— Делегаты?

— Да, делегаты. Пришел сам Карим-командир, с ним два старика.

— Пришел Карим, прекрасно,— прошипел Асад.— Когда вы насмотритесь друг на друга, сначала мы его отправим на тот свет, и ты увидишь, как будет подыхать твой любимый друг... А уж вслед за ним подохнешь и ты!..

Изрыгнув эти слова, шатаясь как безумный, Асад вышел из дома.

Ойша, безотчетно, словно действуя во сне, подошла к кровати, схватила револьвер и, подойдя к окну, прицелилась в Асада. Но тут же в комнату вбежала ее мать, бросилась на нее и отвела руку.

— Доченька, родная моя, не делай этого, отгони от себя шайтана! Не то после жалеть будешь... Где уж тебе стрелять! И цели своей не достигнешь, и себя погубишь! А ты еще так молода!

Ойша рыдала, ей было обидно и больно, что мать помешала убить Асада.

— О мама, мамочка моя! — говорила она в отчаянии.— Что вы наделали? Понимаете, что вы наделали!

Асад Махсум принял делегатов на площадке у своего дома, она была хорошо видна из комнаты, и голоса четко доходили до слуха находящихся в ней. Имам, кузнец Али и Карим остановились в нескольких шагах от Махсума. С обеих сторон и за ними выстроились вооруженные воины Махсума и командиры отрядов. Все с волнением ждали, какой оборот примет эта встреча.

— Здравствуйте, господин Махсум,— начал первым говорить имам.

Асад Махсум, смотревший на пришедших исподлобья, молча кивнул головой.

— Мы пришли к вам,— продолжал имам,— как делегация, предлагающая мир. Ради аллаха и его пророков пожалейте и свою душу и души несчастных ваших людей! Они оторваны от своего дома, от семьи... Примите предложение правительства заключить мир!

— Кровопролитная война опротивела всем — старым и молодым,— вступил в разговор кузнец Али.— Мы пришли как посредники между вами и правительством. Примите предложение о мире!

Махсум, по-прежнему хмурый и злой, пробурчал, обращаясь к Кариму:

— А что ты скажешь, ты?!

— Я принес мирный договор, подписанный главой правительства Бухары Турсуном Ходжаевым.— Карим достал из нагрудного кармана лист бумаги, сделал шаг вперед по направлению к Махсуму и протянул ему. При этом он заговорил громче:— В этом мирном договоре сказано, что если сдадитесь добровольно, то правительство простит вам все грехи и ошибки и вы сможете начать новую мирную трудовую жизнь! Это же относится ко всем вашим воинам...

Слушая Карима, стоящие вокруг люди с волнением и надеждой вглядывались в лицо Асада Махсума. Ведь сейчас решалась их судьба!.. Но Асад даже не развернул бумагу, а сразу разорвал ее на мелкие куски, бросил их на землю и закричал:

— Хитри и лги кому-нибудь другому, не мне! Между нами никогда не будет мира.

Воины возмущенно зашумели, заговорили, открыто требовали согласия с предложением правительства. Асад поднял руки, давая понять, что будет говорить.

— Этот человек по имени Карим,— кричал Асад Махсум,— однажды чуть было не исчез с лица земли от моей пули!.. Он предатель... Он мой личный враг! Он оскорбляет меня, посягая на честь моей жены! Не мир ему нужен, а она! Все его хитрости и уловки ради нее... Не верьте ему!

— Стыдно, Махсум! — громко, но сдержанно сказал Карим.— Как вы низко пали!

— А, вот как! — крикнул Махсум, хватаясь по привычке за кобуру, забыв, что она пуста.— Я подлец? Ответ на эти слова даст тебе мой кинжал!

Рывком он выхватил из-за пояса кинжал и, подскочив стремительно к Кариму, готов был уже пронзить его грудь.

И тут из окна дома раздался револьверный выстрел, и кем-то метко пущенная пуля попала в запястье руки, державшей кинжал. Он, сверкнув, упал на землю. Карим, готовый к нападению Махсума, сильным ударом сбил его с ног и бросил на землю. Никто, ни воины Махсума, ни даже его личные слуги не только не пришли ему на помощь, но даже, раздобыв где-то веревку, крепко связали ему руки.

Вдруг снизу раздался гул голосов. Подоспели красноармейцы, окружившие площадку. Карим поднял Махсума, поставил на ноги и распорядился, чтобы ему перевязали рану. Затем он отдал рапорт Аминову, приведшему красноармейцев:

— Товарищ председатель Чека Бухары! Задание, порученное правительством нашему добровольческому отряду, выполнено. Предатель Асад Махсум пойман, воины его сложили оружие и сдались!

— Молодец, молодцы, товарищи и дорогие мои друзья! — сказал Аминов.— Вы принесли бухарскому народу свободу, мир и спокойствие, вы заслуживаете благодарности и почета! А всех тех из отрядов Махсума, кто сдался и сложил оружие, правительство Бухары прощает и дает им возможность начать мирную трудовую жизнь. Государственный преступник и враг народа Асад Махсум предстанет перед верховным революционным судом и получит достойное его преступлений наказание!

— Ну, уж нет! — в бешенстве воскликнул Асад.— Ищите ветра в поле!

Одним прыжком он рванулся вперед, сбив при этом с ног несколько человек, подскочил к краю пропасти, в которую сбрасывал неугодных ему людей, и с душераздирающим криком кинулся вниз...

Так бесславно покончил с жизнью предатель и враг народа Асад Махсум!

70 коп.

Джалол Икрами
ПОВЕРЖЕННЫЙ